

C-60

70-16

ПРОВЕРЕНО
1946 г.

Проверено 1953 г.

Р. о. тисс. 67^Т / 3

<36630698360010

S

<36630698360010

Bayer. Staatsbibliothek

E

ПРОБЕРКА
1950

THE
LIBRARY
OF THE
MUSEUM OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AT HARVARD UNIVERSITY
CAMBRIDGE, MASS.

1907

СОЧИНЕНІЯ

5629.

ГРАФА

В. А. СОЛЛОГУБА.

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА.

356

РИЕНПРОД

ЛРФФ В. А. СОТТОЛАВ.

1937.

✓
с 60

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

В. А. СОЛЛОГУБА.

~~5022/2~~
ТОМЪ III.

70746

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ПРИДВОРНАГО КНИГОПРОДАВЦА

А. СМЕРДИНА (СЫНА).

1856.

79/68/128

Каталог

К-49

(Sollegub)

✓
949

АФАТ

В.А.СОЛЛЕГУБ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 17 іюня 1855 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

С. П. Б.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

НАДАНІЕ ПРЕДВОДИМО ЛИБРОПРОДВІЖЕНІЮ

В. СМІЛЬНИЦА (снѣд.)

1855

Въ типографіи Юліуса Штауфа.

Юліусъ Штауфъ

СИМБИРСКИЙ ТЕАТРЪ.

За Петербургомъ есть довольно-обширное пространство земли, именуемое Россіей. Это пространство раздѣляется на значительное количество губерній; въ каждой губерніи находится по одному губернскому городу. Въ числѣ губернскихъ городовъ, городъ Симбирскъ отличается своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, но вмѣстѣ и некрасивостью своихъ зданій. Нѣкоторые петербургскіе жители, исключительно ограничивающіе свою жизненную дѣятельность однимъ Петербургомъ, не знаютъ, можетъ-быть, этихъ подробностей, и потому, по правиламъ строгой послѣдовательности, я объясняю сперва о существованіи города Симбирска, а потомъ и расскажу, пожалуй, какъ въ одно прекрасное утро я пріѣхалъ въ Симбирскъ.

Я пріѣхалъ въ Симбирскъ—да будетъ вамъ извѣстно, не въ первый разъ, и потому съ пріятнымъ удивленіемъ замѣтилъ на улицахъ двойную кайму дощатыхъ троттуаровъ—роскошь, до того времени въ Симбирскѣ небывалую. Прежде симбирскій годъ простодушно раздѣлялся на двѣ отдѣльныя эпохи: на эпоху грязи и на эпоху пыли. Полгода симбирскіе жители тонули въ различныхъ грязяхъ, отнюдь нецѣлительныхъ, а полгода протирали глаза, засоренные летучими песчинками. Теперь троттуары благодѣтельно охраняютъ симбирское здоровье и симбирскую обувь, и, кромѣ того, учрежденіе на улицахъ

шоссе, какъ пріятная мечта, улыбается въ будущемъ городскимъ обывателямъ и обѣщаетъ имъ совершенное уничтоженіе главныхъ неудобствъ ихъ мирнаго существованія. Однако мѣра эта только начала приводиться въ исполненіе, и потому я пріѣхалъ въ Симбирскъ еще въ самый разгулъ пыльной эпохи. Пріѣхавъ, я тотчасъ пошелъ шагать по троттуарамъ и вцѣпился въ перваго знакомаго человѣка, котораго могъ распознать подъ сѣроватымъ слоємъ, облѣпившимъ его съ ногъ до головы. Мы, какъ водится, другъ другу обрадовались. Онъ сталъ меня спрашивать, что у насъ новаго, въ Петербургѣ; я сталъ у него спрашивать, что у нихъ стараго, въ Симбирскѣ? гдѣ мои старые знакомые и пріатели? потому-что, будь сказано между нами, симбирскіе пріатели едва-ли не понадежнѣе петербургскихъ. Отвѣты получилъ я довольно-неудовлетворительные: иные въ деревнѣ, другіе за границей, третьи переѣхали за такую границу, изъ-за которой и возврата не бываетъ. Все это было довольно-грустно.

—Ну, какъ же вы поживаете? спросилъ я.

—Да четыре дня въ недѣлю въ клубъ—и что за клубъ, еслибъ вы знали! Въ Петербургѣ нѣтъ такого клуба, разумѣется, кромѣ Дворянскаго Собранія.

—Ну, а остальное время?

—Остальное время у кого-нибудь изъ насъ собираемся...

—И что жь?

—Извѣстное дѣло: козыряемъ.

При этомъ словѣ мой собесѣдникъ громко засмѣялся.

— Въ преферансъ, замѣтилъ я.

— Да въ какой преферансъ! съ котломъ, съ оборотнымъ приглашеніемъ и съ консоляціями. Представьте, какой я вчера ремизъ поставилъ. Тузъ, король самъ-пять червей; тузъ, дама...

— Это что такое, прервалъ я его, указывая на неизвѣстное мнѣ строеніе, появившееся въ концѣ широкой улицы, посреди которой предположено сдѣлать современемъ бульваръ.

— Это? сказалъ онъ. — Это нашъ театръ. Его недавно выстроилъ кондитеръ. Порядочное зданьеце.

Зданіе, дѣйствительно, весьма порядочное, деревянное, съ лицевой стороны обшито тѣсомъ и къ тому же украшенное навѣсомъ для въѣзда экипажей.

— И актёры есть? спросилъ я.

— Какъ же, теперь есть. Изъ Саратова пріѣхали.

— И часто играютъ?

— Почти каждый день. Я, впрочемъ, не бываю.

— Плоховаты, видно.

— Разумѣется, дрянъ.

— И смотрѣть не стоитъ?

— Помилуйте, какъ можно, особенно вамъ, послѣ Петербурга! Кстати, хотите я запишу васъ сегодня вечеромъ въ клубъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Мы разстались. Вечеромъ я былъ въ клубѣ, игралъ по 10 коп. въ преферансъ, выигралъ три съ полтиной и ушелъ съ головной болью спать къ одному знакомому, потому-что, за неимѣніемъ возможной гостиницы, въ Симбирскѣ еще сохраняется священное преданіе гостепріимства.

Не стану описывать здѣсь симбирской жизни, сосредоточившей съ нѣкотораго времени все свое свободное время въ любимомъ клубѣ или Благородномъ Собраніи, которое убранствомъ своимъ, великолѣпной залой и общественнымъ тономъ дѣйствительно заслуживаетъ всякой похвалы. Не стану описывать быстрого развитія просвѣщенія въ нашихъ краяхъ. Не объ этой великолѣпной драмѣ на необозримомъ театрѣ нашей родины взялся говорить я сегодня, а о томъ смиренномъ театрѣ, который въ концѣ широкой улицы, ожидающей бульвара, смиренно приглашаетъ посѣтителей. Часто проходилъ я мимо него, и всякій разъ мнѣ казалось, что онъ изъ-подъ навѣса, какъ исподлобья, поглядывалъ на меня съ какимъ-то тайнымъ упрекомъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ было мнѣ—что они тамъ себѣ ни говори и ни печатай—все-таки русскому литератору, отвернуться хладнокровно и презрительно отъ «храма музъ», сооруженнаго кондитеромъ посреди приволжскихъ степей? Не долгъ ли мой былъ взглянуть, какъ процвѣтаетъ искусство на той плодотворной нивѣ, которая такъ обильно даритъ насъ пшеницей? И наконецъ, не святая ли обязанность всякаго художника протянуть руку товарищамъ своимъ, на какомъ бы театрѣ и въ какой бы труппѣ они ни были? Признаюсь чистосердечно: всѣ эти прекрасныя разсужденія пришли мнѣ на мысль ровно три мѣсяца послѣ прибытія моего въ Симбирскъ—такъ упряма бываетъ наша природа къ воспріятію началъ истины и справедливости. Къ тому же, если говорить всю правду, погода становилась нестерпимая: на ули-

цѣ шелъ осенній снѣгъ, дулъ низовый вѣтеръ. Эпоха грязи рѣшительно наступала. Томимый тяжкимъ угрызеніемъ совѣсти, я отправился въ театръ и подалъ Аполлону цѣлковый рубль, въ дань своего раскаянія. Аполлонъ, принявшій на этотъ разъ черты стараго кассира, взглянулъ на меня съ тѣмъ удивленіемъ, которымъ вообще удостоиваютъ въ провинціи незнакомыхъ людей, и подалъ мнѣ на выборъ цѣлую груду билетовъ, изъ чего и заключилъ я, весьма основательно, что сборъ долженъ быть незначителенъ. Я вошелъ въ залу. Театръ не великъ, но выстроенъ умно; два ряда ложъ, партеръ, мѣста за креслами—все это чистенько. Видно, кондитеръ мастеръ своего дѣла. Въ партерѣ сидѣло два человѣка въ шубахъ; въ мѣстахъ за креслами терпѣливо дожидался татаринъ; кромѣ того, кое-гдѣ нестрѣли еще двѣ или три дамы, съ накинутыми на голову платками. Нѣсколько тусклыхъ лампъ сонно освѣщали эту новую степь, воздвигнутую посреди симбирской степи. Въ оркестрѣ дремало человѣкъ пять музыкантовъ, при слабомъ мерцаніи нагорѣвшихъ сальныхъ огарковъ. На душу ложилось какое-то непріязненное чувство бѣдности, грусти и пустоты. Сердце мое сжалось; я искренно пожелалъ, чтобъ актёры были изъ рукъ вонъ плохи.

Въ это время капельмейстеръ снялъ со свѣчей и подалъ знакъ: скрипка взвизгнула, альтъ ошибся, віолончель опоздалъ. Это обозначало аккордъ. Я былъ очень доволенъ, но, не знаю почему, мнѣ смѣяться не хотѣлось; оркестръ, прихрамывая на всѣ пять инструментовъ, продолжалъ такимъ образомъ какую-то

непостижимую симфонію, отъ которой у Бетговена вѣрно бы сдѣлалась горячка. Лучше и быть не должно, думалъ я. Поднялся занавѣсъ и громкій здоровый голосъ суфлёра началъ потрясать своды театра. Я былъ въ восхищеніи.

Но тутъ восхищенію моему скоро былъ конецъ. Первую пьесу съиграли порядочно. Мнѣ стало совѣстно; мнѣ хотѣлось-было остановить актёровъ, попросить ихъ не церемониться, не терять напрасно голоса и времени, а сказать что-нибудь, что имъ угодно, на скорую руку, да и отпустить насъ съ миромъ по домамъ. Не тутъ-то было. За первой пьесой послѣдовалъ водевиль, передѣланный, кажется, съ французскаго, подъ заглавіемъ «Зятюшка». Вообразите мой ужасъ, мое отчаяніе! Его съиграли не то что посредственно, не то что порядочно; его съиграли превосходно; его съиграли такъ, какъ развѣ играютъ въ Александринскомъ Театрѣ, въ бенефисный день, ког да зала трещитъ подъ зрителями, а кассиръ начинаетъ ужь отвѣчать неохотно на напрасныя требованія билетовъ. Въ пьесѣ участвовали четыре лица, и всѣ играли не только удовлетворительно, но замѣчательно-хорошо. Въ особенности актриса, исполнявшая роль тѣщи, поразила меня естественностью и свободой своихъ движеній, благородствомъ голоса, что для русской актрисы не мало важно, и глубокимъ комизмомъ, живо напоминавшимъ мнѣ нашу незабвенную m-me Gras. Я схватилъ афишку и отыскалъ имя г-жи *Ершовой*. Слыхали ли вы, читатель, когда-нибудь про г-жу *Ершову*? Я по-крайней-мѣрѣ, грѣшный человѣкъ, и не подозрѣвалъ ея существо-

ванія. Г-жа *Ершова* женщина не молодая, не велика ростомъ, наружности, не смѣю сказать комической (во-первыхъ, изъ уваженія къ прекрасному полу, во-вторыхъ, потому, что обвиненіе мое было бы несправедливо), но наружности, возбуждающей то веселое расположеніе духа, которое внушаютъ появленія *Арналя*, *m-le Flore*, *Щепкина* или *Мартынова*. Взглядъ г-жи *Ершовой* остроуменъ, какъ взглядъ всякаго дарованья. Лицо ея передаетъ всѣ малѣйшіе оттѣнки, невыразимые въ словахъ. Она не говоритъ то, что играетъ, а играетъ то, что говоритъ. На петербургской сценѣ для ея ролей нѣтъ рѣшительно никого, и признаюсь, грустно мнѣ было видѣть такое блестящее дарованіе въ темномъ сараѣ, гдѣ судьями сидѣли двѣ шубы, татаринъ да я, зашедшій случайно въ театръ.

Надо по всей справедливости прибавить, что г-жѣ *Ершовой* усердно содѣйствовали двое молодыхъ актеровъ, г-нъ *Михайловъ* и г-нъ *Зальскій*. У обоихъ есть неподдѣльное призваніе; но скажите, ради Бога, какое призваніе можетъ окрѣпнуть и развиться предъ этимъ мертвящимъ равнодушіемъ публики? И зачѣмъ имъ трудиться, съ какою цѣлью? Что у нихъ впереди и чѣмъ живутъ они? и что такое театръ въ провинціи? Есть ли у него какое-нибудь значеніе и кому онъ нуженъ, скажите изъ милости.

Я невольно взглянулъ на шубы. Енотъ задѣлъ меня рукавомъ, извинился и завязалъ разговоръ.

—Вы недавно, кажется, изволили пріѣхать?

—Нѣтъ, около ужъ трехъ мѣсяцевъ.

—Какъ вамъ нравится нашъ театръ?

—Да очень нравится, слишкомъ нравится. Я рѣшительно не понимаю, отчего такъ мало посѣтителей.

—Холеры боятся, отвѣчала молчаливая дотолѣшуба, съ явнымъ желаніемъ оправдать своихъ согражданъ передъ чужимъ человѣкомъ.

—Нѣтъ, сказала, вздохнувъ, первая шуба:—главная у насъ холера—карты, вторая у насъ холера—лѣнь, третья холера не что иное, какъ совершенное отсутствіе въ насъ драматической стихіи и, слѣдовательно, совершенное равнодушіе къ драматическому искусству.

—Помилуйте! воскликнулъ я:—да это страшное обвиненіе. Повторите пожалуйста. Вы говорите, что въ нашей жизни нѣтъ драматическаго элемента.

—Такъ точно!

—Вы говорите обо всемъ русскомъ народѣ?

—Такъ точно!

—Безъ исключенія?

—Безъ всякаго исключенія?

—Такъ позвольте же васъ остановить съ перваго слова: развѣ вы не знаете, что въ русскомъ народѣ есть два народа: одинъ бритый, а другой небритый; одинъ ходитъ во фракъ, а другой въ зипунъ; одинъ гибнетъ отъ запада, а другой сохраняетъ неприкосновенную народность.

Шуба нетерпѣливо пожала своимъ мѣховымъ воротникомъ.

—Всѣ эти подраздѣленія, продолжала она:—ничего не доказываютъ. Въ каждомъ народѣ вы видите

особый, свойственный его физиономіи типъ, или, если вамъ угодно, первообразъ. То же самое найдете вы и въ психологическомъ отношеніи, какъ потрудитесь только отбросить все, что зависитъ отъ наружныхъ привычекъ, отъ образа жизни и условій достатка. Повѣрьте, русскій баринъ гораздо ближе къ русскому мужику, чѣмъ къ иностранному аристократу. Франтъ, весело проматывающій имѣніе за границей, мужикъ, пропивающій шапку въ кабацѣ, дѣйствуютъ по одному началу. Въ каждомъ народѣ, или въ каждомъ человѣкѣ два начала: начало чувственное, начало духовное. Начнемъ съ темной стороны и будемъ говорить правду, Что омрачаетъ нашъ народный характеръ? Что порождается въ насъ чувственностью? — безпечность, лѣнь, пьянство, корысть посреди расточительности, карты, лихоимство и воровство. Всѣ эти грустные свойства болѣе или менѣе отражаются во всѣхъ слояхъ нашего общества. Такъ, на примѣръ, вы часто видите, что богачъ утопаетъ въ долгахъ, купецъ обмѣриваетъ въ лавкѣ, чиновникъ продаетъ совѣсть; мужикъ рубить чужой лѣсъ. Всѣ родные братья въ разныхъ нарядахъ. Въ другихъ народахъ безнравственность ведетъ къ чувственности; у насъ безпечная чувственность ведетъ иногда къ безнравственности. Самая же безнравственность — стихія для насъ чуждая, и этимъ мы обязаны нашему святому духовному началу. Въ немъ наша сила и крѣпость, въ немъ наша твердая, непоколебимая вѣра, безъ которой нѣтъ благодати. Отъ него наша храбрость, наша веселость, наша щедрость и широкій размѣръ русской отваги, и здоро-

вый умъ нашъ, сметливый, рѣзкій и, слѣдовательно, слегка насмѣшливый. Эти свойства, или зачатокъ этихъ свойствъ, вы найдете почти въ каждомъ русскомъ, какъ бы онъ ни былъ одѣтъ и какою кличкой бы ни назывался. Не вѣрьте, ради Бога тѣмъ, которые станутъ вамъ говорить, что мы распались на части, что русскій народъ раздѣлился на славянъ, нѣмцевъ, французовъ и многія еще небывалыя племена. Мы, какъ во времена оныя, все тѣ же рускіе — и слава Богу! Иной и слова роднаго не знаетъ сказать правильно, а по складу ума своего, природнымъ привычкамъ и душевнымъ потребностямъ, такой же россиянинъ, какъ любой симбирскій помѣщикъ, вѣкъ невыползавшій изъ своей берлоги. «Поскоблите русскаго (говорилъ Наполеонъ), вы найдете татарина». По-моему, и скоблить нѣчего: русскій въ степи, русскій въ Лондонѣ—все тотъ же русскій; русскій за сохой, русскій за перомъ, русскій въ французской кадрилѣ—все тотъ же русскій. Называйте это силой породы, или народнымъ характеромъ, или, наконецъ, народностью—какъ вамъ угодно, но, по моему убѣжденію, о тождествѣ и духовномъ единствѣ всѣхъ различно-наряженныхъ нашихъ сословій и говорить нечего.

—Ну, положимъ, замѣтилъ я:—что вы нѣкоторымъ образомъ и правы. Да чтó жь этимъ доказывается?

—Этимъ ничего не доказывается, а опровергается только мнѣніе ваше относительно раздробленія нашей народности. Теперь мнѣ остается доказать, что въ этой сплошной народности ощущается недостатокъ драматизма— не такъ ли?

—Такъ точно. Объясните же, пожалуйста, любопытно послушать.

Шуба высморкалась и начала довольно-важнымъ тономъ:

—Начнемъ съ языка. Что поражаетъ васъ въ русскомъ языкѣ?—обиліе буквъ, обиліе звуковъ, неимовѣрная полнота, роскошная картинность, т. е. описательность, въ самомъ механизмѣ слова — не такъ ли? Отъ буквъ перейдемъ къ складу рѣчи: та же картинность, то же звукоподраженіе — не правда ли? — Безпрерывные синонимы, безпрерывныя прилагательныя, уменьшительныя, увеличительныя. Все это невольно приводитъ къ тому скромному ряду картинъ, живыхъ и граціозныхъ, которыя чаруютъ насъ въ нашей народной поэзіи, въ преданіяхъ и пѣсняхъ нашего народа. Въ этихъ безсомнѣнно-лучшихъ произведеніяхъ нашего роднаго генія выражается не борьба, не страсть—нѣтъ, отъ нихъ такъ и вѣетъ тихимъ спокойствіемъ, теплымъ чувствомъ вѣры и покорности. Въ нихъ вполне выражается начало семейное. Семья, община, монархія — вотъ основа нашего политическаго образованія. Вы, надѣюсь, въ этомъ не сомнѣваетесь.

—Сохрани меня Богъ! воскликнулъ я.

—Очень хорошо. При такихъ понятіяхъ личность, разумѣется, исчезаетъ. Съ личностью исчезаютъ борьба, требованіе, страсть, однимъ словомъ, драма. Начало семейное обнаруживаетъ, несомнѣнно, чувство долга, чувство обязанности, чувство безусловной покорности жизни и Провидѣнію. Свѣтлая, прекрасная сторона русской народности! Она не тре-

возна, не драматична, какъ понятіе о личномъ домогательствѣ, вѣчно требующемъ прогресса, въ тѣсныхъ условіяхъ человѣческой силы. Она отражаетъ вѣру въ самой жизни, и уже одной покорностью владычествуетъ и торжествуетъ надъ людскою гордыней. Признаюсь вамъ, въ нашей мнимой бѣдности я вижу источникъ неисчерпаемаго богатства. Въ недостаткѣ драматизма и заключается, можетъ-быть, тайна настоящаго величія русскаго народа, залогъ его высокаго, несомнѣннаго призванія.

— А литература? замѣтилъ я едва-внятнымъ голосомъ:—а искусство?

— Литература можетъ и у насъ процвѣтать, въ особенности если мы обратимся къ возможнымъ источникамъ, къ родникамъ отечественнымъ. Да и что такое литература вездѣ? — слабый отголосокъ народнаго голоса, иногда даже просто звукъ фальшивый и ненужный въ стройномъ концертѣ. Извините... вы тоже, кажется, литераторъ?

— Не знаю, право; да вы этимъ не смущайтесь.

— Наша, или, лучше сказать, ваша литература только можетъ подтвердить мои слова. Въ ней нѣтъ ни рѣзкаго вымысла, ни новаго художественнаго созданія—вотъ вамъ лучшее доказательство, что народность воплощается въ жизни. Мой мужикъ цѣлые сутки, говоритъ у меня староста, а все дѣгтемъ пахнетъ. Ужъ вы ли, скажите, не кидались во всѣ стороны? Ужъ вы ли не перелаживали чужія погудки на свой ладъ? Вы доходили до высокаго лиризма, вы щеголяли вкусомъ и формой, наконецъ вы дошли до неимовѣрной вѣрности, до описательной

дагерротипности. Вы все подмѣтили, все списали мѣтко, ловко, умно, насмѣшливо, иногда даже съ горячимъ чувствомъ, съ свѣтлой восторженностью; но вы ничего не выдумали, ничего не изобрѣли. У насъ преобладаетъ наглядность — слѣдствіе нашего спокойствія, и нѣтъ вымысла, плода тревоги. У насъ могутъ быть отличные актёры, чему вы и ныне видите примѣръ, но не будетъ самобытной драмы — и слава Богу! Наша словесность, наше слово выше личности, выше страсти, выше драмы. Когда народы устанутъ отъ борьбы и драмы, они обратятся къ намъ. И наше слово — слово народное, слово знаменательное, будетъ словомъ примиренья. Итакъ утѣшьте, что водевили наши скучны, что въ театрѣ никого нѣтъ. Въ Петербургѣ посѣщаютъ театръ отъ лишняго времени, отъ лишнихъ денегъ, да изъ любопытства, да изъ моды. Въ Москвѣ театръ почти всегда пустъ. Въ провинціи — вы сами видите. Меня это ни мало не удивляетъ, потому что театръ не соотвѣтствуетъ никакому изъ нашихъ духовныхъ требованій. Совсѣмъ тѣмъ г-жа *Ершова* женщина съ большимъ дарованіемъ, и жаль, что ее не цѣнятъ по достоинству. Однако пора, кажется, и по домамъ.

Дѣйствительно, послѣдняя пьеса кончилась. Татарины мирно спалъ на скамейкѣ. Дамы, съ накинутыми на голову платками, исчезли. Капельмейстеръ надѣлъ бережно что-то похожее на тулупъ, погасилъ сальные огарки, понюхалъ табаку и вышелъ. Мы безмолвно за ними послѣдовали.

ЧЕРТЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.

1847 ГОДА.

I.

МАСКАРАДЪ ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

(Литературный блинъ).

Теперь, когда Петербургъ веселится съ утра до вечера и съ вечера до утра, когда все гуляетъ и катается, когда блинамъ нѣтъ счета и маскарадамъ нѣтъ конца—слово веселое, рассказъ шуточный, кажется, во-время и къ мѣсту.

Впрочемъ, не читайте, пожалуй, если вамъ недосугъ, если вы званы на блинный завтракъ или на длинный обѣдъ, въ особенности, если вы надѣетесь встрѣтить кого-нибудь задушевнаго—что вамъ до печатнаго мертваго вздора, когда вы заняты живымъ, прелестнымъ вздоромъ? Ступайте-себѣ куда сердце глядитъ и не думайте о насъ, бѣдныхъ, принявшихъ на себя нелѣгкую обязанность: подчивать васъ во всякое время фельетонными блинами.

А мы расскажемъ пока, не оттого, чтобъ рассказывать хотѣлось, а оттого, что рассказывать надо, одинъ маскарадный случай, довольно-забавный и въ то же время довольно-грустный. Забавенъ онъ потому, что дѣло идетъ о носѣ, въ которомъ, неизвѣстно по-

чему, есть всегда что-то смѣшное, грустенъ потому, что онъ сопряженъ съ великолѣпной глупостью, а во всякой глупости, какъ вамъ извѣстно, есть что-то трогательное, обидное и безотрадное.

Этотъ случай, прошу думать, былъ не съ нами, писавшими эти строки, а съ однимъ изъ нашихъ литературныхъ товарищей, котораго никто здѣсь не узнаетъ. Почему же не узнаетъ, то объяснится въ концѣ нашего разсказа. Товарищъ нашъ, промышляющій обыкновенно прозой, но падкій, однакожь, и на стихи, человѣкъ неглупый, довольно-мечтательный, добрый малый, съ славянскимъ воображеніемъ, недоходящимъ до драматической силы, но достигающимъ нѣкоторой угарной теплоты. Учился онъ довольно-плохо и потому, можетъ-быть, сдѣлался поэтомъ, и, что хуже—присяжнымъ литераторомъ, и что еще хуже—критикомъ. Зовутъ его Максимъ Ивановичъ. Наружность его порядочная. Одѣтъ онъ всегда въ черное, вѣроятно, въ ознаменованіе того, что мы привыкли держать литературу въ черномъ тѣлѣ. Наклонности Максима Ивановича довольно-аристократическія, хотя онъ не сознается въ томъ; но намъ съ достовѣрностью извѣстно, что онъ не безъ душевнаго волненія смотритъ въ театръ на первый рядъ ложъ, гдѣ такъ пышно красуются оживленные цвѣты нашего дамскаго разсадника.

Мы даже замѣтили, что въ одной ложѣ особенно всегда привлекаетъ вниманіе Максима Ивановича извѣстная петербургская красавица, высокая, стройная съ черкесскимъ профилемъ, княгиня по званію, совершенство по красотѣ. Максимъ Ивановичъ съ ней незнакомъ, но частенько и съ чувствомъ погля-

ИНСТИТУТЪ
70746

дываетъ на ея ложу, да и золотой лорнетъ княгини нерѣдко останавливается на Максимѣ Ивановичѣ, вѣроятно, изъ невиннаго любопытства посмотрѣть, что за звѣрь русскій поэтъ, а, можетъ быть, и такъ-себѣ, невзначай. Въ этихъ случаяхъ Максимъ Ивановичъ принимаетъ видъ задумчивый и восторженный, а княгиня смотритъ тотчасъ равнодушно въ другую сторону.

Впрочемъ, въ сочиненіяхъ своихъ Максимъ Ивановичъ немилосердо казнить современные нравы, очень краснорѣчиво говорить о пустотѣ большого свѣта, ему неизвѣстнаго, и прокликаетъ безчувственность свѣтскихъ дамъ, съ которыми смертельно хотѣлъ бы познакомиться.

Вы, вѣрно, желали бы узнать, кто именно этотъ Максимъ Ивановичъ, кто именно эта княгиня. Извольте... но нѣтъ, ничего не скажу обстоятельнѣе, а если вы догадливы, то изъ заключенія анекдота вы поймете, почему я ограничился одними намеками.

Въ первомъ маскарадѣ нынѣшняго года Максимъ Ивановичъ скучалъ, по общему обыкновенію. Нѣсколько незавидныхъ домино, съ брильянтами на головѣ, атаковали его мимоходомъ безсмысленными привѣтствіями и вопросами о здоровьѣ. Нѣкоторые спросили его даже вѣжливо, не подаритъ ли онъ скоро публику новымъ произведеніемъ своего пера. Максимъ Ивановичъ отвернулся къ нимъ спиной и, взявъ одного журналиста за руку, принесъ ему горькую жалобу на то, что печатать статьи въ газетахъ бѣдовое дѣло: наборщики набираютъ опечатки. Журналистъ отвѣчалъ, что виноваты сами авторы, слыш-

12505

комъ поздно присылающіе оригиналь и не провѣривающіе исправно корректуры, что за ними не угоишься, а газета вещь срочная, на томъ и держится, какъ блинъ должна быть тутъ. На это Максимъ Ивановичъ хотѣлъ еще что-то отвѣчать, но разговоръ былъ прерванъ миловиднымъ появленіемъ граціозной и щегольской маски, которая, коснувшись букетомъ руки Максима Ивановича, увлекла обрадованнаго литератора въ ряды кочующихъ маскарадныхъ паръ.

—Мнѣ давно хотѣлось съ тобой познакомиться, сказала маска мягкимъ, металлическимъ голосомъ.

—И мнѣ тоже, отвѣчалъ довольно удачно Максимъ Ивановичъ.

—Какъ, тебѣ? да ты не знаешь кто я...

—Все равно... Я чувствую, что ты хороша, я вижу, что ты граціозна, я надѣюсь, что ты умна. Вотъ почему мнѣ такъ давно хотѣлось съ тобой познакомиться.

Маска разсмѣялась. Видно было, что выходка Максима Ивановича ей понравилась.

—А если вы ошибаетесь, сказала она.—Если я дурна какъ смертный грѣхъ?..

—Во-первыхъ, это неправда, прервалъ Максимъ Ивановичъ.—А если бы и въ самомъ дѣлѣ, такъ что жъ? Нѣтъ женщины, которая не имѣла бы своей красоты. Мы, люди эксцентричные, тѣмъ хороши, что не любимъ ничего условнаго и находимъ прелесть именно тамъ, гдѣ прочіе люди ничего не замѣчаютъ.

—Такъ вы могли бы любить женщину съ отвратительнымъ лицомъ?

—Женщинъ съ отвратительнымъ лицомъ я не видывалъ и не вѣрю, чтобъ такія быть могли. Нахожу даже, что въ женщинѣ, обиженной природою, есть что-то возбуждающее участіе и трогательное, а въ гордой самонадѣянности красавицы—что-то досадное и даже неучтивое.

—И къ тому же, замѣтила маска:—красота проходитъ скоро, а безобразіе никогда. Напротивъ того, красота уменьшается, а безобразіе увеличивается, что гораздо вѣрнѣе.

—Смѣйся пожалуй. Посмѣемся вмѣстѣ, а я все-таки останусь правъ. Зачѣмъ любить красавицу, которая и безъ того избалована природою и людьми, которая слишкомъ собой довольна, чтобъ имѣть время пожалѣть о комъ-нибудь, которая, наконецъ, всегда будетъ взыскательна, потому-что не найдетъ подобнаго себѣ? Нѣтъ. Въ любви я предполагаю равенство. Я не хочу любить женщины, недорожающей моею привязанностью. Я не хочу насмѣшки и презрѣнія за всю мою душевную преданность. Я самъ гордъ, хотя не избалованъ судьбой. Я самъ богатъ, хотя только одними душевными не казистыми сокровищами. Я одинокъ, неловокъ, дурень... но я могу любить такъ, какъ ни одинъ изъ этихъ распомаженныхъ щеголей.

—Право? сказала съ нѣкоторымъ волненіемъ маска.—Сядемте. Я устала.

Они сѣли. Разговоръ продолжался.

Они говорили, разумѣется, о любви, о томъ, что въ Петербургѣ не умѣютъ любить, не привыкли любить, нельзя любить. Маска вполне раздѣляла это

миѣніе и, отъ разсѣянности, вѣроятно, оставила свою крошечную ручку въ широкой рукѣ литератора. Максимъ Ивановичъ съ чувствомъ продолжалъ свою благородную защиту женскаго безобразія, но въ то же время глядѣлъ съ наслажденіемъ на узенькую ножку, на тростниковую талію, на чудный складъ своей собесѣдницы. Нескромнымъ взоромъ онъ проникъ даже за несносную маску и увидѣлъ — счастливый человѣкъ! — за черной, кружевной оборкой, розовый подбородокъ, коралловые уста и рядъ сверкающихъ жемчужинъ. Литераторъ воспламенился не на шутку и понесъ страшный вздоръ; но этотъ вздоръ именно потому и понравился, что былъ вздоромъ, то есть невольной данью признаннаго ума сокрушительному вліянію женской власти. Максимъ Ивановичъ заговорилъ о какихъ-то звѣздахъ, о какихъ-то лучахъ, о какомъ-то невольномъ родствѣ и повторилъ съ смущеніемъ всѣ извѣстныя метафоры мечтательныхъ школьниковъ. Къ оправданію его надо присовокупить, что онъ чувствовалъ, что всѣ слова его выходили неловки и грубы; но, привыкнувъ играть словами и не уважать слова, онъ не находилъ выраженій, могущихъ передать то, что чувствовалъ въ-самомъ-дѣлѣ въ эту минуту. Онъ внутренно бѣсился, мѣшался, робѣлъ и проклиналъ свое тупоуміе, неизобрѣтающее внезапно ничего новаго, ничего оригинальнаго, ничего эффектнаго. Но чѣмъ болѣе онъ завирался, тѣмъ съ бѣльшимъ вниманіемъ слушала его маска. Быть-можетъ, лихорадочные порывы истиннаго волненія задѣвали ея любопытство; быть-можетъ, она находила въ отрывистой

рѣчи поэта что-то сходное съ своей вѣчно-непонятой и вѣчно-стѣсненной судьбой.

—Прощайте, сказала она вдругъ. —Вы странный человѣкъ! Въ будущемъ маскарадѣ мы увидимся. А теперь пора ѣхать: пріятельница моя меня дожидается. Прощайте!

—Какъ, не-уже-ли вы ужь ѣдете? печально сказалъ литераторъ. — И я не узнаю васъ? не увижу васъ?

—Я вамъ сказала, что я дурна.

—Все-равно... я хотѣлъ бы только узнать, какія черты я долженъ носить въ душѣ? кому я долженъ сохранить любовь и благодарность за лучшія, можетъ-быть, минуты, которыя я провелъ въ жизни.

Маска протянула ему руку.

—До будущаго маскарада, сказала она и, въ сопровожденіи безмолвной пріятельницы, нespѣшно скрылась въ корридорахъ Большаго Театра.

Максимъ Ивановичъ задумчиво отправился домой. Онъ провелъ цѣлую недѣлю въ какомъ-то радостномъ безпокойствѣ. Литература собственнаго издѣлія надоѣла ему до невѣроятія. Какъ ни принимался онъ писать стансы и октавы къ ней, къ незнакомой, къ тремъ звѣздочкамъ, къ черному домино—все выходило изъ рукъ вонъ плохо. Онъ бросилъ перо и схватился за книгу, разумѣется, за «Новую Элоизу», заэтотъ чудный романъ, въ которомъ такъ энергически выражается вся исторія человѣческаго сердца, и читая жгучія посланія восторженной любви, онъ невольно негодовалъ на свою обыкновенную дюжинную натуру, неумѣющую воспрянуть изъ омута

обыкновенной жизни, чтобъ возвыситься до полного упоенія, до словъ, соотвѣтствующихъ душевной тревогѣ. Однакожь, онъ сдѣлался другимъ человекомъ. Въ теченіе цѣлой недѣли онъ ни на кого не сердился, никому не завидовалъ, никого не задѣвалъ и не хотѣлъ задѣвать, не подвизался вовсе на полѣ литературной брани и сдѣлался до того тихъ и скромнень, что даже почти разочаровался насчетъ собственнаго дарованія. Онъ ходилъ по улицамъ съ таинственной улыбкой и смиреннымъ видомъ. Онъ заказалъ себѣ новый фракъ, выбралъ два жилета и обстригся по послѣдней модѣ.

Недѣля прошла, какъ проходятъ всѣ недѣли. Наступилъ день, или, что правильнѣе, наступила ночь втораго маскарада.

Максимъ Ивановичъ, въ новой шляпѣ, въ новомъ фракѣ и даже слегка раздушенный, изъ первыхъ явился въ Большой Театръ. Долго прохаживался онъ среди возраставшей толпы, осматривая тщательно всякую входящую маску и отвѣчая довольно-грубо любопытствующимъ знать, скоро ли онъ подаритъ публику новымъ произведеніемъ своего пера. Наконецъ въ боковой двери мелькнуло черное атласное домино съ кружевами, съ букетомъ, отсвѣчивая тѣмъ магическимъ отблескомъ, который всегда озаряетъ любимую женщину. Не оглядываясь, не вступая ни съ кѣмъ въ предварительные разговоры, маска подошла прямо къ поэту.

Итакъ въ-самомъ-дѣлѣ ожиданіе его не было напрасно: она пріѣхала для него, единственно для

него. Она никого другаго не ожидаетъ и не ищетъ; она думала о немъ.

—Я сдержала слово, сказала она, подавая ему руку.

—Я въ этомъ былъ увѣренъ, отвѣчалъ онъ. — Мнѣ что-то говорило, что вы меня не обманете. Обманъ былъ бы слишкомъ жестокъ: я не заслужилъ его.

—Итакъ, вы думали обо мнѣ, желали меня видѣть?

—Спросите у осужденнаго на казнь: думаетъ ли онъ о помилованіи? спросите у умирающаго: желаетъ ли онъ исцѣленія?

Говоря это, они непримѣтнымъ образомъ поднялись по извѣстной маскараднымъ посѣтителямъ деревянной лѣстницѣ и очутились въ театральныхъ залахъ. Сидѣвшія тамъ пары, озабоченныя собственными дѣлами, не обратили на нихъ вниманія. Они уединились въ уголку.

—Вы мнѣ нравитесь, сказала вдругъ маска нѣжнымъ голосомъ. — Кто знаетъ, можетъ-быть, я найду въ васъ ту чистую, безкорыстную любовь, которой я напрасно ожидала отъ другихъ. Я сама странная женщина. Докажите мнѣ, что вы любите меня, а не идеалъ вашей сочинительской фантазіи, и я чувствую, что я готова васъ полюбить.

—Это значитъ, что вы меня не любите.

—Намедни я начинала васъ любить.

—А теперь?

—Теперь не знаю. Мужчины такіе гадкіе!

—Не сравнивайте меня съ прочими мужчинами: я не похожъ на нихъ. Жизнь уединенная, любовь къ

природѣ, наконецъ, самыя мои занятія выработали изъ меня челоуѣка страннаго, можетъ-быть, смѣшнаго, но за то твердаго и самобытнаго.

Говоря это, онъ патетически провелъ рукой по завитой прическѣ. Маска была дѣйствительно взволнована. Она начала спрашивать разнѣженнаго литератора: о комъ онъ думалъ, когда писалъ, сколько разъ былъ влюбленъ, и въ кого именно. Максимъ Ивановичъ отвѣчалъ, что онъ никогда истинно влюбленъ не былъ. Правда, увлекался иногда обманчивыми сіяніями нашихъ холодныхъ метеоровъ, но что трудно разогрѣться на морозѣ: онъ скоро былъ разочарованъ и потому вѣчно сиротѣлъ душой, вѣчно былъ несчастливъ и недоволенъ.

Все это рассказывалось очень долго, но говорилось отъ душевнаго убѣжденія и слушалось съ сердечнымъ участіемъ.

— Счастлива будетъ та женщина, сказала маска: — которая васъ утѣшитъ и пойметъ.

— Зачѣмъ же вы меня дразните? воскликнулъ поэтъ. — Развѣ вы не видите, что вы меня съума свели, что вы безотлучно зажили въ моемъ сердцѣ и въ моей головѣ, что вы заставляете меня говорить такой смѣшной для васъ бредъ, что мнѣ самому странно его слышать? Развѣ вы не чувствуете, наконецъ, что я полюбилъ васъ какъ безумный?

— Да вы меня никогда не видали.

— Все-равно, я васъ угадываю. Я люблю звукъ вашего голоса, я люблю ваши движенія, я люблю вашу поступь... Ну, я люблю васъ просто, такъ, безъ причины, потому-что мнѣ надо васъ любить.

Маска вѣжно пожала его руку.

—И за всю мою преданность, продолжалъ пламенно Максимъ Ивановичъ—за всю любовь мою, прошу васъ, умоляю васъ, не откажите мнѣ въ моей усердной, единственной мольбѣ: дайте мнѣ взглянуть на васъ, приподымите вашу маску.

—Какъ можно! воскликнула она.

—На одно мгновеніе, на одну секунду, чтобъ облечь только въ форму мою любовь, чтобъ доказать мнѣ только, что я не совсѣмъ вамъ чужой.

—Берегитесь! сказала маска: — я предварила васъ: я дурна собой, очень дурна.

—Будьте вы безобразнѣе любой модной пѣвицы, я повторяю вамъ: мнѣ все-равно. Не откажите только. Заставьте несчастнаго быть счастливымъ хоть на одну минуту; повѣрьте, и минута хорошее дѣло.

—Извольте, сказала она рѣшительно, вставая съ мѣста:—только пѣняйте ужъ на себя.

Обрадованный литераторъ предложилъ ей поспѣшно руку и они отправились въ корридоръ втораго яруса. Тамъ все было по обыкновенному. Двѣ, три пары сидѣли по уголкамъ, углубившись въ занимательные разговоры. Сѣдой капельдинеръ дремалъ на креслахъ, по обязанности службы.

Маска остановилась.

—Вы этого хотите?

Максимъ Ивановичъ умоляющимъ образомъ сложилъ руки.

Таинственная незнакомка отступила на два шага, поспѣшно сдернула маску и тотъ же часъ надѣла ее на лицо, но этого мгновенія было достаточно. Мак-

симъ Ивановичъ стоялъ какъ пораженный громомъ. Въ глаза ему бросился носъ, но такой носъ, какого онъ не видывалъ и не предполагалъ въ природѣ: носъ малиноваго цвѣта, съ посторонними украшеніями, нѣчто среднее между апельсиномъ и клубникою, нѣчто поражающее, невиданное, страшное, убійственное.

— Я исполнила ваше желаніе, скромно сказала носъ, обратившись снова въ обворожительную маску.

— Я очень благодаренъ, уныло отвѣчалъ литераторъ въ совершенномъ замѣшательствѣ. — Конечно-съ... Теперь я васъ знаю... Мнѣ пріятно... то есть... я очень счастливъ... Не правда ли, какъ здѣсь жарко?... Не сойти ли намъ внизъ?... Какъ вы думаете?..

Они молча возвратились въ залу. Максимъ Ивановичъ хотѣлъ поддержать разговоръ, но рѣшительно не могъ: этотъ носъ такъ и плясалъ передъ его глазами. Печально обходили они залу, замѣчая, что тѣсно, что жарко, что много пустыхъ ложъ, что становится поздно и маскарадъ подходилъ уже къ концу. При одномъ поворотѣ Максимъ Ивановичъ потихоньку высвободилъ руку свою отъ руки маски и пустился бѣжать не оглядываясь. Прибѣжавъ въ боковую залу, гдѣ, среди густаго табачнаго дыма, проголодавшіеся искатели приключеній терзали, въ видѣ ужина, изсохшихъ рябчиковъ, Максимъ Ивановичъ закричалъ «шампанскаго!» такимъ дикимъ голосомъ, что четверо служителей бросились къ нему, какъ къ утопающему, а всѣ ужинавшіе оборотились.

Максимъ Ивановичъ упалъ на кресла передъ столомъ, облитымъ различными винами. У стола сидѣли двѣ худенькія маски съ весьма толстымъ господиномъ, нѣсколько молодыхъ людей во фракахъ и два адъютанта, которые привѣтствовали литератора извѣстнымъ вопросомъ: скоро ли онъ подаритъ публику новымъ произведеніемъ своего пера. Одинъ собесѣдникъ прибавилъ даже, что, неизвѣстно почему, онъ ничего не читалъ изъ сочиненій Максима Ивановича, хотя, впрочемъ, всѣ очень хвалятъ. Но Максиму Ивановичу было не до этого. Онъ выпилъ залпомъ два стакана шампанскаго и съ ожесточеніемъ принялся за какой-то мыльный майонезъ самаго двусмысленнаго произведенія. Не успѣлъ онъ поморщиться отъ перваго глотка, какъ вдругъ кто-то слегка коснулся его новаго фрака. Максимъ Ивановичъ обернулся: за нимъ стояла неотвязчивая маска, граціозно опираясь на спинку его стула.

Адъютанты взглянули на нее съ удивленіемъ.

— Не правду ли я тебѣ говорила, сказала маска своимъ очаровательнымъ голосомъ: — ты не лучше прочихъ.

— Хочешь шампанскаго? грубо спросилъ подгулявшій писатель.

— Нѣтъ, отвѣчала она, обидясь: — я пришла проститься съ тобой, навсегда проститься.

Максимъ Ивановичъ привсталъ-было, чтобъ извиниться, но снова упалъ на стулъ. Этотъ ужасный носъ тяготѣлъ надъ нимъ, какъ семипудовая гиря. Онъ давилъ ему спину и плечи страшною тяжестью,

не давалъ ему простора, не позволялъ вздохнуть свободно.

—Прощай, сказалъ онъ съ досадой. —Ступай-себѣ на всѣ четыре стороны: скатертью дорога. Я не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно морочить. Меня не легко водить за носъ... не то, что тебя, прибавилъ онъ сквозь зубы.

Сказавъ это, Максимъ Ивановичъ опомнился. Хмѣль его прошелъ разомъ. Онъ показался самъ себѣ грубымъ, глупымъ, низкимъ, отвратительнымъ. Онъ хотѣлъ воротить сказанное, но ничто въ жизни не возвращается.

—Прощай, сказала звонко, разсмѣявшись, молодая женщина. —Береги это на память... и, поспѣшно снявъ изъ-подъ маски красный картонный носъ, она презрительно бросила его на тарелку одурѣвшаго литератора.

—Жоржъ! сказала она потомъ, обращаясь къ адъютанту: —отведите меня до моей кареты.

Адъютантъ поспѣшно вскочилъ съ мѣста, почтительно предложилъ маскѣ руку и оба скрылись въ дверяхъ.

Другой адъютантъ, взявшись за бока, хохоталъ какъ сумасшедшій.

—Что съ вами? спросилъ оторопѣвшій Максимъ Ивановичъ: —что тутъ смѣшнаго?

—Вы давно знакомы съ княгиней?

—Съ княгиней?... съ какой княгиней?... Гдѣ вы тутъ видѣли княгиню?

—Ну, да вотъ съ княгиней, которая, кажется, оставила васъ съ носомъ, двоюродная сестра Жор-

жа. Какая оригинальная женщина! Вообразите, я ей нынче утромъ рассказалъ маленькую испанскую повѣсть, подъ названіемъ: «Носъ», а она вздумала переложить ее на петербургскіе нравы. Вѣдь это, кажется, частенько дѣлается у васъ, въ вашей литературѣ?

—Княгиня... Она!... Это была она! судорожно закричалъ Максимъ Ивановичъ и бросился-было бѣжать за ней въ погоню, но служитель остановилъ его порывъ учтивой просьбой расплатиться сперва за ужинъ.

А между-тѣмъ маскарадъ кончился.

II.

**ГИМНАСТИКА. — МАСКАРАДЪ БЛАГОРОДНАГО
ТАНЦОВАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА. — ХУДОЖЕСТВЕН-
НЫЙ БАЗАРЪ.**

Вы, можетъ-быть, нездоровы: у васъ кашель, насморкъ, лихорадка, воспаленіе. Вы, чего добраго, пошлете за докторомъ. Докторъ пропишетъ вамъ лекарство. Вы полежите въ постели, посидите въ комнатѣ, поскучаете порядкомъ, да, пожалуй, еще и выздоровѣете. Но я васъ долженъ предварить: вы провинціалъ, помѣщикъ, пріѣзжій изъ Саратова. Вы отстали отъ вѣка, вы погрязли въ заблужденіяхъ и просто жалки; вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о нашихъ современныхъ прогрессахъ. Вы даже и того не знаете, что медицины уже нѣтъ теперь на свѣтѣ: долго жить приказала, погибла, уничтожена, въ прахъ разбита. Да и что въ ней, негодной, въ-самомъ-дѣлѣ? Вѣчные опыты, вѣчныя изученія, а люди все-таки умираютъ. Прочь съ этой медициной! Теперь такой вѣкъ, что все можно знать, ничему не учившись. Кому угодно быть докторомъ — сдѣлайте одолженіе, попросту, безъ церемоній, я докторъ, вы докторъ, онъ докторъ, мы всѣ доктора: стоитъ только встать въ хорошемъ расположеніи духа, или прибить кого-нибудь хорошенько.

Этотъ нескромный, хотя сильный способъ, не-пріятно отзывается въ вашемъ слухѣ. Какъ при-бить? говорите вы. Кого прибить? Что за выраже-ніе! Будто мы въ-самомъ-дѣлѣ такъ уже отъ всего отстали, что насъ можно морочить всякими пустя-ками. Старая медицина исчезаетъ — это мы сами знаемъ. Приснищъ смылъ ее водою; Ганнеманъ об-ратилъ въ пылинку; Распайль выкурилъ, а магни-тизмъ усыпилъ навѣки. Но драться... это ужъ что-то черезчуръ. Развѣ у насъ любовь къ наукѣ до того воспламенила умы, что вызываетъ привер-женцевъ различныхъ мнѣній на кровавыя побоища, на запрещенные поединки? Успокойтесь: наука ве-детъ себя въ Петербургѣ такъ смирно и добропоря-дочно, что никто даже о ней и не слышитъ. Мы говорили не о грубой, простонародной дракѣ, а о дракѣ въ отношеніяхъ эстетическомъ, гимнастиче-скомъ и медицинскомъ, о дракѣ щегольской и мир-ной, о рукопашномъ боѣ на англійскій манеръ, на русскіе кулаки. Хотите быть щеголемъ, хотите, про-сто, быть здоровымъ—учитесь гимнастикѣ. У васъ больной пріятель, вы беспокоитесь за него: думать тутъ нечего—ударьте его хорошенько: онъ не оста-нется равнодушенъ къ этому доказательству вашей дружбы; онъ вамъ отплатитъ тѣмъ же. Вы его, онъ васъ, кто кого — и пошла потѣха. Глядь... больному лучше. Бѣда небольшая, что глазъ у него подбитъ, или нога у васъ вывихнута; главное дѣло — вы направили друга на истинный путь; вы доказали ему, что вся медицина у него въ собствен-ныхъ рукахъ.

Отчего предки наши были здоровы?—отъ правильной жизни, что ли? вовсе нѣтъ; оттого, что они тѣшились кулачными боями. Нынче это не въ модѣ и оттого современное поколѣніе совершенно развинтилось. У кого голова болитъ, у кого бокъ; каждый лечится отъ какой-нибудь хронической болѣзни. Еще бы немного—и весь Петербургъ захворалъ бы. На здоровыхъ стали бы указывать пальцами, какъ на уродовъ, какъ на странныя исключенія изъ общаго правила. Болѣзнь называлась бы здоровьемъ, а здоровье—болѣзною. И все это отъ сидячей жизни отъ недостатка движенія, отъ незнанія гимнастики. Къ тому же, при неповоротливомъ образѣ жизни, кровь сгущается, нервы ослабѣваютъ, воображеніе гаснетъ, умъ тупѣетъ. Отчего, напри- мѣръ, говоримъ мы такъ много пустяковъ? отчего мы печатаемъ такъ много вздора? отчего намъ скучно? отчего мы жалуемся на дурную погоду? Единственно оттого, что мы не знаемъ гимнастики. Гимнастика не только вылечиваетъ отъ всѣхъ тѣлесныхъ недуговъ, но, въ добавокъ, ободряетъ духъ, оживляетъ и веселитъ сердце. Васъ обманула любимая женщина, васъ предалъ вашъ лучшій другъ, васъ обошли на службѣ, васъ разбранили въ журналахъ, вы написали плохую статью, вы сказали глупость, вамъ скучно, досадно или грустно, вы упадаете духомъ, вы изнемогаете, вы близки къ отчаянію—и вотъ васъ надоумилъ добрый человѣкъ. Взыгравъ воинственнымъ духомъ, вы машете руками, топаете ногой, скачете, прыгаете, вертитесь, деретесь и пляшете; вамъ вдругъ все кажется смѣшнымъ, на-

чиная съ васъ самихъ. Кровь ваша разыгралась... вамъ любо и весело, вы отряхнулись—и пошли гоголемъ. Чорту не братъ! Печаль забыта. Просто, какъ съ гуся вода. Но этого мало: гимнастика сама-по-себѣ наука полная глубокаго значенія. Она раздѣляется, какъ вамъ, можетъ-быть, извѣстно, на двѣ отдѣльныя части: пассивную или страдательную, активную или дѣйствующую. Въ первой васъ бьютъ; во второй вы бьете другихъ. Въ промежуткахъ же васъ заставляютъ носить разныя тяжести. На этихъ простыхъ началахъ основана вся философія жизни. Этимъ нехитрымъ символомъ выражается весь европейскій бытъ XIX-го вѣка, съ его политическими задачами, литературными знаменитостями и желаніемъ обогатиться во что бы ни стало.

И потому неудивительно, что гимнастика, какъ начало всѣхъ свѣтскихъ началъ, какъ наука всѣхъ важныхъ наукъ, съ недавняго времени укоренилась въ Петербургѣ для обученія желающихъ сдѣлаться сильными. Мы слышали даже, не безъ удовольствія, что у насъ основана въ большой Морской Гимнастическая Академія, передъ которой всѣ прочія ученныя академіи, разумѣется, нѣсколько блѣдны и слабоваты. Тутъ преподается въ формулахъ несложныхъ и весьма удобопонятныхъ послѣднее слово всѣхъ житейскихъ вопросовъ, *ultima ratio*, *das Faustrecht*, какъ говорятъ нѣмцы.

Вы думаете, можетъ-быть, что этимъ головоломнымъ предметомъ занимаются у насъ исключительно одни наши мужчины, вѣчно-жаждущіе прѣчнаго образованія. Опять я долженъ назвать васъ помѣщикомъ,

пріѣзжимъ изъ Саратова, совершеннымъ невѣждой въ дѣлѣ общаго усовершенствованія. Развѣ вы не читали Санда? Развѣ вы не знаете, что женская слабость не что иное какъ предразсудокъ? Не-уже-ли вы еще думаете, что призваніе женщины только въ томъ и заключается, чтобъ быть матерью своихъ дѣтей, хозяйкой своего дома, женою своего мужа? Вѣдь это мы все сами выдумали; мы, эгоисты-мужчины отстранили, для бѣльшаго простора, цѣлую половину человѣчества. Чѣмъ женщины насъ хуже? Отчего не раздѣлять бы имъ съ нами нашихъ гражданскихъ обязанностей? Всякому по способностямъ. Нашъ міръ, какъ ни старъ, а вотъ только теперь догадался. Женщина можетъ быть чиновникомъ, судьей, воиномъ, не хуже насъ грѣшныхъ. Да еще вотъ какъ: жена ваша можетъ возсѣдать въ департаментѣ, а вы можете нянчиться дома съ груднымъ ребенкомъ, или стряпать на кухнѣ, если чувствуете къ тому призваніе. Супруга ваша можетъ гарцовать на конѣ передъ эскадрономъ, а вы вяжите себѣ чулокъ, или вышивайте попугая на канвѣ, коли любите поэтическую тишину домашняго крова. Женщина теперь опомнилась и требуетъ новыхъ правъ, новой дѣятельности, новаго значенія. Одного недостаетъ ей еще до сего времени для осуществленія опасныхъ замысловъ, а именно: силы, этого орудія, которое составляло до-сихъ-поръ нѣсколько-грубое, но несомнѣнное преимущество мужчинъ. Но въ такой бѣдѣ пособить можно. Развѣ нѣтъ у насъ гимнастики?

Гимнастика даетъ силу слабому, увѣренность нерѣшительному; съ гимнастикой и женщина можетъ

сдѣлаться богатыремъ. Безъ гимнастики и мужчина часто не что иное, какъ баба.

Не знаю, вѣрить ли слухамъ, а намъ съ достовѣрностью утверждали, что и наши петербургскія дамы начали тихомолкомъ заниматься гимнастическими упражненіями, въ тотъ ранній часъ, когда нѣтъ еще доступа въ цвѣтистые кабинеты. Прибывшій недавно изъ за границы извѣстный силачъ, который подымаетъ въ шутку до пятидесяти пудовъ, является къ нимъ съ гириями, лѣстницами и гимнастическими снарядами, и тутъ начинается любопытная церемонія. Сѣверныя красавицы носятся по комнатѣ гимнастическими шагами, розовыми пальчиками подымаютъ съ трудомъ легонькія гири и разводятъ руками, служившими до толѣ только блаженной цѣлью немногихъ избранныхъ. Не знаю, придастъ ли гимнастика новую силу петербургскимъ дамамъ, но во всякомъ случаѣ, и шутки въ сторону, она не можетъ не придать имъ нужнаго здоровья, столь часто разстроеннаго искусственной нашей жизнью, гостинными кочеваньями, бальными волненіями, ночами безсонными и сонными днями. Теперь въ особенности здоровье нужно: свѣтскія удовольствія грянули на Петербургъ со всѣхъ сторонъ разомъ. Бальные оркестры усердно настраиваютъ свои скрипки.

Поутру базары, концерты Вьётана, выставка русскихъ издѣлій требуютъ нашего присутствія. Послѣ обѣда мы ѣдемъ въ театръ наудачу, не встрѣтимъ ли кого въ итальянской оперѣ, или ѣдемъ поглядеть, какъ рѣдко падаютъ съ лошадей искусные волтижеры. Потомъ мы ѣдемъ на вечеръ, который

такъ еще просто, а ужъ того и гляди, сдѣлается баломъ; а вечеромъ мы завернемъ еще въ маскарадъ, въ Большой Театръ; въ Дворянское Собраніе, или въ Благородное Танцовальное.

Послѣднее общество въ нынѣшнемъ году озарилось новымъ блескомъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ клубы существуютъ, вѣрно, никакой клубъ не былъ помѣщенъ въ столь великолѣпныхъ чертогахъ.

Вообразите въ-самомъ-дѣлѣ: вы пріѣзжаете въ настоящій дворецъ; васъ поражаютъ широкая лѣстница, мозаичные паркеты, художественно вызолоченные лѣпные потолки, пропорціи колоссальныя. Вотъ гостиная во вкусѣ Лудовика XIV; вотъ комната во вкусѣ древнихъ норманновъ; вотъ большая зала, воздушная и легкая, какъ балыныя видѣнія юноши, зала, отъ которой такъ и вѣетъ мазурками и вальсомъ; вотъ цѣлый рядъ роскошно-убранныхъ покоевъ. И все это некончено... вокругъ себя не смотрите... Вы ожидаете шелковыхъ ковровъ, славныхъ картинъ, бронзовыхъ гигантовъ, всѣхъ чудесъ искусства, всѣхъ щегольскихъ изобрѣтеній причудливой моды, а главное, вы спрашиваете: гдѣ же привѣтливый взглядъ хозяйки? гдѣ волшебница, которая должна обитать въ этой чудной, хоть неоконченной храминѣ? Увы! эта волшебница не что иное, какъ преферансъ. Эта хозяйки—цѣлое общество мирныхъ гражданъ, хорошихъ, можетъ-быть, отцовъ семействъ, но вовсе несоотвѣтствующихъ тому идеалу обворожительной хозяйки, который, при видѣ чудной обители, создало ваше воображеніе. Вы пріѣхали во дворецъ, а попали въ клубъ, въ мирный кругъ,

гдѣ играютъ въ лото, въ бильярдъ и карты, гдѣ безмятежно засыпаютъ надъ газетой, гдѣ можно ужинать по порціямъ, гдѣ платятъ штрафъ и гдѣ у входа дожидаются извозчики. Не спрашивайте же роскошной обстановки цвѣтовъ, бархата, золота и блеска: все это не нужно для клуба, хоть и нужно, можетъ-быть, для вашей прихотливой фантазіи, которая всегда желаетъ лучшаго и которой кажется, что домъ неотдѣланный все-равно, что красавица, въ одномъ корсетѣ, гостиная безъ цвѣтовъ, жизнь безъ очарованья.

За-то художественный базаръ въ пользу призрѣваемыхъ Обществомъ Посѣщенія Бѣдныхъ оставилъ впечатлѣніе совершенно удовлетворительное. Доброе дѣло явилось въ Петербургѣ въ видѣ веселаго свѣтскаго праздника.

Благотворительность надѣла бѣлый галстухъ и желтыя перчатки. Искусство, которое, къ сожалѣнію, не часто встрѣчается въ нашихъ гостиныхъ, тутъ распоряжалось совершеннымъ хозяиномъ, и хозяиномъ веселымъ, сметливымъ и поражающимъ взоры роскошнымъ и артистическимъ безпорядкомъ. Вообразите длинную комнату, обращенную въ ярмарочную палатку съ длиннымъ навѣсомъ, надъ которымъ возвышалась вырѣзанная огромная фигура старика, держащаго въ рукахъ листъ бумаги съ надписью: «всякое даяніе благо». Подъ навѣсомъ, на малиновомъ фонѣ и на алыхъ столахъ, представьте себѣ всевозможные предметы искусства, испестрившіе базаръ своими щедрыми даяніями. Тутъ все было, отъ лубочныхъ крестьянскихъ картинокъ,

отъ дюжинныхъ литографій, до произведеній нашихъ лучшихъ художниковъ Орловскаго, Айвазовскаго, Бруни, Майкова, Соколова, Гр. Фредро, Чернышева и многихъ другихъ, отъ бутылокъ простыхъ чернилъ, до рукописныхъ произведеній нашихъ извѣстныхъ музыкантовъ и литераторовъ, отъ мелкихъ сахарныхъ фигурокъ, до драгоценныхъ золотыхъ вещей съ искусной рѣзбой и дорогими камнями. Прибавьте къ этому бездну всякихъ модныхъ игрушекъ, дамскихъ издѣлій, цвѣтовъ, черпильницъ, бронзовыхъ, фарфоровыхъ, гипсовыхъ, галванопластическихъ предметовъ и всякой щегольской всячины. Посреди комнаты, въ пирамидѣ цвѣтовъ и растеній, красовались двѣ картины: одна пожертвованная, а другая написанная двумя высокими особами, которыхъ языкъ не смѣетъ назвать, но которыхъ сердце навѣрное отгадываетъ.

Базаръ начался шумно и весело. Тутъ веселились за свои деньги. Товары предлагались дамами, которымъ прислуживали молодые люди, избраные изъ Общества Посѣщенія Бѣдныхъ. Во всемъ былъ замѣтенъ свѣтскій щегольской безпорядокъ. Дорогія вещи отдавались за безцѣнокъ, за безцѣнныя платили черезчуръ дорого. Потомъ начался концертъ. О немъ довольно сказать, что въ немъ участвовали: г-жи де-Джули-Борси и Марра, гг. Сальви, Гуаско, Тамбурини, Колини, Росси, Нигри, Оноре, Фракманъ и наконецъ нашъ неподражаемый Вьѣтанъ. Въ антрактѣ, базаръ снова оживился и, кромѣ того, было продано съ аукціона нѣсколько вещей, которымъ не было назначено цѣны.

Праздникъ благотворительности кончился за полночь.

Отъ него намъ слѣдовало бы перейти къ прочимъ городскимъ новостямъ, а именно: къ нашей литературѣ и къ нашимъ журналамъ, но теперь нѣтъ ни мѣста, ни времени, ни охоты. Мы поговоримъ объ этой гимнастикѣ особаго рода когда-нибудь въ другой разъ.

III.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ УТРА ВЪЕТАНА. — НАШЕСТВІЕ ЖУРНАЛОВЪ.

Если есть въ жизни наслажденіе полное, безъ разочарованія и досады, безъ преимущества для этой не-сносной молодости, безъ денежнаго вліянія, безъ свѣтскихъ гадостей, безъ мелочныхъ житейскихъ условий, то оно, безъ сомнѣнія, заключается въ музыкѣ.

Мы, разумѣется, не говоримъ о томъ гремучемъ гаерствѣ, которое кувyrкаетъ нотами для удивленія публики; мы отъ души ненавидимъ музыкальныя невозможности, варьяціи на одной струнѣ, блестящіе фокусы униженнаго искусства, невольно напоминающіе намъ индійцевъ, глотающихъ шпаги, и эквилибристовъ со стуломъ на носу.

По этой причинѣ мы не любимъ концертовъ. Въ концертѣ артистъ долженъ выказаться въ что бы ни стало; музыка тутъ на второмъ планѣ, средство, а не цѣль, принадлежность, а не святыня. Главный тутъ интересъ сама личность того обыкновенно новопріѣзжаго господина, о которомъ уже протрубили въ газетахъ. Его публика ожидаетъ съ нетерпѣніемъ. Каковъ онъ, молодъ или старъ, хорошъ ли собой или дуренъ, причесанный или растрепанный, задумчиво-блѣдный или восторженно-сердитый? Подавайте его сюда! Вотъ ему пукъ ассигнацій. Мы по-

смотримъ на него сперва а потомъ послушаемъ да расскажемъ своимъ пріателямъ, напишемъ къ своимъ родственникамъ, что слышали знаменитость. И вотъ знаменитость въ бѣломъ галстухѣ, съ скромнымъ видомъ, почтительно кланяется своимъ цѣнителямъ и судьямъ, а сама внутренно, можетъ-быть, надъ ними посмѣивается. Но дѣлать нечего; тутъ не музыка, а представленіе. Знаменитность становится молодцомъ или садится героемъ и начинаетъ на скрипкѣ, на дудкѣ, или на фортепьяно легкую интродукцію, а потомъ ужъ, навѣрно, беллиніевскій мотивъ съ самымъ дребезжащимъ и вычурно-плаксивымъ выраженіемъ. Дамы смотрятъ другъ на друга съ улыбкой удовольствія, мужчины значительно киваютъ головою. Вдругъ знаменитность напрягаетъ силы и начинаетъ скакать на своемъ инструментѣ общеприпятымъ прогрессивнымъ порядкомъ, то есть такимъ образомъ, что скачки все становятся труднѣе и невозможнѣе и доходятъ наконецъ до бѣшенаго изступленія, къ счастью, уже неслышнаго за крикомъ и рукоплесканьями слушателей. Иной, артистъ въ душѣ, самъ приходитъ въ отчаяніе, что пляшетъ на натянутой струнѣ какъ на натянутомъ канатѣ, что унижаетъ искусство до ремесла, и до какого ремесла! а не въ силахъ противостоять общей модѣ, требованіямъ толпы, разбѣвающей ротъ передъ всякой удалю. Что значитъ въ нашемъ вѣкѣ чистое эстетическое наслажденіе передъ приманками извѣстности, значенія и денегъ? Тутъ скромность не у мѣста. Чтобъ быть замѣченнымъ, надо поставить себя выше другихъ; чтобъ быть услышаннымъ, надо всѣхъ перекричать. Вотъ, дескать, я ка-

ковъ! Вотъ, дескать, я какія дѣлаю штуки! Соперникъ мой только становится вверхъ ногами, а я бѣгаю колесомъ. У него только дамы плачутъ, а у меня мужчины падаютъ въ обморокъ. Гдѣ ему со мной тягаться! Ко мнѣ, господа! берите билеты, сейчасъ начнется; въ послѣдній разъ предъ отѣздомъ; больше ужъ не будетъ. Останетесь довольны, не то, деньги возвратятъ.

Бѣдная музыка! что изъ тебя сдѣлали! Ты брошена намъ свыше, какъ отдаленный лучъ неземной жизни, какъ тайный отголосокъ предугаданнаго міра, а мы ругаемся надъ тобой на балаганныхъ игрищахъ. Не-уже-ли потеряна твоя чудная власть, успокоивающая страсти, примиряющая душу съ обидными разочарованіями? Не-уже-ли не внушаешь ты болѣе тѣхъ грустно-отрадныхъ впечатлѣній, отъ которыхъ смиряется сердце и человѣкъ становится лучше? Не-уже-ли поэзія погибла навѣки и на ея холодномъ трупѣ ты разбила съ негодованіемъ свою лиру и, заплакавъ, отлетѣла на свою таинственную родину?..

Нѣтъ, ты не рѣшилась бы оставить немногихъ избранныхъ, сохранившихъ къ тебѣ чистую, безкорыстную любовь въ своемъ душевномъ святилищѣ. Нѣтъ, ты не покинешь насъ изъ привязанности къ твоимъ балованнымъ дѣтямъ, которыхъ ты все-таки посящаешь украдкой не какъ царица, въ полномъ блескѣ, а какъ осужденная изгнанница, боязливо требующая, чтобъ всѣ двери были заперты, чтобъ никого не впускали, кромѣ короткихъ друзей, чтобъ равнодушнымъ и непосвященнымъ не говорили даже о твоёмъ существованіи.

Не часто бываютъ въ Петербургѣ тихіе праздники, на которые сзываются въ родственный кружокъ всѣ разрозненные поклонники гармоніи. Въ двухъ или трехъ домахъ—которыхъ называть здѣсь ненадо, потому-что каждый ихъ знаетъ—собираются, правда, каждую недѣлю нѣкоторые правовѣрные, чтобъ по-дивиться Моцарту, Гайдну, Бетговену и Мендельсону, но это бываетъ только въ частныхъ обществахъ, въ кругу знакомыхъ, не всѣмъ доступномъ. Многіе достойные не входятъ въ составъ дружескаго круга и сиротствуютъ въ одиночествѣ. Г-ну Въѣтану пришла счастливая мысль пригласить всѣхъ любителей искусства, знакомыхъ и незнакомыхъ между собой, но родныхъ по чувству, для нешумной радости, для высокаго наслажденія, для слушанія настоящей музыки, въ залу Петропавловской Школы. Не многіе, какъ и ожидать было должно, отозвались на братскій призывъ искусства, но собравшіеся были похожи на родственниковъ, которые давно не видали другъ друга, потому-что разошлись по разнымъ стезямъ жизни. Тутъ были артисты и свѣтскія дамы, посланники и актёры, офицеры и лица духовнаго званія, модные щеголи и старые профессора, люди знающіе по чувству и чувствующіе по знанію.

Три утра, три воскресенья уже прошло. Мы слышали два квартета Гайдна, два квартета Бетговена, квартетъ Спора, квинтетъ Моцарта, два тріо, одно Бетговена, другое Мендельсона, и сонату Въѣтана для скрипки и фортепьяно. Все это было превосходно исполнено г. *Въѣтаномъ*, братьями *Альбрехтъ*, *Гроссомъ* и молодымъ, недавно пріѣхав-

шимъ пьянистомъ *Оноре*, который участіемъ своимъ въ этихъ утрахъ составилъ себѣ уже прочную извѣстность въ петербургскомъ музыкальномъ мірѣ. Сегодня мы услышимъ квартетъ Мендельсона (*re majeur*), сонату Бетговена для скрипки и фортепьяно, квартетъ Бетговена (*ut majeur*) и затѣмъ конецъ. Хорошаго понемногу, говоритъ русская мудрость. Въѣтанъ ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ будетъ, бѣдный, давать настоящіе концерты и, чего добраго, играть венеціанскій карнавалъ, потому-что онъ на все мастеръ.

И точно, Въѣтанъ, безъ сомнѣнія, одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нашего вѣка, и именно потому, что онъ достигъ высокаго требованія искусства, простоты и истины. Въѣтанъ порѣшилъ, по нашему мнѣнію, старинную борьбу классиковъ и романтиковъ; онъ сдружилъ итальянскую широкую манеру Віотти съ капризами фантастическаго Паганини и исполнилъ то, что началъ Беріо. Онъ соединилъ качества обѣихъ методъ, отбросивъ ихъ погрѣшности, и доказалъ, что искусство не раздѣляется, не раздвоявается, а что оно едино и совершенно для человѣка, могущаго его себѣ усвоить.

Нельзя не пожелать невольно, чтобъ и въ живописи и въ литературѣ появились бы Въѣтаны, которые бы примѣромъ своимъ осуществили согласованіе различныхъ мнимыхъ началъ, враждующихъ будто-бы между собой, но возникшихъ единственно отъ недостатка въ художникахъ полной художнической силы.

Собственно объ игрѣ Въѣтана мы распространяться не будемъ. Намъ некстати и нелюбо разоб-

лечать поэзію звуковъ въ техническій скелетъ, въ математическія формулы. По-нашему, разсматривать музыку по составчикамъ и частицамъ то же самое, что говорить о картинѣ, что въ нее пошло столько-то красокъ, о красавицѣ, что она хороша, потому-что носъ у нея во столько-то дюймовъ, а глаза такого-то объёма. Конечно, наука необходима въ искусствѣ, но она должна прятаться, какъ старый ученый на бесѣдѣ разгульной молодёжи, имъ руководимой. Наука—дѣло ума. Искусство—дѣло чувства. Наука доказываетъ; искусство заставляетъ вѣрить. Мы сами видѣли на квартетахъ *Вьётана*, какъ музыкальные анатомики принимались разлагать слышанныя ими творенія, и вдругъ, поникнувъ головою, мало-по-малу начинали забывать свои сухіе расчеты, чтобъ окунуть душу въ море живописныхъ звуковъ, чтобъ насладиться сладкимъ самозабвеніемъ и пожить не на землѣ.

И нельзя не поблагодарить Вьётана за его прекрасныя утра, за эту публичную торжественную дань искусству въ то время, когда онъ могъ бы давать выгодные концерты, когда мода и спекуляція всѣми завладѣли, со всего берется барышъ. Въ Парижѣ недавно продавали съ кладбища кости великихъ людей. Чего же, кажется, больше? Прежде спорили за убѣжденія, за чувства, теперь спорятъ за подписчиковъ, за акціонеровъ, за зрителей, за людей въ видѣ дохода, или оброчной статьи. И все льститъ и кланяется покупателю, все старается расшевелить его довѣрчивость и переманить его на свою сторону. Посмотрите новыя французскія кни-

ги: дѣльнаго, оригинальнаго, своебытнаго куда какъ маловато, но за-то какъ старое перекроено и передѣлано искусно, какъ все прилажено, какъ все въ глаза бросается, какъ все ярко и мило, какія заглавія, какія виньетки! Вотъ что называется товаръ лицомъ продать.

Мы далеко отстали еще отъ этого выгоднаго умѣнья, хотя неловко стараемся ему подражать. И въ русской литературѣ... Но мы не будемъ выносить сора изъ нашей развалившейся литературной избы. Мы гнушаемся всякой обидной личности, унижающей только писавшаго ее. И въ этомъ Парижъ насъ далеко перещеголялъ. Тамъ печатно передаютъ объ извѣстныхъ лицахъ, даже о женщинахъ, которыя не могутъ защищать себя, самыя глупыя клеветы, самыя соблазнительныя анекдоты. Послѣ этого прискорбно братья за фельетонъ. Не-уже-ли не можетъ быть расправы съ журнальнымъ негодяемъ? не-уже-ли общество не вступится наконецъ за такое ежедневное оскорбленіе личнаго права? По-нашему, ужь лучше просто воровать, чѣмъ идти на такія продѣлки.

Въ числѣ подражаній Парижу мы должны упомянуть о новой музыкальной газетѣ, которая съ новаго года появилась въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ «La Russie musicale». Каждый подписчикъ получаетъ, кромѣ пятидесяти-двухъ нумеровъ текста, пятьдесятъ-два приложенія, въ видѣ нотъ или портретовъ музыкальных знаменитостей, восемь билетовъ на предполагаемые концерты и еще, кажется, что то въ видѣ преміи. Отъ этихъ заманчивыхъ

условіи такъ и вѣтъ Палероялемъ и бульварной дѣятельностью.

Впрочемъ, журналъ, говорятъ, очень хорошъ.

«L'artiste Russe» тоже будетъ выходить въ нынѣшнемъ году съ дагерротипными снимками съ новѣйшихъ произведеній русскаго художества.

А теперь посторонитесь, господа, берегитесь: задавятъ.

На насъ нагрянуло цѣлое ополченіе журналовъ. «Le gros de l'armée» «Отечественныя Записки» шествуетъ впереди литературной фаланги; за нимъ «Современникъ» съ двумя адъютантами, съ цѣлымъ запасомъ блестящихъ надеждъ и обѣщаній. «Библіотека для Чтенія», съ которой на пути случилось несчастье, идетъ за ними съ обыкновенной своей остроумной сардонической улыбкой. Шествіе замыкаютъ юный «Финскій Вѣстникъ» и выздоравливающий «Сынъ Отечества». Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Всѣмъ рѣшительно желаемъ счастья, а себѣ удовольствія, что тоже въ порядкѣ вещей.

Чѣмъ же вы насъ порадуете или утомите? Позвольте посмотрѣть, какіе вы принесли намъ гостинцы. Спасибо, вы пришли не съ пустыми руками. Но зачѣмъ же все это въ разныхъ оберткахъ? зачѣмъ они недружно соединились въ одну книгу? зачѣмъ у насъ такъ много полуплохихъ журналовъ, а не одинъ хорошій журналъ, что, право, было-бы возможно?

Зачѣмъ... Затѣмъ, что и для музыки изобрѣтены концерты, а журналъ не что иное, какъ литературный концертъ.

— 95 —

IV.

КОНЦЕРТЫ, КОНЦЕРТЫ И КОНЦЕРТЫ.

Въ великопостное время Петербургъ дѣлается добычей артистовъ всѣхъ возрастовъ и видовъ. Нѣтъ спасенья и убѣжища отъ этого звучнаго нашествія. Со всѣхъ сторонъ, во всѣ заставы въѣзжаютъ торопливо въ него варьяціи на итальянскія тѣмы, *andante*, *andantino*, *capriccioso*, *melancolico*, *apassionato*. Всѣ суется, хлопчуть, бѣгаютъ по городу; всѣ немилосердо терзаютъ исхудалую Лучію, эту бѣдную Лучію, которая давно ли была такъ счастлива и здорова, когда проклиналъ ее нашъ незабвенный бергамскій помѣщикъ. Куда вы ни выйдете теперь, вы навѣрно натолкнетесь на похороны или на концертъ, который, по сущности своей, часто не что иное, какъ похороны настоящей музыки. Концертные билеты сыпятся какъ градъ, и нѣтъ зонтиковъ, чтобъ защититься отъ нихъ. Въ великій постъ, какъ нарочно, коварство людское становится еще безпощаднѣе. Если другъ вашъ бѣжитъ къ вамъ съ распростертыми объятіями, будьте увѣрены, что у злодѣя полонъ карманъ концертныхъ билетовъ. Если милая женщина вамъ привѣтливо улыбнулась и съ видомъ сердечнаго участія слушаетъ вашу смущенную рѣчь— не радуйтесь неосторожный молодой человѣкъ: подъ цвѣтами таится змѣя, и добро бы еще одна змѣя, а

то цѣлая коллекція змѣй, цѣлый десятокъ картонныхъ безцѣнныхъ кусочковъ въ замѣнъ вашихъ весьма цѣнныхъ бумажекъ. Тайна улыбки и вниманія разоблачается передъ вами въ своей рублевой наготѣ. Вы понимаете, повѣсивъ голову, что они были извиненіемъ и процентомъ, а отнюдь не тѣмъ, что вы желали, и, съ горемъ и съ досадою пополамъ, вы идете въ ту душную комнату, гдѣ, подъ предлогомъ домашняго вечера, такъ жестоко клеветаютъ на музыку, и безотрадно дремлете вы подъ скрипъ неизбѣжныхъ варьяцій, подъ вялые, жалкіе вопли Лучіи Ламермурской.

Однакожь, надо сказать правду: концерты не то ужъ, что бывали встарину. Итальянская опера нанесла имъ ударъ, отъ котораго имъ нескоро оправиться. Мы еще далеки отъ музыкальнаго сознанія; мы еще плохо цѣнимъ искусство, но ужъ прошло то время, когда мы всякій разсчитанный шумъ принимали за музыку и всякій крикъ за пѣніе. Мы даже впали въ другую крайность: стали черезчуръ осторожны, черезчуръ недовѣрчивы. Мы даже боимся своихъ воспоминаній, отворачиваемся отъ старыхъ своихъ знакомыхъ, какъ-бы въ доказательство того, что ни на какомъ поприщѣ люди не перестаютъ быть людьми. Пріѣхалъ къ намъ *Бореръ*, посѣтившій насъ за десять лѣтъ назадъ. *Бореръ*, безъ сомнѣнія, самый безукоризненный віолончелистъ нашего времени. Всѣ трудности и невозможности современнаго техническаго искусства для него не что иное, какъ ловкая шутка, а віолончель его поетъ мягко и звучно, какъ человѣческій голосъ. Увы!

этотъ голосъ былъ голосъ вопіющій въ пустынѣ. *Бореру* въ его концертѣ аплодировалъ оркестръ; за немѣніемъ прочихъ слушателей, сбѣжавшихся въ этотъ день на какой-то бенефисъ моднаго коннаго ристалища, и *Бореръ* уѣхалъ въ Москву, городъ гостепріимства, гдѣ, вѣрно, достойнымъ пріемомъ артисту пристыдятъ нашу петербургскую публику за ея равнодушіе и забывчивость.

Даже *Эрнстъ*, фантастическій *Эрнстъ*, романтический *Эрнстъ*, наслѣдникъ и подражатель Паганини, былъ встрѣченъ если не холодно, то безлюдно. Не скоро втолковали нашей публикѣ, что *Эрнстъ*, не просто современная знаменитость, а гораздо болѣе: модная знаменитость, нѣчто въ родѣ *Листа* на скрипкѣ. Тогда, наконецъ, публика наша, разумѣется, зашевелилась и въ послѣдній концертъ *Эрнста* театръ былъ полонъ, чему способствовало, можетъ-быть, впрочемъ, и то, что въ этотъ день у *Лежара* не было бенефиса. Многіе не шли прежде слушать *Эрнста* по простодушной причинѣ, что слышали *Вьѣтана*. Такимъ-образомъ я не стану читать *Пушкина*, потому-что читалъ *Жуковскаго*, не буду восхищаться *Викторомъ Гюго*, потому-что знакомъ съ *Ламартиномъ*.

Это напоминаетъ невольно наивный отвѣтъ одного господина, у котораго спрашивали: не служить ли съ нимъ нѣкто *Петровъ*.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, подумавъ немного. — *Петрова* у насъ нѣтъ, а есть *Циммерманъ*.

Концерты *Блаза* и *Оноре* прошли довольно-удачно; ихъ успѣху содѣйствовали не одни ихъ признан-

ные таланты, но и чувство личной симпатіи, которую они умѣли внушить къ себѣ, а въ добавокъ и содѣйствіе прекрасныхъ голосовъ и прекрасной наружности (что никогда ничему не мѣшаетъ) г-жи *Блазъ* и г-жи *Duprestiaux*.

А теперь, господа пьянисты, господа солисты, господа артисты, прощайте на-время. На васъ повисла грозная туча съ громовымъ боемъ и бурей инструментовъ; на васъ несется вдохновенный *Берліозъ* въ сопровожденіи цѣлаго легіона фантастическихъ призраковъ. Прочь съ дороги! Гдѣ вашей голой, тощей варьяціи, вашему едва-слышному писку устоять противъ этого сокрушительнаго напора, посреди этой потрясающей борьбы всѣхъ разъяренныхъ стихій! Но не прячьтесь, однакожь, добрые пріатели, слишкомъ далеко; не думайте, что вамъ послѣдній день пришелъ. Конечно, въ грозѣ есть высокая поэзія, слышатся чудные голоса и истерзанные, измученные звуки, возмущающіе душу... но не все же сверкать молніи, не все же раскатываться грому: прійдетъ время—и небо прояснится, весенній вѣтерокъ освѣжитъ удушливый воздухъ и ласточка полетитъ на свободѣ, и жаворонокъ и соловей запоютъ свои пѣсни. Примолкните же на-время, не отчаяваясь, и пойдете вмѣстѣ полюбоваться на звучныя картины, послушаться живописныхъ звуковъ. Послушаемъ вмѣстѣ, а потомъ и поспоримъ, потому-что вы судите по правиламъ знанія, а мы—по чутью безусловнаго впечатлѣнія.

Намъ кажется, и это мы выговариваемъ съ трепетомъ и смиреніемъ, что музыка г. *Берліоза* свое-

бытна, оригинальна, съ намѣреніемъ даже нѣсколь-
ко изысканна въ своихъ эффектахъ, особенно въ окон-
чательныхъ фразахъ. Это доказываетъ совершенное
знаніе искусства и неменьшее знаніе публики, кото-
рую при концѣ каждой пьесы надо всегда удивить
чѣмъ-нибудь неожиданнымъ. Но какой силой воли мо-
жетъ художникъ направить свое вдохновеніе на из-
вѣстное мѣсто своего произведенія? Это остается
для насъ неразгаданнымъ вопросомъ. Вообще, намъ
кажется, повторяемъ мы, что музыка г. *Берліоза*
говоритъ болѣе уму, нежели сердцу, внушаетъ бо-
лѣе смущеннаго удивленія, чѣмъ свѣтлаго восторга.
Это музыка XIX-го столѣтія, это-энергическое, мощ-
ное олицетвореніе въ звукахъ нашего взволнованнаго
времени, съ его страданіями безъ вѣрованій, съ его
стремленіями безъ цѣли, съ его печалами безъ по-
корности, съ его радостями безъ веселья. Въ этомъ
смыслѣ въ музыкѣ *Берліоза* есть что-то глубоко-
значительное, что-то титановское, что-то невольно
поражающее страхомъ и недоумѣніемъ. Тутъ вѣчная,
непрерывная борьба, но нѣтъ ни грустнаго заточенія,
ни восторженнаго крика освобожденной души. Тутъ
нѣтъ ни побѣдителя, ни побѣжденнаго; нѣтъ въ осо-
бенности той трогательной стихіи примиренія, кото-
рая свѣтитъ и успокоиваетъ въ твореніяхъ великихъ
музыкальныхъ поэтовъ; нѣтъ той дѣтской свѣжести,
той сердечной простоты, которая выливаются таки-
ми естественными, стройно-текучими напѣвами,
что всякій, кажется, могъ бы ихъ сочинить и что вся-
кій ими невольно убаюкивается и ласкается душу.
Какъ ни грустно это выговорить, но нельзя не со-

знаться, что современное искусство хотя и достигло самой усовершенствованной пластической отдѣлки, однако въ то же время отуманено отъ недостатка той живительной искры, которой источникъ не на землѣ. Въ мелкихъ произведеніяхъ мелкихъ художниковъ это свойство обнаруживаетъ безсиліе и вызываетъ сожалѣніе; но когда художникъ называется *Байрономъ* или *Берліозомъ*, оно невольно останавливаетъ вниманіе всего мыслящаго человѣчества, и если не приводитъ къ отраднымъ заключеніямъ, то все-таки заставляетъ преклонить задумчиво голову передъ могучими дарованіями.

Г. Берліозъ не могъ, по нашему мнѣнію, выбрать лучшаго сюжета, какъ «*Фаустъ*». Жаль, что мы не слышали полного сочиненія, а одни только отрывки. По отрывкамъ нельзя судить объ общей мысли, о соразмѣрности отдѣльных частей, о полнотѣ вымысла, составляющей такъ-сказать душу художническаго произведенія. Но и въ слышанныхъ нами отрывкахъ нельзя не признать блестящихъ слѣдовъ неоспоримаго дарованія и глубокаго мастерскаго умѣнья управлять и распоряжаться оркестромъ. Венгерскій маршъ и балетъ Сильфовъ, легкій и воздушный, какъ едва-внятный звонъ золотой арфы отъ прикосновенія мотылька, восхитили слушателей, немногихъ запуганныхъ въ началѣ концерта громомъ и суматохой римскаго карнавала. Въ римскомъ карнавалѣ каждый ожидалъ веселаго, распашнаго приволья итальянской игривости, а не ученой мозаики звуковъ по правиламъ очень немногимъ понятной науки.

Но за-то въ отрывкѣ изъ «Ромео и Джульетта» васъ поразила одна счастливая черта, полная истины и поэзіи. Ромео одинъ въ саду думаетъ о любимой. Нѣжная его задумчивость обозначается въ оркестрѣ пѣніемъ гобоя, которое какъ-бы вылетаетъ отдѣльно подъ таинственный говоръ прочихъ инструментовъ. Но вотъ готовится праздникъ. Вотъ сходятся званые на пиръ. Прощай скромное уединеніе, гдѣ о ней такъ привольно думалось. Раздаются шумные звуки бала; и что жъ? среди тревожнаго торжества душа не разстается съ своей завѣтной мечтой. Пускай раздаются клики веселья, пускай волнуются пестрыми толпами непонятливые люди: одна любимая живетъ это мертвое сборище, и робкая пѣснь любви вдругъ становится сильна и могуча, и громомъ трубныхъ голосовъ покрываетъ балъныя рѣчи, привычныя пляски и весь бессмысленный хаосъ толпы, непонимающей чуднаго присутствія всепокоряющаго чувства.

Концертъ заключился оглушительнымъ маршемъ на два оркестра съ широкой, грандіозной тѣмой, невольно потрясающей всѣ нервы слушателя, и затѣмъ всѣ разошлись по домамъ; но многимъ не спалось въ эту ночь отъ волненія и какого-то томительнаго чувства. Многіе спрашивали себя: достаточно ли одной страсти и знанія для искусства, и не должно ли оно не возмущать, а скорѣе успокоивать душу; не должно ли оно отрывать насъ отъ нашихъ ежедневныхъ привычныхъ житейскихъ бореній и переносить въ лучшій свѣтлый міръ, гдѣ сердцу можно освѣжиться и отдохнуть?

Г. Берліозъ былъ, конечно, въ-правѣ ожидать отъ насъ одной безусловной похвалы. Но да обвиняетъ онъ самого себя за нашу осмотрительность и отчетливость въ сужденіяхъ. Занявъ, по привычкѣ, и на фельетонномъ поприщѣ первое мѣсто, г. Берліозъ выучилъ насъ тому, что въ дѣлѣ критики не надо руководиться жаромъ перваго увлеченія, а холодно повѣрять разсудкомъ чужой трудъ и собственные чувства. Г. Берліозу извѣстно, болѣе чѣмъ кому-нибудь, что критика старуха, сомнительно качающая головой посреди свѣжихъ порывовъ молодости. Критика слушаетъ со вниманіемъ и слушаетъ не хуже молодыхъ, согрѣваясь прошедшимъ жаромъ, но говорить она съ осторожностью и гордится своей безстрастной справедливостью.

И потому, отдавая полную справедливость геніальной фантазіи г. Берліоза, мы должны упомянуть съ благодарностью и объ исполнителяхъ. Около трехсотъ человѣкъ повиновались волшебному жезлу чародѣя, и повиновались какъ одинъ человѣкъ. Мы никогда ничего подобнаго въ Петербургѣ не слыхивали. Откуда этотъ огонь, эта точность, эти неизвѣстные дотолѣ у насъ оттѣнки? Странное дѣйствіе увѣренности и силы воли! Въ нихъ заключается несомнѣнное вліяніе невольнаго электричества. Въ концертѣ Берліоза нельзя было узнать нашихъ старыхъ знакомыхъ здѣшнихъ артистовъ. Повиснувъ душой къ жезлу своего начальника, съ лихорадочной молодостью въ глазахъ, они переобразовались подъ магическимъ вліяніемъ въ рѣшительныхъ энергическихъ переводчиковъ исполинскихъ мыслей; сами

находили въ томъ неиспытанное наслажденіе и потомъ, бросивъ свои инструменты, рукоплескали съ увлеченіемъ юношей, радуясь чужому успѣху и собственной въ томъ радости.

Эта невольная дань людей, посвятившихъ себя искусству, вѣроятно, лестнѣе для г. *Берліоза*, чѣмъ несовсѣмъ сознательное хлопанье публики и шумные вызовы, къ сожалѣнію, у насъ ничего недоказывающіе, кромѣ охоты пошумѣть.

Послѣ концерта г. *Берліоза*, желая отдохнуть отъ тревожныхъ впечатлѣній и отъ напряженія слуха и ума... мы отправились... но какъ сказать это, какъ сознаться въ томъ... мы отправились тоже въ концертъ, потому-что куда теперь ни поѣдешь, все-таки пріѣдешь въ какой-нибудь концертъ... Но въ какой концертъ?—вотъ что трудно выговорить. Мы скажемъ вамъ это на ухо, не говорите только никому: мы поѣхали слушать музыку вокальную. Какъ? Да итальянцы разѣхались... Слушайте же нашу исповѣдь. Мы поѣхали на музыку любителей. Вы глядите на насъ съ ужасомъ. На музыку любительницъ, молодыхъ любительницъ, ученицъ учителя пѣнія *Давида*, который прощается съ Россіей и уѣзжаетъ на родину. Вы улыбнулись и, можетъ-быть, ужъ завидуете намъ. Поэзія молодости и красоты будетъ всегда лучше дикой поэзіи г. *Берліоза*.

Концертъ г. *Давида* раздѣлялся, нехуже современной мелодрамы, на двои сутки и нѣсколько картинъ, или, правильнѣе, на цѣлое собраніе картинокъ въ родѣ *Грѣза* и *Греведона*. Вообразите, цѣлый разсадникъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя стоятъ передъ

вами съ потупленными глазами, въ ужасномъ испугѣ, и которыхъ свѣжіе, звонкіе голоса пріятно удивляютъ вашъ слухъ, утомленный отъ барабановъ. Не будемъ говорить, что одна пѣла лучше другой. Всѣ равно хорошо пѣли, потому-что этотъ концертъ былъ не простымъ концертомъ, а милымъ дѣломъ, данью благодарности отъѣзжающему учителю, чѣмъ-то въ родѣ свободного семейнаго праздника, въ которомъ и незнакомый человѣкъ готовъ былъ принять съ радостью признательное участіе.

— 93 —

V.

Э. И. ГУБЕРЬ.

Опять однимъ меньше въ сиротствующей семьѣ русскихъ литераторовъ! Скончался нашъ добрый сотрудникъ и товарищъ Э. И. Губеръ, на 32 году отъ рожденія, въ ту пору жизни, когда дарованіе мужается и опредѣляется яснѣе, когда поэтъ не увлеченъ болѣе одними порывистыми тревогами юности, а ужь руководствуется въ своихъ твореніяхъ зрѣлою обдуманностью и сознательными понятіями объ искусствѣ и жизни. И вотъ опять новая утрата! Опять однимъ меньше въ сиротствующей семьѣ русскихъ литераторовъ!

Бѣдный Губеръ! бѣдный поэтъ! или, лучше сказать, бѣдные его товарищи! бѣдные мы! Онъ заставилъ насъ пережить его и внести новое незабвенное имя въ вѣчно-возрастающій списокъ нашихъ утратъ. Онъ никого уже не будетъ ни терять, ни оплакивать, а мы, пока не дойдетъ и до насъ очередь, все будемъ не досчитываться его въ нашемъ тѣсномъ кругу. Мы все будемъ помнить это добродушное пушкинское лицо, эту разумную улыбку, эту грустную веселость, которыя были въ немъ такъ привлекательны. Не забудемъ мы тоже его благородныя чувства, его сердечную неиспорченность посреди столичныхъ искушеній, его счастливую вѣру въ друж-

бу, его дѣтскую душевную простоту, которая даруется свыше поэтамъ въ вознагражденіе за невѣдомыя прочимъ людямъ скорби. Отчужденный отъ семейства и небогатый, онъ нажилъ въ Петербургѣ цѣлую семью горячихъ друзей, которые лишились въ немъ болѣе, чѣмъ роднаго. Этимъ однимъ ужь опредѣляется вся его жизнь.

Губеръ родился въ Саратовѣ, 1 мая 1815 года, и съ самаго дѣтства обнаружилъ блестящія способности. Онъ основательно изучалъ древніе языки подъ руководствомъ отца своего (нынѣ супер-интендента реформатской церкви въ Москвѣ), когда судьба свела его съ однимъ необыкновенно замѣчательнымъ человѣкомъ. Въ то время жилъ въ Саратовской Губерніи супер-интендентъ протестантской церкви Фесслеръ, перебивавшій въ теченіе своей странной жизни католическимъ монахомъ, домашнимъ учителемъ, профессоромъ восточныхъ языковъ, преобразователемъ масонскихъ ложъ, сочинителемъ трагедій, романовъ и весьма уважаемой венгерской исторіи, сотрудникомъ при составленіи общаго собранія россійскихъ законовъ, учредителемъ филантропическихъ колоній и наконецъ предсѣдателемъ Протестантской Консисторіи. Фесслеръ, человѣкъ ума проницательнаго и учености изумительной, былъ пораженъ способностями молодого Губера, писавшаго уже на семилѣтнемъ возрастѣ латинскіе и нѣмецкіе стихи и обучавшагося въ Саратовской Гимназіи. Старый ученый нашелъ въ привязанности своей къ молодому даровитому мальчику отдохновеніе отъ тревожной жизни, началъ руководствовать его занятіями

и привезъ его наконецъ съ собой, въ 1830 году, въ Петербургъ. Замѣчательно, что тогда только Губеръ началъ учиться русскому языку и, кромѣ того, былъ обязанъ Фесслеру тѣмъ основательнымъ образованіемъ, которое было залогомъ нашихъ надеждъ на поэта въ будущемъ. Минутная теплота души безъ прочнаго основанія въ жизни простываетъ скоро и невозвратно. Юноша высказывается съ перваго слова и нечего ожидать отъ него болѣе. Но когда человѣкъ приготовленъ наукой, укрѣпленъ знаніемъ, онъ не ослабѣетъ на первомъ шагу, не испугается перваго препятствія; онъ все будетъ идти впередъ и все будетъ совершенствоваться.

Вотъ почему послѣднія произведенія Губера были гораздо лучше, полнѣе и художественнѣе первыхъ. Прологъ «Вѣчнаго Жида», оконченный имъ незадолго передъ смертью, превосходитъ, безъ сомнѣнія, всѣ прочія его произведенія, какъ по изяществу стиха, такъ и по обдуманности плана, по картинности изображеній.

Къ общимъ познаніямъ, внушеннымъ ему Фесслеромъ, Губеръ присовокупилъ болѣе спеціальныя, по случаю вступленія его въ корпусъ Путей Сообщенія, изъ котораго онъ выпущенъ въ 1834 г. офицеромъ. Въ 1839 году, чувствуя непреодолимую склонность къ литературнымъ занятіямъ, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана.

Первая попытка Губера въ непривѣтливомъ дѣлѣ словесности была, какъ то обыкновенно бываетъ, неудачна. Онъ перевелъ подъ глазами Фесслера почти непереводаимаго «Фауста»; но, встрѣтивъ затруд-

ненія въ напечатаніи перевода, огорчился, какъ молодой человѣкъ, и безпощадно сжегъ свой трудъ. Въ то время, возвратившись однажды домой, узналъ онъ отъ своего человѣка, что къ нему приходилъ съ визитомъ какой-то господинъ, называвшій себя Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Губеръ, не оглядываясь, побѣжалъ къ новому покровителю, который встрѣтилъ его радушно, и спрашивалъ про переводъ, о которомъ уже слышалъ; узнавъ, что переводъ сожженъ, Пушкинъ началъ упрекать въ томъ молодого поэта и прибавилъ, что если Губеръ дорожить его пріязнью и хочетъ къ нему ходить, то онъ приглашаетъ его не иначе, какъ всякій разъ съ продолженіемъ новаго перевода «Фауста».

Ободренный такимъ участіемъ, Губеръ ревностно принялся за работу. Переводъ былъ посвященъ Пушкину и вышелъ въ печати въ 1838 году, но Пушкина ужь не было въ живыхъ.

Послѣ этого Губеръ ужь исключительно посвятилъ себя литературѣ и поэзіи, участвовалъ во многихъ современныхъ изданіяхъ и въ особенности въ редакціи «Библіотеки для Чтенія». Въ послѣдніе мѣсяцы своего существованія онъ принималъ дѣятельное участіе въ нашей газетѣ. *

Какъ поэтъ, Губеръ не оцѣненъ еще достаточно своими соотечественниками. Небольшая книга его стихотвореній, вышедшая въ 1845 году, хотя и доставила ему общую извѣстность, но не могла удовлетворительно опредѣлить его дарованія. Его фантазіи,

* С. Пет. Вѣд.

слегка оттѣненной мрачной болѣзненностью и навѣ-
комъ къ фесслеровской философіи, нуженъ былъ
широкій полетъ. Въ часы отдохновенія отъ довольно-
сухихъ журнальных трудовъ, Губеръ чертилъ пла-
ны огромныхъ зданій, глубокихъ поэмъ, выражавшихъ
всю исторію человѣчества. Такъ набросанъ былъ «Вѣч-
ный Жидъ», котораго одинъ прологъ превосходная по-
эма. Такъ написаны были поэма «Прометей», шесть
главъ изъ поэмы «Антоній» и многія неизданныя сти-
хотворенія. Губеръ писалъ съ любовью, не торопясь,
писалъ не для печати, не для приманки авторства,
а для собственнаго наслажденія, по внутреннему
призыву. Вотъ отчего онъ неоцѣненъ еще достаточ-
но и надолго еще останется въ полутѣни, пока серьез-
ныя его произведенія не сдѣлаются гласными. Ха-
рактеръ его поэзіи неподдѣльно-мраченъ, но въ немъ
выражается скорѣе голосъ грустнаго примиренія,
чѣмъ отчаянія и упрековъ жизни. Чистая, незлобная
душа поэта просвѣчиваетъ въ каждомъ его словѣ, и
слова эти звучны, мягки, округлены, пластически
отдѣланы съ рѣдкимъ искусствомъ. Мы не хотимъ
и не можемъ писать здѣсь критическаго разбора со-
чиненій покойника. Мы не въ силахъ выговорить
слова холоднаго сужденія, хотя и съ заслуженной
похвалой надъ свѣжей, только-что закрывшейся мо-
гилой товарища. Поблагодаримъ лучше его за то,
что онъ искусство любилъ для искусства, въ жизни
вѣрилъ всему свѣтлому и былъ не только хорошимъ
поэтомъ, но—что рѣже, еще чѣмъ хорошій поэтъ—от-
личнымъ, неукоризненнымъ человѣкомъ.

Будучи еще самъ молодъ, онъ имѣлъ надъ всѣми

своими молодыми пріятелями какое-то неоспоримое наставническое вліяніе—такъ сильно было то уваженіе, которое онъ внушалъ къ себѣ. Въ обыкновенной жизни онъ былъ скромень и довѣрчивъ, снисходителенъ къ другимъ и строгъ къ самому себѣ; не заятналъ своей совѣсти ни умышленнымъ оскорбленіемъ ближняго, ни сомнительнымъ дѣломъ, ни даже унижительнымъ помысломъ. Оттого и жизнь его была прекрасная; оттого и смерть его была примѣрная.

Онъ давно страдалъ отъ хронической болѣзни въ сердцѣ, которая осуждала его на мучительныя бессонницы и предвѣщала ранній конецъ; но онъ не унывалъ духомъ и бодрствовалъ до-тѣхъ-поръ, пока силы не измѣнили ему. 5-го апрѣля онъ занемогъ въ одномъ домѣ, гдѣ былъ принятъ съ давняго времени какъ родной, и подъ этимъ гостепріимнымъ кровомъ, столько разъ пріютившимъ его одинокую жизнь, тихо скончался въ кругу своихъ друзей. Болѣзнь его была сопряжена съ тяжкими страданіями, но конецъ его былъ свѣтелъ и тихъ. Онъ умеръ, 11-го апрѣля, не только спокойно и твердо, но съ какой-то вдохновенной, истинно-поэтической радостью, благодаря друзей за дружбу, говоря, что онъ умираетъ спокойно и что сладко умирать.

Если что-нибудь можетъ утѣшить насъ въ его кончинѣ, то это самая его смерть, то это новое, высокое и послѣднее поученіе, которое онъ оставилъ своимъ друзьямъ.

Въ прошедшій вторникъ, 15-го числа, Губера опустили въ могилу на Волковомъ Кладбищѣ. Сердце

сжимается при мысли, что его не будетъ уже болѣе между нами, что онъ не отзовется болѣе на нашъ голосъ, не улыбнется болѣе на нашу улыбку.

Не смерть страшна. Смерть—законъ природы, Страшно то, что надо умирать поодиначкѣ, поочередно, другъ за другомъ, отрывать каждый день отъ живыхъ привязанностей и хоронить себя въ другихъ.

Страшно то, что мы не можемъ привыкнуть къ мысли о нашей бренности и все чего-то ждемъ и ищемъ, когда смерть стоитъ у нашего порога, гробовщикъ обтесалъ нашу послѣднюю обитель и тащійся въ насъ недугъ уже отсчиталъ часы нашего существованія.

Блаженъ тотъ, кто встрѣтитъ великое испытаніе съ спокойнымъ взоромъ и скажетъ въ тотъ роковой часъ, когда ложь невозможна, что онъ умираетъ спокойно и что сладко умирать.

VI.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ Э. И. ГУБЕРЪ.

Въ жизни каждаго литератора встрѣчаются нечаянно добрыя минуты, вознаграждающія съ излишкомъ за безчисленные неудовольствія, которыми въ особенности, кажется, изобилуетъ шероховатое поприще нашей отечественной словесности. Я удостоился на дняхъ такой отрадной минуты и принялъ ее, какъ принимаю все хорошее въ жизни, съ удивленіемъ и благодарностью. Не знаю, помнятъ ли еще читатели небольшую статью, посвященную мной въ листахъ нашей газеты незабвенной памяти нашего добраго товарища и сотрудника Э. И. Губера. Одинъ человѣкъ не забылъ ее и не забудетъ, вѣрно: это—отецъ покойника. Онъ пишетъ ко мнѣ—и въ словахъ плачущаго отца не можетъ быть обмана—что статья моя была лучшимъ ему утѣшеніемъ въ тягостномъ испытаніи, въ незамѣнимой утратѣ. Онъ благодаритъ меня за дружбу къ сыну, какъ-будто не мнѣ надо быть благодарнымъ за нея. Не ей ли я обязанъ тѣми отрадными бесѣдами, которыми, во время моего слишкомъ кратковременнаго сближенія съ покойникомъ, я отводилъ усталую душу, любуясь сердечной чистотой и высокой довѣрчивостью поэта? И нынче даже, въ часы сомнѣнья о своемъ призваніи, въ часы унынія о своемъ безсиліи, не ей ли я обязанъ тѣмъ успокои-

тельнымъ сознаньемъ, что не даромъ принялся за перо? и если не произвелъ ничего достойнаго вниманія потомства, то могъ принести по-крайней-мѣрѣ хоть тѣнь утѣшенія скорбящему семейству.

Къ полученному мною письму приложена біографія покойника, написанная его отцомъ. Моему произволу предоставляет онъ выборъ того, что можетъ быть напечатано изъ написаннаго имъ. Но у кого достанетъ духа, чтобъ выкинуть хоть одно слово изъ надгробнаго сѣтованья старца надъ ранней могилой сына? И какой памятникъ, какая эпитафія могутъ лучше прославить жизнь усопшаго, какъ не слова признательности къ нему въ устахъ духовнаго сановника, не только оплакивающаго съ твердостью христіанина близкаго къ сердцу, но уважающаго въ немъ память примѣрнаго человѣка?

Итакъ передаю читателямъ полный переводъ полученной мною статьи, писанной на нѣмецкомъ языкѣ. Тѣ, которые знали Губера лично, не найдутъ ее слишкомъ длинною. Тѣ, которые знали его только по сочиненіямъ, познакомятся съ нимъ ближе и полюбятъ его по смерти, какъ мы любили его при жизни.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Москва 1847, 15 мая.

Эдуардъ Губеръ, сынъ евангелическо-лютеранскаго генерал-супер-интендента Губера, въ Москвѣ, родился въ Саратовской Губерніи, 1-го мая 1814, а не 1815 года. У родителей его было уже трое, до него родившихся дѣтей, которыхъ сама мать учила

читать и писать. Отецъ помогалъ ей, часто читалъ своимъ дѣтямъ сочиненія, приноровленные къ ихъ понятіямъ, рассказывалъ краткія повѣсти, параболы, басни, и декламировалъ имъ пѣсни и стихотворенія. Съ четвертаго года своего возраста Эдуардъ принималъ участіе въ этихъ семейныхъ занятіяхъ произвольно, безъ всякаго побужденія со стороны родителей. Необыкновенно-легко и скоро выучился онъ читать и любилъ читать вслухъ. Особенно нравились ему рѣмы. Напримѣръ, когда ему читали «Заколдованнаго Принца», то при слѣдующемъ стихѣ:

«Er sitzt im Thurm
Und blässt in's Horn»

онъ невольно и досадуя на то, что тутъ нѣтъ рѣмы, исправлялъ этотъ стихъ и говорилъ:

«Er sitzt im Thorn
Und blässt in's Horn.»

На четвертомъ уже году сталъ онъ учиться писать и вскорѣ сталъ писать довольно-красиво, скоро и вѣрно; съ особеннымъ удовольствіемъ и тайкомъ записывалъ онъ для себя выученные стихи; но, не довольствуясь этимъ, онъ вскорѣ сталъ самъ сочинять стихи, которые записывалъ въ особую тетрадку. Отецъ его, говорившій въ то время по-латини, очень охотно, и даже почти лучше, нежели по-нѣмецки, старался передать старшему брату покойнаго Губера свои познанія въ латинскомъ языкѣ, представляя его не какъ мертвое, но какъ живое нарѣчіе. И въ этихъ урокахъ Эдуардъ принималъ добровольное и охотное участіе. Слушая чтеніе латинскихъ стиховъ, онъ

спросилъ однажды, когда ему только-что минуло пять лѣтъ:

— Папенька, развѣ это тоже стихи?

— Конечно, и даже прекрасные.

— Отчего же рѣемы нѣтъ?

— Латиняне и, преимущественно Виргилій, избѣгали рѣемъ.

— А кто это Виргилій?

— Это человѣкъ, съ раннихъ лѣтъ говорившій уже стихами и написавшій впослѣдствіи прекраснѣйшія и благозвучнѣйшія стихотворенія.

— Вотъ какъ!.. возразилъ Эдуардъ серьезно и задумался.

Прилежаніемъ, склонностью и охотою дошелъ онъ вскорѣ до того, что, по желанію его, я могъ читать и объяснять ему латинскихъ и греческихъ классиковъ, указывать какъ на грамматическія правила, такъ и на стопосложеніе, на красоты и благозвучіе языка, на содержаніе стихотвореній, на направленіе и духъ поэта. Онъ слушалъ охотно и радостно восклицалъ:

— Вотъ это гораздо пріятнѣе глупыхъ склоненій и спряженій!

— Конечно, возразилъ я, но и склоненія необходимы.

Онъ соглашался съ этимъ, однакожь во время уроковъ прыгалъ съ братомъ своимъ по стульямъ и скамьямъ, былъ то подъ столомъ, то на столѣ, и рѣзвился тѣмъ смѣлѣе, что отецъ самъ смѣялся ихъ прыжкамъ, лишь бы они внимательно слушали его. Эдуарда рѣшительно ни къ чему не принуждалъ; онъ

самъ напрашивался на ученіе, и его нужно было скорѣе удерживать, нежели понуждать. И въ гимнастическихъ упражненіяхъ не было недостатка, потому-что отецъ самъ охотно возился съ дѣтьми и дома и на открытомъ воздухѣ. Эдуардъ былъ, подобно братьямъ и сестрамъ своимъ, здоровъ и силенъ; только цвѣтъ лица у него былъ блѣдный; не было никакихъ признаковъ ни слабаго сложенія, ни страшной болѣзни сердца, развившейся впослѣдствіи. До шестнадцатилѣтняго возраста Эдуардъ жилъ въ родительскомъ домѣ, жилъ беззаботно, радостно, былъ всегда здоровъ и никогда не терпѣлъ какого-либо принужденія. Съ 1830 года разстался онъ съ своими, но всегда оставался съ ними въ тѣсной связи, писалъ часто и всегда съ такою сердечною, искреннею привязанностью и такъ занимательно, что письма его, сохраненныя матерью, останутся какъ истинная святыня въ нашемъ семействѣ.

Въ началѣ 1823 года, когда отецъ Губера былъ переведенъ изъ деревни въ городъ Саратовъ, въ званіи пастора и ассессора Евангелическо-Лютеранской Консисторіи, Эдуарду было восемь лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, и только въ это время познакомился онъ съ *Фесслеромъ*, который удивлялся способностямъ ребенка и охотно занимался имъ.

Однакожь особеннаго вліянія Фесслеръ не могъ имѣть на него, потому-что въ лѣтніе мѣсяцы находился въ отсутствіи, а ребенокъ съ утра до вечера оставался въ гимназіи, вечеромъ же занимался съ отцомъ латинскимъ и греческимъ языками, или же работалъ одинъ для себя, читалъ, писалъ и сочинялъ.

До десяти-лѣтняго возраста Эдуардъ не зналъ по-русски. Чтобъ поступить въ Саратовскую Гимназію, гдѣ всѣ науки преподавались на русскомъ языкѣ, онъ бралъ въ продолженіе полутора года private уроки русскаго языка. Въ августѣ 1824 года былъ онъ принятъ и, живя въ родительскомъ домѣ, до 1830 года посѣщалъ гимназію, гдѣ оказалъ большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ, такъ-что на публичномъ экзаменѣ 1830 года читалъ стихи своего сочиненія, въ которыхъ прощался съ своими любимыми товарищами и уважаемыми наставниками. Но только въ Петербургѣ сроднился онъ совершенно съ русскимъ языкомъ и полюбилъ его. Уже съ 1826 года *Фесслеръ* былъ отозванъ въ Петербургъ и съ-тѣхъ-поръ не возвращался въ Саратовъ. Въ 1830 году Эдуардъ пожелалъ ѣхать въ Петербургъ, чтобъ вступить въ Инженерный Корпусъ. Я никогда не принуждалъ ни къ чему моихъ дѣтей, однакожь въ этомъ случаѣ замѣтилъ Эдуарду:

— На счастье, будь чѣмъ хочешь, но человекомъ дѣльнымъ и полезнымъ. Однакожь мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ ты избралъ какое-нибудь прямо ученое званіе.

Впослѣдствіи онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Вы знали меня лучше, нежели я самъ себя.

Когда Эдуардъ прибылъ, въ 1830 году, въ Петербургъ, у него сначала не было другихъ знакомыхъ, кромѣ тѣтки его съ материнской стороны и ея мужа, которые любили его какъ сына и *теперь* еще называютъ «своимъ любезнымъ, незабвеннымъ Эдуардомъ». Отецъ его бѣденъ, а потому не могъ помогать сыну.

Эдуардъ зналъ это, никогда не просилъ ничего у своихъ родителей и съ 1830 года не получалъ отъ нихъ ни гроша; онъ же самъ содержалъ почти одинъ своего младшаго брата въ бытность послѣдняго въ Дерптѣ.

Слѣдовательно только въ Петербургѣ, съ половины 1830 года, Эдуардъ Губеръ могъ ближе познакомиться съ Фесслеромъ, который не могъ оказывать ему денежнаго пособія, но сердечно привязался къ нему, занимался съ нимъ и ближе ознакомилъ его съ философіею гётева «Фауста» и вообще съ языкомъ Гёте. Несмотря на то, что Фесслеръ самъ не зналъ ни слова по-русски, онъ, однакожь, много способствовалъ образованію Эдуарда Губера, въ чемъ послѣдній всегда съ признательностью сознавался.

Вотъ нѣсколько словъ о латинскихъ и нѣмецкихъ стихотвореніяхъ, которыя Эдуардъ Губеръ писалъ уже на седьмомъ году своего возраста. Когда онъ разстался, въ 1830 году, съ своими родителями, послѣдніе нашли между его бумагами множество отдѣльных листковъ, исписанныхъ стихами, и, между прочимъ, довольно-толстую тетрадь съ надписью:

«Полное собраніе сочиненій Эдуарда Губера. Издать послѣ его смерти.»

Эта тетрадь, начатая въ 1821 и конченная въ 1824 году (съ-тѣхъ-поръ онъ былъ слишкомъ занятъ въ гимназій), была наполнена ребяческими рассказами, стихами, баснями, комедіями, трагедіями, и т. п. Когда Эдуардъ Губеръ навѣстилъ въ первый разъ своихъ родныхъ въ Москвѣ, братья его, желая подшутить надъ нимъ, стали ему читать отрывки изъ

полнаго собранія его сочиненій. Онъ смѣялся съ нами; мы же болѣе всего надъ нимъ и надъ его критиками собственныхъ издѣлій. Онъ безпрестанно восклицалъ:

«Это безтолково! Это нелѣпо! Какъ можно думать такія вещи, не только что писать ихъ! Нѣтъ, ужъ это слишкомъ глупо!» и т. п.

Однакожь не все было глупо; такъ, напримѣръ, замѣчательны стихотворенія: «Осель и Левъ», «Скупость», «Бѣдность» и др.

Эдуардъ Губеръ всегда былъ очень трудолюбивъ и серьезенъ. Родителей, братьевъ и сестеръ онъ уважалъ и любилъ, часто навѣщалъ ихъ въ Москвѣ, и былъ особенно привязанъ къ той, которую онъ называлъ своею безподобною матерью. Последнее письмо къ ней, отъ 5 марта 1847 года, заключаетъ онъ слѣдующими словами:

«...Надѣюсь, что мы проведемъ это лѣто счастливо и весело, если къ намъ пріѣдетъ моя любезная сестра. Но еще бы лучше было, еслибъ и вы, любезная матушка, собрались въ дорогу къ намъ, хотъ это мысль нашей доброй тѣтушки, но я вполне одобряю ее. Примите это хорошенько къ сердцу, потому-что я былъ бы вполне счастливъ, еслибъ могъ обнять васъ здѣсь. Спѣшу кончить письмо. Пріймите еще тысячу поклоновъ, большихъ и малыхъ, и сердечный поцалуй мой батюшкѣ, въ котораго я попрежнему влюбленъ какъ безумный,» и пр.

Отцу своему писалъ онъ 20 іюля 1837 года:

«...Душа моя радуется, когда я получаю нѣсколько строкъ отъ васъ; все въ нихъ имѣетъ вѣсъ и такъ

самобытно, сильно! «Философія, говорите вы, объясняющая мнѣ мое знаніе и опредѣляющая, такъ сказать, мое знаніе, заслуживаетъ, чтобъ я вникъ въ нее и полюбилъ ее; но отвратительна та философія, которая отнимаетъ у меня вѣру въ Бога и въ личное безсмертіе. Я не хочу, подобно Иксіону, обнять пустое облако вмѣсто небесной царицы (религіи)». Въ этомъ я совершенно согласенъ съ вами. И то, что вы нѣкогда говорили мнѣ: «Мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ ты избралъ какое-нибудь прямое ученое званіе», совершенная истина; однакожь чего нѣтъ, то можно еще сдѣлать. Я самъ избралъ и теперь кончилъ изученіе математики, которую прошелъ съ ревностью, хотя и безъ особенной любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ я не пренебрегалъ и другими науками. Одностороннее образованіе не можетъ удовлетворить духовному началу человѣка; а потому, рядомъ съ ученіемъ по долгу, я разъѣзжалъ съ любовью на конѣ своего произвола! Но пока я живу въ настоящихъ обстоятельствахъ, я не дамъ застояться или охрамѣть коню моей обязанности. Надѣюсь, что скоро прійдетъ время, когда я буду въ состояніи пересѣдлатъ коня моего произвола въ коня долга, и тогда буду разъѣзжать на немъ сопъ амоге» и т. д.

Матери онъ писалъ въ томъ же году:
«...Благодарю, тысячу разъ благодарю за вашу прекрасную, нѣжную любовь! Я прочиталъ ваши послѣднія строки съ истинно-сладостнымъ чувствомъ! Ваша заботливость вызвала слезы на глаза мои, а я, право, неплаксивой натуры. Много сокровищъ хранить человѣческая память; но самое прекрасное, са-

мое драгоцѣнное изъ этихъ сокровищъ — воспоминаніе о добрыхъ родителяхъ. Я наслаждаюсь этимъ счастьемъ въ высшей полнотѣ его. Я жажду обнять васъ, и если Господу будетъ угодно, то въ нынѣшнюю зиму лучшее изъ моихъ желаній исполнится...» и пр.

Онъ пріѣхалъ къ намъ чистый душою и тѣломъ, здоровый и веселый... Полтора года спустя, онъ опять навѣститъ насъ; но тогда ужъ онъ страдалъ безсонницею и я утрашился за жизнь его!

Въ 1836 году старшая (четырьмя годами) сестра хотѣла навѣстить его, но не могла исполнить своего желанія, а потому писала къ нему и получила слѣдующій отвѣтъ:

«Любезная, добрая сестра!

«Право, мнѣ болѣе тебя жаль, что обстоятельства заставили тебя отказаться отъ прекраснаго намѣренія провести съ нами нѣсколько дней. Съ какою радостью увидѣлся бъ я съ тобою, моя добрая сестра, и обнялъ бы въ тебѣ всѣхъ нашихъ! Правда, мы удалены другъ отъ друга, несмотря на то, мы близки сердцемъ! Именно тѣ два, три года, которые служатъ переходомъ отъ нѣжной юности къ зрѣлому возрасту, производятъ почти въ каждомъ человѣкѣ величайшую перемѣну: они разрушаютъ не одну сладкую мечту; они срываютъ листокъ за листкомъ съ зеленой роши надеждъ, такъ-что подъ-конецъ роща превращается въ обнаженную лозу; они показываютъ намъ холодную, дѣйствительную сторону жизни и разрушаютъ отважное зданіе дѣтскихъ иллюзій. Благодаря тому, кто спасаетъ тогда отъ кораблекрушенія дѣт-

ства лучшее сокровище строгаго, серьёзнаго возмужалаго возраста—Вѣру и молитву! Тогда онъ, несмотря на всѣ земныя потери, не теряетъ спокойствія жизни; въ борьбѣ и грозѣ ему остается твердый, вѣрный якорь, связывающій его съ тѣмъ міромъ. Въ твоёмъ письмѣ я нахожу нѣкоторыя увѣщанія, читаю ихъ охотно и вижу, что вы питаете нѣкоторое сомнѣніе на счетъ здравія моей души... А между-тѣмъ я твердо храню вѣру, внушенную мнѣ моимъ отцомъ, и молюсь тому же Богу, молюсь усердно и тепло въ минуту нужды. Если жъ я смотрю на иное слово съ другой стороны, то вѣдь слова составлены людьми; а какъ часто людямъ недостаетъ приличнаго выраженія, про то я, бѣдный поэтишка, знаю слишкомъ хорошо. Никогда не касаюсь я догматовъ религіи, ибо тамъ грань человѣческаго духа; за *эту* грань онъ не долженъ переступать. Я никогда и нигдѣ не теряю лишнихъ словъ объ этихъ высокихъ предметахъ, ибо вѣрую тихо про-себя, точно такъ, какъ и молюсь тихо, про-себя. Если жъ я назвалъ нашу милую кузину необычайно-богобоязненною, то это, право, не была насмѣшка надъ ангельско-чистой душой очаровательной дѣвушки; это было одно неудачное выраженіе, вырвавшееся у меня при сравненіи ея со мною самимъ. Кланяйся ей тысячу разъ отъ меня; она, по внутреннему достоинству своему, стоитъ высоко надъ нашимъ падшимъ вѣкомъ. Любезная Эмилія, пиши мнѣ чаще; ты не повѣришь, какъ благотѣтельно дѣйствуютъ на меня твои письма. Наставь на путь истинный твоего безбожнаго брата,

который охотно готовъ слушать твои увѣщанія, по-
тому-что всею душою любить тебя,» и пр.

Въ 1840 году, 10 іюля писалъ онъ намъ:

«...Я попрежнему работаю безъ устали и не выпускаю изъ виду своей цѣли. Я радуюсь, что могу уже нѣсколько быть полезенъ. Вы знаете, любезный батюшка, что любимѣйшею моею мечтою было сдѣлаться вашей опорой съ помощью моихъ слабыхъ силъ. Итакъ я начну теперь съ Іосифа и надѣюсь, что вы не лишите меня этого гордаго удовольствія. У васъ такъ много трудныхъ обязанностей, которыя превышаютъ даже ваши силы (у меня было въ то время на рукахъ, кромѣ моихъ дѣтей, пять сиротъ), что мнѣ было бы стыдно думать иначе. Съ сердечнымъ убѣжденіемъ говорю, что горжусь моими родителями и душевно благодарю Господа, даровавшаго мнѣ такого отца и такую мать. Дѣти составляютъ радость родителей; дѣти должны гордиться родителями,» и пр.

Но онъ скончался. Мать, столько радовавшаяся скорому свиданію съ нимъ, можетъ теперь ѣхать съ сестрою къ нему и поплакать на его могилѣ!..

Иванъ Губеръ генерал-суперинтендентъ.

Къ такимъ словамъ, къ такой некрологіи прибавлять, кажется, нечего.

**ВЕСНА. — ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО РАЙКУ. — НЕВСКІЯ
КАРЕТЫ. — НОВОСТИ. — НЕВЕСЕЛОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.**

Наконецъ явилась къ намъ эта неблагодарная, неповоротливая весна, которую мы такъ любимъ и которая насъ такъ не любитъ. Петербургу лучше. Правда, кое-гдѣ еще покашливаютъ, кое-гдѣ еще охаютъ, кое-гдѣ еще и умираютъ, но общая повальная болѣзнь миновалась. Нева сбросила наконецъ свой твердый саванъ и заплескала обновленной жизнью. На насъ пахнуло свѣжимъ весеннимъ вѣтеркомъ. Всѣ петербургскіе жители пріободрились и помолодѣли. Всѣ улицы закипѣли людьми, вдыхающими радостно весенній воздухъ.

Въ Лѣтнемъ Саду щегольской и щеголяющій міръ запестрѣлъ весенними нарядами, лихими конями, открытыми экипажами. Окрестныя дачи начинаютъ также наряжаться и готовиться къ пріему столичныхъ гостей. Весна, весна! Какое славное слово! какое отрадное чувство! Весна—молодость природы, пора любви и пѣсенъ, время свѣтлыхъ надеждъ и юношеской силы. Кто не любитъ весны? кто не радуется веснѣ?..

И какъ хорошъ нашъ Петербургъ весной, какъ чистъ, какъ гордъ, какъ благообразенъ, многолюденъ и могучъ! Какъ величественна наша Нева съ

ея гранитной каймой! Какъ привѣтливъ всѣ лица послѣ безконечныхъ морозовъ, послѣ нахмуренной зимы!

И какую сказать тебѣ еще лучшую новость, читатель, и чѣмъ тебя еще болѣе порадовать? Все, что занимало насъ въ холодные досуги, въ ненастные дни, теперь до насъ уже не касается. Концерты умолкаютъ передъ чудной гармоніей природы. Большой свѣтъ разъѣзжается. Свѣтская жизнь отложена до будущаго года. Визиты покончены, театръ пустѣетъ, раутъ невозможенъ и конченъ балъ. Наша словесность, назѣвавшись вдоволь, заснула жертвой собственной бездарности, и утомленная наша критика тихо опочила подъ бременемъ своего вѣчнаго недоброжелательства. Даже преферансъ, эта довольно-мутная душа нашего общества, даже преферансъ разстроился, теперь, когда уже близко время настоящей малины.

Два музыкальные событія, два прощальные концерта Эрнста и Берліоза не разбудили Петербурга отъ общей весенней дремоты. Несмотря на прекрасную цѣль перваго концерта, несмотря на заманчивый выборъ пьесъ втораго, театръ былъ почти пустъ. Въ партерѣ можно было сосчитать слушателей. Въ первыхъ ярусахъ и считать было некого. Слѣдовательно у насъ любятъ искусство по временамъ года, по принятому обыкновенію, по условіямъ моды; любятъ не искусство, однимъ словомъ, а модное, нарядное препровожденіе времени. Мы давно въ этомъ подозрѣвали своихъ согражданъ; но вотъ тутъ и доказательство на-лицо, или, правиль-

нѣе, отъ недостатка лицъ. Гдѣ же любятъ у насъ прекрасное? подумали мы и тяжело вздохнули, и вздохнувъ подняли глаза къ небу. Представьте наше удивленіе... Тамъ, наверху, на высотахъ баснословныхъ, подъ самой крышей, нанизанныя, нагроможденные, сколоченныя въ густую массу, киваютъ радостно несчетныя головы, рукоплещутъ безчисленныя руки. И всегда во-время, въ-попадъ, съ той необъяснимой догадливостью, которая одушевляетъ народныя сборища. Такъ вотъ на этотъ разъ наше высшее общество, и не для простой игры словъ, а въ-самомъ-дѣлѣ, по дани почтенія къ великимъ талантамъ, по внутреннему призыву къ высокому эстетическому наслажденію!

Смиренно винимся передъ вами, горніе жители душнаго рая: мы не питали къ вамъ должнаго уваженія: мы думали, что вамъ нужны площадныя шутки, неистовые вопли, гаерство въ видѣ искусства, и что нѣтъ въ васъ сочувствія къ настоящему искусству, которое всегда просто, какъ истина. Съ радостью признаемъ свою ошибку. Съ гордостью благодаримъ васъ за то, что вы оцѣнили великихъ художниковъ и проводили ихъ своимъ шумнымъ и даже сознательнымъ одобреніемъ.

А теперь ступайте на гулянье перваго мая, послушайте свои народныя пѣсни, полюбуйтесь на нарядныя экипажи и на сидящихъ въ нихъ, но не завидуйте чуждому богатству. Вы ходите въ раѣкъ, а не въ дорогую ложу, но ваши впечатлѣнія неподдѣльны, неиспорчены. Вы обладаете, сами того не зная, такими сокровищами, какихъ ни на какія деньги ку-

пить нельзя. Ступайте, добрые люди, къ своимъ невиннымъ удовольствіямъ, а мы пойдемъ вмѣсто васъ посмотрѣть въ Дворянское Собраніе, какъ большой свѣтъ торжественно прощается съ зимою; мы подслушаемъ маскарадныя тайны, подкараулимъ свѣтскія тревоги, и ничего вамъ о томъ не скажемъ, чтобъ не возмутить вашихъ чистыхъ радостей и благословеннаго спокойствія.

Прощайте же покуда. Живите высоко и счастливо. Не поминайте насъ лихомъ, какъ поминаютъ насъ наши собратья. Спасибо вамъ, что, во время нашей погони за современностью, вы заставили насъ натолкнуться на отрадное явленіе. Теперь мы продолжаемъ свой утренній путь... Спѣшимъ сами не знаемъ куда. Въ Лѣтній Садъ, что ли? Нѣтъ, на насъ старое пальто, а знатоки по этой части будутъ къ намъ неумолимы. Пойдемъ просто на Невскій Проспектъ: тамъ вѣчно есть что-нибудь. И точно. Вотъ между каретъ намъ знакомыхъ, съ англійской новомодной упряжью, тянется маленькій дилижансъ, украшенный надписью: «невская карета»... Это что такое? Нововведеніе, прогрессъ. Стой! Дайте фельетонисту прокатиться по Невскому: авось ли онъ поймаетъ въ новой каретѣ неуловимый въ Петербургѣ фельетонъ. Карета остановилась. Съ фельетониста, какъ съ простаго смертнаго, берутъ гривенникъ, и фельетонистъ сидитъ, притаившись въ уголокъ кареты и вглядывается въ окружающія его лица, вслушивается въ отрывистые разговоры. Во-первыхъ, тутъ чинно сидитъ чиновникъ съ крестомъ, потомъ другой, безъ креста, но,

можетъ-быть, представленный къ кресту. Рядомъ съ ними сидятъ двѣ женщины непозволительно безобразныя, подалѣе купецъ съ весьма краснымъ носомъ и такой длинной бородой, что ее хватило бы, по краснорѣчивому выраженію одного мастераго, по-крайней-мѣрѣ драки на три; подлѣ бородача подпрыгиваетъ на своемъ мѣстѣ господинъ неопредѣленнаго сословія, неизвѣстнаго имени, но который вездѣ вамъ встрѣчается куда бы вы ни вошли. Вы въ театрѣ, онъ сидитъ съ вами рядомъ; вы на биржу, онъ ужъ похваливаетъ тамъ устрицы; вы на свадьбу, онъ втерся въ церковь; вы на похороны, онъ и на похоронахъ промелькнетъ какъ неизбѣжная принадлежность Петербурга. Съ нимъ никто незнакомъ, но онъ всѣхъ знаетъ по имени и отчеству, по подробностямъ жизни, по всѣмъ извѣстнымъ и тайнымъ отношеніямъ. Подлѣ этого фантастическаго господина важно развалились два франта въ пестрыхъ галстукахъ, съ шляпами на носу, въ бѣлыхъ пальто и отчаянныхъ клѣтчатыхъ панталонахъ. Они смѣются и говорятъ громко, давая чувствовать своимъ сотоварищамъ, что если они ѣдутъ въ дилижансѣ, то это такъ, не по бѣдности, а для оригинальности, для шутки. Они толкуютъ всеуслышаніе о своихъ рысакахъ и экипажахъ, называютъ свѣтскихъ красавицъ уменьшительными именами и такъ и подчуютъ другъ друга аристократическими родственниками и знакомыми.

— Былъ ты въ концертѣ Берліоза? спрашиваетъ одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ, я былъ у князя... А ты былъ?

— Былъ.

— Что жь, хорошо?...

— Да, хорошо!...

— Что жь тебѣ понравилось?

— Да мнѣ понравилось маленькое голосное шерцо для тенора.

— А!... еще что?

— Инструментальное шерцо «Царица Мабъ».

— А скажи пожалуйста, топ шер, кто же тебѣ больше нравится, Берліозъ или Эрнстъ?

— Это, братъ, трудно рѣшить. Берліозъ мастеръ своего дѣла, ну да и Эрнстъ молодецъ.

— Не изволили слышать? спросилъ, вмѣшиваясь въ разговоръ, фантастическій господинъ:— правда ли, что Лежаръ остается въ Петербургѣ?

— Не знаю, сухо отвѣчалъ одинъ изъ франтовъ и, слегка улыбнувшись, продолжалъ разговоръ съ товарищемъ:

— Что ты дѣлаешь лѣтомъ? Ыдешь за границу?

— Не знаю еще. А ты?

— Я поѣду въ деревню на шесть недѣль, а тамъ буду жить на островахъ.

— Нанялъ дачу?

— Нанялъ; немного дорого, правда, шесть тысячъ.

Фантастическій господинъ улыбнулся въ свою очередь и шепнулъ на ухо купцу:

— Слышите, какъ вретъ? Онъ думаетъ, что я его не знаю. У него шести алтынъ нѣтъ за душой.

Купецъ погладилъ бороду и не отвѣчалъ ни слова.

Франты продолжали свой разговоръ.

— Скажи пожалуйста, mon cher... ты членъ новыхъ Жокей-клуба и Яхтъ-клуба?

— Нѣтъ... а ты?

— Тоже нѣтъ. Предлагали мнѣ, да некогда. Что ты нынче дѣлаешь?

— Пойду поѣсть устрицъ у Смурова, потомъ пойду обѣдать къ Сен-Жоржу, а оттуда въ театръ.

— Во французскій?

— Разумѣется. Ты держалъ пари за Неву?

— Какъ же; выигралъ пять тысячъ:

Фантастическій господинъ разсмѣялся.

Франты примолкли, и вмѣсто ихъ разговора слышался говоръ чиновническихъ голосовъ.

— Скажите пожалуйста, Дмитрій Петровичъ, вѣдь онъ, кажется, ужъ надворный совѣтникъ?

— Чего! къ празднику будетъ коллежскимъ.

— Вотъ ужъ можно сказать, что везетъ. Онъ тремя годами меня моложе, въ моемъ столѣ былъ простымъ писмоводителемъ, а теперь смотри куда ушелъ!

— И что въ немъ такого находятъ, не знаю право. Добро бы способности какія-нибудь необыкновенныя, а то просто пустой человѣкъ... и безъ протекціи, такъ-себѣ, лбомъ взялъ.

— Нѣтъ-съ, замѣтилъ фантастическій господинъ, который уже зналъ о комъ идетъ рѣчь: — онъ очень достойный человѣкъ; его самъ министръ отличаетъ.

Чиновники недовѣрчиво взглянули на незваного собесѣдника и поспѣшно перемѣнили разговоръ.

— Читали вы сегодняшнюю «Пчелу»?

—Какъ же-съ, съ удовольствіемъ пробѣжалъ.

—Замѣтили вы, какъ лихо отдѣлали тамъ какого-то литератора?

—Да, по-дѣломъ ему: зачѣмъ пустяки пишетъ. Признаться, Дмитрій Петровичъ, я самъ не пишу, а люблю-таки иногда книжку почитать. Вотъ и журналы просматриваю въ кондитерской. Скажите изъ милости, что это у насъ пишутъ? Ни слога, ни содержанія... ничего нѣтъ. Такъ-себѣ пишутъ, чтобъ писать. Спорять, бранятся, а путнаго ничего не выходитъ. По-мнѣ всего лучше Губернскія Вѣдомости; по-крайней-мѣрѣ тутъ дѣло: пойманъ бродяга, продается имѣніе; пріѣхалъ такой-то господинъ. Оно, можетъ-быть, и невесело, да за-то дѣльно.

—А изволили вы читать въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» замѣчательную статью о Языковѣ и Гоголѣ? спросилъ фантастическій господинъ. —Сколько правды, чувства и ума въ этой статьѣ!

—Не читалъ, отрывисто отвѣчалъ чиновникъ безъ креста и потомъ снова обратился къ своему товарищу:

—Вообразите, а я былъ вчера у Семена Петровича...

—Сражались?

—Шесть пулекъ сыиграли. Случай вышелъ довольно-странный. Тузъ, король самъ—пять пикъ и четыре трефы отъ короля—семь, кажется?

—Не въ рукѣ?

—Въ томъ-то и дѣло, что въ рукѣ.

—Что жь, безъ двухъ?

Соч. Соллогуба. Т. III. 8

—Безъ трехъ. Напалъ на даму пикъ самъ третей и туза трефъ самъ-четверть.

—Ну, это ужъ несчастіе... а играть эту игру всегда надо, форсѣ, разумѣется.

Въ это время дилижансъ остановился. Кондукторъ отворилъ дверцы и пассажиры разошлись въ разныя стороны. Фантастическій господинъ бросился, какъ угорѣлый, рыскать по улицамъ. Франты, взявшись за руку, отправились къ парикмахеру. Чиновники отправились въ департаментъ. Купецъ вошелъ въ заведеніе. Дамы исчезли неизвѣстно куда. Фельетонистъ принялся грустно шагать по широкимъ плитамъ Невскаго Проспекта и призадумался.

«Не вся ли петербургская жизнь выразилась, (подумалъ онъ) въ этомъ пустомъ и несвязномъ разговорѣ, который довелось мнѣ услышать? Отъ меня требуютъ живаго слова о живыхъ интересахъ и жизненной дѣятельности, а мнѣ едва удастся уловить въ моихъ согражданахъ минутное вниманіе ко всякому нововведенію, какъ бы оно полезно ни было. Теперь ѣздить въ «невскихъ каретахъ» изъ любопытства. Пройдетъ недѣля—о каретахъ забудутъ; кареты опустѣютъ. Публика найдетъ снова какую-нибудь игрушку на нѣсколько дней, а потомъ ее же разбранить и сломаетъ. А если вникнуть въ подробности вашей жизни, если безпристрастно оцѣнить все, что насъ окружаетъ, все, что живетъ съ нами и чѣмъ мы живемъ, если разсмотрѣть хорошенько и друзей и знакомыхъ и самихъ себя, наконецъ, что обнаружится передъ нами? Длинная сумрачная зима подъ разными наименованіями и съ

рѣдкими отдыхами въ классахъ мнимо-образованныхъ, мертвое равнодушіе къ наукѣ, искусству и литературѣ, какое-то вялое во всемъ легкомысліе, желаніе выказаться, похвастать и жить не по состоянію; огромное самолюбіе и мелкая зависть, малодушная досада на чужія заслуги и чужое отличіе и, въ заключеніе, карты, вѣчныя карты и вѣчныя ремизы.»

Бѣдный фельетонистъ надумалъ бы еще много безотраднaго, но въ это время солнце, скрывавшееся за облакомъ, вдругъ облило всю улицу потоками теплоты и свѣта. Холодный упрекъ растаялъ въ душѣ, ополченной на сатиру. Немного хорошихъ людей на свѣтѣ, но куда хорошъ Божій міръ!

VIII.

НѢЧТО О ПѢТУХѢ И, КСТАТИ О КРИТИКѢ. — ДУХОВЪ-ДЕНЬ. — ПОСЛѢДНІЙ МАСКАРАДЪ.

Сегодня мы, къ вашему удовольствію, не будемъ говорить ни о погодѣ, ни о томъ, что говорить вамъ нечего. Эти вѣчныя жалобы вамъ надоѣли и намъ тоже, повѣрьте, хотя мы менѣе всѣхъ въ нихъ виноваты. Нынѣче мы поговоримъ о занимательныхъ предметахъ, о предметахъ нешуточныхъ, о нашей критикѣ, напримѣръ.

Вамъ, можетъ-быть, неизвѣстно, что въ нашемъ литературномъ мірѣ случилось чрезвычайное происшествіе. Всѣ фельетонисты взбудоражились и переполошились по случаю отзыва одной газеты, назвавшей ихъ пѣтухами. Можете представить, сколько толковъ, сколько опасеній, сколько угрызений совѣсти, сколько поздняго раскаянія! Боже мой! ужь не пѣтухъ ли я? «Любезный другъ, скажи мнѣ откровенно, ты писалъ что-то, не-уже-ли ты не что иное, какъ пѣтухъ?» — «Милостивый государь, вы мнѣ казались подозрительными, вы, вѣрно, пѣтухъ». Кому тутъ обижаться, пѣтухамъ или литераторамъ? Если хорошъ пѣтухъ, пѣтуху досадно; если литераторъ съ дарованіемъ, оскорбительно для литератора. Журнальный міръ дѣйствительно распѣтушился на этотъ разъ. Всѣ величаютъ другъ дру-

га птичьими наименованіями. Хорошъ вы гусь! «говорить иной; «А вы, мокрая курица», возражаетъ его соперникъ. «Что вы расхорохорились индѣйкой?» подхватываетъ третій. «Запоете вы у меня цѣтухомъ! Ай да пастушеская простота, аркадійская невинность! Это ужъ не цвѣтистое, а птичье краснорѣчіе. Оперилась наша критика, и пора бы, кажется. Но вотъ что странно отъ птичника до скотнаго двора недалеко. Еще немного, и мы доживемъ до той просвѣщенной эпохи, когда литераторы будутъ печатно величать другъ друга телятиной, ослами, а публику во всякомъ случаѣ дойной коровой.

И не-уже-ли, скажите изъ милости, мы никогда не постигнемъ значенія и достоинства критики и то, что мы не только въ-правѣ ожидать, но даже въ-правѣ требовать отъ нея? Если критика такъ взыскательна къ литераторамъ, то отчего же литераторамъ не быть взыскательнымъ къ критикѣ?

Мы благоговѣемъ передъ отвлеченнымъ понятіемъ безпристрастной оцѣнки каждаго произведенія искусства. Мы убѣждены, что такая оцѣнка необходима въ дѣлѣ художническаго усовершенствованія. Мы даже несогласны съ тѣми изъ нашихъ собратій, которые насмѣшливо спрашиваютъ у своихъ судей отчета въ ихъ собственныхъ произведеніяхъ. Мало того, мы готовы выслушать почтительно несправедливое и даже пристрастное мнѣніе, высказанное только вѣжливо, потому-что вѣжливость намъ кажется неизбѣжнымъ условіемъ европейскаго обществія; но мы торжественно отвергаемъ безусловные и самонадѣянные приговоры недоброжелательной

личности. Но мы рѣшительно не смѣшиваемъ понятія о критикѣ съ лицомъ, обращающимъ критику въ ремесло. Критикъ—это тотъ, кто пожелаетъ, такой же господинъ, какъ вы и я, это всякій, кто можетъ взяться за перо; это человѣкъ, дурно-пообѣдавшій, невыспавшійся, сердитый на что-нибудь или на кого-нибудь. А критика часто не имѣетъ ничего общаго съ вопіющими во имя ея. Критика—это спокойная оцѣнка всѣхъ жизненныхъ вопросовъ; эссенція мудрости и, слѣдовательно, никто не въ-правѣ присвоить себѣ повелительно и самовольно ея вѣщаго глагола, потому-что никто изъ насъ недостойнъ того.

Пробѣгая въ досужные часы библіографическія хроники и рецензіи на новыя произведенія нашей тощей литературы, мы всегда сожалѣли о той странной бранчивости, которая замѣняетъ у насъ критику. Къ чему эта обыкновенная недоброжелательность? къ чему этотъ рѣшительный тонъ, ничѣмъ неоправданный? къ чему наконецъ, это отсутствіе всѣхъ приличій, заставляющее всякаго неприсяжнаго литератора ретироваться съ поля словесности, какъ человѣка, попавшаго въ двусмысленное общество? И что за радость, въ-самомъ-дѣлѣ, вмѣшиваться въ странное побоище, гдѣ бойцы задремали, а судьи бранятся? Что за удовольствіе сдѣлаться мишенью неудачныхъ остротъ и мелкой ненависти? Въ кругу людей образованныхъ всякій знаетъ имъ цѣну; о необразованныхъ и думать нечего. Но жалко то, что отъ этого литература падаетъ въ грязь и внушаетъ отвращеніе къ себѣ въ тѣхъ юныхъ дарова-

ніяхъ, которыя могли бы развиться и окрѣпнуть для чести и пользы русскаго слова.

Объ этомъ предметѣ можно было бы написать длинную и печальную статью. Но зачѣмъ? Истины защищать не слѣдуетъ. Истина сама себѣ лучшій защитникъ.

Намъ остается только ожидать съ терпѣніемъ того счастливаго пѣтуха, который возвѣститъ Россіи зарю дѣятельной словесности и пристойной критики.

Вотъ что мы хотѣли высказать однажды навсегда, и мы увѣрены, что слова наши найдутъ отголосокъ во многихъ убѣжденіяхъ. Съ своей стороны, мы литераторовъ будемъ всегда называть литераторами, а не какою иною живностью, и всегда готовы признавать ихъ настоящія заслуги. О достоинствѣ же, сходныхъ съ нашей по цѣли и содержанію, мы говорить, разумѣется, не станемъ. Мы не можемъ и не должны ничего сказать имъ, кромѣ радушнаго, учтиваго привѣтствія, которымъ размѣниваются путники, идущіе случайно по одной дорогѣ.

А теперь отъ нашего критическаго дѣла перейдемъ, читатель, къ нашей общественной жизни, къ нашимъ блѣднымъ удовольствіямъ. Былъ ли ты въ духовъ-день на гуляньѣ въ Лѣтнемъ Саду? Мы надѣемся, что не былъ. Вообрази себѣ, погода... но, виноваты, мы забыли, что о погодѣ мы обѣщались не говорить. Погоды слѣдовательно не было, было Богъ знаетъ что, весьма непріятное. Между остовами сухихъ деревъ двигались чинно и медленно забнувшія, худыя, блѣдныя, больныя, лихорадочныя лица. И что за женщины, другъ мой, читатель! по-

думать даже страшно! Гдѣ родятся онѣ? Кого казнять онѣ своимъ присутствіемъ? Намъ сказали въ утѣшеніе, что такъ-какъ гулянье это назначается для ловли жениховъ, благовидныя невѣсты, убѣжденные, что ихъ самихъ отыщутъ, гордо и самоуверенно сидятъ въ этотъ день дома. Можетъ-быть; но ужъ тѣ, которыя пустились въ погоню, вѣрно, никого не поймаютъ. Вообще гулянье Лѣтняго Сада произвело на насъ грустное впечатлѣніе. Мастеровыя, разряженныя и сморщенные горничныя, на всѣхъ нѣмецкія платья, и кое-гдѣ двѣ-три штофныя душегрѣйки, которыя стыдливо мелькаютъ въ сторонѣ, кое-гдѣ два-три выходца изъ аристократическаго міра, которые насмѣшливо поглядываютъ на эту толпу; шумъ разныхъ оркестровъ, наигрывающихъ Лучію Ламермурскую—все это, признайтесь, скучно, дико, непріязненно и какъ-то досадно.

Не такъ бываетъ въ Москвѣ, когда, въ солнечный майскій день, православный народецъ выйдетъ за городъ погулять и подышать воздухомъ. Любо-дорого взглянуть. Повсюду жизнь и веселье. Со всѣхъ сторонъ разбиты палатки, кипятъ самовары, раздаются народныя пѣсни, цыганскіе припѣвы. Тутъ вся Москва, и малъ и великъ, старшіе братья и меньшіе братья огромнаго семейства. Тутъ вся Москва во всемъ своемъ разгулѣ, во всей своей красотѣ. Тутъ русскій человѣкъ у себя дома, хозяинъ, тутъ раздается народный смѣхъ; тутъ слышится добродушно-колкая прибаутка; тутъ сарафанъ и не въ диковину; тутъ подчуютъ и угощаютъ другъ друга; тутъ разливное море и гулянье на-славу.

Москва насъ не любитъ, и въ этомъ ее слишкомъ винить нельзя. Но мы любимъ Москву, потому-что нѣтъ русскаго человѣка, который бы не любилъ Москву. Есть у нея, правда, свои раскольничьи слабости, но эти слабости и служатъ доказательствомъ того, что она поняла свое значеніе и хранитъ свято свое сокровище, наслѣдіе отцовъ—русскую народность.

Мы также русскіе—въ томъ никто не сомнѣвается ; только отечественное чувство заглушено въ насъ безпрестаннымъ соприкосновеніемъ съ иностранцами, непрерывными заботами служебной дѣятельности, столичной роскоши и вещественныхъ выгодъ. Намъ предстоитъ трудная загадка идти впереди своего народа и выбирать для него лучшее въ современномъ просвѣщеніи. Исполняемъ ли мы свою обязанность?—это другой вопросъ, вопросъ, который разрѣшить Россія, а во всякомъ случаѣ не скромный фельетонистъ, повѣствующій только о столичныхъ удовольствіяхъ и мелкихъ событіяхъ каждой недѣли.

Итакъ скорѣе въ маскарадъ Дворянскаго Собранія, въ послѣдній маскарадъ, которымъ, въ ожиданіи весны, заключилась зима! На этотъ маскарадъ, между прочими посѣтителями, появилось солнце, которое, какъ извѣстно, встаетъ теперь рано; не безъ удивленія посматривало оно, вѣроятно, на толпы масокъ и ихъ поклонниковъ, шопотомъ и пискомъ встрѣчающихъ появленіе свѣтозарнаго свѣтила. Настоящіе пѣтухи давно уже пропѣли, на улицахъ бы-

ло свѣтло и тихо, а въ Дворянскомъ Собраніи все еще продолжались страстные разговоры, откровенныя признанія и немного черезчуръ откровенныя танцы.

IX.

ОБЩИНА СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ.

Въ то время, когда Западъ, жертва своей мнимой образованности, терзается въ судорогахъ разрушенія, мы смотримъ съ грустью и негодованіемъ на свирѣпый разметъ человѣческаго высокомерія и гражданскаго разбоя; но, довольные своей совѣстью, но, огражденные своими убѣжденіями, но, вѣрные своимъ преданіямъ, мы тихо пожимаемъ плечами и только потому не гордимся своимъ величіемъ, что оно сопровождается чужимъ униженіемъ.

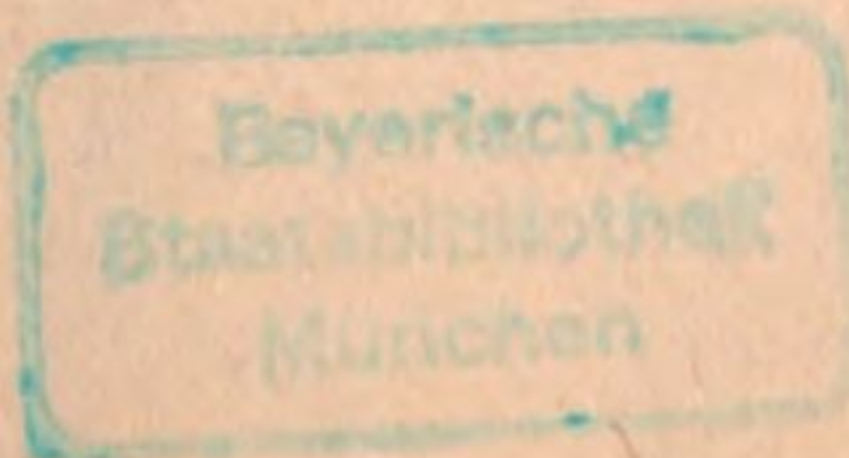
Такъ въ бурную ночь, когда гроза вздымаетъ разъяренныя волны, когда молнія бороздитъ морскую пучину, когда вѣтеръ ломитъ корабельныя снасти и нагруженные суда тонутъ среди воплей отчаянія и грохота испуганной природы, прибрежные жители стекаются на берегъ и молча смотрятъ на страшныя явленія Божьяго гнѣва. Поздно подать руку утопающимъ; поздно спасти ихъ отъ гибели. Остается скорбѣть только о нихъ и благодарить Небо за себя. И всякій вспомнить тогда, по-неволѣ, въ виду неукротимой непогоды, что онъ, благодаря Бога, на твердой землѣ, что кровь его надежна, что всѣ близкіе, всѣ милые его сердцу въ безопасности, и каждый, сотворивъ молитву о спасеніи погибающихъ,

задумается въ нѣмой благодарности и благословить свою судьбу.

Такъ и мы теперь, мирные жители могучаго Сѣвера, мы видимъ издали крушеніе Запада—и грустное раздумье ложится намъ на душу. Кто, русскій человѣкъ, не перекрестится во время грозы? Кому прійдетъ на умъ веселье, чьи уста оживить улыбка, когда сосѣдніе люди гибнутъ жертвами собственныхъ страстей, когда чернь всѣхъ сословій возмутительно проповѣдуетъ грабительство и дерзко грозитъ всѣмъ святынямъ? Нѣтъ, не до веселья теперь намъ, а до грустныхъ размышленій. Когда бразды правленія брошены, когда желаніе отнять чужое нагло торжествуетъ, когда собственность, первая основа общества, колеблется и неимущій не проситъ достатка, какъ награду, за трудъ, а требуетъ его какъ право сильного—чего можно ожидать, какъ не кровопролитія и разрушенія? Напрасны будутъ всѣ восклицанія о водвореніи небывалаго порядка, всѣ нелѣпыя толки объ образованіи общаго труда. Трудъ не образуется, какъ не образуется добродѣтель. Трудъ не можетъ быть послѣдствіемъ нахальнаго домогательства. Онъ—благословенный плодъ правильнаго воспитанія, твердаго образа жизни, покорности Провидѣнію и настоящаго чувства гражданской и семейной обязанности. Въ трудѣ и заключается весь вопросъ просвѣщенія, вопросъ тѣмъ болѣе важный, что нынѣ, при видѣ современныхъ событій, невольно рождается сомнѣніе въ пользѣ просвѣщенія. Но да сохранитъ насъ Богъ отъ такой мысли! Не просвѣще-

ніе пагубно, а личина просвѣщенія, безразсудность полузнанія. Полузнаніе ведетъ къ самонадѣянности, непокорности и злобнымъ умысламъ. Главное въ святомъ дѣлѣ образованія — направленіе, которое совершается медленно, подъ благимъ руководствомъ правительствъ, при содѣйствіи всѣхъ благомыслящихъ и благонамѣренныхъ людей. Теперь ужь дознано, что если предосудительно быть льстецомъ сильныхъ, то еще стыднѣе потворствовать низшимъ сословіямъ, поощрять ихъ слабости и скрывать отъ нихъ истину; а къ тому есть, къ-сожалѣнію, много средствъ. Главное изъ нихъ — слѣпая благотворительность, которая составляетъ постоянное звѣно между людьми образованными и необразованными, богатыми и бѣдными. Черезъ благотворительность можно или вкоренять развратъ, или внушать спасительныя начала нравственности и трудолюбія. И потому нельзя повторять довольно, что слѣпое, небрежное подаваніе, раздувая пороки, ведетъ къ гибели, порождаетъ ненасытныя и вѣчно-возрастающія требованія, тогда-какъ подаваніе разборчивое, подаваніе, сближающее съ мыслью о необходимости личного труда, становится въ одно время заслугой и государству и человечеству.

Въ Петербургѣ есть мирная обитель скромныхъ женщинъ, посвятившихъ себя на такое высокое и прекрасное дѣло. Община Сестеръ Милосердія немногимъ извѣстна, потому-что она тихо и смиренно совершаетъ въ тѣни своей благословенный подвигъ. Кроткими мѣрами, путемъ убѣжденія и

примѣра, словами ученія Христова дѣйствуетъ она и не кидаетъ надменной милостыни, не поощряетъ тунеядства, не потворствуетъ вредному тщеславію, а посѣщаетъ больного на одрѣ страданія, призрѣваетъ сироту, навѣщаетъ, руководствуетъ, учитъ, предохраняетъ. И когда бѣдная жертва земной суетности падаетъ въ омутъ разврата, то и тутъ она не отворачивается отъ нея презрительно, а подаетъ ей, потупивъ взоры, руку помощи и указываетъ ей снова на истинный путь. Улыбкой небесной любви очищаетъ она ея отуманенную совѣсть, тихо призываетъ ее къ молитвѣ и труду, и сама трудится и молится съ ней. И какая за-то побѣда можетъ сравниться съ побѣдой милосердія, исторгшаго безсмертную душу изъ смертоносныхъ объятій порока!

Община существуетъ только четвертый годъ; но въ это короткое время она много ужъ успѣла сдѣлать. Со времени своего основанія она призрѣла лицъ въ своей больницѣ 860.
въ богадельнѣ 44.
въ пансіонѣ 74.
въ пріютѣ 186.
въ Дѣтскомъ Исправительномъ Отдѣленіи 23.
въ Отдѣленіи Магдалинъ 556.

Кромѣ того, снабжены медикаментами по домамъ до 3188 человѣкъ.

Эти числа краснорѣчивѣе словъ. Нужно ли прибавлять, что община имѣетъ счастье находиться подъ высокимъ покровительствомъ Царскаго Дома? Кто не знаетъ, что въ Россіи положено твердое начало

всѣмъ истинно-благотворительнымъ дѣламъ, благословенной памяти Императрицей Маріей Ѳеодоровной, и что, по ея прекрасному примѣру, по Ея святому завѣщанію, утѣшеніе страдальцевъ сдѣлалось лучшей принадлежностью, любимымъ занятіемъ русскихъ Царицъ и Царевенъ. Памятникъ, воздвигнутый благочестивою Родительницей нашего Государя, разросся по всей Россіи. Это живой, нетлѣнный памятникъ благословеній и вѣчно-обновленной признательности къ виновницѣмъ отрады скорбящимъ и къ тѣмъ, которыя продолжаютъ Ея великое дѣло.

Нынѣ, съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны, здѣшніе художники, музыканты, живописцы и скульпторы, соединились въ общемъ согласіи, чтобъ принести дань своего уваженія къ Общинѣ Сестеръ Милосердія и доставить ей средства развитъ еще болѣе полезную ея дѣятельность. Такимъ образомъ составилъ концертъ, въ Петербургѣ еще небывалый, въ которомъ музыка, на ряду съ ваяніемъ и живописью, протягиваютъ руку во имя бѣдныхъ, призрѣваемыхъ общиной благочестивыхъ женщинъ. И подлинно, кому помогать, какъ не женщинамъ? И какимъ женщинамъ помогать, какъ не тѣмъ, которыя посвятили всю жизнь свою на разумную помощь ближнему?

Особыя объявленія объясняютъ подробнѣе этотъ новый праздникъ благотворительности, праздникъ, который, кажется, вполне выразить наше настоящее положеніе. По нашей безопасности среди европейскихъ смутъ, мы можемъ давать праздники; но, по

сокрушенію нашему при видѣ чужихъ бѣдствій, мы хотимъ, чтобъ наши праздники имѣли отпечатокъ особаго значенія, чтобъ они соединяли роскошь и свѣтъ, искусство и благотворительность, всѣ наши благороднѣйшія чувства въ единодушномъ изъявленіи нашего непоколебимаго спокойствія и нашей неизмѣнной готовности на всякое полезное и доброе дѣло.

МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Если ты улыбнулся, другъ-читатель, прочитавъ моихъ «Сотрудниковъ», если ты не забылъ еще статейекъ, которыми я, въ сердечной простотѣ, подчивалъ твои досуги, ты не посѣтуешь на меня за то, что я, на прощанье, передъ долгой, можетъ-быть, вѣчной разлукой, вздумалъ поговорить съ тобой о моемъ портретѣ. Какой писатель устоялъ противъ искушенія поговорить съ публикой о себѣ? Шато-брианъ изъ-за могилы даритъ насъ безконечной автобіографіей. Ламартинъ каждому шепчетъ на-ухо про свои непонятые подвиги. Кто не написалъ, хоть ложно—скромнаго предисловія? Какой писатель не подѣлился съ читателями своими воспоминаніями, своей личностью? Какой человѣкъ не тщеславенъ? Какой литераторъ не человѣкъ, и какъ отказаться отъ удовольствія поговорить о себѣ, когда по-неволѣ о себѣ думаешь, а иногда даже такъ много о себѣ думаешь?

Однакожь, другъ-читатель, успокойся: я не намѣренъ занимать тебя исповѣдью моей жизни, длинной повѣстью обманутыхъ ожиданій, неудачныхъ стремленій, литературныхъ попытокъ и разочарованій; я освобождаю тебя на-вѣки-вѣковъ отъ этой новой «Демьяновой Ухи» нашего времени. Вызав-

шисъ говорить съ тобой о моемъ портретѣ, я не думалъ посвящать тебя насильственно въ непостижимыя тайны человѣческой духовной жизни. Цѣль моя другая: я хотѣлъ повѣдать тебѣ о моей наружности.

И не думай, чтобъ наружность моя отличалась какой-нибудь рѣзкой уродливостью, или сверхъестественной красотой; наружность моя, какъ слѣдуетъ быть наружности русскаго литератора, самая обыкновенная и не только мнѣ, но и многимъ, я думаю, приглядѣлась; слѣдовательно не о наружности собственно рѣчь, а о томъ рѣдкомъ искусствѣ, благодаря которому, она перешла живьемъ на полотно, образуя тотъ единственный портретъ, о которомъ я позволю себѣ рассказать друзьямъ и недругамъ, то есть читающей публикѣ.

Этотъ портретъ, какъ говорится, живой и обладаетъ тѣмъ преимуществомъ, что, вѣчно-полный дарованья, онъ не можетъ состарѣться, не пишетъ ничего, а самъ мастерски написанъ. Писанъ онъ въ человѣческій ростъ, пастельными красками, неуступающими ни въ чемъ въ отношеніи прочности и колорита, маслянымъ, но превышающими живопись масляными красками нѣжностью полутоновъ и мягкостью рисунка.

Многимъ изъ читателей, вѣроятно, извѣстно, что секретъ живописи пастелью былъ долгое время утраченъ. Время изобрѣтенія ея, кажется, опредѣлить невозможно. Способъ былъ, вѣроятно, открытъ прежде, но художникъ явился только при Лудовикѣ XV. То былъ извѣстный Латуръ, который, несмо-

тря на истинное дарованіе, вошелъ до того въ моду, что всѣ при пышномъ дворѣ французскаго короля заказывали ему свои портреты. Этому обязаны мы тѣми превосходными произведеніями, которыя увѣковѣчили имя Латура. Лѣтопись сохранила о немъ довольно-забавный анекдотъ. Какъ всѣ люди, исключительно-преданные спеціальному занятію, онъ былъ порядочнымъ оригиналомъ и не зналъ и не понималъ ничего, кромѣ любимыхъ своихъ карандашей. Госпожа Помпадуръ, слѣдуя общему стремленію, вздумала однажды заказать ему свой портретъ, для чего и пригласила его къ себѣ въ домъ. Но Латуръ не любилъ выходить изъ своей квартиры, гдѣ все было придумано и подъ-рукой; онъ отвѣчалъ, что на домъ никуда не ходитъ, а если угодно, чтобъ пожаловали къ нему въ мастерскую. Друзья его, испуганное такой дерзостью, уговорили его, однакожь, измѣнить принятому правилу. Послѣ долгаго сопротивленія, онъ согласился, но съ условіемъ, чтобъ никто не присутствовалъ при сеансѣ и не мѣшалъ ему во время работы. Условіе было принято, и въ назначенный часъ Латуръ является во дворецъ знаменитой красавицы. Въ комнатѣ, по условію, никого не было посторонняго. Латуръ, успокоенный, располагаетъ свой мольбертъ и, слегка извинившись, отстегиваетъ пряжки на башмакахъ, развязываетъ подвязки, снимаетъ галстухъ и парикъ, и важно надѣваетъ на голову колпакъ. Приготовившись такимъ образомъ, онъ принимается, улыбаясь, за работу. Но въ эту самую минуту въ комнату входитъ Лудовикъ XV. Встревоженный художникъ ки-

даетъ колпакъ на полъ, поспѣшно подбираетъ разбросанные свои доспѣхи и безъ оглядки убѣгаетъ, несмотря на ласковое съ нимъ обращеніе короля. «Мнѣ обѣщали» говоритъ онъ, «что никто не будетъ намъ мѣшать. Условіе не сдержано, я писать болѣе не могу». Затѣмъ, взявъ парикъ, подвязки и галстухъ подъ-мышку, обиженный Латуръ торжественно возвращается въ свою мастерскую.

Конечно, художникъ не отличился тутъ знаніемъ самыхъ обыкновенныхъ приличій, но этотъ анекдотъ служить доказательствомъ, какъ высоко цѣнилось его дарованіе, и въ какомъ почетѣ была живопись пастелью. Извѣстнѣйшія произведенія Латура: портреты маршала де-Саксъ, путешественника Шардана (въ парижскомъ музеумѣ) и двѣ головы, изображающія каноника и парламентскаго совѣтника (въ Дижонѣ) донынѣ возбуждаютъ справедливое восхищеніе знатоковъ.

Съ Латуромъ погибло его искусство; даже секретъ состава карандашей былъ потерянъ. Немногія попытки, сдѣланныя послѣ него, выходили какъ-то блѣдно, вяло, какой-то симметрической пылью, которая исчезала при первомъ прикосновеніи отъ малѣйшаго, даже петербургскаго солнечнаго луча.

И вотъ недавно, года три назадъ, живопись пастелью, столько времени загнанная и забытая, снова потребовала мѣста своего среди прочихъ признанныхъ родовъ живописи и рисованія. Она снова не страшится соперничества, снова получила утраченное право гражданства въ мірѣ искусства. Она перешла изъ мастерской брюзгливаго Латура путемъ

долгаго труда и соображенія—и куда же, вы думаете? въ третій этажъ дома Эрнста, что на Мойкѣ. Тамъ скромно живутъ два брата-художника. Младшій изъ нихъ, котораго всѣ читатели, любящіе искусство, уже назвали *Ипполитомъ Робильяръ*, можетъ, безспорно, назваться возсоздателемъ, вторымъ изобрѣтателемъ живописи пастелью. Какъ древній Ипполитъ, сынъ слишкомъ-извѣстнаго Тезея, онъ чуждается общества, довольствуясь тѣснымъ кругомъ друзей, и живетъ только для своего искусства, которое въ то же время можетъ почитаться его произведеніемъ.

Чтобъ оцѣнить заслуги его, надо вникнуть сперва въ тѣ практическія затрудненія, которыя останавливали его на каждомъ шагу и которыя вовсе неизвѣстны прочимъ живописцамъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, у каждаго полотно и бумага, краски и карандаши—давай только Богъ дарованье. У *Робильяра* дарованье-то было, да не было первоначальныхъ орудій, не было ни чѣмъ писать, ни на чемъ писать. Секретъ Латура былъ потерянъ. Надо было его найти и усовершенствовать. Дѣло, какъ видите, самое легкое. Стоило только заняться химическими процесами; что до 'того времени для живописца считалось совершенно-лишнимъ. И вотъ неутомимый, неугомонный художникъ принялся за химию и изобрѣлъ собственные карандаши всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ, подобные прежнимъ утраченнымъ лозанскимъ, вовсе не столь грубые и рѣзкіе, какъ тѣ, которые пускаетъ въ ходъ новѣйшая фабрикація. Затѣмъ оставалось укрѣпить эти краски

на бумагѣ, или на полотнѣ, такъ, чтобъ придать имъ прочность и продолжительность масляной живописи. И тутъ новая работа, новыя соображенія. Послѣ многихъ опытовъ, *Робильяръ* изобрѣлъ наконецъ составъ, въ который входитъ стекло, удерживающее плотно въ себѣ краску. Такимъ образомъ техническое дѣло было окончено, оставалось широкое поле художнику. Но тутъ художникъ былъ ужъ у себя, дома, хозяинъ своего дѣла, и портреты его, портреты, поражающіе сходствомъ, силою колорита и прелестью рисунка, украшаютъ уже многія роскошныя гостиныя Петербурга.

Въ число этихъ знатныхъ портретовъ замѣшался и портретъ русскаго литератора, который такъ похожъ, что только-что не говорить. Мнѣ остается, слѣдовательно, дополнить этотъ, впрочемъ, незначительный недостатокъ, и выразить художнику должную дань уваженія къ его рѣдкому трудолюбію, къ его замѣчательному таланту.

А портретъ пускай останется вмѣсто меня, въ шумной столицѣ, и напомнить немногимъ моимъ друзьямъ о дружбѣ нашей, которая, какъ произведенія г. *Робильяра*, не должна ни блекнуть, ни измѣняться отъ времени.

МѢСТНИКИ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

III.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

МѢСТНИКИ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мнѣ всегда казалось крайне-неловкимъ быть ходатаемъ въ собственномъ дѣлѣ. Я даже не понималъ никогда, какъ можно рѣшиться печатно говорить о своей книгѣ, скромно выхвалять ея достоинства и просить снисхожденія у безпристрастно-зѣвающей публики. Теперь я вижу, что эта крайность бываетъ иногда слѣдствіемъ необходимости. Разсматривая съ понятной многимъ сочинителямъ грустью недостатки моей драмы, я не могъ не убѣдиться, что едва-ли не главный изъ нихъ заключается въ томъ, что она требуетъ объясненій. Въ ней настоящій вымыселъ такъ перепутанъ съ былой дѣйствительностью, что человѣку, непосвятившему себя исключительно историческимъ изслѣдованіямъ, трудно будетъ отличить ихъ другъ отъ друга. Причина тому, можетъ-быть, безсиліе автора, можетъ-быть, и самая сущность избраннаго имъ предмета, быть-можетъ, и условія драмы, такъ-какъ онъ ее понимаетъ. Ему кажется, что въ драматическомъ сочиненіи строгая историческая точность должна занимать мѣсто второстепенное; что

достаточно, когда главные извѣстныя событія не искажены, а незначительныя сохранили правдоподобіе и не вовлекли въ грубые анахронизмы.

Подобное мнѣніе можетъ быть ошибочно, но оно составляетъ право автора, право, такъ-сказать, собственнаго воззрѣнія. Другое дѣло, какъ выполнилъ, какъ олицетворилъ художникъ избранную по личному произволу, по направленію своихъ понятій данную или мысль. Тутъ дѣло общаго суда.

Старина наша исчезаетъ... Прежній русскій бытъ становится съ каждымъ днемъ отдаленнѣе и загадочнѣе. Оттого и возникаютъ между нами та странная, какая-то идеальная любовь къ отжитому времени, то совершенное къ нему пренебреженіе и непростительная ненависть. Прислушиваясь къ такимъ разнороднымъ мнѣніямъ, я остановился на мысли, что любопытно было бы съ возможной истиной и безпристрастіемъ перенести на сцену отрывокъ русской старины, въ полномъ ея нарядѣ, съ ея обычаями, предразсудками, заботами, страстями—словомъ, со всей ея былой жизнью. Очевидно, что точнаго воссозданія и требовать нельзя, ужъ по самой скудности источниковъ; но все-таки представлялась возможность составить, по сохранившимся преданіямъ, хотя неполную картину отжитыхъ нравовъ. Такова цѣль моей драмы, которую я не опредѣлилъ никакимъ прилагательнымъ. Исторической назвать ее нельзя, а скорѣе—*историко-нравоописательной*, на что, по безконечности названья, я не могъ рѣшиться. Представляю ее какъ опытъ, кажется, довольно-новый въ нашей литературѣ.

Отъ драмы требуются условія, въ совокупности образующія почти непобѣдимыя затрудненія. Отъ нея требуются основная мысль, нравственная цѣль, удачный вымыселъ, завязка, занимательность, развитіе, движеніе, вѣрность характеровъ и слога, если лица, выведенныя на сцену, извѣстны въ исторіи—истина, или, по-крайней-мѣрѣ, возможность истины въ ихъ поступкахъ и строжайшая точность въ изображеніи духа времени, его колорита и подробностей.

Художественную часть моего сочиненія я передаю безусловно на судъ читателей и въ добычу критики. Предоставляю только себѣ нѣсколько словъ въ защиту плана драмы въ историческомъ отношеніи и касательно изученія изображеннаго мною времени.

Каждый, вѣроятно, согласится, что мѣстничество между лицами, сословіями и городами составляло одну изъ самыхъ драматическихъ стихій русской старины. Къ сожалѣнію, о немъ подробныхъ данныхъ немного. Нѣкоторыя уцѣлѣвшія дѣла, изданныя преимущественно господами Ивановымъ и Погодинымъ, нѣкоторыя указанія въ Собраніи Законовъ и въ спасенныхъ отъ огня разрядныхъ книгахъ — вотъ все, что, кажется, осталось для любознательности ученаго, для усвоенія художнику. Замѣчательная, по совѣстливости изслѣдованія, статья молодаго Валueva, слишкомъ рано похищеннаго смертью у науки, безъ сомнѣнія, самое лучшее разсужденіе о мѣстническихъ обычаяхъ, составлявшихъ одно изъ самыхъ рѣзкихъ выраженій до-петровскаго времени. Но полнаго обзорѣнія всѣхъ возникшихъ отъ мѣстничества пагубныхъ послѣдствій въ государственныхъ дѣлахъ и въ

частной жизни, но отчетливой исторіи, систематическаго разрѣшенія исчезнувшихъ вопросовъ, у насъ нѣтъ и врядъ ли когда будетъ.

Въ драмѣ, то-есть въ отдѣльной картинѣ, я не могъ, а, можетъ-быть, и не умѣлъ обнять всѣхъ сторонъ бѣдствія, такъ долго тяготѣвшаго надъ Россіей. Мнѣ, слѣдовательно, нужно было избрать ту эпоху, когда это бѣдствіе дошло ужь до того, что Самодержавная власть была вынуждена положить ему конецъ. Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества само-по-себѣ ничто иное, какъ развязка вѣковой драмы, взволновавшей всю русскую землю. Самая сущность предмета указывала мнѣ на выборъ времени, тѣмъ-болѣе, что въ это же самое время, служащее какъ-бы предисловіемъ къ общему преобразованію, уже приготовлялось упорное, въ высшей степени драматическое сопротивленіе непреложнымъ требованіямъ вѣка, сопротивленіе, которое выразилось въ одно время и положительно и отрицательно, стрѣлецкими смутами и распространеніемъ расколовъ. Тѣ и другія слѣпыя и безсознательныя орудія упрямаго невѣжества тѣсно связаны съ упадкомъ мѣстничества, выражавшаго, какъ сказано выше, отличный характеръ старинныхъ предубѣжденій. Кто вникалъ въ странное свойство стрѣлецкихъ бунтовъ, всегда прикрытыхъ мнимой законностью, подъ руководствомъ личнаго честолюбія; кто изучалъ русскіе расколы, основанные бѣльшей частью на наружномъ отпаденіи отъ Церкви и вкоренившіеся впервые постоянно въ Россіи, когда исправленіе книгъ начало угрожать просвѣщеніемъ, тотъ согласится, что

всѣ таковыя событія происходили отъ одного начала—старовѣрческаго обскурантизма...

Само-сбой разумѣется, что въ своей драмѣ я только бѣгло могъ указать на тайную связь погибающаго мѣстничества, политическихъ ересей и стрѣleckаго возмущенія. Подобный предметъ слишкомъ значителенъ, слишкомъ многостороненъ для тѣсной рамы драматическаго сочиненія.

Теперь же, отъ общей исторической основы избраннаго мною предмета, обращаюсь къ самому изложенію его.

Вражда между Ромодановскими и Бутурлиными не вымыслена. Въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, окольникій князь Иванъ Ивановичъ Ромодановскій, будучи приглашенъ къ царскому столу, не хотѣлъ сѣсть ниже окольникаго Василія Васильевича Бутурлина, за что и былъ посаженъ въ тюрьму на два дня. Несмотря на это наказаніе, споръ возобновился спустя шесть дней, за столомъ у патриарха. Ромодановскаго привели и посадили силою, но онъ упалъ со скамьи, и его принуждены были поднять и держать подъ-руки. Вслѣдствіе этого, царскимъ указомъ, сохраненнымъ въ «Общемъ Собраніи Законовъ», приговоренъ Ромодановскій къ выдачѣ Бутурлину головой, что и было исполнено. Несмотря на то, меньшей братъ князя Ивана, князь Василій, спустя менѣе года, билъ челомъ государю въ отчествѣ на того же Бутурлина и былъ приговоренъ къ уплатѣ послѣднему за безчестіе трехсотъ-пятидесяти рублей.

Бутурлинъ, вскорѣ послѣ того пожалованный

въ бояре, былъ, какъ извѣстно, достойнымъ царскимъ любимцемъ, и быстрымъ своимъ возвышеніемъ не могъ, въ особенности по понятіямъ того времени, не навлечь на себя явныхъ завистниковъ и враговъ.

Впрочемъ (пишетъ Берхъ), по актамъ, современнымъ царю Алексѣю Михайловичу, видно, что родъ Ромодановскихъ превосходилъ необузданной своей гордостью всю мѣру приличій, преданности къ монарху и уваженія къ родству.

Такимъ образомъ мы видимъ, что князь Григорій Григорьевичъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Михайломъ, во время украинскихъ войнъ погибшій отъ стрѣлецкаго бунта, мѣстничалъ съ роднымъ племянникомъ, и, чтобъ не уступить ему, ослушался царской воли.

Этотъ сынъ князя Григорія, князь Михайлъ Григорьевичъ Ромодановскій, избранъ однимъ изъ главныхъ двигателей въ предлагаемой драмѣ. Тридцать лѣтъ послѣ униженія своихъ двоюродныхъ братьевъ передъ Бутурлиными, онъ подписалъ Соборное Дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества рядомъ съ Иваномъ Васильевичемъ Бутурлинымъ, но ниже его однимъ мѣстомъ. Равнымъ образомъ на бывшихъ потомъ при дворѣ печальныхъ церемоніяхъ князь Михайлъ Ромодановскій вездѣ поставленъ ниже Бутурлина. Въ списокѣ же бояръ, подписавшихъ Соборное Дѣяніе, князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій записанъ 13, князь Ѳедоръ Григорьевичъ Ромодановскій 31, Иванъ Васильевичъ Бутурлинъ 32, а князь Михайлъ Григорьевичъ Ромодановскій 33. Разумѣется, это происходило отъ старшинства въ производствѣ;

но это самое сближеніе, при предшествовавшихъ обстоятельствахъ, не доказываетъ ли, что князь Михаилъ Ромодановскій долженъ былъ почитать себя обиженнымъ Бутурлинымъ, если не по разрядной, то по родовой чести.

Многіе весьма ошибочно полагаютъ, что мѣстничество основывалось на одномъ служебномъ отличіи и вовсе не на родовомъ. Напротивъ, оставшіеся акты явно показываютъ, что въ мѣстническихъ актахъ мѣсто было только предлогомъ, основаніемъ же было отечество или отчество, что ужь по одному названію изобличаетъ начало чисто-генеалогическое. Такимъ образомъ тотъ же окольный князь Иванъ Ромодановскій, о которомъ упомянуто выше, билъ челомъ въ отечествѣ на боярина Салтыкова, тогда какъ званіе боярина, безспорно, было выше окольного. Любопытно, что во всѣхъ дѣлахъ подобнаго рода сужденіе или отстраняется какой-нибудь отговоркой, или если производится въ чью-нибудь невыгоду, то сопровождается всегда объясненіемъ, что домогательство было неосновательно по самымъ понятіямъ родоваго старшинства, тогда-какъ довольно было бы, кажется, упомянуть объ ослушаніи противъ царской воли. Такое снисхожденіе не доказываетъ ли явно всю вкоренившуюся силу, все неистребимое вліяніе родоваго начала. Не будь этого, къ чему объясненія? Да и самыя наказанія были, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, обыкновенно незначительны, не сопровождались никакимъ понятіемъ о безчестіи и не лишали ни дальнѣйшихъ повышеній, ни даже царской милости.

Но если нельзя отвергать кичливости породы, то есть аристократического духа русской старины, нельзя въ то же время не скорбѣть о жалкомъ, даже преступномъ примѣненіи этого духа, который поддерживался не полезнымъ соревнованіемъ, не горделивой увѣренностью въ дѣйствительно-оказанныхъ услугахъ, а малодушною мнительностью и ложнымъ честолюбіемъ. Русское боярство, впадъ въ самую жалкую крайность аристократизма, лишило себя не только высокаго значенія въ необразованномъ еще обществѣ, но даже отъ ничтожности своихъ дѣйствій заставило сомнѣваться въ своемъ существованіи.

Этотъ заслуженный упрекъ хотѣлъ я высказать; и можно ли было не высказать его въ сочиненіи, посвященномъ мѣстничеству?

Представителемъ нынѣ, къ счастью, совершенно исчезнувшихъ понятій, типомъ неизбѣжнымъ въ драмѣ, относящейся до того времени, выбралъ я князя Михаила Григорьевича, къ чему побудила меня еще другая важная причина, а именно та, что онъ былъ замѣшанъ въ стрѣleckихъ смутахъ—явленіи, имѣвшемъ тайную связь съ мѣстничествомъ. Князь Михаилъ Григорьевичъ хотя и находился во время Соборнаго Дѣянія въ Москвѣ, но бѣольшую часть своей жизни провелъ на Украинѣ со стрѣльцами, чѣмъ и оправдываются его отношенія съ ними въ моей драмѣ. Онъ вездѣ упоминается въ походахъ В. Ѳ. Голицына, въ товарищахъ къ отцу своему князю Григорію Григорьевичу, сперва стольникомъ, а потомъ бояриномъ. Въ 1675 году велѣно ему быть по-

прежнему съ Сѣвскимъ Полкомъ. Жизнь его была преимущественно военная, что доказывается и тѣмъ, что еще въ 1698 году шедшіе для бунта изъ Торопца въ Москву стрѣльцы были его полка. Въ этомъ бунтѣ Ромодановскій участвовалъ, хотя, можетъ-быть, и не прямымъ образомъ. Въ запискахъ Желябужскаго сказано, стр. 71: «и на Воронежѣ былъ гнѣвъ и опала на боярина князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго съ солдатами въ деревню свою, что на Клязьмѣ», а стр. 73: «а боярина князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго взяли изъ деревни въ Семеновское для розыска и очныхъ ставокъ съ достальными стрѣльцами, и очныя ставки у него съ ними были.

Въ списокѣ бояръ, составленномъ Берхомъ, годъ смерти князя Михаила Ромодановскаго не отмѣченъ. Вѣроятно, онъ умеръ въ своей деревнѣ подъ царскою опалою, за преступное участіе въ стрѣleckихъ замыслахъ.

Какая же причина побудила Ромодановскаго принять участіе въ смутахъ, жертвой которыхъ былъ отецъ его—неизвѣстно. Но, зная характеръ рода его и духъ времени, нельзя не полагать съ достовѣрностью, что эта причина была нечто иное, какъ какое-нибудь неудовольствіе, относящееся до мѣстническаго тщеславія, долго сохранившагося въ нравахъ, несмотря даже на самое уничтоженіе счета о мѣстахъ. Если же предположеніе это покажется основательнымъ, то съ кѣмъ же и было мѣстничаться Ромодановскому какъ не съ Бутурлинымъ, который всегда становился выше его однимъ мѣстомъ,

тогда-какъ вражда между обоими родами и безъ того есть ужь фактъ, исторически-доказанный?

Я воспользовался этими данными для завязки своей драмы и набавилъ только произвольно нѣсколько годовъ Ромодановскому, который въ 1681 году не могъ еще быть дряхлымъ старикомъ. Въ томъ преступленіи каюсь откровенно.

Строгіе знатоки замѣтятъ мнѣ, можетъ-быть, еще, что между боярами не было извѣстныхъ случаевъ выдачи головой въ царствованіе Θεодора Алексѣевича. На это представляю слѣдующее оправданіе. Многое и, къ сожалѣнію, слишкомъ многое, изъ того времени или еще не найдено, или утрачено безвозвратно. Что мѣстничество было при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ въ полномъ разгарѣ, то доказывається, не говоря уже о самомъ Соборномъ Дѣяніи, указомъ 1679 года, которымъ повелѣно не считаться отчествомъ и не ставить никому въ оскорбленіе и укоризну назначеніе въ крестные ходы для препровожденія святыхъ иконъ, такъ-какъ бояре, даже при освященіи воды и церковныхъ обрядахъ, начали считаться между собою мѣстами и тутъ находили новые поводы къ ссорамъ и враждамъ. Самыя же мѣстническія событія того времени тщательно истреблены сожженіемъ тогдашнихъ обрядныхъ случаевъ. Но въ запискахъ къ сибирской исторіи я отыскалъ, что, въ 1681 году, по государевой грамотѣ въ Тобольскѣ приведенъ былъ и головой отданъ преосвященному Павлу, митрополиту сибирскому и тобольскому, тобольскій воевода стольникъ Михайлъ Приклонскій. Слѣдовательно, выдача головой до-

пускалась царемъ Θεодоромъ Алексѣвичемъ какъ мѣра наказанія. Такимъ-образомъ, если я и переставилъ выдачу головой Ромодановскихъ Бутурлинымъ на 30 лѣтъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ изображенную мною эпоху такая выдача могла случиться. Бѣльшаго и требовать нельзя. Утверждающимъ противное я могу отвѣчать, что она могла быть, а можетъ-быть, и была въ-самомъ-дѣль.

Обращаюсь еще къ важнѣйшему предмету, а именно, къ стрѣлецкимъ безпорядкамъ, которые начинаются у меня еще при жизни царя Θεодора Алексѣвича, тогда-какъ исторія обыкновенно записываетъ ихъ послѣ его кончины.

Но и на то представляю оправданіе.

Изъ четырехъ актовъ, напечатанныхъ Археографическою Коммиссіею (1672—1682), видно, что для содержанія стрѣльцовъ были сдѣланы новые оклады, причинившіе недоимки и недодачи—поводъ къ сильному негодованію.

Къ тому же притѣсненія отъ полковниковъ, притѣсненія, подробно-описанныя въ актахъ того времени, превосходили дѣйствительно всякую мѣру. Первое челобитье было подано царю Θεодору Алексѣвичу на Богдана Пыжова. Розыскъ по челобитью былъ порученъ Языкову, который обвинилъ стрѣльцовъ, стрѣльцы были преданы жестокому наказанію, но, несмотря на то, принесли вторично жалобу на Семена Грибоѣдова. Грибоѣдовъ былъ посаженъ въ тюрьму на одинъ день. Впослѣдствіи онъ былъ разжалованъ и наказанъ, а въ читанномъ ему указѣ прописаны всѣ чинимыя имъ неправды.

«Стрѣльцы же (пишетъ Медвѣдевъ въ своихъ запискахъ) не только той расправой (то есть, заключеніемъ Грибоѣдова на одинъ день въ тюрьму) не были удовольствованы, но наипаче на ярость подвигошася и начаху себѣ такожде за праведное свое челобитіе несправеднаго наказанія и ссылки чаяти и того ради во всѣхъ полкахъ тайно начаша мыслити, какъ бы того бѣдства избыти».

Но этого мало.

Одного стрѣльца, взятаго въ Приказъ и приговореннаго къ казни, стрѣльцы отбили силой и увели съ собой.

Въ то же время повсемѣстно случались въ Москвѣ пожары. Зажигателями, по всему вѣроятію, были стрѣльцы, начинавшіе свои буйства.

Неудовольствія же ихъ на бояръ ясно изображены въ челобитной, поданной имъ въ оправданіе мятежа, совершившагося уже по кончинѣ царя Θεодора Алексѣевича. Но самый мятежъ былъ только послѣдствіемъ взрыва, приготовленнаго во время самаго Соборнаго Дѣянія, то есть, за три мѣсяца передъ событіемъ.

На этихъ данныхъ основана моя драма.

Одно назначеніе въ полковники Лаврентія Сухарева можетъ быть слишкомъ преждевременно, но точнаго опредѣленія его въ эту должность я нигдѣ не отыскалъ, а потому, по принятому мною правилу и воспользовался возможностью, которой ничто очевидно не противилось. Впрочемъ, говоря о стрѣльцахъ, можно ли было не упомянуть о Сухаревскомъ Полкѣ, который, благодаря твердости своего полков-

ника и одного пятидесятника, не увлекся кровавымъ безуміемъ своихъ товарищей?

Наконецъ Соборное Дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества, какъ фактъ важнѣйшій въ цѣлой драмѣ, сохранено мною въ-точности. Указъ, читанный съ Постельнаго Крыльца, сокращенъ изъ самаго акта.

Относительно же подробностей, разбросанныхъ въ драмѣ, я могъ бы прибавить къ ней цѣлый томъ приложеній, съ указаніемъ ихъ источниковъ; но такъ-какъ трудъ мой, собственно трудъ не историческій, а литературный, то я рѣшился не прибѣгать къ этому извѣстному способу выказывать дешевую ученость.

Укажу, однакожь, на одну статью изъ Кошихина, въ которой оправдывается странное и, слава Богу, нынѣ непонятное обвиненіе стрѣльца, составляющее сущность моего втораго дѣйствія.

Стр. 23: «А который бы человѣкъ, кромѣ вахты на Москвѣ и въ селахъ, пошелъ черезъ царскій дворъ съ ружьемъ, саблею, или пистолъми, тайнымъ обычаемъ, съ простоты, а не умысломъ злымъ, а такого бѣ человѣка увидѣвъ, или бѣ кто на него указалъ, поймавъ, пытали бѣ, для чего онъ черезъ царскій дворъ шелъ съ ружьемъ, не на царя или на его домъ или на бояръ и на думныхъ и на ближнихъ людей, и не по наученію ль чьему, отъ кого, отъ бояръ и думныхъ и ближнихъ людей, или отъ посадскихъ и отъ гуляющихъ людей и отъ крестьянъ; а далѣе, или не по наученію какого иного патента».

Само-собою разумѣется, что любовь молодого Бу-

турлина и лицо Петрова совершенно вымышлены, но этого драмъ, кажется, въ укоръ ставить нельзя.

Большая же часть дѣйствующихъ въ драмъ лицъ существовала дѣйствительно, какъ-то: бояре и стрѣльцы. Даже Алёшка палачъ, Тараска дуракъ, дьякъ Калина Патрикѣевъ упоминаются въ лѣтописяхъ того времени.

Почему, спросятъ, можетъ-быть снова, сжалъ я такой широкой предметъ въ такую тѣсную раму; почему не представилъ я полного развитія гордой драмы русскаго мѣстничества? почему привелъ я къ одному знаменателю столько разбросанныхъ данныхъ, которыя могли бы обнять не нѣсколько дней, а цѣлые десятки лѣтъ русской жизни? На эти вопросы я и отвѣчать не умѣю. У каждого свои понятія и свои способности. Не признавая вполнѣ правила трехъ единствъ, я не могу отстать отъ мысли, что въ драматическомъ дѣлѣ частыя перемѣны декорацій и времени охлаждають ходъ дѣйствія. Шекспиръ не обращалъ вниманія на подобныя мелочи. Но зато онъ былъ Шекспиръ. Одной сценой, однимъ словомъ онъ вознаграждалъ за довольно-скучныя явленія и утомительное ожиданіе. Намъ же пренебрегать правилами искусства и всѣми уловками театральныхъ эффектовъ нельзя, потому-что слишкомъ будетъ надменна мысль о вознагражденіи ихъ болѣе-цѣнными красотами. Я писалъ пьесу свою собственно для театра, даже для нѣкоторыхъ актёровъ и не пренебрегалъ ничѣмъ, что относится до сценическаго впечатлѣнія. Для иныхъ это можетъ показаться достоинствомъ, для другихъ—недостаткомъ. Спорить

не стану. Одно могу сказать: трудъ мой исполненъ добросовѣстно; я старался изучить обычаи избраннаго мною времени и передать ихъ по возможности тогдашнимъ языкомъ. Впрочемъ, и тутъ остерегался педантства и заботился болѣе, чтобъ рѣчь моя, по излишней вѣрности, не дѣлалась утомительною для всѣхъ и непонятною для нѣкоторыхъ...

Пора остановиться. На поприщѣ литературнаго самохвальства лиха бѣда начать. Когда драма сама себя не защититъ, мнѣ защищать ее нечего. Какая бы ни была ея участь, я обязанъ ей сближеніемъ съ русской стариной и тихимъ занятіемъ. Въ грустныя минуты одиночества оно едва-ли не самый надежный успѣхъ всякаго труда.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КНЯЗЬ МИХАИЛЬ ГРИГОРЬИЧЪ РОМОДАНОВСКІЙ.

ИВАНЪ ВАСИЛЬИЧЪ БУТУРЛИНЪ.

КНЯЗЬ НИКИТА ИВАНЫЧЪ ОДОЕВСКІЙ.

ПЕТРЪ ВАСИЛЬИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ПРОНСКІЙ.

КНЯЗЬ ЮРІЙ АЛЕКСѢИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.

ВАСИЛИЙ ИВАНЫЧЪ БУТУРЛИНЪ.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

ТОЛСТОЙ.

СУББОТА ПЕТРОВИЧЪ БЕЗДОМНЫЙ, знакомецъ князя Ромодановскаго.

АННА ВАСИЛЬЕВНА БУТУРЛИНА, боярыня, супруга Ивана Васильича.

Золовка ея.

Свояченица ея.

КСЕНІЯ.

МАША.

ПРАСКОВЬЯ.

ЕВДОКІЯ.

ПЕТРОВЪ, стрѣлецъ.

ОЛЬГА, дочь его.

КАЛИНЫЧЪ, дворецкій Бутурлина.

ДЬЯКЪ КАЛИНА ПАТРИКѢЕВЪ.

ТАРАСКА, дуракъ.

АѦНАСЬЕВЪ, стрѣлецъ.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

БОРЬКА ОДИНЦОВЪ.

ДОРОСЬКА ПЕТРОВЪ.

Стрѣльцы.

Бояре.

Слуги.

Подьячіе.

Простолюдины.

Народъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ 1681 году).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Роскошныя боярскія палаты Ивана Васильича Бутурлина, украшенныя арабесками по карнизу и около оконъ. Посрединѣ столбъ, поддерживающій своды и украшенный поставцомъ съ серебряной посудой. Кругомъ лавки и скамьи, покрытыя коврами. Слуги суетятся, носятъ тарелки и пр. Сквозь полуотворенную дверь видно приготовленіе къ пиршеству ; болѣе всѣхъ суетится Калинычъ, дворецкій.

ЯВЛЕНІЕ I.

КАЛИНЫЧЪ и СЛУГИ.

Калинычъ.

Ну, ну, пошевеливайтесь же! Того гляди, гости нагрянутъ, а у насъ еще ничего не припасено. Позоръ такой будетъ, что прости Господи... Ромодановскіе люди узнаютъ—на смѣхъ подымутъ. Смотри жь, солоницы-то поставьте въ средину, судки-то по сторонамъ—слышите? Да гляди, не разбейте стекляницъ! Вѣна-то все дорогія: ренское, фряжское, бастра, романея. Шутка сказать! рублевъ на пять слишкомъ будетъ. Вы это что несете?

Первый слуга.

Брагу мартовскую.

Калинычъ.

Ну, ладно. Серебряные ковши положь туда. Ручники-то узорчатые разложи вокругъ стола, да повиднѣй, такъ. Что жь вы выпучили глаза, дармоѣды этакіе? мало васъ, что ли?! Слава Богу, триста человѣкъ на боярскихъ животахъ, а все толку отъ васъ не видать. Да смотрите, не зѣвать, блюда-

то подавать по порядку, не торопясь и не мѣшкая. Сперва перепечь и холодное, потомъ похлёбку, потомъ куря во шахъ богатыхъ, потомъ пироги кислые съ сыромъ, пироги подовые на торговое дѣло, блины тонкіе... да не забудьте—слышите ли?

Первый слуга.

Какъ не слышать!

Калинычъ.

А тамъ кашу въ горшечкахъ фарфорныхъ, что изъ Нѣмечины, а тамъ блюдо баранины съ карасями, а тамъ папорокъ лебединъ подъ шафраннымъ взваромъ, а тамъ рябъ окрашиванъ подъ лимонъ, а тамъ блюдо жаворонковъ, а тамъ поросенка и жаркое, а тамъ ужъ верченое, да овощи, да сахара нарядные. Да смотрѣть у меня въ оба! Гостямъ кланяться да подливать, сколько душѣ угодно. Пей не хочу!... Ты съ чѣмъ?

Второй слуга.

Да вотъ городъ сахарный, Кремль съ башнями.

Калинычъ (улыбаясь).

Ну, молодецъ Ванька поваръ. Экое взгромоздилъ подобіе! Ну, ступай, ставь же на столъ. Да пересчитай, всѣ ли тамъ серебряныя лощатыя братины, ковши да кубки. Серебра, слава Богу, довольно.

Первый слуга.

А что, Иванъ Калинычъ, чай, Ромодановскимъ вѣкъ не задать такого пира?

Калинычъ.

Гдѣ имъ, собакамъ! Только-что лаяться умѣютъ.

Первый слуга.

А ономнясь ихній дворецкій Парамонъ Семенычъ

хвалился, что ему не чета съ тобой знакомство вести. «Порука будетъ моей чести» говорить «мы-де по разрядамъ выше ихъ стоимъ семью мѣстами».

КАЛИНЫЧЪ.

Ахъ онъ окаянный! Я бы ему всю бороду выщипалъ по разрядамъ. Мало учили мы ихъ, что ли? выдавали же ихъ намъ головой при батюшкѣ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ—нѣтъ, опять-таки туда лѣзутъ. Вотъ знаешь ли, братъ, когда... Ну, такъ и есть... вотъ и гость пожаловалъ. Да не важная птица—Ромодановскихъ знакомецъ. Этотъ и подождать можетъ. *(Слуги и Калинычъ низко кланяются: входитъ Суббота Петровичъ Бездомный, съ бритою бородой, въ полупольскомъ костюмѣ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

БЕЗДОМНЫЙ и ТѢ ЖЕ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Что, дорогаго именинника еще нѣтъ дома?

КАЛИНЫЧЪ.

Никакъ нѣтъ еще, батюшка; во дворецъ поѣхалъ, къ царскимъ величествамъ, съ именинными калачами на поклонъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да я такъ и думалъ. Ну да ничего, и подождать можно: время досужее. Зашелъ-было къ спѣвакамъ повторить кантату, на партесный голосъ, да Воробьева не засталъ. Ушелъ, говорятъ, на казенный дворъ, кармозинновыя рукавицы получать. Ну, ду-

маю спозаранку заберусь къ имениннику... первый поздравлю.

КАЛИНЫЧЪ (всторону).

Вретъ онъ, злочинецъ: провѣдывать пришелъ... отъ Ромодановскихъ лазутничать. Ужь не будь онъ гостемъ, сказалъ бы я ему непригожее слово. (Вслухъ) Нашъ Василій Ивановичъ дома, батюшка; коли прикажешь, пойду доложу о твоёмъ приходѣ (уходитъ).

БЕЗДОМНЫЙ (одинъ).

Экія богатства! ткани аскамитныя, ковры кизил-башскіе, бархаты черевчаты, а посуды-то посуды!.. Нечего сказать, добра много. Да какъ-то самимъ слобровать съ Ромодановскимъ нашимъ, съ Михайломъ Григорьичемъ. А досадно, что Воробьева не засталъ. Какъ-бишь хвалебный-то стихъ они разучиваютъ?... (Поетъ).

Ты, Θεодоръ царь,
Наипаче еще свѣтъ намъ явиша
Наукъ и Россія вся да просвѣтиша,
Да не тому намъ страніе смѣются,
Яко безъ свѣта сущихъ ругаются.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАС. ИВ. БУТУРЛИНЪ и ПРЕЖНІЕ.

КАЛИНЫЧЪ.

Ну, что вы тутъ глазѣете? Ступайте по мѣстамъ (Уходитъ со слугами).

ВАС. ИВ. БУТУРЛИНЪ.

Виновать... что не встрѣтилъ. Прошу извинить. Вы, кажется, пѣньемъ занимались.

Бездомный.

Да; Медвѣдевъ Сильвестръ сложилъ новую кантату. Да вотъ никакъ затвердить не могу.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Да зачѣмъ же вамъ?

Бездомный.

Да какъ же... Теперь всѣ придворные поютъ съ пѣвчими дьяками на клиросѣ, да и такъ просто въ палатахъ всякіе строчные и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія вещи. Ну, оно-таки и понятно (шопотомъ): регентомъ, чаю, сами знаете теперь кто?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Ужъ не думаете ли вы идти въ духовное званіе?

Бездомный (смѣется).

Что вы!... нѣтъ. Это я такъ, по обычаю... для пріятности старшимъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Такъ это, такъ-сказать, для лицемѣрства.

Бездомный.

Да кто жъ и не лицетворитъ теперь, Василій Иванычъ? Иной съ виду и Богъ знаетъ какой смиренникъ, а развѣдай хорошенько, такъ и узнаешь кое-что.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Бываетъ, Суббота Петровичъ.

Бездомный.

Бываетъ, Василій Иванычъ. Да вотъ хоть я скажу. Я знаю сына одного важнаго у насъ боярина... какъ-бишь его?... забылъ прозвище. Живетъ, кажется, въ страхѣ Господнемъ, всенощной не про-

пустить, словно красная дѣвица; водой не помутить...

Вас. Ив. Бутурлинъ (всторону).

Къ чему это онъ рѣчь ведетъ?

Бездомный.

День и проходитъ благочестиво, а вечеръ, какъ люди спать лягутъ... Онъ, мой голубчикъ (смотря на одежду *Ивана Васильевича*) сниметъ съ себя алый полукафтанчикъ, отложить въ сторонку мѣха дорогіе, жемчужныя вышивки, да надѣнетъ простой армячокъ, а тамъ потихоньку и пробирается... и знаете ли куда? за Крымскій бродъ, въ Стрѣлецкую Слободу.

Вас. Ив. Бутурлинъ (вспыльчиво).

Кто тебѣ сказалъ это?

Бездомный.

Слухомъ земля полнится... А въ Стрѣleckой Слободѣ живетъ стрѣлецъ Петровъ... да это бы еще ничего. У стрѣльца-то дочка... Ольга, кажется; Ольга, что ли, заглядѣнье дѣвка, маковъ цвѣтъ! Немудрено, что и полюбилась красавица доброму молодцу... Да у насъ эти-то дѣла какъ-то плохо чувствуютъ. Такъ вотъ какія бываютъ лицемѣрства, Василій Ивановичъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Да... да... Грѣха таить нечего. Сгубила меня буйная молодость. Такъ слушай же...

Бездомный.

Что тутъ слушать? Наше вѣдь дѣло холостое. Въ Патріаршій Приказъ на покаяніе отдадутъ. Хуже не будетъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Нѣтъ, выслушай правду. Дѣло вотъ какъ было: около троицына-дня шелъ я для прогулки на Поклонной Горѣ, поприцахъ въ двухъ, никакъ, отъ Москвы, вижу, на встрѣчу мнѣ идетъ стрѣлецъ, запыленный весь, видно, съ дальней дороги. Рядомъ съ нимъ телега въ одну лошадку; на телегѣ дѣвушка. Взглянулъ я да и отвернулся. Ну, самъ посуди, покраснѣлъ весь, сердце замерло. Хотѣлъ уйти поскорѣе отъ грѣха... Такъ что жь?... Она, дѣвушка, заговариваетъ со мной, не запинаясь, не стыдась вовсе, словно съ роднымъ братомъ; спрашиваетъ, гдѣ путь-дорога къ Стрѣleckой Слободѣ. Испугался я, правду сказать, сперва, да потомъ взглянулъ — заглядѣлся. Откуда взялась смѣлость. Самъ сталъ развѣдывать. Узналъ, что отецъ идетъ на службу изъ Сѣвска; что у нихъ тамъ не тотъ обычай, что у насъ: женщины не стыдятся, не бѣгаютъ людей, не прячутся, не то, что у насъ... Странно оно, а полюбилось мнѣ.

Бездомный.

Какъ не полюбиться!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Тутъ-то я провѣдалъ, что они за люди, гдѣ они жить станутъ, а тамъ—грѣха не утаишь—не назвалъ я себя именемъ, чтобъ, знаешь, не напугать ихъ. Сперва странно было, совѣстно, стыдно, а потомъ и стыдъ забылъ. Теперь одно у меня на душѣ: взглянуть на нее.

Бездомный.

То-то же! Берегитесь Патріаршаго Приказа.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Да нѣтъ, не то!... Клянусь всемъ святымъ, у меня и помысла нѣтъ грѣховнаго, глядя на нее... Только бы наслушаться да наглядѣться.

Бездомный.

Ну, а что же батюшка-то вашъ на это скажетъ?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Батюшка не знаетъ. Сохрани Богъ, какъ дойдетъ до него: быть бѣдѣ... Ну, да какъ Богу угодно... Только смотри, не говори чего знаешь, слезно прошу. Не то... мнѣ терять нечего... я не въ умѣ своемъ, я все забуду, я совершу, пожалуй, злодѣяніе. Я наложу на себя руки, да ужь и тебѣ тогда не сдобровать.

Бездомный.

Нѣтъ, нѣтъ! Спасибо за угощенье. Живите съ своей стрѣльчихой. Видите, коли говорить правду, дѣвка-то и мнѣ приглянулась. Да какъ узналъ я про васъ, такъ я и на попятный. Гдѣ же мнѣ съ такимъ молодцомъ тягаться!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Такъ ты никому не скажешь?

Бездомный.

Никому, никому, видитъ Богъ, убей меня громъ...

(Всторону) благо ужь рассказано.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Смотри же.

Бездомный.

Слушаю, слушаю... А, гости идутъ. Слава Богу! Напугалъ онъ меня совсѣмъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЪ ЖЕ, ТОЛСТОЙ и ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Толстой.

Неслыханная милость...

Желябужскій.

Кто бы могъ подумать?

Толстой.

Въ наше время...

Желябужскій.

Послѣ всего сказаннаго...

Толстой.

Не въ примѣръ другимъ.

Желябужскій.

Ужъ подлинно счастье.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Андрей Ивановичъ, Иванъ Аѳанасьичъ, прошу извинить. Батюшка сейчасъ будетъ, въ Кремль поѣхалъ.

Толстой.

Знаемъ, Василій Ивановичъ, знаемъ. Мы сами сейчасъ оттуда, да и поспѣшили поздравить его въ домъ съ царской милостью: съ боярскимъ приговоромъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Съ милостью?

Бездомный.

Съ какой милостью?

Толстой.

Какъ, вы еще не знаете? дѣло-то его по отчеству

съ Ромодановскимъ, съ Михайломъ Григорьичемъ, порѣшено сегодня.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Какъ же порѣшено, по обычаю, что ли?... отказано обоимъ...

Желябужскій.

То-то что нѣтъ. Приговорено, что Михаилъ Григорьичъ билъ челомъ не по своей мѣрѣ, не сказалъ дѣломъ, а за безчестье твоему батюшкѣ государь не приказалъ наказывать Ромодановскаго ни тюрьмой, ни батогами. Приказалъ лучше: выдать его головой.

Бездомный.

Ахъ ты, Боже мой!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Великая милость!

Толстой.

Да такая милость, что люди не запомнятъ. Гдѣ же-то онъ, нашъ голубчикъ, дорогой нашъ именинникъ?

ЯВЛЕНІЕ V.

**ТѢ ЖЕ, КАЛИНЫЧЪ, а потомъ БОЯРИНЪ ИВАНЪ
ВАСИЛЬИЧЪ БУТУРЛИНЪ.**

Калинычъ.

Бояринъ пріѣхалъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ (обнимая гостей).

А, Иванъ Афанасьичъ, Андрей Ивановичъ, Суббота Петровичъ! Просимъ извиненія, простите ве-

ликодушно, что не встрѣтилъ у воротъ съ должнымъ почетомъ.

Толстой.

Съ именинами, Иванъ Васильичъ.

Желябужскій.

Съ царской милостью.

Бездомный.

Съ боярскимъ приговоромъ.

Толстой.

Много лѣтъ тебѣ здравствовать.

Желябужскій.

Въ полномъ удовольствіи.

Бездомный.

Въ почетѣ и радости.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Спасибо, спасибо, родные. Ну, угостилъ ли ты, Василій, нашихъ дорогихъ гостей? Что жъ не подчивалъ, не усадилъ? Извините, молодъ еще, зеленъ, робокъ. Эй, Калинычъ! все ли, братъ, у тебя готово?

Калинычъ.

По твоему, батюшка, приказанью.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Ну, смотри, чтобъ дорогіе наши гости не помянули насъ лихомъ, не осмѣяли нашу скаредность... Чѣмъ Богъ послалъ... Да знаешь ли что, братъ? къ намъ пожалуетъ неожиданный гость... князь Михайлъ Григорьичъ.

Калинычъ (шопотомъ).

Слышалъ, батюшка, слышалъ. Теперь насъ не

трогай. Ужь я теперь дамъ себя знать этому Парамону.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Недостойнъ, истинно недостойнъ великой милости. Да что жь, дорогіе гости, не положите вы вашихъ шапокъ? Отбирай же шапки... что ты стоишь какъ вкопанный?

Бездомный.

Не беспокойтесь, пожалуйста.

Толстой.

Сами положимъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Да садитесь же, пожалуйста; ну, окажите милость. Не охайте моего дома.

Бездомный.

И постоять можемъ.

Толстой.

Мы не устали.

Желябужскій.

Все сидѣли.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Да окажите мнѣ одолженіе: лавчонки нарочно для васъ покрылъ рухлядишкой, нарочно купилъ у Кизылбаша. Да кланяйся же, Василій. Экой неповоротливый, братецъ! точно въ чужомъ домѣ.

Желябужскій.

А мы слышали, Иванъ Васильичъ, что тебя еще можно поздравить съ третьей радостью.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

А съ какою же, батюшка?

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Да говорятъ, что будто вы своего Василья Ивановича сговорили съ княжной Долгоруковой.

БЕЗДОМНЫЙ (на ухо Вас. Ив.).

Правда, что ли? Вотъ тебѣ и Стрѣлецкая Слобода!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Отвяжись отъ меня.

Ив. Вас. Бутурлинъ (улыбаясь).

Ну... ну, это дѣло еще темное. Были, сказать правду, о томъ рѣчи у насъ съ Юрьемъ Алексѣичемъ, да еще время не ушло. Парень молодъ еще, глуповатъ; а впрочемъ, кто знаетъ, Богъ милостивъ, можетъ, и онъ найдетъ свое счастье.

Калинычъ.

Батюшка, Иванъ Васильичъ, бояре у околицы ѣдутъ; сейчасъ у воротъ будутъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Вася, бѣги проворнѣе на встрѣчу. Ну, извиненія прошу, гости честные! сами знаете.. бояръ-то ужъ нельзя не встрѣтить. Вотъ-вотъ сейчасъ же вернусь... Да садитесь же, пожалуйста. Будьте какъ дома, у себя.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Благодаримъ за честь. Просимъ не беспокоиться. (Ив. Вас. поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ, ТОЛСТОЙ и БЕЗДОМНЫЙ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Вотъ, можно сказать, достойному и счастье.

Толстой.

Настоящій бояринъ.

Желябужскій.

Русскій человекъ, добродѣющій, хлѣбосольный.

Бездомный.

Коли правду сказать, вѣдь и удачи много.

Желябужскій.

Это такъ.

Толстой.

Объ этомъ и рѣчи нѣтъ.

Бездомный.

Ну, вотъ хоть съ Ромодановскимъ. Вѣдь знаемо дѣло, что Ромодановскій его старше семью мѣстами.

Толстой.

Да вѣдь не доказалъ онъ этого, голубчикъ.

Бездомный.

Въ томъ-то и счастье все. Бояре требуютъ: положите передъ нами указы и грамоты... У Ромодановскаго-то онъ всѣ на подворьи. Что же... бѣда случилась. Пожаръ. Грамоту-то онъ представилъ, да не сполна. Припись и скрѣпа невѣдомо чьи, и лѣтъ не написано и исподній столбецъ отодранъ. Ну, говорятъ, не годится... Бутурлинъ-то и правъ.

Толстой.

А всякій знаетъ, что ни дѣдъ, ни прадѣдъ Ромодановскаго ниже Бутурлиныхъ не были.

Желябужскій.

А при царѣ-то Алексѣѣ Михайловичѣ.

Толстой.

Ну, то дѣло особое. Царская была воля.

ЖЕЛЯБУЖСКИЙ.

Да вотъ хотъ въ муромскомъ разрядѣ значится, никакъ въ семи тысячахъ пятидесятихъ годахъ, воеводой въ Муромѣ князь Феодоръ Борисычъ Ромодановскій, въ передовомъ полку... А Бутурлины гдѣ были, развѣ что въ сторожевомъ... Такъ вотъ что...

Толстой.

Ну, да былъ же такой примѣръ при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ. Какъ подавали Новосильцовъ на Пушкина, Волинскій на Бутурлина, а князь Алексѣй Морткинъ на князя Ивана Ромодановскаго. Что же вышло. Велѣно идти имъ по росписи къ князю Ромодановскому большому воеводѣ, и впредь о томъ государю не бить челомъ. А теперь иначе сдѣлано. Такова судьба, видно.

ЖЕЛЯБУЖСКИЙ.

Правда, вѣдь и Бутурлины не изъ простыхъ людей...

Бездомный.

Да и повезло порядкомъ.

Толстой.

А жаль мнѣ Ромодановскаго. Да, чай, безъ мести не оставить... что ты смѣешься?

Бездомный.

А вотъ увидимъ. Берегитесь, идутъ никакъ.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Входятъ бояре: КНЯЗЬ НИКИТА ИВАНЫЧЪ ОДОЕВСКІЙ, ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ПРОНСКІЙ, ПЕТРЪ ВАСИЛЬИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ, КНЯЗЬ ЮРІЙ АЛЕКСѢ-

ИЧЬ ДОЛГОРУКІЙ и нѣсколько другихъ. Съ ними и
оба БУТУРЛИНЫ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Покорнѣйше прошу, осчастливьте мой домишко. Князь Никита Ивановичъ, пожалуй, братъ, сюда, садись-ка въ уголку. Князь Юрій Алексѣичъ, Иванъ Петровичъ милости просимъ. Спасибо вамъ, отцы родные, что не побрезгали моимъ убожествомъ. А гдѣ же Козловскій князь?

Шереметевъ.

Да онъ извиниться велѣлъ: не будетъ. Охотно бы пошелъ, говорить, къ дорогому имениннику, да боюсь попасть на недруга своего, Нарышкина.

Пронскій.

Вотъ какъ! а Кирилъ Полуектовичъ просилъ меня повиниться за него: тоже бы пріѣхалъ, да боялся встрѣчи съ Козловскимъ. (Бояре смѣются).

Одоевскій.

Грустно, бояре, слушать эти рѣчи. Таковое ли боярское дѣло: враждовать изъ пустого, жить вѣчно въ нелюбви да въ раздорахъ!

Пронскій.

Да не-ужь-то по-твоему допустить поруку родительской чести?

Долгоруковъ.

Обезчестить родъ свой?

Шереметевъ.

Ну, нѣтъ, князь, Никита Ивановичъ ты хотя и бывалъ за рубежомъ, въ Нѣмечинѣ, да насъ не переувѣришь. Намъ честь наша дорога.

Одоевскій.

Честъ боярская не въ словахъ, а на дѣлѣ, не въ радости родовой, а въ родовой заслугѣ. Многого на-терпѣлись, кажется, отъ вашей чести. У всѣхъ на памяти: царство гибнетъ, а бояре спорятъ о мѣстахъ, о старшинствѣ спорятъ. Что погубило Шеина? От-чего въ одно лѣто побить Трубецкой у Конотопа, Ромодановскій у Нѣжина, Хованскій у Слонима? От-чего потеряли мы Литву?—отъ мѣстничества про-клятаго. Что жъ? это, по-вашему, значить честь соблюдать? Не честь это: гордость проклятая.

Пронскій.

Что жъ это, князь Никита Иванычъ?

Одоевскій.

Я говорю дѣло. Прійдетъ время, поймутъ люди, что боярская честь не въ мѣстѣ по правую али по лѣвую руку, а заповѣдь Божья, чтобъ идти вкупѣ передъ православными да указывать имъ путь къ житейскому благу, къ спасенію души.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Князь Никита Иванычъ, ужъ надо правду ска-зать, никто краснѣе тебя не скажетъ.

Пронскій.

Да какъ же... нынѣ же въ Кремлѣ приговорено по-нашему.

Одоевскій.

На милость нѣтъ образца. Государю угодно на-казать кичливость Ромодановскаго—на то его цар-ская воля: какъ прикажетъ, такъ и будетъ. Но царь Оеодоръ Алексѣевичъ, какъ мудрый государь, пер-вый врагъ мѣстничеству. Положить онъ ему ко-

нецъ—помяните мое словъ. А тогда пѣняйте ужъ на себя.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ ЖЕ и ТАРАСКА дуракъ.

ТАРАСКА (вбѣгая).

А вотъ и Тараска тутъ! (пляшетъ и поетъ).

Тараска дурачокъ,
Красный колпачокъ,
Сизый кушачокъ,
Чулки вязаные,
Коты мазаные,
Штаны нанковы... Трррр...

Здравствуй, кумъ... Здравствуйте, ребятушки.
По добру ли поживаете, хозяина объѣдаете, славное
кушанье получаете, сѣно съ хрѣномъ, соломѣ съ ук-
сусомъ, пироги суконные?... Фырр.

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Ну, ну, Тараска, повесели-ка насъ. Спасибо,
что въ пору пришелъ, дуракъ.

ТАРАСКА.

Да какъ же мнѣ товарищей-то забыть своихъ?
Да знаете ль, старшіе, бороды большія, горе...
такое горе, что и сказать нельзя... Въ опалу...
попалъ въ немилость. Мѣсто мое при дворѣ отняли.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Ха, ха, ха!.. Ну, ври, дуракъ... Кто же мѣ-
сто твое отнялъ?

ТАРАСКА.

Да одинъ дуракъ... Мишка Ромодановскій, а другой здѣшній хозяинъ куманёкъ (*Гримасничаетъ*). Будутъ, слышно, давать комедію безъ гуслей. Посмотримъ!.. посмотримъ, ребятушки. Слышно, старыя ворота хотятъ высокую башню сбить, а народъ-то поглядить, куда башня полетитъ, а полетитъ она прямо въ мучную лавку, и оттого станетъ мука дорога. Хлѣба не будетъ, станемъ пряники ѣсть. Фырррр, эхъ! голубчики!

Какъ своихъ мы обойдемъ
Сами по-міру пойдемъ,
Эй сѣю, сѣю, сѣю, сѣю, сѣю
Ягоды мои.

(*Поетъ и пляшетъ въ-присядку. Его окружаютъ и хохочутъ*).

ПРОНСКІЙ.

Ай да дуракъ!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Ври, да знай мѣру.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Лихой, право!

ДОЛГОРУКІЙ.

Хоть кого распотѣшить.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Чего его дурака слушать! Калинычъ, доложи боярынь, что и закусить пора.

КАЛИНЫЧЪ.

Слушаю-съ.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же и АННА ВАСИЛЬЕВНА съ золовкой, свояченицей и четырьмя дочерьми. Послѣднія двѣ маленькія. Всѣ въ жемчугахъ и парчевыхъ нарядахъ. Анна Васильевна съ подносомъ обходитъ гостей.

ПРОНСКІЙ.

А вотъ и хозяйшка, вотъ и вдовушка-золовушка, и свояченица, и дѣтки красавицы-безприданницы!

ИВ. ВАС. БУТУРИНЪ.

Ну, смотри, кланяйся жена, да кланяйтесь, дѣти, да пониже. Просите, чтобъ не побрезгали дорогіе гости нашимъ смиреннымъ угощеніемъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА (Пронскому).

Что жъ вы это такъ мало выпить изволили? Кушайте на здоровье.

ПРОНСКІЙ.

Благодарю покорно: душа не принимаетъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, хоть приневольтесь маленько: веселѣе за столъ пойдете. Не откажите, пожалуйста.

ПРОНСКІЙ.

По вашему приказанью. Желаю сто лѣтъ здравствовать.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Благодарю покорно. Просимъ на погребеніе.

ДОЛГОРУКІЙ.

А что, Анна Васильевна, ужъ не поцаловаться ли по русскому обычаю?

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Что вамъ до насъ, старухъ! Вы къ молоденькимъ

это подбираетесь, а о томъ забыли... что скажетъ Марина Савишна.

Долгорукий (шутя).

Да мы ей не скажемъ-съ.

Анна Васильевна.

Ужъ развѣ такъ.

Шереметевъ.

Ну, скажите, матушка, Анна Васильевна, какъ васъ Господь Богъ милуетъ?

Анна Васильевна.

Слава Богу, не можемъ жаловаться. А у васъ всѣ ли здоровы?

Шереметевъ.

Слава Богу...

Анна Васильевна.

И Лукерья Ивановна, и Варвара Ильинична?

Шереметевъ.

Жалуются, что вы ихъ забыли совсѣмъ, а еще родней считаетесь, троюродными.

Анна Васильевна.

Недосугъ все было... Ну, а дѣтушки?

Шереметевъ.

Вотъ-съ старшаго съ собой привелъ. Ну, кланяйся же. (Сынъ неловко кланяется)... Еще не развернулся... да подростетъ—поумнѣетъ.

Тараска.

А, тетушка, тетушка... которая же моя невеста... черноглазая, что ли?... давай-ка ее сюда!.. (Дѣвушки отворачиваются и смѣются, закрывшись руками). Не пугайся, красавица, своего су-

женаго, ряженаго, стриженаго, немазанаго. Станемъ жить не тужить, другъ друга величать да дѣтей качать... Фырррр... (*Дѣлаетъ гримасы*).

ОДОЕВСКІЙ.

А давненько не видались мы съ вами, Анна Васильевна!

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Давненько, князь Никита Ивановичъ! Наше дѣло вѣдь женское: въ терему живемъ, кромѣ какъ въ церковь Божію, рѣдко куда выходимъ.

ОДОЕВСКІЙ.

А въ царскія-то палаты...

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, слава Богу, царица-матушка не оставляетъ своей милостью. Да и царевны Евдокія Алексѣевна, Марѳа Алексѣевна, Софья Алексѣевна, Екатерина Алексѣевна жалуютъ къ себѣ, а маленькихъ такъ и на рукахъ носили.

ПРОНСКІЙ.

Ну, какъ, скажи... Иванъ Васильичъ... не благодарить тебѣ своего Создателя... Милость государева къ тебѣ неслыханная: домъ—полная чаша. Дородствомъ и здоровьемъ Богъ не обидѣлъ. Хозяйка и въ старости красотой и пышностью молодымъ не уступить; а дѣтушки-то! сынъ — богобоязливый, покорный, собой молодецъ. Дочки — заглядѣнье! Поневолѣ со стороны позавидуешь.

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Благодарю, братъ, за привѣтливое слово... Слава Господу, не могу пожаловаться. Да не пора ли и за дѣло приняться. Соловья баснями не кормятъ...

Чай, довольно съ бабами-то калякали. Прошу отвѣдать моего хлѣба.

АННА ВАСИЛЬЕВНА (*кланяясь*).

Покорнѣйше просимъ.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Да что жь, пожалуй. Нынче же мясоѣдъ, кстати.

ПРОНСКІЙ.

Мы не прочь.

ДОЛГОРУКІЙ.

Дѣло доброе.

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Князь Никита Ивановичъ, покажи дорогу... Иванъ Петровичъ, Юрій Алексѣичъ, дорогіе вы мои гости, не взыщите... чѣмъ Богъ послалъ. Прошу покорно... Да войдите же... милости просимъ... не побрезгайте... Жена! дѣти! кланяйтесь. Вотъ сюда. Осчастливьте... (*Гости кланяются, церемонятся и уходятъ въ столовую*).

ЯВЛЕНІЕ X.

АННА ВАСИЛЬЕВНА, ея золовка, свояченица и четыре дочери.

АННА ВАСИЛЬЕВНА (*садится*).

Дай-то Богъ, чтобъ остались довольны... Ужь ничего, можно сказать, не пожалѣла... все свое хозяйство отдала Калинычу. Пущай знаютъ они, дорогіе гости, что не къ простымъ людямъ пришли... Ну, да кто знаетъ!... и женишокъ, можетъ-быть, найдется... Легко сказать, четырехъ выдать за мужъ! (*Вздыхаетъ. Дѣвочки подкрадываются къ дверямъ и смотрятъ въ щелку*).

ПРАСКОВЬЯ.

Маша... а Маша! посмотри, какъ кафтанъ на толстомъ-то блеститъ... золотной, должно-быть.

МАША.

Разумѣется, золотной. Словно солнце горитъ.

ПРАСКОВЬЯ.

Ай да диковинный какой! А борода-то какая!

МАША.

Словно у дьяка нашего. Да что жь этотъ одѣтъ-то не по-нашему?

ПРАСКОВЬЯ.

Молчи, ты этого не смыслишь; это, вишь, на польской ладъ. Такъ велѣно. *(Къ маленькимъ подходятъ двѣ старшія сестры).*

КСЕНИЯ.

Дѣти, перестаньте... развѣ вы маленькія?... стыдитесь на мужчинъ смотрѣть. Ступайте отсюда. *(Отгоняютъ ихъ).*

ЕВДОКІЯ.

Ксенюшка, да это никакъ на краю-то сынъ Шереметьевскій.

КСЕНИЯ.

Ахъ, и въ-самомъ-дѣлѣ! Ты его замѣтила въ церкви? Все съ лѣвой сторонки становится.

ЕВДОКІЯ.

Статный молодчикъ, надо сознаться... бородка русая... Тебѣ нравятся русые волосы?

КСЕНИЯ.

А тебѣ на что знать? Нѣтъ, не нравятся... Мнѣ нравятся черные.

Евдокія.

Я такъ слышала, что Борисъ Петровичъ хочетъ женить сына на Куракиной... Ужь и сваху будто посылали.

Ксенія.

Не правда. Кто это тебѣ сказывалъ?

Евдокія.

Постельница Домна Панкратьевна.

Ксенія.

Ну ужъ нашла чѣмъ слухамъ вѣрить!.. Ей бы рассказать лишь что-нибудь.

Евдокія.

Да зачѣмъ тебѣ не вѣрится. Или приглянулся онъ тебѣ?

Ксенія.

Вотъ выдумала! Ну, какъ тебѣ не стыдно? а еще родная сестра. (*Къ нимъ подходятъ золовка и свояченица*).

Золовка.

Дѣвушки, дѣвушки! развѣ это дѣвичье дѣло на мужчинъ смотрѣть? Стыдитесь. Ступайте къ своей матушкѣ. Видите, она, голубушка, пригорюнилась.

Свояченица.

Взгляни-ка, сестрица: видишь ли подлѣ Пронскаго сидитъ Петръ Ивановичъ Матюшковъ?

Золовка.

Вижу, родная.

Свояченица (*слегка всхлипывая*).

Покойникъ-то мой мѣстничался съ нимъ, да оттого и въ могилушку пошелъ. Много было горя. Видно, доля моя такая горемычная—овдовѣть въ мо-

лоды годы... остаться круглой сиротой на чужомъ попеченіи.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Что́ это онѣ тамъ шепчутся?... Ахти, Боже мой! никакъ въ двери глядятъ... Стыдъ какой!... Золовушка, свояченица... не грѣхъ ли вамъ показывать такой примѣръ молоденькимъ? Занимались бы переборочкой. Отойдите отъ двери. Ну, какъ замѣтятъ васъ... что́-то скажутъ? (*Смотритъ сама въ дверь*). Ага!... кушаютъ... ну, на здоровье. Покорнѣйше просимъ. Эхъ, батюшка Никита Ивановичъ, старъ сталъ, мой родной, старенецъ, посѣдѣлъ совсѣмъ. А какъ мы съ нимъ были въ царскомъ поѣздѣ на свадьбѣ государя Алексѣя Михайловича, такъ другаго бы красавца въ цѣлой Москвѣ не найти. Да и правду сказать, времена были не такія; что́ за бояре, что́ за люди!... Теперь ужь не то: народъ мелкій; ни осанки, ни дородства, ничего нѣтъ. Смотрѣть грустно. (*Вздыхаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ и дѣвка ПАРАША.

ПАРАША.

Матушка барыня, какъ прикажешь быть?

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

А что́ случилось?

ПАРАША.

Да внизу пришла стрѣльчиха какая-то, называетъ себя дочерью стрѣльца Петрова, плачется, Христомъ да Богомъ просить доступа до тебя.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Да видишь, пора теперь недосужая. Скажи, чтобъ въ другой разъ пришла, коли есть надобность... послѣ, какъ время будетъ.

ПАРАША.

Да она говоритъ, что дожидаться ей немочно. Плачетъ-себѣ, молить, дайте взглянуть только на свѣтлыя боярыни очи.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Что за спѣхъ такой! Видишь, нельзя.

ОЛЬГА (за кулисами).

Впустите, впустите!

ПАРАША.

Ну, вотъ-таки поставила на-своемъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ и ОЛЬГА ПЕТРОВА. Она поспѣшно вбѣгаетъ и падаетъ въ ноги къ боярынь.

ОЛЬГА.

Матушка, спаси, заступись, молви слово! Заставь Бога за себя молить...

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Дѣти, дѣти! ступайте ко мнѣ. Не подходите къ ней близко. Чего тебѣ надо?... Вѣдь не велѣно пу-щать... какъ же ты это смѣла?

ОЛЬГА.

Не взыщи, сударыня. Не знаю, какъ тебя чест-
зовать. Я простая дѣвушка, стрѣлецкая дочь.
Отецъ мой Григорій Петровъ; онъ хорошій человѣкъ.

Онъ не виновать , видитъ Богъ , не виновать. По незнанію согрѣшилъ, матушка, по невѣдѣнію.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Да тебя, голубушка, въ толкъ не возьмешь. Вставай. Говори скорѣй. Пора теперь, видишь, недосужая.

ЕВДОКІЯ.

Посмотри, матушка, какая она молоденькая.

КСЕНІЯ.

И дрожить, бѣдная.

ЕВДОКІЯ.

Не пугайся, красавица, не бойся: матушка выслушаетъ тебя милостиво. Говори только смѣлѣе.

ОЛЬГА.

Спасибо вамъ за ласковое слово. Богъ васъ не оставитъ. Дѣло вотъ какъ было. Живемъ мы въ Стрѣleckой Слободѣ, и всего-то недавно: третій мѣсяцъ никакъ пошелъ. Батюшка мой, Григорій, то есть Петровъ , стрѣлецъ , матушка... стрѣлецъ... пятидесятникъ, обычаевъ здѣшнихъ да законовъ всѣхъ еще не знаетъ. Сами посудите, всего вдругъ не узнаешь. Давеча пошелъ онъ такъ, изъ усердія, къ Іоанну - Воинственнику Богу помолиться. Черезъ Кремль, знаете , отъ насъ ближе. Такъ и пошелъ. Да случился грѣхъ : оружіе оборонилъ, какъ шелъ мимо Кремля. «Стой» говорятъ, «здѣсь одна вахта при оружіи». Его въ полонъ и взяли, моего родного. Ко мнѣ Аѳанасьевъ стрѣлецъ прибѣгъ. «Отца» говоритъ, «твоего схватили да въ Разбойный Приказъ отвели».

Ксeнiя.

Ахъ, Боже мой!

Анна Васильевна.

Въ Разбойный Приказъ! Господи Твоя воля! да вѣдь это страшное мѣсто.

Ольга.

Знаю, матушка, знаю: Аонасьевъ разсказалъ мнѣ. Не заступится, говоритъ, кто-нибудь за отца, пропадетъ онъ съ головой. Допрашивать стануть, въ застѣнокъ возьмутъ... смертью казнятъ... Матушка, будь родной матерью, спаси ты мнѣ его.

Ксeнiя.

Матушка, здѣсь никакъ Шереметевъ бояринъ, что вѣдаетъ Разбойнымъ Приказомъ.

Евдокiя.

Тебѣ можно.

Ксeнiя.

Стоитъ слово сказать.

Анна Васильевна.

Молчите вы... Вотъ учить вздумали!.. Надо еще узнать. Ну, какъ же я пойду такъ прямо беспокоить Ивана Васильича? Ну, а коли дѣло не такъ, коли неправда?

Ольга.

Правда, сударыня, суцая правда.

Анна Васильевна.

Да кто надоумилъ тебя прійти ко мнѣ?

Ольга.

Да на слободѣ добрые люди сказали, глядя, что я плачу. «Ступай» говорятъ, «въ хоромы къ Бутурлиной. Боярыня та добрая, милостливая, ни-

щимъ помогаетъ; многихъ изъ бѣды выручила, да и къ царямъ имѣетъ доступъ. По ея печалованію все будетъ». Я и пришла, прибѣжала къ тебѣ: не откажи. Тебя Господь наградить. Помогите, боярышни! я простая дѣвушка, не знаю красныхъ рѣчей. Помогите, научите, какъ просить ея милость.

Ксенія.

Взмилуйся, матушка,

Евдокія.

Взгляни на нее. Она правду сказала.

Анна Васильевна.

Ну, а какъ тутъ есть обманъ, хитрость какая-нибудь? Кто мнѣ будетъ порукой?

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и БУТУРЛИНЪ.

Вас. Ив. Бутурлинъ (про-себя).

Накланялся довольно. Пущай веселятся. Мнѣ не до веселья: заѣла тоска, тяжкая кручина. Что-то со мной будетъ?

Ольга.

Да какую я поруку могу еще представить? Боже мой! время-то идетъ. Его ужь, можетъ-быть, терзать моего родного начали... и некому сказать, что я не лгу. Нѣтъ знакомаго человѣка (вскрикиваетъ). Ахъ! вотъ Богъ послалъ! Василій Ивановичъ! поручись за насъ. Скажи, что ты насъ знаешь, что я сказала боярынь всю правду... не привыкла лгать. Ну... ну... говори же.

Анна Васильевна (въ смущеніи).
Кáкъ?... онъ тебя знаетъ. Онъ?...

Ольга.

Знаетъ съ нашего пріѣзда... Онъ—Василій Ивановичъ... онъ къ намъ... да постоитъ-же погодите... Какъ же онъ простой человѣкъ здѣсь... въ такомъ нарядѣ... въ боярскихъ хоромахъ?

Анна Васильевна.

Что ты, что ты? Да кто же онъ по-твоему.

Ольга.

Да онъ называлъ себя мѣщанской слободы торговымъ человѣкомъ.

Анна Васильевна.

Что ты за околесицу несешь! Онъ Василій Ивановичъ, сынъ мой. Дѣти, дѣти, ступайте въ свой теремъ.

Ксенія и Евдонія.

Да, матушка!!...

Анна Васильевна.

Ступайте, ступайте, говорятъ вамъ. (Ольга).

Вас. Ив. Бутурлинъ (шопотомъ).

Ольга! не погуби насъ. Все объяснится послѣ.

Ольга (шопотомъ).

Бояринъ... сынъ... обманулъ. (За кулисами).
Многія лѣта хозяину.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Спасибо, родимые... спасибо.

Голоса бояръ.

Многія лѣта!

Ольга (пораженная).

Обманулъ!...

АННА ВАСИЛЬЕВНА (качая головой).
Гм! дѣло нечистое... Неужто Василій? Ты мнѣ,
голубушка, повѣдай всю правду-истину... Вглядишь
въ него хорошенько: ты ошибкой признала его...
ты признала его за другаго.

ОЛЬГА.

Дá, я вижу теперь... въ-самомъ-дѣлѣ... я при-
знала его за другаго, да, и точно за другаго.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

То-то же... уфъ!.. На душѣ полегче стало.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ и БЕЗДОМНЫЙ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Ведутъ... ведутъ... я первый изъ окна видѣлъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

Кого ведутъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

Князя Ромодановскаго съ повинной. Блѣдный та-
кой идетъ. А кто виновать? Сколько разъ гово-
рилъ я ему: не тягайся съ Бутурлинымъ: не одо-
лѣть ихъ теперь. (Увидя Ольгу) Ба! какъ ты
сюда попала?

АННА ВАСИЛЬЕВНА.

И онъ тоже ее знаетъ!

БЕЗДОМНЫЙ (на ухо Вас. Ивановичу).

Ну, братъ... это ужъ неладно, нечестно. Какъ это
привелъ къ матери, къ сестрамъ... пфу...

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Замолчишь ли, бездѣльникъ!

БЕЗДОМНЫЙ.

Браниться вздумалъ! Нѣтъ погоди, братъ, голубчикъ. Мы еще съ тобой посчитаемся. Не ждешь ты моего гостинца.

ЯВЛЕНИЕ XV.

БУТУРЛИНЪ и за нимъ всѣ пирующие.

Ив. Вас. Бутурлинъ (*впоныхахъ*).

Жена, дѣти... ступайте къ себѣ: вамъ оставаться здѣсь непригоже.

Анна Васильевна.

Слушаю, Иванъ Васильичъ. (*Ольга*) Ступай и ты съ нами. Мы постоимъ въ другой свѣтлицѣ... А тамъ я спрошу у Ивана Васильича, какъ онъ объ тебѣ прикажетъ. (*Уходитъ. Суматоха съ трехъ сторонъ*).

ТАРАСКА.

Эй, ребята, у кого есть деньги? пожалуйста на позорище. Даромъ показываютъ... тррръ...

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Молчи, дуракъ. Посмотримъ, какъ Михаилъ Григорьичъ поубавитъ своей спѣси.

ПРОНСКІЙ.

Чай потише станетъ.

КАЛИНЫЧЪ (*впоныхахъ*).

Посланный отъ царскаго величества.

Ив. Вас. Бутурлинъ (*блѣжитъ на встрѣчу посланному*).

Отъ государя. Отворяй ворота! Бѣги, встрѣчай... гдѣ онъ?

ПРОНСКІЙ.

Экое счастье человѣку!

ДОЛГОРУКІЙ.

Вотъ, можно сказать, въ сорочкѣ родился.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ возвращается съ дьякомъ **УКРАИНЦОВЫМЪ**, посланнымъ отъ государя.

Дьякъ.

Слушай, Иванъ Васильичъ: Государь Царь и Великій Князь Θεодоръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ велѣлъ тебѣ говорить: «Билъ челомъ Государю князь Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій на тебя въ счетъ о мѣстахъ, что велѣно ему быть у Государева дѣла въ объѣздѣ на Большомъ Посадѣ въ Царевѣ городѣ, а тебѣ Ивану Бутурлину въ Кремлѣ городѣ, и что ему меньше тебя быть по своему отечеству не вмѣстно. И Государь Царь и Великій Князь Θεодоръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ приказалъ своимъ боярамъ по челобитной разспросить и васъ въ отечествѣ судить и разряды сыскать. И бояре разспросили и приговоры слушали и приговорили тебя оправити, а Михаила Ромодановскаго обвинити. А за то, что онъ Ромодановскій билъ челомъ не по дѣлу и не въ свою мѣру, и своимъ челобитіемъ тебя безчестилъ, Царь приказалъ и бояре приговорили тебѣ его Ромодановскаго выдать головой.

Ив. Вас. Бутурлинъ (*смущеннымъ
голосомъ*).

Не въ-силахъ я возблагодарить государя моего, что угодно его царскому пресвѣтлому величеству почитать мою рабскую службишку и меня, холопа своего, взыскать новой милостью... Чѣмъ воздамъ ему, государю, за щедроты? Все его, свѣтлаго нашего солнца — и семьишка, и домишко, и имѣньишко какое есть. Только и могу, что возсылать теплыя молитвы къ небесному Владыкѣ, къ Пресвятой Троицѣ и святымъ угодникамъ о здравіи нашего общаго отца, моего благодѣтеля. Да будетъ онъ царствовать въ радости, успѣніи и благодѣнствіи! да просвѣтитъ сердце его, да сокрушатся враги его, да возвеличится держава его и прославится имя его отнынѣ и присно во вѣки вѣковъ!

Всѣ Бояре (*выступая впередъ*).

Аминь!...

Ив. Вас. Бутурлинъ.

А тебя, посланнаго моего государя, прошу принять отъ моего убожества смиренныя поминки: братинку вызолоченну да два сорока соболей, что отъ сибирскаго намѣстника въ гостинецъ недавно получилъ, да бью челомъ, не побрезгай, осчастливить нашу бесѣду... отвѣдай моей хлѣба-соли. (*Подаетъ кубокъ съ поставца*).

Дьякъ.

Благодарю за честь и за ласку.

Калинычъ (*на ухо Ив. Вас.*).

Батюшка, Иванъ Васильичъ, какъ прикажешь:

тамъ Ромодановскіе у нижняго крыльца стоятъ—
велѣтъ подождать, что-ли?

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, проси рѣдкаго гостя.

Калинычъ.

Слушаю-съ (*уходитъ*).

Пронскій.

Дайте-ка взглянуть, что-то у нихъ будетъ.

Одоевскій.

Грустно смотрѣть. Уйду отсюда.

Тараска.

Пойдемъ, дядюшка. Мѣсто наше отнимаютъ. (*Одоевскій и Тараска уходятъ. Между боярами слышенъ шопотъ*). Тс... тс... потише. Ведутъ, кажется.

Калинычъ (*возвращается*).

Ведутъ-съ.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Общее молчаніе. Изъ правой двери выходятъ слуги въ безпорядкѣ, оглядываясь, и группируются у дверей. За ними два человѣка ведутъ Ромодановскаго подъ-руки. Онъ старъ и блѣденъ, съ сѣдой бородой, идетъ согнувшись, шапку держитъ въ рукахъ. **БУТУРЛИНЪ** стоитъ на мѣстѣ. **РОМОДАНОВСКІЙ** къ нему подходитъ и медленно опускается на колѣни.

Ромодановскій (*слабымъ голосомъ*).
Царь приказалъ, бояре приговорили—повинуюсь: твоя взяла... Твоя взяла, Иванъ Васильичъ. Повелѣвай своимъ рабомъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Повинной головы и мечъ не сѣчетъ. Вставай, князь Михайлъ Григорьичъ. Богъ тебя проститъ.

Ромодановскій.

Нѣтъ, Иванъ Васильичъ, не за милостью: за наказаньемъ пришелъ я къ тебѣ. Собери челядинцевъ. Прикажи учинить безчестье, бить батогами, терзать старика.

Пронскій.

Слышите?

Шереметевъ.

Что́ это съ нимъ?

Долгорукій.

Да онъ ли говоритъ это?

Пронскій.

Ушамъ не вѣрится.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Полно вести такую нестройную рѣчь, князь Михайлъ Григорьичъ. Мы живемъ, слава Богу, не въ такія времена.

Ромодановскій.

Нѣтъ, Иванъ Васильевичъ, пусть до послѣдней капли осушу я чашу сію. Прогнѣвался государь на раба своего, и я со смиреніемъ несу крестъ свой... Пущай сажаютъ меня въ тюрьму, въ желѣза, пущай накажутъ кнутомъ, отымутъ боярскую честь, отберутъ вотчины, сошлютъ въ заточенье, въ дальніе города, въ Сибирь—все приму съ благодарностью, все исполню свято... Теперъ воля твоя, Иванъ Васильичъ: дѣлай, какъ знаешь.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Да встань же, князь Михаилъ Григорьичъ. Не-
прилично русскому боярину становиться на колѣни.
Такъ и встарину не всегда бывало.

Ромодановскій (*медленно*
подымаясь).

Благодарю за милость.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Выслушай меня, князь Михаилъ Григорьичъ :
между нами идетъ давнишній споръ. Отцы наши
мѣстничались, и мы повраждовали. Пора-бы и кон-
чить. Кто правъ, кто виноватъ, въ томъ вѣдаетъ
Богъ да великій государь; гдѣ кому велить быть,
тутъ тотъ и будетъ—такъ-ли?

Пронскій.

Какъ же не такъ!

Шереметевъ.

Разумѣется, такъ.

Долгорукій.

Иначе и быть не можетъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Такъ изъ чего же, кажется, продолжать намъ
нашу ссору?.. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.
Довольно повраждовали, теперь, кажется, пора и на
мировую—не такъ ли, бояре?

Пронскій.

И подлинно такъ!

Шереметевъ.

Всего лучше!

Долгорукій.

По рукамъ, да и все тутъ.

ПРОНСКІЙ.

Концы въ воду...

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Калинычъ, подай сюда стопу моего лучшаго вина... Нынче я справляю именины свои... Прошу тебя, князь Михайлъ Григорьичъ, забудемъ старое... Будь моимъ дорогимъ гостемъ... Отвѣдай моего хлѣба да выпей на здоровье. *(Кланяется и подаетъ кубокъ. Ромодановскій съ бѣшенствомъ кидаетъ кубокъ объ полъ).*

РОМОДАНОВСКІЙ *(громовымъ голосомъ).*

Ха, ха, ха! ужь впрямъ видно ты именины справляешь и съ похмѣлья разсудокъ потерялъ! Чтобъ я твоимъ гостемъ былъ! чтобъ я тебѣ, Іудѣ Искариоту, руку подалъ!.. Или вы съ ума всѣ спятили? или ужь забыли вы, что я... *(надъвываетъ шапку)* князь Ромодановскій?

ЩЕРЕМЕТЕВЪ.

Не къ добру, видно, присмирѣлъ.

ПРОНСКІЙ.

Вотъ это такъ, такъ.

РОМОДАНОВСКІЙ.

Слышали вы, бояре, слышали вы! Да что жь я въ-самомъ-дѣлѣ до того старъ и безпріютенъ, что и Бутурлинъ даже какой-нибудь осмѣливается позорить меня своей лаской!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Князь Михайлъ Григорьичъ да не ты ли пришелъ съ повинной?

Ромодановскій.

Я исполнилъ волю моего государя. Я пришелъ съ повинной по царскому указу, по боярскому приговору; но чтобъ я съ тобой велъ хлѣбъ-соль и дружбу, чтобъ я, князь Ромодановскій, пировалъ съ заклятымъ врагомъ своимъ, да этому малые ребятишки на улицѣ смѣяться стануть.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Угмонись, князь Михаилъ Григорьичъ.

Ромодановскій.

Вотъ нашлось мнѣ знакомство на старости—ай да честь ! Будеть у насъ о чемъ побесѣдовать. Ужь не станешь-ли ты мнѣ рассказывать про дѣдушку своего, какъ служилъ онъ разстригъ Гришкѣ Отрепьеву и продавалъ насъ за польскіе червонцы?..

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Перестань, князь Михаилъ Григорьичъ. Ты у меня въ домѣ.

Ромодановскій.

И о прадѣдѣ твоємъ поговоримъ, какъ былъ онъ въ намѣстникахъ въ Тобольскѣ и раскралъ государеву казну, и о батюшкѣ твоємъ потолкуемъ, о бояринѣ съ путемъ, даромъ-что былъ безпутнымъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ. (Хочетъ кинуться на Ромодановскаго; бояре его удерживаютъ).

Нѣтъ, это ужь слишкомъ ! Позвольте мнѣ, бояре... позвольте... я накажу его за дерзость... (Бояре его удерживаютъ).

Пронскій.

Нѣтъ, нельзя, Иванъ Васильичъ: не обычай... Ты ужь молчи. Тебѣ отвѣчать не мочно.

Шереметевъ.

Такъ ужь заведено.

Долгорукій.

Онъ блюдетъ свое право. Ты долженъ слушать терпѣливо.

Ромодановскій.

Да ты-то самъ кто? чѣмъ ты въ люди вышелъ? воровствомъ, двоязычіемъ, наущничествомъ? Послушай-ка, кого московскій народъ проклинаетъ?—тебя, измѣнника... Кого рыльскіе стрѣльцы живаго схоронить хотѣли?—тебя, душегубца. Кто позоритъ честь боярскаго имени?—ты, окаянный...

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Благодари Бога, что у тебя сѣдая борода, не то бы, не выпустилъ тебя живаго отсюда.

Ромодановскій.

Какъ? и ты, щенокъ, туда же? Не здѣсь тебѣ мѣсто: не въ боярскомъ кругу... Стунай - себѣ къ мужикамъ на посидѣлки. Срами еще больше твое непотребное имя... Мѣсто твое въ Слободѣ Стрѣлцкой. Тамъ ждетъ тебя стрѣлецъ Петровъ... да дочка его, твоя любовница... *(За кулисами слышенъ пронзительный крикъ)*.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Неправда. *(Общее оцѣпененіе. Всѣ прислушиваются)*.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Ужъ не случилось ли чего, нѣтъ ли какого несчастія?..

ДОЛГОРУКІЙ.

Ступай, погляди Иванъ Васильичъ, и впрямъ что тебѣ его слушать.

ПРОНСКІЙ.

Ты видишь, онъ не въ своемъ умѣ.

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Пойду поглядѣть. Въ-самомъ-дѣлѣ нѣтъ ли бѣды какой. А ты, князь, ступай себѣ домой... бранись тамъ, сколько хочешь. (*Уходитъ*).

РОМОНОВСКІЙ (*съ изступленіемъ и постепенно усиливая голосъ*).

Не бранное слово, слово кровавое оставлю я тебѣ на память. Слушайте, бояре, слушай ты, князь Юрій Алексѣичъ, ты, Петръ Васильичъ... ты, Иванъ Прокофѣичъ, слушайте всѣ. Думали вы, что я круглый сирота, безъ роду и племени, что злодѣи-разбойники извели на вѣки мою семью ненаглядную. Нѣтъ! осталась у меня женушка—месть кровавая... злому непріятелю. Остались у меня дѣтушки — печали, бѣдствія вражьему проклятому дому. Знайте всѣ: пока во мнѣ одна капля крови, пока не положить меня въ могилу, я буду преслѣдовать и доконать своего недруга-мѣстника и мстить ему, нечестивцу, и позорить его всѣми средствами, всѣми путями до послѣдняго издыханія. Смерть тебѣ, Иванъ Васильичъ, смерть безъ покаянія, и съ чадами и домочадцами, и съ ближними и съ родственниками...

Анаѣема богоотступнику... анаѣема навѣки. Пусть
околѣетъ, онъ какъ тварь нечестивая, и не будетъ
ему помилованія ни на этомъ свѣтѣ, нивъ будущемъ.
А теперь... дайте дорогу... Посторонитесь, бояре...
Князь Ромодановскій идетъ. (*Всѣ отступаютъ съ
ужасомъ. Ромодановскій медленно выходитъ.*
*Ив. Вас. Бутурлинъ возвращается, дрожащій
и блѣдный*).

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Ну, что случилось? Да что съ тобой? ты блѣ-
денъ, весь дрожишь.

Ив. Вас. Бутурлинъ (*принужденно*).

Нѣтъ... такъ... ничего. Золовка моя испугалась
шуму... Да было правда чего... Справедливо гово-
рится пословица: незванный гость хуже татарина...
Да что о немъ думать!... Не приняться ли снова
за пирушку?... Вѣдь кубки недопитые стоятъ.

ПРОСКИЙ.

А чтожь, хорошее дѣло... Поразвеселимся ма-
ленько. Пойдемте же, бояре.

БОЯРЕ.

Пойдемте, пойдемте.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Прошу покорно... Калинычъ, вели подавать сно-
ва... (*Бездомному*) А ты куда!...

БЕЗДОМНЫЙ.

Извините... недосугъ теперь.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Къ своему милостивцу, къ Михайлѣ Григорьи-
чу?—знаю... Не смѣю удерживать. Вольному воля...
Ну, пойдемте жь, пойдемте... (*Гости возвращают-*

ся въ столовую. Вас. Ив. Бутурлинъ остается одинъ напередѣ. Иванъ Васильевичъ провожаетъ гостей и потомъ быстро оборачивается къ сыну и хватаетъ его за руку).

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

А съ тобой, голубчикъ, мы раздѣлаемся. (Василій Ивановичъ закрываетъ лицо руками. Гости шумно выходятъ съ Иваномъ Васильевичемъ въ столовую. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Внутренность Разбойнаго Приказа. Столъ съ бумагами, Архивный шкафъ. Постѣнамъ орудія пытки, дыбы.

ЯВЛЕНИЕ I.

ТРОЕ ПОДЪЯЧИХЪ.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Ты что мухъ-то ловишь! Припасенъ столбецъ?

ВТОРОЙ.

Ну, не ворчи, старый хрычъ. Готовъ.—Чай, допросъ стануть держать.

ПЕРВЫЙ.

Еще бы... Вотъ по-крайней-мѣрѣ потѣха будетъ, а то тоска одолѣла. Подай-ка, братъ, тавлиночку.

ВТОРОЙ.

Слышалъ, дядя Елистратычъ? говорятъ, царь сегодня изволилъ шествовать въ монастырь.

ПЕРВЫЙ.

Ужъ не въ Флорищеву ли Пустынь, для бесѣды

съ преподобнымъ Иларіономъ? Государь, слышно, больно его жалуешь.

Второй.

Ну, ужь времечко! Да полно, правда ли? Только и рѣчь, что про монастыри.

Третій.

А что, Елистратычъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, чай, повеселѣе живали?

Первый.

Еще бы! А тебѣ на что?

Второй.

Да вотъ все, дядюшка, поразспросить хочется... Ты человѣкъ бывалый, видалъ, что ли, царскую охоту.

Первый.

Да какую охоту? Мало ли ихъ тамъ бывало! Лосинная, оленья, медвѣжья, волчья, заячья, птицами, псами, тенетами—вотъ сколько.

Второй.

А всѣхъ-то познатнѣе, чай, соколиная?

Первый.

Еще бы! Государь самъ изволилъ книгу составить: «Урядникъ соколинаго пути»... До трехъ тысячъ птицъ держали. Какъ теперь помню: изволилъ онъ выѣхать для потѣхи своей въ чистое поле, а за нимъ-то, за нимъ, Господи Твоя воля! сокольниковъ, подсольникововъ, рядовыхъ, всякаго народа, словно мухи. Ну ужь и птица, кречетъ отсюда вижу... что за кречетъ! Какъ взовьется къ поднебесью — фу ты прыть какая!... А оттуда стрѣлой на добычу — молнія!... Ну, ужь потѣха! Вотъ

то жь челичъ цвѣтнѣй малецъ, добрый былъ челичъ. Да мало ли ихъ было! Малецъ, Палецъ, Лихачъ, Ковачъ Бѣлый, Бердый, Анпрасъ, Арбасъ, Армасъ— въ день не перечесть. Подай-ка тавлинку. (*Второй подъячій вынимаетъ въ это время изъ шкафа штофъ водки и пьетъ*). А ты опять за свое?

Второй.

Да что, братъ, въ горлѣ пересохло. Не хочешь ли, дядюшка?

Первый.

Пожалуй, вишь пострѣль какой, еще спрашиваетъ: не хочешь ли! Русскій человекъ вино любить.

Третій.

Дай-ка и мнѣ, съ похмѣлья. Вчера весь день пролежалъ: нездоровъ былъ. (*Смѣются и пьютъ*).

Второй.

Знамо дѣло! А видѣлъ ты Волка?

Первый.

Какого Волка?

Второй.

Да вотъ новую пушку, на Пушкарномъ Дворѣ.

Первый.

Нѣтъ, не видалъ. Намъ что за пушки! Погляди-ка въ окно: никакъ на конѣ кто-то.

Второй.

Дьякъ нашъ пожаловалъ, Калина Патрикѣевъ.

Первый.

Ну, по мѣстамъ! живѣе, Подавай сюда извѣтъ, что написанъ о пойманномъ стрѣльцѣ.

Второй.

О которомъ?

ПЕРВЫЙ.

Ну, да вотъ, что давеча привели. — Да штофъ-то, смотрите, спрячьте: не попался бы какъ-нибудь.... Тс... сидѣть смирно!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЪ ЖЕ и КАЛИНА ПАТРИКЪЕВЪ, дьякъ Разбойнаго Приказа.

КАЛИНА.

Здорово.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Здравія желаемъ твоей милости.

КАЛИНА (сидясь).

Все ли у васъ благополучно?

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Слава Богу... Исполняемъ твои приказанія. Трудимся не покладываячи рукъ. Можно сказать, другаго на помыслѣ и въ рѣчахъ нѣтъ, какъ только радѣніе о государевой службѣ, въ угоду начальству.

ВТОРОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Даже пищу дневную забываемъ.

ТРЕТІЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Маковой росинки съ утра не было.

КАЛИНА.

Ну, ладно!... подавай бумаги. Эхъ понабралось сколько! Надо же было изъ Земскаго Приказа навалить на насъ всѣ разбойничьи, убивственныя и татенныя дѣла! Великое довѣріе! Ну да наше дѣло усердствовать. Это что такое... помѣта наврана.

Первый подъячий.

Виновать: не доглядѣлъ.

Калина.

То-то же виновать!... Какъ-разъ бѣду надѣла-ете... Ты у меня, смотри, доглядывай. Приводили сюда кого?

Первый подъячий.

Да одного стрѣльца привели.

Калина.

Ну, отошлите его въ Стрѣлецкій Приказъ, къ князю Долгорукову.

Первый подъячий.

Нельзя-съ будетъ.

Калина.

Какъ нельзя?

Первый подъячий.

Да обвиненіе на немъ, такъ сказать, такое тяжкое...

Калина.

Что бы такое...

Первый подъячий.

Да и вымолвить страшно.

Калина.

Что ты, братъ, говори.

Первый подъячий.

Да пойманъ въ Кремль съ оружіемъ. Да помышлялъ, говорятъ, на царское здоровье.

Калина (вскакивая съ мѣста).

Что ты? Быть не можетъ. Да гдѣ же онъ... Распрашивали... сознался?...

Первый подъячий.

Гдѣ намъ маленькимъ людямъ разспрашивать про
такія дѣла?

Калина.

Онъ тутъ? за приставомъ?

Первый подъячий.

Такъ точно.

Калина.

Позвать его.

Первый подъячий.

Слушаю-съ!

Калина.

Ну ужь эти стрѣльцы, будетъ отъ нихъ бѣда
какая-нибудь. Хорошо, что мы съ бояриномъ, Ше-
реметевымъ, съ Петромъ Васильичемъ, держимъ
ухо остро, не даемъ потачки, не наше бы стараніе,
долго ли до грѣха! Эхъ, тяжело приходится... А
извѣтъ о немъ оставленъ?

Первый подъячий.

Какъ же...

Калина.

Подай сюда... Да, да; то-то (*читаетъ свер-
токъ*). Пойманъ... съ оружіемъ, у самого Крас-
наго Крыльца... Что скажетъ Петръ Васильичъ?
Ну, гдѣ же этотъ душегубецъ?

Первый подъячий.

Прикажешь ввести?

Калина.

Введите; а ты садись да записывай. Да смотри,
опять перевернешь, такъ будетъ тебѣ гостинецъ для
праздника, Ага... вотъ онъ!

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ ЖЕ и ПЕТРОВЪ въ цѣпяхъ, въ рубашкѣ, между двумя копейщиками.

КАЛИНА.

Ну, ну... подойди-ка сюда, поближе еще... (*Садится*). Какъ зовутъ?

ПЕТРОВЪ.

Григорій.

КАЛИНА.

Пиши: Гришка.

ПЕТРОВЪ.

Благодарю на честь.

КАЛИНА.

Да ужь не бояриномъ ли прикажешь величать?

ПЕТРОВЪ.

Величай человекѣмъ.

КАЛИНА.

Э, братъ! да ты изъ таковскихъ. Да, да... Ты, чай, и грамотѣ знаешь?

ПЕТРОВЪ.

Знаю.

КАЛИНА.

Ну, такъ и есть! Ужь не жди добра.

ПЕТРОВЪ.

Не грамотный опасень, а кто въ толкъ не беретъ.

КАЛИНА.

Разсказывай!.. Какъ прозвищемъ?

ПЕТРОВЪ.

Петровъ.

КАЛИНА.

Года?

ПЕТРОВЪ.

Лѣтъ сорокъ слишкомъ будетъ.

КАЛИНА.

Родомъ?

ПЕТРОВЪ.

Не знаю.

КАЛИНА.

Родства не помнишь?

ПЕТРОВЪ.

Не знаю. Подкинуть, слышно, ребенкомъ въ Монастырь Батуринскій. Тамъ и жилъ до службы у святыхъ отцовъ. Грамотѣ сподобился, спасибо имъ. А откуда—не вѣдаю.

КАЛИНА.

Э, братъ, грамотный изъ бродягъ. Отъ васъ все нечестивое... Знаемъ мы васъ. Говори правду.

ПЕТРОВЪ.

И хотѣлъ бы солгать, да не смогу.

КАЛИНА.

Ну, нечего дѣлать... Пиши... На исповѣди бы-
ваешь?

ПЕТРОВЪ.

Нѣмецъ я что ли? Извѣстно, бываю.

КАЛИНА.

Давно въ службѣ?

ПЕТРОВЪ.

Да ужь давно...

КАЛИНА.

Съ какихъ поръ?

ПЕТРОВЪ.

Еще молодымъ парнемъ былъ, да вотъ съ того времени, какъ была русскому оружію неудача. Пришла къ намъ вѣсть въ монастырь, что воевода Шереметевъ разбитъ подъ Чудновымъ, самъ въ полонъ взятъ, и нашему знамени стыдъ нанесенъ великій. Не наше дѣло разсуждать, почему такая невзгода... Начальники, говорятъ, старшинствомъ считались, мѣстничались... Только обида вышла тяжкая. Не выдержалъ я, заиграла кровь; кинулся къ настоятелю въ ноги: «отпусти, владыко, въ боевое дѣло. Не выноситъ душа поношенье, одолѣла немочь... сгину, измаюсь здѣсь безъ пользы, да и грѣхъ пущій на душу возьму». Спасибо ему, благословилъ.

КАЛИНА.

Красно рассказываешь. И съ того времени на службѣ?

ПЕТРОВЪ.

Все на службѣ, по Украинскому Разряду. Вѣдался и съ Ордой и съ поляками и съ малороссіянами. Много испыталъ и видѣлъ на своемъ вѣку. Благодарю своего Создателя да начальника своего Ромодановскаго князя Михаила Григорьича.

КАЛИНА.

Такъ ты, знать, и подъ Чигиринъ ходилъ, Дорошенку смирать?

ПЕТРОВЪ.

Какже... я все и служилъ въ Сѣвскомъ Полку.

КАЛИНА.

Да, да... такъ... Женатъ?

ПЕТРОВЪ.
Нѣтъ, вдовъ; былъ женатъ на стрѣлецкой дочери—царство ей небесное! Давно ужь скончалась... не выдержала тяжелой ратной жизни.

КАЛИНА.

Дѣти есть?

ПЕТРОВЪ.

Есть одна дочь.

КАЛИНА.

Больше нѣтъ?

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ.

КАЛИНА.

Въ Москвѣ давно?

ПЕТРОВЪ.

Третій мѣсяць, какъ переведены изъ Сѣвскаго въ отличіе на Москву.

КАЛИНА.

Награды получалъ?

ПЕТРОВЪ.

Какъ же, удостоился съ прочими. Слышали царскую милостивую похвалу да по сукну на челоуѣка получили. Пятидесятникомъ пожалованъ.

КАЛИНА.

Записалъ, что ли?

Первый Подъячій.

Записалъ, батюшка.

КАЛИНА.

Ну, какъ же не грѣхъ тебѣ, скажи, послѣ этого? Челоуѣкъ ты немолодой и видѣлъ, и послужилъ на своемъ вѣку, а вотъ на такое дѣло пошелъ, что

и вымолвить страшно. Какъ это тебя схватили съ оружіемъ у государевыхъ палатъ?

ПЕТРОВЪ.

Мимо шелъ.

КАЛИНА.

А какъ же тутъ написано, что ты мечъ обнажилъ.

ПЕТРОВЪ.

Обронилъ ненарокомъ.

КАЛИНА.

Ненарокомъ... То-то же! Нѣтъ ты, ужь лучше покайся... повѣдай всю правду, пока не заставили... Не замышлялъ ли ты чего противъ царскаго величества?

ПЕТРОВЪ.

Что мнѣ замышлять?

КАЛИНА.

Не дерзалъ ли на государево здоровье?

ПЕТРОВЪ (*перебивая*).

Чтобъ я поднялъ руку на... да ты русскій, что ли?

КАЛИНА.

Онъ какъ-будто правъ. Да нѣтъ, долгъ мой испытывать. Ну тому я пожалуй повѣрю: ты самъ бы отъ себя не пошелъ бы на такой разбойничій умыселъ. Охъ, охъ! да мало-ли у насъ недоброжелателей! Коли бы не наше усердіе съ Шереметевымъ Петромъ Васильичемъ... Что и говорить тутъ! Не получилъ ли ты подарковъ или посуловъ отъ свѣйскаго короля или хана крымскаго, или отъ турецкаго салтана, или другихъ. Ну, говори. Для чего шелъ ты мимо царскаго двора съ оружіемъ?

Не помышлялъ ли на царскій домъ, или на бояръ, на думныхъ или ближнихъ людей? Не по наученію ли своему отъ кого, отъ бояръ, или отъ посадскихъ и гуляющихъ людей—а?..

Петровъ.

Погляди-ка: вотъ это рана добрая; вотъ и эта не хуже. Спроси у товарищей: каково ратовали мы за государево дѣло. Самъ ты видишь, весь израненъ. Коли словъ тебѣ не довольно, такъ вотъ тебѣ отвѣтъ.

Калина.

Что, его обыскивали?

Подъячій.

Обыскивали.

Калина.

Не нашли на немъ денегъ большихъ, вещей дорогихъ?

Первый Подъячій.

Окромя креста золотого ничего не нашли.

Калина.

Что бы этакое?.. вишь ловкій какой! Да нѣтъ, нельзя вѣрить. Мое дѣло до конца испытывать. Такъ ты не хочешь каяться, не скажешь сообщниковъ?

Петровъ.

У меня одинъ сообщникъ—чистая совѣсть, другой сообщникъ—твердый духъ!... Слава Богу, не измѣняли доселѣ.

Калина.

Такъ говорить больше тебѣ нечего?

Петровъ.

Самъ знаешь.

КАЛИНА.
Ну, видно дѣлать нечего. Прійдется развязать тебѣ языкъ. Позовите Алёшку. Я прошу тебя изъ ласки, не давай себя на истязаніе... Принеси чистое покаяніе... Да говори что знаешь... Не хочешь?... Нѣтъ? Ну, самъ виновать.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЪ ЖЕ и палачъ **АЛЕШКА** съ топоромъ на плечѣ (съ густой черной бородой, въ красной рубашкѣ), за нимъ два помощника: одинъ несетъ веревки, ремни и кнутъ, другой жаровню съ угольями. Молчаніе.

КАЛИНА (торжественно).
Въ послѣдній разъ, именемъ Всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога и Государя нашего Царя Оеодора Алексѣевича всея Россіи и многимъ государствамъ, землямъ восточнымъ, западнымъ и сѣвернымъ отчича, и дѣдича и наслѣдника Государя и обладателя заклинаю, тебя, стрѣльца Гришку Петрова, подъ опасеніемъ тяжелой на этомъ свѣтѣ пытки по смерть и вѣчной на томъ свѣтѣ муки, исповѣдать, здѣсь намъ, сѣдящимъ въ Разбойномъ Приказѣ, для храненія царскаго здоровья и правосудія—къмъ подученъ, подосланъ и направленъ ты для богомерзкаго въ кремлевскихъ палатахъ покушенія?

ПЕТРОВЪ.
Во имя Всемогущаго и Всевиद्याщаго Бога и днесъ зрящаго душу мою, отвѣчаю въ полномъ упованіи на благодать Создателя, что неповиненъ въ тяжкомъ извѣтѣ.

КАЛИНА.

Ну, Алёшка, принимайся за свое дѣло... Нѣтъ, погоди еще. Да знаешь ли ты, братъ, что съ тобою стануть дѣлать? вѣдь это сто смертей разомъ... Вотъ взгляни. Видишь ли эту дыбу? Тебѣ завяжутъ руки и ноги ремнями, потомъ подымутъ руками вверхъ да какъ дернутъ за ноги—всѣ составы повыскочатъ, да съ первой встряски не скажешь, съ другой подумаешь, а съ третьей и заговоришь поневолѣ; да вотъ кстати Алёшка станетъ стегать ремнемъ по спинѣ, пока разговоришься.

ПЕТРОВЪ.

Твоя воля.

КАЛИНА.

А этого мало будетъ, другія есть средства. Видишь, огонёкъ припасенъ? Тебя на бревно подымутъ, да жарить станутъ... а вотъ и клещи, ихъ накалить можно, да ребра пощипать; ломаются—не бѣда: что коснѣющаго разбойника жалѣть! А тамъ топленымъ оловомъ залить прійдется тебѣ горло, да руки и ноги отсѣчь, начиная съ пальцевъ. Такъ и законъ велить по твоему преступленію. Ужели и тутъ не поколеблется упрямство? За тебя страшно, повинися, братъ!

ПЕТРОВЪ.

Но въ чемъ мнѣ виниться?

КАЛИНА.

Эхъ, упрямая голова! Ты насъ пожалѣй, не принуждай на строгости. Что ты станешь дѣлать?

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЪ ЖЕ, ПОДЪЯЧІЙ И ОЛЬГА.

Второй подъячій.

Калина Семенычъ.

Калина.

Что?

Второй подъячій.

Дочь преступника пришла, просить, чтобъ впустили. Какъ прикажешь?

Калина.

Впустите. Авось она его склонить къ признанію.

Ольга (кидается на шею отца. Оба стоятъ нѣсколько времени обнявшись).

— Батюшка, батюшка, что съ тобой дѣлаютъ!

Петровъ.

Ольга! рожденіе ты мое, ласточка моя... Привелось намъ здѣсь свидѣться. Видишь сама. Ввели на меня страшную напраслину. Хотятъ, чтобъ я сознался въ небываломъ. Божья воля! Живота пускай лишаютъ, а солгать не могу, не долженъ; лучше умру, а не солгу! Моли Бога, чтобъ Онъ подкрѣпилъ меня въ страшный конечный часъ. А ты живи и безъ меня, какъ-будто я въ живыхъ съ тобою—слышишь ли? Немного пожитковъ я тебѣ оставляю, да оставляю тебѣ чистую душу, жизнь безъ порока... Береги честь свою дѣвичью. Коли Богъ благословитъ тебя за добраго человѣка, живи съ нимъ въ со-

вѣтъ и послушенствѣ. Будешь ты ему въ радость, какъ и мнѣ въ радость была. Берегись дурныхъ людей—слышишь? Помни отцовскій приказъ. Не то и съ того свѣта не будетъ тебѣ моего благословенія. Ну, не плачь. Поклонись товарищамъ; скажи спасибо на добромъ товариществѣ. Ну, ступай теперь, тебѣ дѣлать здѣсь нечего.

Ольга.

Помилуйте... Чего хотите вы отъ него? Будьте жалостливы, не погубите невиннаго.

Калина.

Ты бы, голубушка, лучше сама его вразумила!.. Скрываться теперь нечего.

Ольга.

Батюшка! коли ты что знаешь, коли что слышалъ, скажи, повѣдай все, что у тебя на совѣсти. Да нѣтъ, быть нечему. Мы люди простые, хоть у кого спросите. Ему говорить нечего. Согрешилъ, знать, безъ умыслу.

Петровъ.

Безъ умыслу согрешилъ.

Калина.

Съ вами только время теряешь. Начинай Алёшка!

Ольга (съ отчаяніемъ).

Помилуйте! повремените! Съ меня начните. Я всегда съ нимъ сообща. Я моложе: я легче вынесу... Неужто въ васъ нѣтъ жалости?... Помогите! (кричитъ) спасите кто-нибудь!!

Калина.

Подержите ее.

ПЕТРОВЪ (Калинъ).
Послушай, дьякъ ты, что ли?... исполни мою
просьбу!

КАЛИНА.

А!... наконецъ повиниться хочешь.

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ, виниться мнѣ не въ чемъ. Я такъ прошу,
изъ милости. Прикажи дочь мою отвезти домой въ
слободу. Вѣдь негоже дѣвушка стоять здѣсь, да гля-
дѣть на истязаніе.

КАЛИНА.

При ней скорѣе скажешь.

ПЕТРОВЪ.

И при ней лживаго слова не скажу. Только по-
берегите ее. Она молода, не окрѣпла еще душой. Да
и гдѣ же приказано, чтобы дочь была при отцов-
ской пыткѣ?

КАЛИНА.

Въ колоколь ударили! Что это за шумъ? Въ литав-
ры бьютъ, въ суренки играютъ. Поглядика въ окно.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Коней ведутъ... видимо-невидимо.

ВТОРОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Пожитки несутъ.

ТРЕТІЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Копейщики... стольники... стряпчіе. Народъ
шапки снимаетъ, о-земь кланяется. Видно, государь
походомъ въ монастырь шествуетъ.

ОЛЬГА.

Что?... походомъ... Государь посреди народа...
нѣтъ, онъ не дастъ пролить невинную кровь...

Онъ Богомъ данъ живымъ правосудіемъ. Послѣдняя сирота крикнетъ ему о помощи и онъ не можетъ не откликнуться. Пустите меня... я сама уйду теперь. Я брошусь ему въ ноги, я крикну ему такъ... что весь народъ, вся Москва услышитъ: «спаси погибающаго безвинно слугу твоего! Твое же есть, какъ Бога на небѣ, спасти и миловать на землѣ». (*Убь-гаесть*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, кромѣ ОЛЬГИ. Смотрятъ въ окно.

КАЛИНА.

Пустите ее... А! вотъ потянулось шествіе.

Второй подъячій.

Это что несутъ, Елистратычъ?

Первый подъячій.

Молчи ты. Вишь, это царскіе пожитки, казна столовая, казна шатерная.

Второй подъячій.

Повозокъ съ тридцать будетъ.

Первый подъячій.

Вотъ дворцовые страпчіе, сытники, подключники, скороходы съ золотыми бичами, охранные стрѣльцы, дворцовая челядь. Вотъ лошадей ведутъ въ золотыхъ попонахъ... видимо-невидимо. Вотъ золотая карета.

Второй подъячій.

Эва богатство какое!

Первый подъячій.

А вотъ и царская скамейка, приступъ, мѣстное сукно; царь недалеко.

Второй подъячий.

А народу-то, народу!

Калина.

Молчите. Вотъ скипетръ несутъ... а вотъ и самъ государь на аргамакѣ... Эхъ, что это онъ сумраченъ такъ... Все нездоровъ, сердечный.

Петровъ.

Дай Богъ ему скорого выздоровленія. (*Молчаніе*).

Калина.

Проѣхалъ...

Второй подъячий.

Эва!... глядите-ка, вотъ и наша дѣвка прибѣгла. Да нѣтъ, шалишь; народу, видишь, сколько, за полверсты не дойдетъ.

Третій подъячий.

Вишь, руками машетъ. Народъ смѣется... Упала никакъ...

Петровъ (*поспѣшно*).

Ушиблась?

Третій подъячий.

Отсюда не разглядишь. Да вашъ братъ упадетъ, не расшибется.

Калина.

Молчите вы, крапивное сѣмя!... Вамъ бы руки нагрѣть, да обиды чинить — знаемъ мы васъ. Давно бы васъ бросилъ, коли не польза государева, да Петръ Васильичъ. Ну, видишь, Петровъ, самъ царь проѣхалъ. Хоть при немъ войди въ себя, облегчи свою участь, скажи, назови соучастниковъ въ злодѣйскомъ умыслѣ.

ПЕТРОВЪ.

Я сказалъ всю истину, больше говорить нечего. Коли долгъ твой пытать меня, такъ пытай. Я не прекословенъ и попрекать не стану. Исполни твой законъ. Не по злобѣ же ты творишь это, а для оберегательства. Позволь только Богу помолиться.

КАЛИНА.

Молись, да вразумить Онъ тебя. (*Петровъ становится на колѣни и молится. Молчаніе*). Ну, готовъ?

ПЕТРОВЪ.

Готовъ...

КАЛИНА.

Вяжите ему руки, около кистей, какъ знаете... Подайте веревки... подводите къ дыбамъ... Да слышите ли, какъ закричитъ, что говорить хочетъ, такъ, смотрите, спускайте, безъ мѣшкоты...

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Какъ же!

КАЛИНА (*отворачивается*).

Ну... дѣлайте свое дѣло. (*Петрова привязываютъ къ дыбамъ. Въ это время входятъ П. В. Шереметевъ, М. Г. Ромодановскій и Бездомный*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Повремените, присяжные люди.

КАЛИНА.

А! вотъ самъ Петръ Васильичъ пожаловалъ.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

О чемъ идетъ у васъ расправа?

КАЛИНА.

Стрѣльца поймали съ оружіемъ у царскихъ палатъ, такъ вотъ хотимъ пытать, не замышлялъ ли чего худаго.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Ненадо. Князь Михаилъ Григорьичъ ему порука:—онъ ему извѣстенъ, съ нимъ въ походахъ бывалъ; онъ за него ручается. Прикажите ему одѣться и домой идти.

КАЛИНА.

Ну, слава Богу!

ПЕТРОВЪ.

Спасибо тебѣ, князь, что не оставилъ дочь сиротой.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Ну, князь, сдѣлано по твоему. Теперь извини, боюсь отстать отъ шествія. Да вотъ еще приказать кое-что надо. Прощай покуда. А вы проводите меня.

РОМОДАНОВСКІЙ.

Не забуду я твоего одолженія. (*Шереметевъ уходитъ въ сопровожденіи Калины и подъячихъ. Петровъ уходитъ съ прочими*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

РОМОДАНОВСКІЙ и БЕЗДОМНЫЙ.

РОМОДАНОВСКІЙ.

Да, старикъ Ромодановскій помнитъ одолженія,

да и обиды крѣпко держать въ памяти. Ты мнѣ хорошо присовѣтовалъ. Я помню этого Петрова. Онъ дорожить честью, не хуже нашего брата; онъ за обиду спасибо не скажетъ. Съ нимъ Бутурлины не раздѣляются.

Бездомный.

Да то ли еще будетъ! Тутъ есть одинъ стрѣлецъ, сорви-голова—Аѳанасьевъ. Онъ все и рассказалъ-то мнѣ. Хоть куда молодецъ, за деньги все сдѣлаетъ.

Ромодановскій.

Смотри же, не забудь обѣщанія: отомсти за меня, да хорошенько; а за деньгами дѣло не станетъ: всю казну отдамъ для расплаты. На кого мнѣ ее беречь? Извели у меня семью, убили сына. Однимъ живу, чтобъ раздѣлаться съ Бутурлинымъ... Ты знаешь ли, что въ 1084 году въ Василевѣ былъ воеводой въ первыхъ предокъ мой князь Антонъ Михайлычъ. А Бутурлинъ былъ въ Апсалѣ вторымъ.

Бездомный.

Да городъ Апсаль былъ, можетъ, старше Василева города.

Ромодановскій.

То-то что нѣтъ. Гдѣ это видано, чтобъ нѣмецкій городишко былъ выше русскаго города? А насъ же унижаютъ теперь! О чести родовой и говорить нечего, да честью-то разрядной мы всегда ихъ были выше. Когда Іоаннъ Васильевичъ выдавалъ дочь свою за литовскаго князя, при ней былъ Ромодановскій князь Василій Васильичъ, а теперь срамятъ насъ въ позоръ передъ людьми и

убавляютъ честь нашу съ каждымъ днемъ, хотятъ, чтобъ родъ исхудалъ непоправно. Вѣришь ли, подчасъ радуюсь, что сына моего ребенкомъ убили; что не дожилъ онъ до нашихъ временъ?

Бездомный.

Перетерпи, князь!

Ромодановскій.

На свадьбѣ Алексѣя Михайловича одинъ Ромодановскій былъ въ дружкахъ, другой устилалъ царскій путь камками, а Бутурлины были въ поѣзжаныхъ. Правда и повезло имъ потомъ. Не съ нынѣшняго дня загорѣлась во мнѣ злоба. Отцы наши мѣстничались и завѣщали намъ вражду. Дѣти исполнять завѣщаніе.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ ПЕТРОВЪ, въ полномъ стрѣлецкомъ вооруженіи.

Петровъ.

Батюшка князь Михайлъ Григорьичъ, не забываешь ты насъ...

Ромодановскій.

Что, братъ, здѣсь не то что боемъ идти на басурмана: не углядишь здѣсь откуда врагъ возьметъ. Съ улицы человѣкъ нападетъ на тебя, садетъ тебѣ на голову и задушитъ, а ты молчи, да кланяйся.

Петровъ.

Помилуй Богъ!

Ромодановскій.

Духъ возмущается! Забыли вы меня, мои сѣвекіе ратники!

ПЕТРОВЪ.

Приказывай своимъ ратникамъ: ты нашъ начальникъ, воевода.

РОМОДАНОВСКІЙ.

Какой я воевода! Да и ты что за ратникъ! Я—старикъ опозоренный, ты—воинъ безъ чести.

ПЕТРОВЪ.

Кто отнялъ у меня честь?

РОМОДАНОВСКІЙ.

Когда я проливалъ кровь свою съ вами на службѣ, здѣсь отнималъ у меня мѣсто временщикъ проклятый.

ПЕТРОВЪ.

Да честь-то у меня кто отнялъ?

РОМОДАНОВСКІЙ.

Любо ему теперь! Смѣется онъ теперь, что стараго воина заставилъ стоять передъ собой на колѣняхъ, что нанесъ онъ конечное пятно моему роду въ вѣчный попрекъ. Да нѣтъ, погоди... мы еще съ нимъ раздѣлаемся—не такъ ли, товарищъ? Скажи, у тебя одна только дочь?

ПЕТРОВЪ.

Одна.

РОМОДАНОВСКІЙ.

Какъ, только одна и есть? сыновей нѣтъ?

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ.

РОМОДАНОВСКІЙ.

Да ты Бутурлиныхъ-то знаешь?

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ, я человѣкъ новый.

Ромодановскій.

Послушай: здѣсь, въ Москвѣ, живётъ попавшій въ бояре Иванъ Васильичъ Бутурлинъ; у него сынъ Василій. Сынъ его, Васька, обманулъ, обольстилъ, обезславилъ твое рожденіе — твою дочь единственную. — Понимаешь ли?

Петровъ.

Кто говорилъ это?

Ромодановскій.

Я это тебѣ говорю. Вхожъ къ тебѣ молодой парень, суконной сотни торговый человекъ?

Петровъ.

Бывалъ, сколько разъ бывалъ! Такъ что жъ?

Ромодановскій.

То-то и есть, что онъ не торговый человекъ, а только личину на себя надѣлъ, притворство чинить: онъ-то и есть обманщикъ Бутурлинъ.

Петровъ.

Да правда ли, бояринъ?

Ромодановскій.

Да такъ же правда, какъ я, твой воевода, стоялъ передъ отцомъ его на колѣняхъ, просилъ о милости, благодарилъ за ласку. Вѣдь трудно повѣрить, а правда. Смѣшно, кажется... Что жъ ты не смѣешься?

Петровъ (мрачно).

Не до смѣху, бояринъ.

ЯВЛЕНИЕ Х.

ТЪ ЖЕ и ОЛЬГА.

ОЛЬГА (плачетъ).

Не допустили меня, бѣдную... толпа такая... живъ ли онъ остался? А, вотъ и онъ знать не пытанъ еще, да и цѣпи сняты... Да что такое? ужъ ему и оружіе отдано (вскрикиваетъ и бѣжитъ къ отцу). Батюшка!

ПЕТРОВЪ.

Ольга... рад... (отталкиваетъ дочь) Да нѣтъ! погоди, голубушка. Ты куда ходила?

ОЛЬГА (съ удивленіемъ).

Да ты видѣлъ. Царь шелъ походомъ; хотѣла просить милости, да нельзя было дойти: оттерли, отбросили... я и пришла...

ПЕТРОВЪ.

А какъ зовутъ твоего суженаго?

ОЛЬГА.

Батюшка....

ПЕТРОВЪ.

Какъ зовутъ твоего милаго друга, безстыдница?... Я ли тебя не кормилъ, не возлелѣялъ, не воспиталъ? я ли для тебя не несъ всякихъ тягостей? Отблагодарила же!... Какъ зовутъ твоего любовника, распутница?

ОЛЬГА.

Выслушай, батюшка!

ПЕТРОВЪ.

Мнѣ тебя слушать! Нѣтъ, ты меня послушай,

ты меня еще не слыхивала... Видала мою любовь, да гнѣва еще не видала. А вотъ увидишь, познакомишься.

Ольга.

Бат....

Петровъ.

Молчать! Видишь, чужіе люди стоятъ, видишь, бояринъ здѣсь. Или ты стыдъ потеряла и при нихъ говорить станешь. Пойдемъ домой, дочка, домой пойдемъ: тамъ побесѣдуемъ, потолкуемъ. Да какъ же ты это меня обманула? какъ не видалъ я вашихъ шашней и вора пустилъ себѣ въ домъ? Ну, отвѣчай же... что жъ ты молчишь? Отвѣчай!

Ольга.

Батюшка, не вынесу я твоего гнѣва. Сердце захватываетъ. (*Падаетъ въ обморокъ на руки Петрова*).

Ромодановскій.

Да ты побереги ее, а то уморишь со страху.

Петровъ.

Нѣтъ: отъ стыда не умираютъ. Спасибо на добрыхъ вѣсти, бояринъ. Домой пора. Теперь будетъ весело; будетъ о чемъ покалякать. Живите счастливо. (*Вскидываетъ дочь на плечи и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Ромодановскій.

Жаль мнѣ его стало. Вѣдь, что ни говори, отецъ...

Бездомный.

Такъ что жъ, кланяться ему, что ли, Бутурлинымъ?

Ромодановскій.

Нѣтъ, правда твоя. Нѣтъ имъ пощады! Доведу я ихъ до того, что въ ногахъ у меня будутъ валяться, да и тутъ не прощу.

Бездомный.

И по-дѣломъ будетъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ и ПОДЪЯЧІЕ. Боязливо, второпяхъ.

Первый подъячій.

Уходи, бояринъ.

Ромодановскій.

Что?

Первый подъячій.

Какъ бы не быть бѣдѣ: стрѣльцы бѣгутъ.

Ромодановскій.

Такъ что жь?

Первый подъячій.

Неравенъ случай, народъ буйный; иной разъ съ ними и головы не снесешь.

Ромодановскій.

Да гдѣ жь ты слыхалъ, чтобъ князь Ромодановскій отъ опасности бѣгалъ?

Второй подъячій.

Твоя воля. Такъ позволь хоть намъ спрятаться куда-нибудь.

Ромодановскій.

Не бойтесь: пока я съ вами, бѣды не будетъ.

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Не заложить ли двери?

РОМОДАНОВСКІЙ.

Настежь двери!

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Да помилуйте!

РОМОДАНОВСКІЙ.

Слушайся, подъячій, когда я приказываю. (*Отталкиваетъ подъячаго и отпираетъ настежь двери; на сцену вбѣгаетъ толпа стрѣльцовъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и СТРЕЛЬЦЫ.

Всѣ.

Гдѣ онъ? гдѣ онъ?

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Отдайте его!

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Нашихъ обижаютъ!

ТРЕТІЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Мы не допустимъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

По чьему приказу?

ПЯТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Кто вздумалъ?

ПЕРВЫЙ ПОДЪЯЧІЙ.

Кого вамъ надо?

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Нашего стрѣльца, слышно, схватили по боярскому приказу...

Второй стрелецъ.

Пятидесятника Петрова.

Третій стрелецъ.

За нимъ пришли.

Четвертый стрелецъ.

Отдайте добровольно!

Пятый стрелецъ.

Долго ли этимъ боярамъ обманывать нашего государя!

Первый стрелецъ.

Пора намъ заступиться.

Второй стрелецъ.

Ну отдавайте же!

Третій стрелецъ.

Не то весь Приказъ зажжемъ.

Четвертый стрелецъ.

И васъ съ нимъ же.

Пятый стрелецъ.

Боемъ возьмемъ.

Шестой стрелецъ.

Силой отыщемъ!

Пятый стрелецъ.

Да гдѣ вы его спрятали?

Второй стрелецъ.

А вотъ сами отыщемъ.

Первый подъячій.

Да его бояринъ уже отпустилъ.

Первый стрелецъ.

Будто? то-то же!

Второй стрелецъ.

Иное дѣло.

ТРЕТІЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Ахъ! батюшка, прежній воевода нашъ... князь
Михаиль Григорьичъ, и ты здѣсь!

РОМОДАНОВСКІЙ.

Сами видите, здѣсь... Свобождать прежде васъ
пришелъ своего ратника. На мою поруку его и
выдали.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Ахъ, отецъ ты нашъ, не забылъ ты своихъ
сѣвскихъ.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Дай Богъ тебѣ здоровья. Мы тобой, батюшка,
довольны.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Да что это? ты какъ бы постарѣлъ будто, посѣ-
дѣлъ весь?

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Нѣтъ ли тебѣ какой обиды?

ТРЕТІЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Ты намъ слово молви: мы пособить готовы!

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Животомъ за тебя ляжемъ.

РОМОДАНОВСКІЙ (радостно).

Какъ, въ-самомъ-дѣлѣ? Не забыли вы меня, ста-
рика? памятуете нашу службу? Заступитесь за меня.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Прикажи только.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Скажи, кто твой злодѣй, чтобъ его не было...

РОМОДАНОВСКІЙ.

Слышишь ли, Иванъ Васильичъ, слышишь ли,

какую Богъ далъ мнѣ семью? Стоитъ мнѣ слово сказать—и ты съ родомъ своимъ исчезнешь, какъ прахъ передъ лицомъ вѣтра. Да нѣтъ, законъ не велить. Спасибо, дѣти, порадовали вы старика. Пойдемъ вмѣстѣ на государевыхъ враговъ а со своими я самъ кое-какъ раздѣлаюсь.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Эхъ, напрасно, князь.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Немного бы стоило.

РОМОДАНОВСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, и не говорите. Не то я васъ слушаюсь и наложу на имя настоящее безчестіе. Увидимся еще, какъ пойдемъ бить бусурмана. Слышно, опять война.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Дай-то Богъ!

РОМОДАНОВСКІЙ.

Послужимъ еще вмѣстѣ государю, а теперь ступайте по домамъ. Не забуду я вашей дружбы. Не знаетъ Иванъ Васильчъ, что жизнь его на волоскѣ. Ну, что бы... да нѣтъ!... уйдти скорѣе отъ искушенія. До свиданія, товарищи! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Ну, ребята, видно и намъ по избамъ.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Дѣлать, знать, нечего.

БЕЗДОМНЫЙ.

Авдасьевъ, поди-ка сюда въ сторонку: надо по-совѣтоваться съ тобой. Сто рублей хочешь?

АѦАНАСЬЕВЪ.

Какъ не хотѣть! за то, что давича говорили?

БЕЗДОМНЫЙ.

Да! Михайла Григорыча обидѣлъ Бутурлинъ.
Чай, слышалъ?

АѦАНАСЬЕВЪ.

Слышалъ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Сынъ Бутурлина обманулъ стрѣлецкую дѣвку—
слышалъ?

АѦАНАСЬЕВЪ.

Слышалъ!

БЕЗДОМНЫЙ.

Ну, такъ что жъ?

АѦАНАСЬЕВЪ (смѣется).

Да, да смекнулъ, надо отплатить за воеводу и за
себя. Да, точно надо, въ-самомъ-дѣлѣ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да какъ бы это?

АѦАНАСЬЕВЪ.

Дай-ка подумать. Сто рублей, что ли?

БЕЗДОМНЫЙ.

Сто рублей.

АѦАНАСЬЕВЪ.

Ладно. Ужъ давно я на бояръ только зубы грызу.
Хорошо. Оброська!

ОБРОСЬКА.

Что?...

АѦАНАСЬЕВЪ.

Ты знаешь хоромы Бутурлина?

Оброська.

Какъ не знать!

Аѳанасьевъ.

Бѣги туда, вызови потихоньку сына боярина. Скажи, что ты присланъ отъ петровской дочери... просить вечеръ на свиданье.

Оброська.

Да какъ же это?

Аѳанасьевъ.

Да такъ же... Слушай, что говорятъ. Ты парень ловкій. Тихомолкомъ, знаешь, чтобъ повѣрилъ. Очень-де нужно свидѣться. Будетъ пожива!

Оброська.

Пожалуй пойду.

Аѳанасьевъ.

Ну, ступай же... Эхъ, загорѣлось. Вотъ какъ пообѣдаемъ...

Бездомный.

Да ты что замышляешь?

Аѳанасьевъ.

Ну, ужъ тамъ самъ увидишь. Только денежки припасай. Ну, пойдемъ теперь. Эй вы, чернильники; вы свое дѣло дѣлайте, а нашихъ не трогайте, ато посмотримъ что за чернило у васъ въ жилахъ течетъ. Слышите, что ли?

Первый подъячій.

Слышимъ, батюшка, слышимъ.

Аѳанасьевъ.

Ну такъ просимъ прощенія, пойдемте, ребята!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Простая стрѣлцкая изба, ПЕТРОВЪ сидитъ задумавшись у стола.

ПЕТРОВЪ (одинъ).

Обманомъ, говоритъ она, коварствомъ, лестью, какъ тать поганый, вкрался онъ въ мою хату, назвалъ себя простымъ человѣкомъ. Знать, обезславить хотѣлъ, позоръ нанести, въ вѣчный попрекъ, на посмѣяніе народу. Да что жъ у меня, въ-самомъ-дѣлѣ, руки что ли отсохли? нѣтъ самопала своего, пищали своей стрѣлцкой? Бывалъ же молодцомъ на войнѣ, не спускалъ врагу, а тутъ за рожденіе свое не съумѣю заступиться? Что тутъ думать? самъ бѣды напросился. Пеняй на себя. Милости просимъ, гость любезный: угощу тебя по-русски дубовыми щами съ желѣзной похлебкой. Узнаешь ты, что значитъ озлобить русскаго человѣка. Не съ дочкой тебя сосватаю, а съ мечемъ булатнымъ, со смертью лютою. Попадись только. Не отвернешься. Убью, просто убью, какъ звѣря хищнаго.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПЕТРОВЪ и ОЛЬГА.

ОЛЬГА.

Ты кликалъ, родной?

ПЕТРОВЪ.

Я?... нѣтъ... ступай себѣ, хозяйничай знай...
Да, бишь... Ольга!...

ОЛЬГА.

Чего изволишь?

ПЕТРОВЪ.

Поди-ка сюда, поди... Вотъ такъ. Погляди на
меня... Скажи-ка мнѣ, ты помнишь Божьи запо-
вѣди?

ОЛЬГА.

Слава Богу, не забывала.

ПЕТРОВЪ.

Ты говори правду... правду говори. Ты знаешь,
что лгать грѣхъ великій?

ОЛЬГА.

Знаю.

ПЕТРОВЪ.

А знаешь ли ты это, что солгать родному отцу
такой грѣхъ, что вымолвить страшно... а? знаешь?

ОЛЬГА (въ испугъ).

Батюшка!

ПЕТРОВЪ.

То-то же... Ну, не бойся!... я не отъ гнѣва. Я
только хотѣлъ спросить, помнишь ли, чему я училъ
тебя съ дѣтства? Ну, ступай! Богъ съ тобой...
Такъ ты точно думала, что онъ простой человѣкъ...
какъ, бишь?

ОЛЬГА.

Суконной сотни торговый человѣкъ.

ПЕТРОВЪ.

Да, ты уже говорила (про себя). Душегубецъ

разбойникъ. Что же? Не говорилъ ли онъ тебѣ льстивыхъ словъ, что ты ему приглянулась, полюбилась, пожалуй? говорилъ ли онъ?...

Ольга.

Батюшка!

Петровъ (*вспыльчиво*).

А! такъ ты солгала мнѣ давеча, не признавалась, забыла дѣвичій стыдъ, материнское благословеніе, опозорить меня вздумала! Отойди прочь!

Ольга.

Батюшка, не гнѣвайся, а выслушай милостиво. Я тебѣ сказала всю правду, истину... Любъ онъ мнѣ былъ, грѣха таить нечего. Но льстивыхъ словъ межъ насъ не было. Обманулъ онъ, — Богъ ему судія! Теперь онъ мнѣ чужой человѣкъ.

Петровъ.

Слушай, дочка, ты меня знаешь, у меня одно слово. Сохрани тебя Небесный Владыко хоть единый разъ видѣться съ этимъ *торговымъ* *человѣкомъ*, хоть ненарокомъ, хоть невзначай встрѣтиться съ нимъ на улицѣ. Помнишь ли, когда стрѣлецъ, мой товарищъ измѣнилъ присягѣ и бѣжалъ къ стародубскому полковнику Петрушкѣ Рославцеву, чтобъ пристать къ его шатости и воровству... Помнишь что я сдѣлалъ?

Ольга.

Ты убилъ его.

Петровъ.

Да! добрый былъ товарищъ. Жаль было его, да попутали хитрые люди. Сослужилъ я ему послѣд-

ною службу. Не допустилъ до плахи, рука не дрогнула. Помнишь ли?

Ольга.

Помню.

Петровъ.

Когда брата своего не пожалѣлъ я за измѣну, не подалъю я чужаго челоуѣка, измѣнника и вора. Ну, такъ слушай же. Да сохранить тебя Богъ съ нимъ встрѣтиться. Слышишь? Не долга будетъ расправа. Или онъ, или я, а ужъ одного не станетъ. А ты ступай себѣ тогда, куда глаза глядятъ. Мнѣ распутница—не дочь.

Ольга.

Батюшка, ты безвинно меня караешь.

Петровъ.

Развѣ ты виновата? Плакать нечего. Виноватые пусть и плачутъ. Я такъ только предостеречь хотѣлъ, чтобъ неравно не попался онъ тебѣ на глаза. Ну, ступай себѣ. Отдохни маленько. Ты, чаю, моя горлица, измаялась совсѣмъ. Ступай съ Богомъ. *(беретъ мечъ со стола)*. Вотъ онъ, мой вѣрный товарищъ, соскучился безъ дѣла, заржавѣлъ. А вотъ погоди, будетъ тебѣ потѣха, вопьешься ты въ сердце измѣнника, брызнетъ его черная кровь, затопчу его ногами, полюбуюсь надъ мертвымъ, да и мертвому не прощу.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПЕТРОВЪ и СТРѢЛЕЦЪ-РАСКОЛЬНИКЪ.

Раскольникъ.

Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ.

ПЕТРОВЪ.

Аминь. Ты какъ взошелъ сюда?

РАСКОЛЬНИКЪ.

Придоша днесь время, сыне, постоять за истинную вѣру.

ПЕТРОВЪ.

Что! за вѣру?

РАСКОЛЬНИКЪ.

Нынѣ бо несть истинныя церкви на земли ни въ Руси, ни въ Грекахъ. Токмо мы немногіе еще держимъ православную вѣру и крестимся, яко блаженный Θεодоръ написахъ, двумя персты изображающе въ томъ Божество и человѣчество Сына Божія; а тремя персты кто крестится той съ антихристомъ въ вѣчной муцѣ будетъ: то бо есть печать антихристова.

ПЕТРОВЪ.

Не въ перстахъ вѣра, а на дѣлѣ и на душѣ. — Прости, Господи, согрѣшенія.

РАСКОЛЬНИКЪ.

Паки глаголю ти придоша время антихриста.

ПЕТРОВЪ.

Э, братъ! подумай, истый антихристъ не есть ли духъ смуты и неповиновинія въ васъ сидящій. Знаю я вашу лицемѣрную святыню, не даромъ жилъ въ монастырѣ, изучилъ вашу вѣру. Чего тебѣ надо?

РАСКОЛЬНИКЪ.

Не добре слышно, аще духъ сокрушается.

ПЕТРОВЪ.

А что бы такое?

РАСКОЛЬНИКЪ.

Радуется врагъ человѣческій, наступила пора кры-

жа папскаго, иконъ новописныхъ, книгъ новоисправныхъ. Да что горше прежняго... Знаешь ли, сыне...

ПЕТРОВЪ.

Ну...

РАСКОЛЬНИКЪ.

Самъ онъ сюда шествуетъ.

ПЕТРОВЪ.

Кто?

РАСКОЛЬНИКЪ.

Онъ: патріархъ вашъ прежній—Никонъ прощенъ вызванъ вновь на патріаршее свое мѣсто.

ПЕТРОВЪ.

Такъ что же?

РАСКОЛЬНИКЪ.

Не пора ли будетъ, сыне, поднять хоругвь древней святой церкви противъ новокрещенцевъ. Не пора ли возстати противу нихъ словами убѣжденія. А слово не помогающе, не благо; не похвально ли опоясать мечъ правды Господней и лечь животомъ за православную вѣру истинную? Проснися, сыне, возстани отъ сна мертвяща. Послушай, что глаголетъ Никита, священникъ, въ живыхъ блаженни, да исчезнутъ враги нашей смертью, чтобы зміи впередъ еще изъ жала своего съ горшимъ вновь ядомъ не отродились на неукротимую всѣмъ пагубу. Сокрушимъ врага человѣческаго, отбросимъ въ пучину геенскую; а не то пріимемъ радостно свѣтлый мученическій вѣнецъ.

ПЕТРОВЪ.

Да того ты не знаешь, что и нечистый духъ имѣетъ своихъ мучениковъ. Вы вѣру ищите въ кого?

Въ чернецовъ, постриженныхъ въ мірскихъ домахъ, и по раскольнымъ пустынямъ, въ бродягъ, не бывавшихъ въ монастыряхъ въ подначальствіи; въ простыхъ мужиковъ, набранныхъ по кабакамъ. Вотъ столпы вашего ученія! Начальники вашего буйства красную личину надѣли вы на себя, да за ней-то—смрадный ликъ.

Раскольникъ.

Горе о твоёмъ заблужденіи, сыне.

Петровъ.

Горе о воровскомъ вашемъ замыслѣ. Здѣсь ему не укрывательство. (*За кулисами пѣсня хоромъ*).

Собирался на окіянь—море Новоторженинъ,
Убиралъ онъ тридцать кораблей безъ единого
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ.
Онъ на корму сажалъ Илью Муромца
На носу Стеньку Разина.

Раскольникъ.

Прощай, сыне, да вразумить тебя Господь.

Петровъ.

Да вразумить онъ и тебя. (*Раскольникъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПЕТРОВЪ и СТРѢЛЬЦЫ.

Первый стрѣлецъ.

Ну, куда же ты, отшельникъ?... Вишь, тягу какую задалъ! Ну, здорово, Петръ. Вотъ къ тебѣ и гости привалили поздравить на радость, что съ полона свободился.

Второй стрѣлецъ.

Ну, братъ, поздравляю. Хорошо, что такъ обо-

шлось. А тобъ мы тебя выручили. Эй, право такъ. Нашихъ не трогай.

ТРЕТІЙ СТРЕЛЕЦЪ.

На то, знать, стрѣльцы-молодцы!

ПЕТРОВЪ.

На дружбѣ вашей спасибо, а своевольство не годится, ребята. Эй, повѣрьте. Наше дѣло служить правдою.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Что жъ, наша служба видна. Вѣдались мы со всякими, и съ хохлами, и съ деревенской шишиморой, и съ крымскимъ ханомъ. Грудью постояли за царя русскаго, да за батюшку нашего воеводу князя Михаила Григорьича. Дѣло свое, кажись, не хуже другихъ исправили, государя нашего счастьемъ, да молитвами заступниковъ нашихъ московскихъ чудотворцевъ: Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа.

ПЕТРОВЪ.

А не читана вамъ въ соборѣ царская милостивая похвала? не переведены вы въ отличіе изъ Сѣвска въ Москву?

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Э, братъ Григорій, въ томъ-то и бѣда вся наша. Здѣсь порядки-то совсѣмъ другіе. Тамъ ратничать пріобыкли, а здѣсь торговать надо, да тяжелыя работы нести, на полковниковъ землю пахать... Эхъ, доля-то горемычная!

ТРЕТІЙ СТРЕЛЕЦЪ.

А тутъ же въ хлѣбѣ не дородъ, да дороговъ такая, что и приступить не къ чему.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

А видѣли вы давеча воеводу нашего князя Михаила Григорьича? слышали его рѣчи? Ишь по-старѣлъ какъ, голубчикъ! Знать, и ему-то не любо здѣсь приходится. Слышно, бояре крѣпко обижаютъ, мѣста не даютъ.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Слышно, обошли совсѣмъ, такую чести его дали поруху, что прости Господи!

ТРЕТІЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Да что жь онъ въ-самомъ-то-дѣлѣ не призоветъ насъ на оборону? Намъ не впервой будетъ послужить за него.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Онъ отецъ нашъ, а мы дѣти его.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

За кого же и постоять!

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Да кто жь ему, родному, обиды чинить?

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Да Бутурлины, слышно.

ПЕТРОВЪ (какъ-бы ономнясь).

Кто здѣсь Бутурлиныхъ поминаетъ?

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Обижаютъ, говорятъ.

ПЕТРОВЪ.

Кто вамъ это говорилъ? Не трогайте. Мое дѣло! Я съ ними слажу, развѣдаюсь. Не отнимайте. Моя добыча, мой расчетъ. Ужь попадись онъ мнѣ только!

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Ай да Григорій! вотъ это по-нашему. Люблю за
обычай.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

И впрямъ, пора къ расчету.

ТРЕТИЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Да вотъ, спросится бы Аѳанасьева: малый смѣ-
тливый, какъ разъ наставить на дѣло.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Да куда жь онъ пропалъ? Съ утра не видать.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Къ Пыжову, слышно, наряженъ на домашнюю
работу.

ТРЕТИЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Эва! такъ не мы же одни, и Аѳанасьева туда же!
Что-то скажетъ теперь?

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Чай, не любо покажется.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Ба! да никакъ и самъ онъ! какъ сонъ въ руку!

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ ЖЕ и АѲАНАСЬЕВЪ.

АѲАНАСЬЕВЪ.

Здорово, мужики!

СТРЕЛЕЦЪ.

Здорово, братъ. Что цѣлый день не видать?

АѲАНАСЬЕВЪ.

Да что, ребятушки, у Пыжова на огородахъ му-
жичью должность исправлялъ: капусту рубилъ. Ка-
пуста вотъ кака выросла.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Вотъ и въ огородники попалъ.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

До всего доживешь.

ТРЕТІЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Добрались и до тебя, знать.

АВАНАСЬЕВЪ.

Да что съ нимъ станешь дѣлать? «Въ четыре ба-
тога жарить», говоритъ, «стану»... Ну, оно спины-
то подставлять не хочется.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Чего мудренаго! Спина-то куплена на харчные
деньги.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

А вотъ намъ такъ все недодача. Слышно оклады
новые подѣланы, а кой чортъ оклады, есть ли гдѣ!

ТРЕТІЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Бога они не боятся, Пыжовъ этотъ да Грибоѵ-
довъ. Взяли въ крѣпость, да и только: нынѣче ого-
роды сажать, завтра пруды копать, плотины дѣлать
сѣно косить, лѣсъ чистить, дрова рубить, да въ
Москву на своихъ лошаденкахъ возить. Бѣда, да
и все тутъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Добро бы насъ однихъ, а то женъ да дѣтей гоня-
ють. Гдѣ жъ это видано?

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Мы люди торговые.

ШЕСТОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Да и ратные, пожалуй. Скажутъ походъ, такъ
свое дѣло не хуже другихъ исправимъ.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

А съ насъ же вычитаютъ да поборы берутъ. Да вотъ, ономнясь, пришлось отлучиться мнѣ съ стѣннаго караула въ Звѣнигородъ, такъ вѣдь двѣ гривны отдалъ.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

А я такъ, съ недѣлю, отлучился за десять алтынъ.

ТРЕТІЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Съ боемъ берутъ взятки, всякія тягости творять, да и заслуженное отнимаютъ.

АВНАСЬЕВЪ.

Да, бишь! Богданъ-то Пыжовъ прислалъ меня къ вамъ съ наказомъ.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Чего ему еще?

АВНАСЬЕВЪ.

Да вотъ, не знаю, именины, что-ли, скоро праздновать будетъ, такъ просить обновы, чтобъ поднесли ему кафтанъ аксамитъ, цвѣтной, съ золотыми нашивками, въ девять аршинъ десять вершковъ, да шапку соболью, да сапоги желтые.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Знать мірская шея толста. Все на нее валить.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Нѣтъ, ребята, это ужъ изъ рукъ вонъ! хоть въ лѣсъ бѣжать. Повершить-бы надо.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Да, бояре-то противу насъ. Отъ нихъ, слышно, противу насъ и дѣется.

Второй стрѣлецъ.

Не всѣ же. Вотъ Бутурлинъ нашу сторону держить. Да и Хованскіе тожъ.

Третій стрѣлецъ.

Много лѣтъ имъ здравствовать!

Второй стрѣлецъ.

А другихъ-то не такъ что много-больно будетъ. Можно будетъ справиться.

Первый стрѣлецъ.

Да не подать ли прежде челобитье?

Второй стрѣлецъ.

Э, братъ! До Бога высоко, до царя далеко. Къ Долгорукову пойдемъ, сѣчь станетъ. Всѣ они заодно. Нѣтъ, ребята, дойдетъ дѣло до расправы... Намъ же скажутъ спасибо. Сами управимся.

Третій стрѣлецъ.

Только-бы начальника себѣ выбрать, воеводу.

Второй стрѣлецъ.

Молотъ скоро найдется, коли будетъ что ковать.

Четвертый стрѣлецъ.

На крѣпкій сукъ точи топоръ. Да и впрямь, что мѣшкать. Пора разбирать, кого намъ надобно.

Петровъ.

Эхъ! ребята, ребята! затѣваете вы недоброе на свою голову. Слышали вы, должно быть, что въ чужихъ людяхъ ведется обычай такой: что кому любо и прибыльно, то тому и по совѣсти. Нынѣ совѣсть одна, завтра другая. Да намъ, православнымъ, приходится ли такъ? У насъ никакъ свой законъ. У русскаго человѣка и искони вѣковъ всего только одна совѣсть жила.

ТРЕТІЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Дѣло, Григорій!

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Не дай Богъ идти противъ совѣсти.

ПЕТРОВЪ.

То-то же. Намъ не доводится заводить новую совѣсть. Жили по старой, и слава Богу, со всякой вѣрностью, безъ измѣны и хитрости. Не пропадутъ передъ Богомъ да великимъ государемъ служба наша, да кровь, да раны, да полное терпѣніе, да осадное сидѣніе, да чинимыя неправды. Все воздастся въ свое время. А чинить самимъ расправу съ буйствомъ грѣшно. Дали вы государю обѣщаніе и вѣру, по святой и непорочной Евангельской заповѣди, противъ крестоцаловальной записи. Эй, бросьте воровскіе замыслы да дѣла, что и бусурманы творить страшатся. Стыдно вамъ забывать, что совѣсть и законъ велятъ вамъ памятовать крестное цалованіе и стоять за него и оборонять его, доколѣ душа въ тѣлѣ и жизнь при васъ будетъ.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Э, братъ, да ты этакъ, пожалуй, на насъ съ извѣтомъ пойдешь.

ПЕТРОВЪ.

И подлинно пойду. Прямо говорю вамъ, пойду, коль не придете къ познанью отъ своевольтва. Лучше немногимъ пропадать, чѣмъ всѣму стрѣлечеству быть въ тяжелой церковной клятвѣ, а отъ государя въ казни безъ милосердія.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Хвастаешь, братъ... не пойдешь: мы тебя знаемъ.

ПЕТРОВЪ.

Пойду, какъ Богъ святъ!

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Эва, какой! Да ты самъ у насъ сперва пропа-
дешь.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Мы тебя знаешь какъ!

ТРЕТИЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Не тронь. Напугать, знать, хочеть.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Братьевъ продавать...

ПЯТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Отъ своихъ отставать...

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ

Мы и тебя не пожалѣемъ. Виноватаго кровь —
вода.

СТРЕЛЬЦЫ.

Какъ муху убьемъ. (*Стрѣльцы подступаютъ
къ Петрову. Петровъ стоитъ хладнокровно,
сложивши на груди руки*).

ПЕТРОВЪ.

Такъ видите ли, товарищи, что значить-то со-
вѣсть. У васъ безъ хмѣля и руки на безвиннаго не
подымаются. А я стою среди васъ безъ трепета и
страха, и хотъ сейчасъ готовъ предстать передъ сво-
имъ Господомъ. Вотъ она, православные, совѣсть-
то. Эхъ, братцы, не научу я васъ недоброму. Въ
моемъ домѣ нѣтъ измѣны.

АВАНАСЬЕВЪ (смѣясь).

Почему знать?...

ПЕТРОВЪ.

Что́?...

АВНАСЬЕВЪ.

Не ты обманешь, другіе за тебя найдутся...

ПЕТРОВЪ.

Кто жь по-твоему?

АВНАСЬЕВЪ.

Да много ли живетъ васъздѣсь? всего самъ-другъ.

ПЕТРОВЪ (*поспѣшно отводитъ
Авнасьева всторону*).

Берегись... чтобъ не услышали. Ты не спроста говоришь. Говори, что́ знаешь?

АВНАСЬЕВЪ.

Да я такъ говорю, про-себя, про обманщиковъ. Мало ли ихъ теперь по бѣлу свѣту шатается... И не то, чтобъ простые люди, нашъ братъ, а то боярской крови бываютъ. Дѣлать, знать, нѣчего, такъ вотъ что лѣшіе затѣяли. Одѣваются въ скромное платье, да какъ мы со двора, а они къ намъ на дворъ... къ дочкамъ съ посѣщеніемъ... Вишь какіе!

ПЕТРОВЪ.

Повремени... дай вздохнуть маленько. Въ глазахъ красная полоса прошла. Ты отъ кого узналъ?

АВНАСЬЕВЪ.

Вотъ хорошо, отъ кого узналъ! сколько разъ самъ видѣлъ.

ПЕТРОВЪ.

Что́ видѣлъ?

АВНАСЬЕВЪ (*смѣется*).

Извѣстно, что́... У нихъ ужь давно полагено.

ПЕТРОВЪ.

Лжешь, окаянный... Онъ ей чловѣкъ чужой.

АВАНАСЬЕВЪ.

Извѣстно. Въ приходѣ не вѣнчался. Да теперь времена такія. И такъ, по-просту, бываетъ. Отецъ спать ляжетъ, а въ темну ночь въ калитку пройти трудность не велика, да и отпереть не страшно для милаго дружка.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Эй! хозяинъ... что ты веряшь глядишь пугалой, а гостей забываешь? Сухая ложка ротъ деретъ. Можно бы, кажись, поднести.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Вѣстимо, что тутъ горе горевать! По-нашему хоть домъ гори, только бражку вари.

ПЕТРОВЪ (дикимъ голосомъ).

Дочка! дочка!

ОЛЬГА.

Чего прикажешь?

ПЕТРОВЪ (кидаясь на нее).

Я тебя!...

АВАНАСЬЕВЪ (удерживая Петрова).

Остерегись, Григорій: вишь, люди глядятъ. Вѣдь не уйдетъ она отъ тебя.

ОЛЬГА.

Чего, батюшка, прикажешь?

ПЕТРОВЪ.

Что я приказываю? Забыла, видно, все, все забыла. Да у тебя что въ головѣ? о чемъ ты думаешь? Видишь, гости сидятъ... А еще хозяйка! Отчего

столъ не накрытъ? отчего не просишь ты гостей, чѣмъ Богъ послалъ?... О чемъ же ты думаешь?

Ольга.

Сейчасъ подамъ.

Петровъ.

Ты у меня смотри. (*Къ Аѳанасьеву*) Послушай, Аѳанасьевъ, будь роднымъ братомъ: докажи только... дай видѣть своими глазами. Вѣкъ не забуду.

Аѳанасьевъ.

Да пожалуй и показать можемъ. Хочешь, подстережемъ вмѣстѣ у плетня? Тамъ увидишь, какъ онъ каждую ноченьку пробирается.

Петровъ.

Лжешь ты! не повѣрю.

Аѳанасьевъ.

Самъ увидишь. (*Ольга обноситъ стрѣльцовъ*).

Первый стрѣлецъ.

Ну, вотъ это такъ по-нашему.

Второй стрѣлецъ.

Спасибо на угощеніи.

Первый стрѣлецъ.

Ай да красавица! Уродилъ же, Григорій, Господь такую дочку.

Второй стрѣлецъ.

Жаль будетъ въ люди отдавать. Вѣкъ бы не разстался.

Петровъ (*шопотомъ*).

Аѳанасьевъ!

Аѳанасьевъ.

Что?

ПЕТРОВЪ.

Изъ какихъ онъ Бутурлиныхъ?

АВНАСЬЕВЪ.

А вотъ сынъ самого Ивана Васильича.

ПЕТРОВЪ.

Ножомъ его али пищалью!

АВНАСЬЕВЪ (смѣется).

Какъ?

ПЕТРОВЪ.

А вотъ увидишь...

АВНАСЬЕВЪ.

Коли правду говорить, по-моему ни рѣзать, ни стрѣлять не годится: рана — улика. То-ли дѣло, порошокъ, отравное зельце... Сгинулъ, пропалъ человѣкъ, невѣдомо какъ. Хочешь одолжу. Вотъ всегда въ ладонкѣ ношу на себѣ на всякой случай. Ты прикинься маленько, приласкай его, какъ-будто онъ тебѣ больно по-сердцу... а тамъ неравно онъ испить попросить, ты и подашь.

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ, братъ, это не мое дѣло. Не такъ вѣдаюсь я съ злодѣемъ своимъ: глазъ противъ глаза; грудь противъ груди. Онъ съ мечемъ, я съ мечемъ. Обороняйся, какъ знаешь. Только не уйдетъ отъ меня. Не быть ему живому.

АВНАСЬЕВЪ.

Ну, братъ, какъ знаешь... Я такъ сказалъ по дружбѣ. Не всякой злодѣй, кто часомъ лихъ.

ПЕТРОВЪ.

Что жъ вы не пьете? Пейте на здоровье. Что жъ ты, дочка, не просишь? али зазналась слишкомъ?

простымъ людямъ и кланяться не хочешь? Я проучу тебя. Будешь ты свое дѣло помнить.

Ольга (кланяется).

Прошу покорно.

Первый стрѣлецъ.

Да полно пугать-то ее. Эка строгость! Была бы у меня дочка такая, худого слова бы не говорилъ.

Второй стрѣлецъ.

А брага знатная: такъ и разбираетъ.

Авдьясѣевъ.

Налей-ка и мнѣ, красавица.

Эхъ, хороша бражка,
Да мала чашка!

Спасибо... Ну-ка, по другой. Сто лѣтъ тебѣ здравствовать. Жениха тебѣ молодца. Самъ-бы назвался, да не гожусь: выпить люблю. Ну, слышали—и довольно. Ступайте по домамъ. Хозяину теперь недосугъ. Ступай, Григорій, за шапкой. Пойдемъ, покажу я тебѣ хорошее мѣстечко. Будешь доволенъ.

Петровъ.

Пора, что-ли?

Авдьясѣевъ.

А вотъ увидимъ. Всего впередъ не узнаешь. (Петровъ уходитъ). Да, бишь, ребята, больно насъ обижаютъ. (Шопотомъ). Слышали вы про его дочку?

Стрѣлецъ (указывая на Ольгу).

Слышали, да говорить здѣсь негоже...

Авдьясѣевъ.

Да вотъ что... Я далъ слово постоять за князя Михаила Григорьича. Хотите, что ли?

Второй стрѣлецъ.

Какъ не хотѣть: онъ отецъ нашъ.

Аѳанасьевъ.

То-то же. Такъ ступайте, скликайте къ вечеру народъ сюда на площадь, кому угодно только гулять. Зовите всѣхъ: затинщиковъ, ямщиковъ, посадскихъ людей. На всѣхъ будетъ угощенье.

Стрѣлецъ.

Да ты что, братъ, затѣваешь?

Аѳанасьевъ.

Не твое дѣло, ступай-себѣ.

Стрѣлецъ (почесываясь).

Да какъ же это?

Аѳанасьевъ.

Да такъ-же. Ты гулять любишь?

Третій стрѣлецъ (смѣясь).

Какъ не любить.

Аѳанасьевъ.

Ну, и все тутъ. Зови всѣхъ къ Съѣзжей Избѣ.

Первый стрѣлецъ.

Ну, пойдете, ребята. Да гдѣ же хозяинъ?

Аѳанасьевъ.

Онъ тоже со двора. Да вотъ и готовъ. *(Петровъ возвращается)*.

Первый стрѣлецъ.

Э, хозяинъ! спасибо на добромъ словѣ и на угощеніи.

Петровъ.

Не за что.

Стрѣльцы.

Просимъ прощенія.

ПЕТРОВЪ.

Съ Богомъ... (Стрѣльцы уходятъ).

АВАНАСЬЕВЪ.

Ну, и мы пойдемъ.

ПЕТРОВЪ.

Ну, а какъ обмануль ты меня?

АВАНАСЬЕВЪ.

Тогда дѣлай со мной что знаешь.

ПЕТРОВЪ.

Ну, пойдемъ. Смотри, Ольга, береги домъ, чтобъ
неравно не вошелъ кто со стороны. Долго ли вору
забраться... Смотри же!

ОЛЬГА.

Буду стеречь.

ПЕТРОВЪ (вспыльчиво).

Ты стеречь станешь... кого?... а?...

АВАНАСЬЕВЪ.

Да полно. Эхъ, неугомонный какой!... Вѣдь до-
гадается...

ПЕТРОВЪ.

Ну, ну... пойдемъ... Смотри же, стереги хоро-
шенько... Нето я, знаешь ли... Да, точно, братъ,
уйдемъ, ато не вынесу...

ЯВЛЕНИЕ VI.

ОЛЬГА одна.

Не вѣрить онъ мнѣ. А напрасно. Я ему сказала
всю правду-истину, какъ передъ Богомъ. Этого еще
горя не доставало. Провинилась, знать, я передъ Гос-
подомъ, что падаетъ на меня кара небесная. И точ-

но, провинилась: безъ спросу, безъ воли родительской другому душу отдала. Сама бѣду накликала. Обманулъ онъ меня, неразумную, осмѣялъ, опозорилъ. Надо бы озлобиться, да не въ-силахъ, не могу. Все бы ему простила... Да и кто противъ него, какъ подумаешь!... Нѣтъ его краше, нѣтъ его привѣтнѣе. Пущай онъ будетъ счастливъ, а я за двоихъ выстрадаю... Вы, лютыя печали, не печальте его! вы, злые недуги, не недужьте его! святые мученики, заступитесь за него!... Гдѣ-то онъ теперь?... Соколъ ты мой ясный, ненаглядный ты мой... Гдѣ ты?... Помнишь ли еще меня, горемычную, али забылъ уже совсѣмъ? (*Передъ окончаніемъ монолога, въ избу тихо входитъ Василій и становится за Ольгой*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ОЛЬГА и ВАСИЛІЙ.

ВАСИЛІЙ (*нѣжно*).

Ольга! кто тебя забудетъ?

ОЛЬГА (*вскрикивая*).

Ахъ! ты здѣсь! откуда? зачѣмъ? не подходи! Кто ты таковъ? я тебя не знаю.

ВАСИЛІЙ.

Я все тотъ же, Ольга... Судьба меня не измѣнитъ.

ОЛЬГА.

Не подходи, говорятъ тебѣ! Нечего дѣлать тебѣ, знатному человѣку, въ избѣ простыхъ людей. Хорошо ли тебѣ обманывать бѣдную дѣвушку?... за-

чѣмъ снялъ ты свой шитый кафтанъ узорочный? али стыдно тебѣ въ немъ? Какъ пришелъ ты сюда?

Василій.

Сама знаешь! видѣть тебя хотѣлъ.

Ольга.

Зачѣмъ! что я тебѣ? ты мнѣ что? прочь ступай! Я честная дѣвушка: не знаю худыхъ дѣлъ... Я тебѣ чужая!

Василій.

Ты вся жизнь моя!

Ольга.

Не смѣй говорить такія рѣчи. Я дочь честнаго стрѣльца. Онъ не дастъ меня въ обиду. Меня защитятъ добрые люди. Хочешь, я крикну въ окно, что сынъ боярина, какъ воръ пришелъ къ стрѣleckой дочери?

Василій.

Кричи, пожалуй; отъ тебя и смерть любо принять.

Ольга (грустно).

Бога ты не боишься, Василій Ивановичъ. Ну, что я тебѣ сдѣлала? начтò позоришь меня передъ людьми? Мало ли тебѣ знатныхъ дѣвушекъ! выбирай любую. А я тебѣ неровня. За мной только и есть, что честь моя дѣвичья. Не отымай послѣдняго.

Василій.

Да, знаю я, что я тебѣ чужой, и не любъ, и не пригладень. Да не ты ль сама видѣть меня хотѣла!

Ольга.

Грѣхъ тебѣ говорить небывалое. Изъ чего стану я съ тобой рѣчь вести? Нѣтъ у меня, у бѣдной, ро-

димой матушки. Отецъ все на службѣ. Живу сиротой. Некому поить, кормить меня, да стеречь, да оборонять противъ лукавыхъ людей. Самъ ты видишь... грѣхъ тебѣ, Василій Ивановичъ!

Василій.

Да, правда твоя: согрѣшилъ я передъ тобой. Меня и безъ того совѣсть мучить. Да что жь мнѣ дѣлать? Скажи изъ милости... Жить не могу безъ тебя, вѣрь моему слову.

Ольга.

Не говори.

Василій.

Нѣтъ, выслушай! смерть моя приходитъ. Заѣла тоска, одолѣла зазноба. При тебѣ и горько и весело; безъ тебя—одно горе. Съ тобой и умереть бы, кажется, привольно, а жить — куда бь какъ хорошо! Ночью ль засну — во снѣ тебя вижу: живемъ мы вмѣстѣ; я тебѣ мужъ, ты мнѣ жена; ты въ домѣ у меня хозяйка... а я гляжу, да люблюсь.

Ольга (со вздохомъ).

Не бывать этому.

Василій.

Утромъ проснусь, ты опять живая стоишь въ помыслахъ... Только и думаю: вотъ теперь она у окна сидитъ да, можетъ, думу думаетъ... вспомнить ли про меня, чуетъ ли, что я стосковался по ней, или другой у ней на умѣ?

Ольга.

О комъ мнѣ думать?

Василій.

Горько! не любъ я тебѣ.

Ольга.

Ну, прощай же, Василій Ивановичъ! Не суждено намъ жить вмѣстѣ. Другую полюбишь. Право, много ихъ на Москвѣ.

Василій.

На Москвѣ ихъ много, да въ душѣ-то ты одна. Скажи только одно слово, Ольга! будешь мнѣ женой.

Ольга (*испугавшись*).

Помилуй Богъ! Василій Ивановичъ! какъ можешь говорить ты такъ?

Василій.

А что жъ? Государи наши женятся на боярскихъ дочеряхъ. Почему же сыну боярина не жениться на стрѣлцкой дочери? какимъ указомъ запрещено?

Ольга.

Не видано, не слыхано у насъ такого обычая. Не обманывай пуще. Знаю я твою семью. Приходила я къ вамъ невѣдучи за милостью... вспомнить стыдно!... твой родитель приказалъ челядинцамъ выгнать меня со двора съ позоромъ. Выгнали и насмѣялись.

Василій.

Быть не можетъ!

Ольга.

Заплакала я и пошла-себѣ. Стыдно, больно было, что и сказать не умѣю. Сердце надрывалось. Вотъ до чего довелъ ты меня... Богъ тебя проститъ.

Василій.

Богъ меня накажетъ, коль я оставлю беззащитную. Не все еще пропало, пока мы живы. Ужель Москва одинъ только городъ на Руси. Слава Богу,

есть куда пойти. Здѣсь намъ не житье, найдемъ другое мѣсто. Найдемъ гдѣ-нибудь священника на подворьѣ, — упросимъ, уговоримъ, выплачемъ, заставимъ обвинять. Узнаетъ отецъ, да поздно: не поможетъ. Пускай злобится и отыскиваетъ. Отыщетъ, не бѣда: не развязать ему связаннаго отъ Бога.

Ольга.

Ужель, Василій, ты это говоришь отъ чистаго сердца?

Василій.

Послушай меня. Ужель ты вѣры во мнѣ не имѣешь? Погляди на меня — такъ ли смотреть обманщикъ, такъ ли говорить лиходѣй? Отъ меня было тебѣ горе, — отъ меня будетъ и радость, послушай только.

Ольга.

Нѣтъ, Василій Ивановичъ, не войду я въ чужой домъ съ печалью и горемъ. Свѣтлую отраду хочу я принести въ приданое, а не попрекъ и посрамленіе. Не думала я, что доживу въ дѣвушкахъ до такихъ словъ, да дѣлать нечего. Судьба моя такая. И видѣть-то тебя вѣкъ не хотѣла, а вотъ привелъ Господь свидѣться.

Василій.

Да вѣдь ты присылала за мной?

Ольга.

Полно, Василій Ивановичъ! не грѣши напрасно.

Василій.

Да какъ же! Отъ тебя приходилъ стрѣлецъ.

Ольга.

Отъ меня приходилъ стрѣлецъ? что бъ это значило?

Василій.

Да, тайкомъ приходилъ. Говорить, что подосланъ тобой, чтобъ я приходилъ къ тебѣ около вечерень. Отца не будетъ дома. Да, говорить, чтобъ шелъ я около плетня, а съ улицы увидятъ.

Ольга.

Ну... что же! ты какъ пришелъ?

Василій.

Мнѣ скрываться теперь нечего. Я пришелъ съ улицы.

Ольга.

Знать, совсѣмъ меня, бѣдную, погубить хотятъ. Да кто жь это могъ прійти?... Ахъ! Боже мой! теперь я вспомнила!... Берегись, Василій: недаромъ отецъ давеча шептался съ Аѳанасьевымъ. На тебя есть умыселъ. Спасайся, пока есть время. Тебя извести они хотятъ.

Василій.

Да мнѣ отъ отца твоего прятаться не къ чему.

Ольга.

Да не знаешь ты его... Онъ въ ярости такой, что спаси Господи. Онъ слова тебѣ не дастъ вымолвить, убьетъ, покаяться не дастъ. Бѣги, пока его нѣтъ.

Петровъ (за кулисой).

Ты, смотри, стереги хорошенько. Говорятъ, онъ здѣсь прошелъ.

Ольга.

Боже ты мой! онъ самъ идетъ. Спасайся!... Куда бы?... а вотъ въ окно. Еще можешь уйти.

Василій.

Къ чему мнѣ уходить? Что́ будетъ, то будетъ.

Петровъ (за кулисой).

Попался теперь!

Ольга.

Нѣтъ ему спасенія. Господи! что дѣлать? А! замокъ.... (запираетъ поспѣшно дверь). Хоть этимъ удержать.

Петровъ (стучится въ дверь).

Ага! заперлись, окаянные, заперлись, безбожники! Отворяй, змѣя подколотая?

Ольга.

Василій! уйди, уйди... Все будетъ по-твоему. Стану любить тебя, уйду съ тобой, обвинчаюсь, гдѣ хочешь. Уйди только... покаместъ...

Василій.

Ужели?... въ-самомъ-дѣлѣ? да правда ли?

Ольга.

Правда, правда, только уйди.

Василій.

Ольга, не радуй меня понапрасну, коль не хочешь сдержать слова.

Петровъ (за кулисой).

Погодите!... Дверь-то не желѣзная.

Ольга.

Василій... Ну, коли ты меня любишь, такъ докажи свою любовь. Не дай умереть отъ страху. Уйди отселѣ. А то онъ не оставитъ меня въ живыхъ. Ты вѣкъ меня не увидишь.

Василій.

Для тебя на все готовъ. И не хотѣлось бы, да

нечего дѣлать. Уйду, изволь. Только слово твое свято! Ты моя теперь.

Ольга.

Твоя.

Василій.

На-вѣки моя?

Ольга.

На-вѣки.

Василій.

Ну, такъ скажи, дай услышать, что любовь я тебѣ.

Ольга.

Скажу, скажу, какъ будешь за окномъ.

Василій.

Ну, такъ прощай, невѣста!

Ольга.

Скорѣй... скорѣй! Дверь подломана. Вотъ сюда, сюда!

Василій (въ окно).

Что жь? любишь ли?

Ольга (вскрикиваетъ).

Люблю!... Ахъ!... ушелъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ОЛЬГА и ПЕТРОВЪ, ПЕТРОВЪ выламываетъ дверь и съ бѣшенствомъ кидается въ комнату.

Ольга (твердо).

Кого тебѣ надо?

Петровъ.

Гдѣ онъ? гдѣ онъ? Подавай его сюда, срамница!

Ольга.

Кого ты ищешь?

Петровъ.

Кого ищу? Много ихъ у тебя, видно. Вора ищу я. Куда ты его спрятала, ехидна? Трусъ, видно, какъ всѣ воры: въ глаза не смѣетъ взглянуть честному человѣку. Выходи, злочинецъ, на честный бой, пока не разбилъ я тебѣ черепъ о половицу!

Ольга.

Здѣсь никого нѣтъ.

Петровъ.

Такъ, куда же ты его дѣвала? Поди-ка сюда, голубушка. Поди-ка сюда, треклятая. Куда дѣвала ты его? а? *(Хватаетъ ея руку)*.

Ольга.

Кого?... Ай! больно.

Петровъ.

Кого?... кого?... еще спрашиваетъ! Любовника твоего, дочка моя ненаглядная, дочка моя, родная моя дочка! Куда ты его выпроводила? говори! А въ окно, видно... А я тутъ въ дверь ломился, да уйти ему далъ. *(За кулисой слышенъ выстрѣлъ)*. Ха, ха, ха, ха! Молодецъ Аѳанасьевъ, не то, что я, маху не далъ.

Ольга.

Убили! убили!

Петровъ.

Молчи! вонъ отсюда, срамница! Нѣтъ у тебя здѣсь пріюта! нѣтъ у тебя отца! Ты и говорить не смѣй, что у меня дочерью была. Проклятъ часъ твоего рожденія, проклятъ будетъ часъ твоей смер-

ти. Ступай отсюда, тамъ есть въ Бѣломъ городѣ на площади для тебя мѣсто. Ступай къ своимъ товаркамъ. Вложи перстень въ уста, да жди себѣ охотниковъ любодѣевъ.

Ольга.

Батюшка, батюшка! напрасно казнишь ты меня. Онъ честнымъ образомъ хотѣлъ подъ вѣнецъ со мной идти.

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТѢ ЖЕ и АѦНАСЬЕВЪ.

Петровъ.

А ты, неразумная, и повѣрила?... Ну, что, АѦнасьевъ, подстрѣлилъ кулика?

АѦнасьевъ.

Да, чорта съ два! Такую даль тягу, что теперь, чай, съ собаками не сыщешь.

Ольга.

Живъ!

Петровъ.

Да что ты безъ рукъ, видно? Продалъ и ты меня. Гдѣ его отыщешь? Чай, сваху пошелъ снаряжать къ намъ, рядную нашу смотрѣть. А въ рядной то у насъ ножъ да веревки, да горсть пороху въ придачу. Будетъ свадьба на диво! (*Плачетъ*).

ЯВЛЕНИЕ X.

ТѢ ЖЕ и БЕЗДОМНЫЙ

Бездомный.

Петровъ?

ПЕТРОВЪ (кидается на него).
А? не онъ ли? нѣтъ!... Чего надо?

БЕЗДОМНЫЙ.
Я пришелъ, братъ, къ тебѣ съ вѣстями.

ПЕТРОВЪ.
Не до вѣстей теперь.

БЕЗДОМНЫЙ.
Поздравляю съ новымъ полковникомъ.

ПЕТРОВЪ.
Кого?

БЕЗДОМНЫЙ.
Лаврентія Сухарева.

ПЕТРОВЪ.
Такъ что жь! будемъ и ему служить.

БЕЗДОМНЫЙ.
Да вотъ еще, князь Михайлъ Григорьичъ велѣлъ тебѣ сказать, сегодня у Бутурлиныхъ сговоръ: Иванъ Васильичъ просваталъ за сына дочь долго-руковскую.

ПЕТРОВЪ.
Да сколько же у него невѣстъ!... Слышишь

ли, дочка, про жениха своего? Видно, самому приходится мнѣ его женить. А вотъ припасу ему жену. Смерть ему невѣста, прочь окаянная, не трогай, не оскверняй меня руками, проклятая! Подай мнѣ бердышъ, Аѳанасьевъ! На краю свѣта отъ-ищу его! Пить и ѣсть не стану, пока онъ живъ останется, сыграю свадьбу по-своему, а васъ на пиръ прошу на кладбищѣ! До свиданія, дочка!... (Убл-гается).

БЕЗДОМНЫЙ (шепчетъ Аѳанасьеву).

Ну, что?

Аѳанасьевъ.

Ничего! дѣло пошло, кажется, на ладъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стрѣлецкая слобода. По обѣ стороны избы. Вдали поле и кладбище. Вечеръ. Мальчишки играютъ въ бабки. Медвѣдь. Народъ. Хороводы. Стрѣльцы разныхъ полковъ. Оживленная картина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Хороводъ стрѣлецкихъ дѣвушекъ, мужикъ съ медвѣдемъ, сбитеньщикъ, цыгане, стрѣльцы, мальчишки, Аѳанасьевъ, бездомный, переодѣтый.

Хороводъ.

А мы просо сѣяли, сѣяли...

Ой Дидъ, Ладо, сѣяли, сѣяли.

А мы просо, вытопчемъ, вытопчемъ...

Ой Дидъ, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ.

(Удаляются).

Сбитеньщикъ.

Сбитень, сбитень хорошъ; яблочный съ кваскомъ, что въ ротъ, то спасибо; пейте, ребятушки! (Мальчишки бѣгутъ).

Первый.

Гляди, гляди... Мишку ведутъ.

Второй.

Вишь косолапый какой!

Третій.

Словно дядя Терентій.

Мужикъ (съ медвѣдемъ).

А ну, кланяйся, Мишенька; а ну, покажи, какъ бабы ходятъ горохъ воровать... а вотъ какъ красная дѣвушка пристыдилась, рукавомъ закрылась... а ну, вотъ...

Аѳанасьевъ (выталкиваетъ его).

А ну, ступай, проваливай своей дорогой... У насъ и своихъ медвѣдей довольно. Припасать пора угощенье.

Кузьма.

Ну, что?

Аѳанасьевъ.

Молчи! Ладно.

Кузьма.

Эти полтевскіе съ нами?

Аѳанасьевъ.

Еще бы нѣтъ! Да что за народъ! Держись только.

Кузьма Черный.

Чьи они?

Аѳанасьевъ.

Борисъ Одинцовъ, Оброська, Петровъ, Кузьма Черный. Люди, братъ, вѣрные, не разъ ужъ съчены.

Кузьма Черный.

И съ жуковскими полагено?

Аѳанасьевъ.

Со всѣми полагено. По десяти рублей съ рыла.

Сперва для потѣхи у Бутурлина сожжемъ хоромы, благо криво выстроилъ, а тамъ, коли охота будетъ, и къ другимъ забратся можно въ гости. Здорово живешь.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

А собираться гдѣ?

АВНАСЬЕВЪ.

Извѣстно здѣсь... Молчи: подслушать могутъ. (Три полтевскіе стрѣльца окружаютъ цыганку).

ОБРОСЬКА.

Куда, куда?... не уйдешь, колдунья. погоди маленько, побесѣдуй съ нами.

ЦЫГАНКА.

Отвяжитесь вы, бѣсовскія дѣти!

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Ну, ну, не сердись черномазая. На тебѣ алтынъ. Погадай-ка лучше добрымъ молодцамъ.

ОДИНЦОВЪ.

Вотъ это дѣло. Погадай-ка, египетская харя. Вотъ тебѣ ладонь моя.

ОБРОСЬКА.

Да смотри у меня, говори всю правду, по чистой совѣсти.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Посмотримъ твое умѣнье.

ЦЫГАНКА.

Погадать вамъ, что ли?... Это наше дѣло. Для чего жь нѣтъ... Давайте-ка руки... Вотъ такъ. Да чуръ не мѣшать. (Задумывается). Талана много... злодѣйства много. Флештакъ, Маштакъ, Де-

нисъ, Борисъ. агарагарища, поди на свои станица; нечистый, некаянный, невѣрный духъ, на тѣхъ людей, на злодѣевъ, на супостатовъ, что на него лихо мыслятъ, на раба Божьяго, на зарю надѣжу нашу. Отвернись злой человѣкъ отъ него, чтобъ не былъ, не допустился никогда до его рукъ, до его ногъ, до него лихой врагъ супостатъ. Отыму я имъ умъ и разумъ и третій языкъ тѣмъ злодѣямъ, супостатамъ, алазакóламъ, языкъ столбомъ, руки граблями, ноги кочергой, чтобъ худыми дѣлами не доходили до него, моего солнышка, сокровища.

ОДИНЦОВЪ.

Ха, ха, ха!... вотъ околесную несетъ! Ну, говори скорѣе да и убирайся.

ОБРОСЬКА.

Какое же посулишь намъ благополучіе?

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Много ли годовъ намъ здравствовать?

ЦЫГАНКА.

Ну, не торопите же. Погодите маленько. Куда думаю и что загадаю, чтобъ это мое дѣло сбылось; что я думаю и что гадаю, чтобы они то получили. Ты, Кузьма Черный, умрешь на висѣлицѣ; тебѣ, Оброська, голову отрубятъ; а ты, Борька, издохнешь на колесѣ. Прочь, сгинь, пропади! Хорошо ли я сказала? (*Убѣгаетъ. Стрѣльцы стоятъ неподвижно*).

АВАНАСЬЕВЪ.

Ха, ха, ха!... Напугала васъ вѣдьма. Куда сатана не можетъ, туда бабу пошлетъ. Да и по дѣломъ вамъ съ вѣдьмой связываться.

Оброська.

Хватай ее!

Одинцовъ.

Ушла окаянная!

Кузьма Черный.

Ну, а какъ правду она предсказала?

Аѳанасьевъ

Э, братъ, товарищъ, всякаго вздору не слушаешься. Подучена должно быть. Да ну ее... (*Слышенъ хороводъ*). Никакъ дѣвки опять сюда идутъ. Съ православными то ли дѣло калякать. Одна баба шумъ на весь домъ; двѣ бабы—базаръ; а три—такъ ярмарка.

Оброська.

Напугала она меня чертовка.

Одинцовъ.

Ужъ попадется она мнѣ въ руки, такъ дешево не раздѣлается.

Хороводъ (возвращается).

А мы коней выкупимъ, выкупимъ...

Ой Дидъ, Ладю, выкупимъ, выкупимъ.

А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?...

Ой Дидъ, Ладю, выкупить, выкупить.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и ОЛЬГА.

Ольга.

А! Аѳанасьевъ! не видалъ ты батюшку?

Аѳанасьевъ.

Не видалъ, красавица; чай, на охоту пошелъ.
(*Смѣется*).

Ольга.

Что-то будетъ! ну, если они встрѣтятся. Подумать не смѣю. Онъ убьетъ его. Едва на ногахъ держусь. Вездѣ ихъ искала. Да гдѣ мнѣ догнать ихъ, гдѣ найти? Нѣтъ силы. Дѣло мое дѣвичье!

Авдасъевъ.

А знаешь ли малиновку, все поладить можно.

Ольга.

Что? какимъ образомъ?

Авдасъевъ.

Да это я ужъ знаю какимъ образомъ.

Ольга.

О! будь благодѣтелемъ, заставь за себя Бога молить.

Авдасъевъ.

Изволь, зачѣмъ не пособить горю... Только одно тутъ будетъ условіе и не дорото стоитъ; краса ты моя, краса—русая коса.

Ольга.

Да мы люди бѣдные.

Авдасъевъ.

Не бось, денегъ не надо, только согласись...
(говоритъ ей на ухо).

Ольга.

Господи Боже мой! я ли это слышу, мнѣ ли это говорить смѣютъ! Прочь отъ меня! Я дочь стрѣльца Петрова, онъ не дастъ меня въ обиду.

Авдасъевъ.

Не важничай, голубушка, видно тебѣ одни князья нужны, иной разъ и нашъ братъ пригодится.

Ольга.

До какого позора доживу я еще!

Оброська.

А что, красавица, ты одна одинешенька?

Бездомный.

Отъ красныхъ дѣвицъ отстала.

Кузьма Черный.

Али съ мужчинами веселѣе для тебя?

Оброська.

А что, ребята, видно разбитная. Вишь, особнячкомъ себѣ ходитъ.

Кузьма Черный.

А дѣвка-то знатная! Побалагурить можно.

Оброська.

Послушай-ка, красавица.

Кузьма Черный.

Нѣтъ, его не слушай, а меня.

Хороводъ.

Намъ-то надобно дѣвицу, дѣвицу...

Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу, дѣвицу.

(Стрѣльцы приступаютъ къ Ольгѣ).

Ольга.

Оставьте меня, оставьте меня... Дайте, подруженьки, мѣсто; пустите въ вашъ кружокъ.

Первая дѣвушка.

Мы тебя не знаемъ.

Вторая дѣвушка.

Прочь ступай, безстыдная.

Третья дѣвушка.

Намъ съ безчестными не слѣдъ ходить.

ЧЕТВЕРТАЯ ДѢВУШКА.

Самихъ безславить станутъ.

ПЯТАЯ ДѢВУШКА.

Отстронись, безчестная. (*Всѣ проходятъ мимо Ольги и отталкиваютъ ее*).

ОЛЬГА.

Какъ, онѣ меня не пускаютъ! меня, меня.... Помилуйте. Скажите, что я сдѣлала... Зачѣмъ пала на меня кара небесная.

АВАНАСЬЕВЪ.

А затѣмъ, что принимала къ себѣ боярскаго сына, жениха безъ обрученія. (*Стрѣльцы смѣются*).

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Ну, что ее слушать. Затягивайте, молодки...

А нашего полку убыло, убыло...

Ой Дидъ, Ладо, убыло, убыло...

А нашего полку прибыло, прибыло...

Ой Дидъ, Ладо, прибыло, прибыло.

...**ОЛЬГА** (*говоритъ подъ голосъ хоровода*).

Погубили меня за даромъ злые недруги, — обезславили, опозорили жизнь мою невинную. На кого покинули меня сироту подруги ровесницы? Задушила, погубила меня змѣя черная, клевета непощадная... Знать, пришелъ мой конецъ. Объ одномъ я стану молить Создателя, чтобъ прекратилъ онъ мою жизнь горемычную, положилъ конецъ моимъ тяжкимъ мученіямъ. Не брачный вѣнецъ, не молодой женихъ дожидаются меня, а сыра могила, лютая смерть! Дай же мнѣ, Господи, поскорѣе отдохнуть и успокоиться въ послѣдней обители, гдѣ нѣтъ люд-

скихъ пересудовъ и житейскаго горя, а жизнь безконечная и вѣчный покой. (Закрываетъ лицо руками).

ОБРОСЬКА.

Ну, теперь, смиренница, ты одна съ нами осталась... А куда было грозно начала.

ОДИНЦОВЪ.

Ну, не серчай! поразвеселись-ка, спой-ка пѣсенку, благо таковская.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Али попляши маленько, мы поглядимъ.

ОБРОСЬКА.

На сарафанъ подарю!... вотъ ей, право, подарю.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Поподчуемъ наливочкой, пряниками медовыми.

ОБРОСЬКА.

Да взгляни же, красавица, не стыдись. Стыдиться теперь нечего.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Отыми-ка руки. Дай посмотрѣть на себя. (Ольга взглядываетъ на нихъ съ гордостью и презрѣніемъ и медленно входитъ въ свою избу, которая первая на правой сторонѣ театра. Стрѣльцы отступаютъ въ недоумѣніи).

ЯВЛЕНІЕ III.

Одни стрѣльцы.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Эва!... вишь, какая быстроглазая. Такъ съ ногъ и сшибла!

АВАНАСЬЕВЪ.

Вольно вамъ связываться съ бабами. Баба глу-

па, пока не побили. Ну, да не о томъ теперь рѣчь. Ступайте-ка въ кружокъ. Всѣ ли здѣсь свои?

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Всѣ свои, кажется. (*Озираются*).

АВАНАСЬЕВЪ.

Чужихъ постороннихъ нѣтъ?

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Не должно бы быть.

АВАНАСЬЕВЪ.

Такъ ладно же. Слышали вы, ребята, что въ народѣ-то толкуютъ?

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Что бы такое?

АВАНАСЬЕВЪ.

Да вотъ бояре все мутятъ. Услыхали, что мы государю хотимъ челобитье на нихъ подавать, да переполохались, что неравно онъ правду узнаетъ какія намъ чинятъ обиды и нападки.

ТРЕТІЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Бога они не боятся что ли?

АВАНАСЬЕВЪ.

Такъ своего-то терять не хочется, вотъ и рѣшили они поднять противъ насъ всѣхъ своихъ господскихъ людей поголовно. А числомъ-то они будутъ противъ насъ вчетверо.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Да по насъ, пожалуй. Нашъ братъ и на четверыхъ пойдетъ.

АВАНАСЬЕВЪ.

Что больно много? Вишь, какъ расхрабрился. По-

гляди-ка. Такъ передавать насъ по одиночкѣ, что любо. Ни за грошъ пропадемъ.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Да кто же это противъ насъ подалъ?

АВНАСЬЕВЪ.

Извѣстно кто: нашъ врагъ заклятый, старикъ Бутурлинъ.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Ахъ, онъ богоотступникъ, еретикъ этакой!

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Не дадимся, ребята, съ него и начнемъ.

АВНАСЬЕВЪ.

Да мало того, Бутурлинъ-то сынъ нашу дѣвку сма-
нилъ, петровскую Ольгу. Невиданное, кажись, дѣло.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Какъ, женъ нашихъ трогать! Нѣтъ, это ужъ изъ
рукъ вонъ. Петровъ хоть-куда товарищъ. Грѣхъ не
заступить за него.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Заступимся, ребятушки!

АВНАСЬЕВЪ.

Вотъ это разумно сказано. Не великъ родился, а
ума палата. Чѣмъ отдавать себя на убой, такъ ужъ
лучше сами примемся за дѣло; дремать тутъ нече-
го: семь бѣдъ одинъ отвѣтъ.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Да и подлинно такъ. Мы не малолѣтніе: сами
управиться можемъ.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

То-то будетъ веселье! Дай Богъ добраго здо-
ровья царю. Чай, спасибо скажетъ?

АВНАСЬЕВЪ.

Какъ не сказать. Мы съ своими раздѣлаемся, кровными недругами. А ужь онъ пускай вѣдается съ остальными.

Второй стрѣлецъ.

То-то будетъ ему удовольствіе. А то гдѣ ему, отцу нашему, знать, какъ казнять его вѣрныхъ стрѣльцовъ.

Третій стрѣлецъ.

Да какъ же безъ бояръ-то быть. Вѣдь столбы изломать и заборъ упадетъ. По-моему, ребята, не спроситься ли прежде?

АВНАСЬЕВЪ.

Да! такъ и есть, такъ тебя и пустать! Вѣдь бояре-то у каждаго дверей стерегутъ нашего брата. Ужь видно нашъ конецъ пришелъ.

Первый стрѣлецъ.

Слышно, и торговать-то не позволятъ.

Второй стрѣлецъ.

Лавчонки разломаютъ.

АВНАСЬЕВЪ.

Торговалъ кирпичомъ, да и остался ни при чемъ.

Первый стрѣлецъ.

Нѣтъ, ребята, это грѣхъ будемъ допустить. У меня сотни на двѣ рублейъ припасено товаровъ.

Второй стрѣлецъ.

Да и что давать себя въ обиду!

Третій стрѣлецъ.

Жизнь каждому дорога.

Четвертый стрѣлецъ.

Поскорѣ бы и за расправу.

ПЯТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Дратся, такъ дратся.

ШЕСТОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Къ ружью, ребята!

АВАНАСЬЕВЪ.

Что горло дерете! Развѣ все ужь полагено?
Не сказано вамъ какъ дѣлу-то быть?

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Нѣтъ, говорено только, чтобъ приходили сюда,
а что дѣлать-де надо, сами узнаете; да еще по де-
сяти рублей на человѣка сулили.

АВАНАСЬЕВЪ.

Больше получите: по сту получите, только хва-
тило бы въ васъ духу постоять за своихъ.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Мы отъ своихъ не прочь.

АВАНАСЬЕВЪ.

Такъ слушайте... Старшіе вотъ какъ рѣшили:
дома боярскіе-то поджечь, а потомъ собраться здѣсь
на площади, да ужь идти вмѣстѣ отъ пріятелей на-
шихъ требовать отчета. Мы пойдемъ прежде...

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Да какъ же! Нашъ-то полкъ старше вашего.
Намъ невмѣстно идти за вами.

АВАНАСЬЕВЪ.

Вотъ выдумалъ! Ну, первый кто будетъ въ сбо-
рѣ пускай и идетъ впереди.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Развѣ такъ.

АВАНАСЬЕВЪ.

Такъ вотъ же, ребята. Вы полтевскіе, начинай-

те съ своей части; вы, жуковскіе, съ своей; а вы, стремянные, съ своей. Полно этимъ боярамъ жить въ каменныхъ палатахъ, на чистомъ воздухѣ будетъ повеселѣй, какъ вспыхнетъ огонь, сдѣлается сумятица. Милости просимъ всѣхъ сюда. На людяхъ смерть краснѣе. Да и пойдемъ ужь тогда съ посѣщеніемъ къ Бутурлину, спросить его, зачѣмъ такъ больно осерчалъ на насъ.

Первый стрѣлецъ.

Да и къ Языкову, который сослалъ братьевъ моихъ въ ссылку.

Второй стрѣлецъ.

Да и къ Долгорукову, который хотѣлъ высѣчь меня на Съѣзжемъ Дворѣ.

Третій стрѣлецъ.

Да и къ Нарышкину, который, говорятъ, стариковъ знатныхъ дергаетъ за бороду.

Четвертый стрѣлецъ.

Да и къ Данилкѣ Жидовину, колдуну. Вѣдь онъ съ нечистымъ водится; я самъ видѣлъ, онъ хранитъ сушеные раки, змѣи и всякую мерзость въ банкахъ. Этимъ и творить колдовство.

Пятый стрѣлецъ.

И къ Герхошкину и къ Юрьевымъ.

Шестой стрѣлецъ.

И къ Матвѣеву и къ Докторову.

Седьмой стрѣлецъ.

И къ подъячимъ-то. Вишь, соль-то какъ сдорожала.

Осьмой стрѣлецъ.

Ко всѣмъ измѣнникамъ.

АВАНАСЬЕВЪ.

Всѣмъ, ребятушки, достанется. Чуръ только не опаздывать. Ступайте, принимайтесь за доброе дѣло, да скликайте своихъ на защиту государя отъ лиходѣевъ его бояръ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢ ЖЕ и еще стрѣлецъ.

ДЕВЯТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Эй, вы, православные!

АВАНАСЬЕВЪ.

Кого Богъ далъ?

ДЕВЯТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Странное дѣло! тутъ за заборами ходятъ бояре переодѣтые...

АВАНАСЬЕВЪ.

А кто такіе?

ДЕВЯТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Да разглядѣть-то я и самъ не могъ. Вишь, темъ какая становится. А старуха одна тутъ сказала мнѣ, что бояре-де, а какъ зовутъ, не припомнить.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Ужъ не знаютъ ли чего?

АВАНАСЬЕВЪ.

Не такъ бы пришли. Нѣтъ, видно самъ звѣрь на ловца бѣжить. Смотрите же, не выпускайте. Да слушайте—уговоръ лучше денегъ, ужъ если жечь, такъ жечь. Пущай знаетъ народъ, что никто иной, а стрѣльцы начали потѣху. А вотъ и почтенные авакумцы, старовѣры немногорѣчивые, маковки

стриженные, усы нетроганные, съ этими и говорить нечего, на все пойдутъ. Готовы, что ли?

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ ЖЕ и СТРѢЛЦЫ РАСКОЛЬНИКИ блѣдные и мрачные.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Готовы принять за старую вѣру мученическій вѣнецъ.

АВНАСЬЕВЪ.

И жечь будете?

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Всякъ вѣрный не задумывайся, гляди съ дерзновеніемъ въ огонь, правды ради, древнихъ ради книгъ святыхъ.

АВНАСЬЕВЪ.

И грабить станете?

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Станемъ.

АВНАСЬЕВЪ.

А коли понадобится такъ и ножемъ хватите?

ТРЕТІЙ СТРЕЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Аще позволять прегрѣшенія наши.

АВНАСЬЕВЪ.

Молодцы, право, люблю, такъ люблю. Безъ лишнихъ рѣчей. Ну, не забывайте же, какъ ударять въ набатъ, всѣмъ быть здѣсь на площади. А ужь отсюда и пойдѣмъ по гостямъ съ хлѣбъ-солью. Не ждуть, чай. *(Общій хохотъ)*. Ну, по рукамъ, ребята... Вотъ такъ, ладно. Да и проваливайте теперь. Пора и за дѣло. Ночь-то знатная. Въ двухъ шагахъ не видать.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Отъ вѣры свѣтъ имамъ.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Аще кто не радѣеть вѣрѣ своей, да будетъ про-
клятъ.

АВНАСЬЕВЪ.

Вы, святые, постерегите у околицы маленько,
пока я схожу выпить на радость. Да не прозѣвай-
те бояръ-то.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Будемъ стеречь.

АВНАСЬЕВЪ.

А слышали вы, ребята? погреба-то у Бутурли-
на, говорятъ, славные. Одного меда вишневаго ни-
какъ двѣ бочки.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

А вотъ отвѣдаемъ.

АВНАСЬЕВЪ.

Погуляемъ, ребятушки, вотъ какъ погуляемъ! то
есть, вотъ какъ! пей, не хочу! По мѣстамъ же...

БОРИСЪ.

Идемъ, ребята.

КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.

Не замѣшкаемся.

АВНАСЬЕВЪ.

Ну, ступайте же...

ЯВЛЕНИЕ XI.

АВНАСЬЕВЪ (одинъ).

Эхъ, братъ, Авнасьевъ, голова ты голова. Самъ

бы себѣ въ поясъ поклонился. Не стрѣльцомъ бы тебѣ быть, а самому наибольшимъ! Лиха бѣда только чарочки придерживаешься, да и то ни по чемъ. Пьяница проспится, а дуракъ никогда.

ЯВЛЕНИЕ XII.

АѦАНАСЬЕВЪ и БЕЗДОМНЫЙ.

БЕЗДОМНЫЙ.

Эй, АѦанасьевъ!

АѦАНАСЬЕВЪ.

Кто зоветъ?

БЕЗДОМНЫЙ.

Я.

АѦАНАСЬЕВЪ.

Кто я?

БЕЗДОМНЫЙ.

Пріятель.

АѦАНАСЬЕВЪ.

А, не узналъ твоей милости!

БЕЗДОМНЫЙ.

Ну, чѣмъ кончили?

АѦАНАСЬЕВЪ.

Бездѣлицей.

БЕЗДОМНЫЙ.

Да чѣмъ же?

АѦАНАСЬЕВЪ.

Да у Бутурлина, вишь, хоромы не годятся; коли сгорятъ, не бѣда: новыя выстроить.

БЕЗДОМНЫЙ.

Поджигать станете?

Аѳанасьевъ.

Помилуйте, и сами сгорятъ.

Бездомный.

Да кто жь это сдѣлаетъ?

Аѳанасьевъ.

Извѣстно кто? Григорій Петровъ. Все на его шею свалимъ.

Бездомный.

Больно сердитъ онъ на Бутурлиныхъ.

Аѳанасьевъ.

Сердитъ, да не силенъ—грязи братъ!

Бездомный.

Да согласенъ ли онъ?

Аѳанасьевъ.

И безъ согласья обойдемся.

Бездомный.

Да смотри, братъ, чтобъ чего дурнаго тутъ не вышло. Князь Михаилъ Григорьичъ радъ отомстить мѣстнику, и деньги за это дастъ большія, да чуръ другихъ не трогать. Чтобъ не было смуты какой и всполоху бы не надѣлать. Князь вѣкъ не простить.

Аѳанасьевъ.

Будьте благонадежны. Какимъ тутъ быть безпорядкамъ! Пожаръ да и только. Да кстати! обѣщанное-то позвольте принять.

Бездомный.

Страшно мнѣ, братъ, становится. Ну, какъ заварите вы кашу?

Аѳанасьевъ.

Сами расхлебаемъ... Пожалуйте посуль-то.

Бездомный.

Вѣдь я, пожалуй, еще буду въ отвѣтъ?

Авдасьевъ.

Не бойтесь. Сто рублей никакъ приходится.

Бездомный.

Да еще посмотримъ!

Авдасьевъ.

Ужь будьте покойны. Все слажено. Денежки-то только. Въ горлѣ, право, пересохло.

Бездомный.

Вѣдь ты опять обманешь. Наговорилъ мнѣ о Петровѣ, а Петровъ, какъ слышно, на попятный. Да и ты, чего добраго, струсилъ.

Авдасьевъ.

Подарите же на храбрость. А нѣтъ пойду къ Бутурлину. Авось онъ пощедрѣе будетъ.

Бездомный.

Ну, на, бери!

Авдасьевъ.

Сто рублей?

Бездомный.

Какъ сказано.

Авдасьевъ.

Сполна?

Бездомный.

Сполна... Куда же ты?

Авдасьевъ.

Да надо зайти къ кабацкому старостѣ. Чай, соскучился по мнѣ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Бездомный (одинъ).

Каковъ мошенникъ! Чтобъ не надѣлалъ онъ мнѣ бѣды. Да я чѣмъ виновать? Деньги князя. Пускай онъ съ нимъ вѣдается. Я тутъ что? мое дѣло сторона. Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Убраться по здорову. (*Сталкивается съ Бутурлинымъ*).
Ба! это кто?

ЯВЛЕНИЕ IX.

БЕЗДОМНЫЙ и ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Кто тутъ?

Бездомный.

Посадскій.

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Купецъ?

Бездомный.

Ба! Иванъ Васильичъ.

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Ба! Ромодановскихъ знакомецъ.

Бездомный.

Какими судьбами?

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Какимъ образомъ?

Бездомный.

Откуда это?

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Куда такъ поздно?

Бездомный.

Да я такъ вышелъ для прогулки.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

И я тоже.

Бездомный.

Только вотъ запоздался.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

И я запоздался.

Бездомный.

А погода стоитъ теплая.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Что и говорить.

Бездомный.

Да вы, кажись, пѣшкомъ рѣдко ходите. Все больше на конѣ, по-боярски.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Да. Да нынче такъ случилось. Самъ не знаю.

Бездомный.

Да и живете-то вы на другомъ концѣ Москвы. (*Всторону*). Зачѣмъ пришелъ онъ сюда? не подозреваетъ ли чего?

Ив. Вас. Бутурлинъ (*всторону*).

Какъ очутился онъ здѣсь? ужь не вмѣстѣ ли онъ съ Васильемъ?

Бездомный.

А слышали вы вѣсть?

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Какую?

Бездомный.

Да сборъ, слышно, завтра въ Кремль.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Какъ же, знаю! Не извѣстно вамъ, по какому случаю?

Бездомный.

Не могу сказать, а только велѣно всѣмъ собираться въ царскія палаты, духовенству, боярамъ, окольниковымъ и всѣмъ думнымъ людямъ для совѣщанія.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

На то его государева воля. Видно важное приказаніе будетъ.

Бездомный.

Я хоть и маленький человѣкъ, а пойду непременно. У меня здѣсь, признаться, заказано платье у стрѣльца портнаго, такъ за нимъ и пришелъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ (всторону).

Лжетъ онъ... *(Вслухъ)*. Признаться, и я пришелъ за такой же надобностью.

Бездомный (всторону).

Пойдетъ онъ самъ за платьемъ! челяди триста человѣкъ. Не обманетъ. Да мѣшать поздно. *(Вслухъ)* Вы куда идете?

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Вотъ въ эту сторону.

Бездомный.

А я въ другую.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Ну, такъ прощайте. Намъ не одна дорога.

Бездомный.

До свиданія.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

До свиданія.

ЯВЛЕНИЕ X.

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ и сынъ его.

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Хотѣлъ бы я знать, зачѣмъ онъ здѣсь шатается. Ну, да Богъ съ нимъ! Вотъ до чего довель меня сынъ развратникъ: ночью, пѣшкомъ, въ слободѣ, я, русскій бояринъ, Бутурлинъ, переодѣтый... и смѣшно... и досадно. Гдѣ-то онъ грѣховодникъ? А, такъ и есть... вотъ онъ! По походкѣ узнаю роднаго сына.

ВАС. ИВ. БУТУРЛИНЪ (*въ волненіи*).

Во что бы ни стало, я увижусь съ ней. Подло поступилъ я, что ушелъ: мнѣ не слѣдовало оставлять ее. Пойду самъ къ Петрову, скажу ему: «вотъ я весь тутъ, дѣлай какъ знаешь, я одинъ виноватъ, — меня казни». Дá! такъ быть должно, такъ велитъ совѣсть. Пойду. (*Хочетъ войти въ избу Петрова. Отецъ останавливаетъ его за руку*).

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ (*медленно*).

Куда это, голубчикъ? погоди маленько. Не забылъ ли ты чего дома? а? вспомни-ка! Нѣтъ ли тамъ отца, старика; нѣтъ ли матери родной; нѣтъ ли сестеръ малолѣтокъ? Поразсуди, пообдумай. Нѣтъ ли за тобой честнаго имени, святыхъ заповѣдей? нѣтъ ли можетъ и страха Божьяго? Али, по-вашему, все это ни по чемъ теперь, — и думать не стоитъ?

ВАС. ИВ. БУТУРЛИНЪ.

Батюшка, смилуйся, помилуй!

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Такъ вотъ она — сыновняя покорность; вотъ оно —

дѣтское послушанье! Нѣтъ, насъ учили другому. Строго держали насъ въ старину, — и спасибо: хорошо дѣлали. Такъ вотъ, что оно значить баловать-то васъ! Мало я тебя журилъ, мало наказывалъ. *(Вспыльчиво, срывая съ него шапку)*. Сними шапку, мальчишка: съ тобой отецъ говорить!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Батюшка! я во всемъ повинуюсь твоей волѣ. Я готовъ все отдать вамъ. Не отнимайте у меня только совѣсти.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Какъ! ты отвѣчать еще мнѣ смѣешь?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Смѣю? я отвѣчать долженъ: за меня страдаетъ душа неповинная. Я ей защитникъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Молчи, молчи!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Нѣтъ, не замолчу я. Не малолѣтній я, слава Богу. Самъ отвѣтчикъ за свои дѣла. Довольно натерпѣлся, довольно пожилъ въ неволѣ. Всему есть мѣра. Думали вы, что запрете меня какъ малаго ребенка, и я послушаюсь, не уйду.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Что...о?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Не надо мнѣ твоего боярства, ни золотыхъ кафтановъ, ни тяжелаго почета... Волю, волю дайте мнѣ!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Да онъ ли говоритъ мнѣ это?

Вас. Ив. Бутурлинь.

И благо давно пора вамъ высказать истину. Я сынъ твой, а не слуга; не челядинецъ, не рабъ позорный... прошли тѣ времена. Не все же жить во мракѣ и заточеніи. Каждому дается свой разумъ. Я жить хочу по-своему, или жить не хочу.

Ив. Вас. Бутурлинь.

Матерь, Святая Богородица! святые угодники! слышите вы богомерзкія рѣчи? И это родной сынъ отцу говоритъ! Какъ громомъ не убило тебя, окаяннаго, на мѣстѣ? какъ земля не разступилась подъ тобой, богоотступникомъ? да по-твоему я тебѣ чужой человѣкъ. Ты будешь таскаться по стрѣleckимъ дѣвкамъ, да еще, чего добраго, задумаешь жениться на бродягѣ, а я буду тебѣ кланяться, я дамъ посрамить честь свою, родъ свой боярской второй статьи.

Вас. Ив. Бутурлинь.

Что мнѣ въ немъ?

Ив. Вас. Бутурлинь.

Такъ хорошо же! узнаешь ты меня. Мало тебя, блуднаго сына, отдать въ патріаршіи приказъ на эпитимію; мало тебя отослать на подворье свиней пасти. Въ подклетѣ будешь ты сидѣть у меня, на хлѣбѣ, на водѣ; свѣта Божьяго не увидишь; колодку тебѣ на ноги набью; въ цѣпи посажу, живаго зарою въ могилу!

Вас. Ив. Бутурлинь.

Такъ прикажи же рыть яму... Мнѣ и то жить не любо.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Да и твоей срамницѣ, наложницѣ достанется. Будетъ она меня помнить, какъ отрѣжутъ ей косу и отдерутъ плетми передъ Приказомъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Батюшка! ты этого не сдѣлаешь.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Я этого не сдѣлаю? Посмотри-ка на меня. Таковъ ли я, чтобъ позволить ругаться надъ моей отцовской властью? Да гдѣ это видано, гдѣ это слыхано, отъ какихъ нѣмцевъ узналъ ты, чтобъ сынъ дерзалъ идти противъ отца, и чтобъ отецъ дался въ обиду? Да этому безумные не повѣрятъ; да при одной этой мысли учинится по всей московской землѣ небывалый всполохъ и дѣды наши съ испуга поворотятся въ гробахъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Батюшка! во мнѣ ты воленъ казнить и миловать, но не погуби невинную голову. Что она противъ васъ сдѣлала?

Ив. Вас. Бутурлинъ.

То она сдѣлала, что и вымолвить страшно: сынъ боярина Бутурлина забылъ первую Божью заповѣдь; сынъ Бутурлина началъ выговаривать отцу! Да чѣмъ обошла она тебя? какими зельями отравила? Смерти мало ей, колдуньѣ!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Ну... такъ Богъ меня простить. Да будетъ по вашему. Я исполню твою волю. Отошли меня куда угодно; прикажи что вздумаешь, жени на комъ хочешь. Я все исполню безъ ропота и прекословія;

только смилуйся надъ ней, не трогай ее. Батюшка, ты самъ былъ молодъ. Прости мои грубыя рѣчи. Согрешилъ я отъ буйства юности моей. Впередъ не буду. Голоса моего не услышишь.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Ну... ну... то-то же... вотъ этакъ будетъ лучше. Пострѣлъ ты этакой, напугалъ меня! Только смотри... Теперь ужь не отвертись ты отъ меня. Съ княземъ Долгорукимъ у насъ почитай ужь полагено. Завтра сваху посылаемъ. Напугалъ его маленько Ромодановскій, да я его успокоилъ: увѣрилъ, что ты въ Стрѣлецкой Слободѣ съ роду и не бывалъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Да, это обманъ! я пойду, разувѣрю его, скажу всю правду.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Что?... опять!...

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Твоя воля!...

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Смотри, братъ... у меня теперь иди по стрункѣ. Не то одно слово. У меня расправа коротка. Довольно. Ступай за мной.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Какъ! не простившись съ ней?

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Очень нужно прощаться!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Въ послѣдній разъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Вотъ тебѣ дорога. Иди впередъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Батюшка!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Идешь ли?

Вас. Ив. Бутурлинъ (*в сторону.*)

Иду, иду... (*В сторону*). Хоть бы ее этимъ спасти.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Не напрасно, знать, пришелъ я сюда. Это что такое?

ЯВЛЕНИЕ XI.

ТѢ ЖЕ и СТРЕЛЬЦЫ АВАКУМЦЫ, которые по одному входятъ на сцену съ разныхъ сторонъ.

Первый стрелецъ раскольникъ (*мрачно*).

Нѣтъ во градѣхъ живущимъ спасенія.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Что́ это значить? откуда онъ взялся? Василій, пойдемъ съ этой стороны. (*Наталкивается на другаго.*)

Второй стрелецъ раскольникъ.

Наступилъ страшный день судный.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Что́ это?... Ужь не къ разбойникамъ ли мы попали? Пойдемъ... пойдемъ скорѣе. (*Наталкивается на третьяго.*)

Третій стрелецъ раскольникъ.

Уже бо послѣднее есть время, и антихристъ царствуетъ въ мірѣ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Остгвѣте насъ. Чего вы хотите?

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

Конца неправдамъ твоимъ.

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

Казни сатанинскому житію.

Третій стрѣлецъ раскольникъ.

Смерти грѣшнику.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Погодите, погодите. Вы ошибаетесь. Вглядитесь хорошенько. Я не простой купецъ. Вы не знаете, кто я такой.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ И СУХАРЕВСКІЕ СТРѢЛЬЦЫ, входятъ со
всѣхъ сторонъ.

Первый стрѣлецъ.

Бояринъ Бутурлинъ, не пора ли разсчитаться за кровь неповинную.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Боже ты мой!

Второй стрѣлецъ.

Бояринъ Бутурлинъ, полно тебѣ пиры-то задавать. Отвѣдай-ка и нашего угощенья.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Разбой, разбой... Помогите! Неужли нѣтъ спасенія?

Третій стрѣлецъ.

Куда такъ прытко? Не уйдешь теперь, не упрятешь своего сына. Полно ему таскаться по стрѣleckимъ дѣвушкамъ.

Первый стрѣлецъ.

Полно вамъ сманивать нашихъ молодцовъ.

Второй стрѣлецъ.

Дай-ка и намъ повеселиться.

Первый стрѣлецъ.

Теперь и намъ потѣха.

Четвертый стрѣлецъ.

На нашей улицѣ праздникъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Да знаете ли что съ вами будетъ?

Первый стрѣлецъ.

Какъ не знать! Наше дѣло.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Чего же вы хотите отъ меня?

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

Да сокрушится вавилонское исчадіе во славу Аввакума атамана нашего въ грядущей жизни.

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

Да погибнуть нечестивецъ и сынъ нечестивца.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Такъ вы хотите смерти моей?

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

Смерти хищнаго волка.

Второй стрѣлецъ.

Смерти Бутурлиныхъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Моей смерти... Да помилуйте, что я вамъ сдѣлалъ! На что она вамъ? Дайте пожить еще; отпустите душу на покаяніе. Да вотъ выслушайте: мнѣ умирать еще нельзя—надо дѣлишки кое-какія покончить: вотъ домъ еще не совсѣмъ отстроенъ;

да еще есть царскія приказанія, которыхъ еще не исполнилъ; слышите ли, царскія приказанія! Ну, да вотъ еще сына надо женить на княжнѣ Долгоруковой. А тамъ убивайте сколько угодно. Самъ къ вамъ приду; право, приду. Теперь отпустите только.

Первый стрѣлецъ.

Разсказывай!

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

Преисполнилась мѣра беззаконія.

Второй стрѣлецъ.

Молись Богу, Бутурлинъ: твой конецъ пришелъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Владыко небесный! неужто въ самомъ-дѣлѣ. Да нѣтъ, вы, чай, напугать хотѣли... ха, ха... да не обманули... Ну, пошутили, потѣшились, да и довольно.

Первый стрѣлецъ.

Что за шутки! стрѣльцы не шутятъ. Молись Богу, Бутурлинъ!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Послушайте, ребята, что я вамъ скажу! Что вамъ бить старика безоружнаго. Великій грѣхъ возьмете на душу. Не онъ старикъ васъ обидѣлъ: я васъ обидѣлъ, я ругался надъ вами, я презиралъ васъ; я и теперь презираю васъ какъ разбойниковъ безчестныхъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Молчи, молчи, Василий! Что ты, въ умѣ, что ли? Не слушайте его, православные: онъ съ испугу говоритъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Не бойтеса, бейте. Вотъ грудь моя, я оборонять себя не стану; а старика не трогайте; отпустите его съ миромъ. Много вамъ будетъ двухъ злодѣйствъ на душу разомъ. Не вынести. Ну, бейте же... скорѣе... ну... что же?...

Первый стрѣлецъ (почесываетъ затылокъ).

Что это, какъ-будто духу не хватаетъ.

Второй стрѣлецъ.

Рука не подымается.

Третій стрѣлецъ.

Да и точно не совсѣмъ-то ладно съ оружіемъ идти на безоружнаго.

Четвертый стрѣлецъ.

Да какъ быть? Не отпустить же въ-самомъ-дѣлѣ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Погодите, погодите. Выслушайте разумную рѣчь. Обидно вамъ православнымъ, что вы терпите нужду, а у меня казна богатая? обидно вамъ, что у васъ иной разъ хлѣба насущнаго нѣтъ, а у меня полное довольство? Ну, такъ что же. Этому горю пособить можно—подѣлимся миролюбиво: половину вамъ, половину мнѣ. Заживете вотъ какъ. Денегъ то, слава Богу, вдоволь будетъ.

Первый стрѣлецъ.

А что, ребята, вѣдь онъ дѣло баесть.

Второй стрѣлецъ.

Что ни говори, за кровь надо поплатиться кровью.

Третій стрѣлецъ.

А съ деньгами кому не житье.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Валяйся цѣлый день на печи.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Напечемъ себѣ короваевъ, перепечей.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Наваримъ браги.

ТРЕТИЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Въ два пуду Спасителю свѣчу поставимъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Ну, а какъ онъ обманетъ?

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Не обману, ребятушки, не обману.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Да! вѣрь вамъ.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Какъ разъ лыжи наострить.

ТРЕТИЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Да, чего добраго, съ челобитной въ Приказъ хватить.

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Нѣтъ, голубчики; нѣтъ, родные, обезпечу. Да вотъ что—дѣло простое: сынка моего оставьте у себя. Вѣдь онъ у меня единородный. Пускай онъ побудетъ съ вами, а я сбѣгаю за ларцемъ, да и вернусь сейчасъ. Все будетъ ваше, ничего себѣ не оставлю. А тамъ и жаловаться не стану; ей Богу не стану. На кого я покажу? Вѣдь я и въ лицо васъ не знаю. Кто васъ вѣдаетъ, кто вы такіе...

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Ну, это-то пожалуй можно.

Второй стрѣлецъ.

А какъ обманеть?

Первый стрѣлецъ.

Эхъ, ты, безтолковый! вѣдь сынокъ-то у насъ останется въ рукахъ. Ну, обманеть—и вся недолга. Ну, проваливай бояринъ.

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

Не отпустимъ.

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

Не дадимъ.

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

Мзду днесъ получаютъ.

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

Воспріимутъ злочестивые нареченную имъ казнь.

Первый стрѣлецъ.

Молчите вы постныя рожи.

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

Не противися десницѣ Божіей.

Первый стрѣлецъ.

Станемъ васъ слушать, ну, убирайся же, бояринъ, до грѣха.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Иду, ребятушки, иду... Да смотрите, дѣтища-то моего не обижайте. Онъ, видите, съ младенчества испорченъ, иногда заговорить Богъ знаетъ что... такъ вы не слушайте. Онъ самъ не смыслить что говорить. (*Всторону сыну*). Послушай, Василій, осерчалъ я давеча на тебя. Ну, Богъ тебя простить, благо повинился. Такъ смотри, братъ, хоть не для отца, такъ для сестеръ, матери, не дразни ихъ. Остерегись маленько. Вѣдь смерть не уйдетъ.

Умирать все-таки придется когда-нибудь. Ну, Богъ благословить тебя. До свиданія. Жди меня. Прискачу сейчасъ.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Ну, скоро ли? того гляди раздумаемъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Нѣтъ, нѣтъ... Тысячу рублей, ребятушки, принесу. Много денегъ, да не жалко. Будьте только веселѣе. (*Хочетъ бѣжать. Аѳанасьевъ останавливаетъ его за руку. Вдали начинается зарево*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и **АѳАНАСЬЕВЪ** пьяный съ голыми руками и съ факеломъ въ рукѣ.

АѳАНАСЬЕВЪ.

А! кажется, во время пришелъ.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Гдѣ пропадалъ, товарищъ?

АѳАНАСЬЕВЪ.

Гдѣ! извѣстно, въ кабакѣ. Да глядите, какихъ звѣрей поймалъ. Вотъ онъ губитель-то стрѣлчества съ сынкомъ-распутникомъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Отпусти, братъ, я вамъ пріятель: они меня знаютъ... поручатся. Они послали меня домой за деньгами.

АѳАНАСЬЕВЪ.

Нѣтъ, братъ, меня не проведешь, у стрѣльца не

ходи до крыльца. Ужь начали потѣху, такъ не от-
ставай теперь. Видите баню какую затопили, ай да
молодцы товарищи! сдержали свое слово. Люблю.
Такъ всего и разбираетъ. Попаримся, ребятушки,
въ лихой банькѣ; станемъ подогрѣвать боярскими
дѣтьми вмѣсто дровъ. Гуляй моя душа. Эхъ-ма, брат-
цы! Чтѣ ты на меня глаза вытаращилъ?...

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Пусти, братецъ, они тебѣ все растолкуютъ.

Аѳанасьевъ.

Я самъ имъ растолкую: давеча говорилъ ты, что
всѣхъ стрѣльцовъ надо перевѣшать.

Первый стрѣлецъ.

Ой-ли?

Вротоу стрѣлецъ.

Вишь, каковъ!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Не вѣрьте, не вѣрьте. Не правда.

Аѳанасьевъ.

Молчи ты. Да вотъ еще чтѣ. Мало, говорилъ ты,
казнять этихъ стрѣльцовъ. Моя бы воля, не то бы
было. Весь бы Земляной Городъ обвѣшалъ стрѣлец-
кими головами вмѣсто зубцовъ у Бѣлаго Города.

Первый стрѣлецъ.

Ахъ ты, душегубецъ!

Второй стрѣлецъ.

Вишь, какой лисой подѣхалъ, а мы и повѣрили.

Аѳанасьевъ.

Вѣрь имъ. Клади пальцы въ ротъ, какъ разъ
укусить. Нѣтъ, ребята, хорошая птица попалася.
Надо пощипать перушки.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Не то живыхъ не оставимъ.

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ РАСКОЛЬНИКЪ.

Радуйся, Іерусалимъ!

АВНАСЬЕВЪ.

Хватайте ихъ, ребята. Вотъ такъ то. Скрутите ихъ. Бейте ихъ на-голову, не на-животъ, а на-смерть. Не убъжишь, братъ. Не пускай! лови! лови! (*кидается на Бутурлина*) ха, ха, ха!... хорошенько ихъ!

СТРЕЛЬЦЫ.

Хватайте, бейте, смерть имъ, лиходѣямъ, злочинцамъ!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ И ПЕТРОВЪ.

ПЕТРОВЪ.

Что́ это? разбой, измѣна. Сдержали они свое слово, бездѣльники!

СТРЕЛЬЦЫ.

Бейте ихъ, бейте на-голову, хватайте, ребята!

ПЕТРОВЪ.

Ни съ мѣста!

АВНАСЬЕВЪ.

Да ты-то что́?

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Учить вздумалъ!

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Мы и съ тобой сладимъ.

Петровъ.

Ни съ мѣста! Стойте, говорятъ вамъ, именемъ государя вашего царя Θεодора Алексѣевича. (*Всѣ стрѣльцы снимаютъ шапки и отступаютъ*).

Аѳанасьевъ.

Добро же.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Спаси, добрый человекъ.

Петровъ.

Богоотступники! изуверы! разбойники! что вы затѣяли? грабить, жечь? Братъ возсталъ на брата, дѣти ополчились на матушку, на Москву-Бѣлокаменную. Слышите набатъ? Слышали, что онъ гудитъ вамъ издали? стоны невинныхъ, позорную казнь на плахѣ, презрѣніе народа и гнѣвъ государя за неслыханное буйство.

Первый стрѣлецъ.

Нѣтъ, братъ, Григорій, не говори чего не бывало. Мы покорствуемъ царской власти; только того-другаго изъ тѣхъ, кто больно намъ солонъ пришелся, хотѣлось-бы...

Петровъ.

Оборони Богъ идти противъ бояръ! бояре кѣмъ поставлены? кому и быть на ступеняхъ царскаго престола какъ не боярамъ? Стыдитесь! что вы бурсурмане, что ли? татары некрещенные, жида поганые, что забыли вы страхъ Божій и святая присяга вамъ ни по чемъ.

Аѳанасьевъ.

Что больно рѣчишь, да на руку нечишь. Изъ тебя вся и суматоха вышла.

ПЕТРОВЪ.

Что?

АВНАСЬЕВЪ.

(Вѣдь ты погнался за Бутурлинымъ, который давеча приходилъ къ дочкѣ. Мы за твой стыдъ вступаемся,

ПЕТРОВЪ.

Молчи, искунитель. Ты его видѣлъ...

АВНАСЬЕВЪ.

Да для тебя сберегъ...

ПЕТРОВЪ.

Такъ гдѣ же онъ?...

Вас. Ив. Бутурлинъ (выступая).

Здѣсь!...

ПЕТРОВЪ (вскрикиваетъ).

А... а... а!... Наконецъ ты въ рукахъ моихъ. Догналъ-таки я тебя. Не уйдешь теперь. Кайся передъ Богомъ, умри, окаянный... (поднимаетъ на него ножъ).

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Помилуй... остановись!

Ольга (выбѣгаетъ изъ избы и кидается къ ногамъ отца).

Пощадите!

Стрѣльцы (бьютъ въ ладоши).

Любо, любо, любо!... Вотъ это по-нашему... Бей его! Вотъ это любо, любо, любо!

ПЕТРОВЪ (останавливается).

Любо имъ. Знать, тяжкій грѣхъ. Нѣтъ, Григорій: неладно. Одинъ ударъ. Отсюда ждутъ знака,

здѣсь ихъ сборище. Полъется кровь. И я подамъ примѣръ!... Неужто я прощу ему?

Авдьясѣевъ.

Ну, бей же, благо началъ. Теперь поздно на попятный.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Бей невиннаго.

Петровъ.

Молчи. Благодарю Бога, что не наединѣ мы съ тобой встрѣтились. Пустите ихъ.

Первый стрѣлецъ.

Что?

Второй стрѣлецъ.

Ихъ пустить?

Третій стрѣлецъ.

Что ты бѣлены объѣлся?

Петровъ.

Пустите ихъ, говорятъ вамъ. Перваго, кто ихъ тронетъ, разсѣку бердышемъ.

Первый стрѣлецъ.

Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!

Второй стрѣлецъ.

Да что онъ за начальникъ!

Третій стрѣлецъ.

Ну, какъ хватить въ-самомъ-дѣлѣ?

Четвертый стрѣлецъ.

Одинъ противъ всѣхъ! Бояться вы, что ли, станете? А еще стрѣльцы!...

Первый стрѣлецъ.

Да кто его знаетъ, можетъ онъ говорить и дѣло.

АВАНАСЬЕВЪ.

Дураки вы, дураки. Да разумѣется, онъ держитъ ихъ сторону: вѣдь дочь-то онъ отдалъ этому Бутурлину въ наложницы.

СТРѢЛЬЦЫ.

Ха, ха, ха!

ПЕТРОВЪ.

Что?...

АВАНАСЬЕВЪ.

Да какъ же, дѣло вѣдь извѣстно во всей слободѣ. Чай, видѣли сами давеча, какъ ее изъ хоровада выгнали?

ПЕТРОВЪ (дочери).

Тебя выгнали?... Правда это?

ОЛЬГА.

Правда.

АВАНАСЬЕВЪ.

Ну, вѣстимо, онъ имъ защитникъ. А вы, безмозглые, слушаете, развѣсивъ уши.

ПЕРВЫЙ СТРЕЛЕЦЪ.

Такъ вотъ что—за дочку срамницу онъ стоитъ. А мы за нее заступаемся, головы отдаемъ. Вишь что...

АВАНАСЬЕВЪ.

Да какъ же иначе. Своя рубашка къ тѣлу ближе. А вы и подумали невѣсть что. Ну, бросьте его въ сторону. И безъ него обойдемся. Погуляемте, ребята. Затягивайте пѣсенку во славу стрѣльцовъ-молодцовъ. Ну, идемъ, ребята.

ПЕТРОВЪ.

Сойдите, нечестивые. За мою дочь, говорите вы,

чините вы расправу. Дочь свою продалъ я боярамъ? Кто смѣлъ сказать это? Что жь? вамъ дочь моя нужна, разбойники? кровь моя нужна вамъ, кровопійцы? нате, вотъ вамъ моя дочь! Я самъ учиню расправу. Не за кого вамъ вступаться, не изъ чего дѣлать смуту. Нѣтъ у меня дочери. Такъ нате же... возьмите ее... Не я... вы ее убили! (*поражаетъ дочь ножомъ*).

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Убей же насъ вмѣстѣ. Ольга, я не оставляю теперь тебя!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Господи! (*Стрѣльцы отступаютъ*).

Первый стрѣлецъ.

Что ты сдѣлалъ, Григорій?

Второй стрѣлецъ.

Знать, отъ сердца говорилъ.

Петровъ.

Просите прощенія у Бога за смерть невинной жертвы. Да омоетъ кровь ея пятно со стрѣleckой чести.

Голосъ за кулиссой.

Собирайтесь, ратники, къ Приказной Избѣ. Отъ государя прислано. Въ Кремль бѣжать для обороны.

Петровъ (съ вдохновеніемъ).

Слышите?... барабанъ.... тревога. Въ строй, стрѣльцы! къ ружью! гдѣ наше знамя? Разбудите полковника. Вставайте, люди добрые! вставайте, вѣрные люди... Вставайте всѣ, кто гнушается измѣны и разбоя. Вставайте, кто помнитъ крестное цѣлованіе, кто стоитъ за правое дѣло! Вставайте не въ

вѣчный позоръ, а во славу христолюбиваго воинства. Пришла пора ваша. Да возрадуется духъ вашъ. Пришла пора раздольная, отъ которой у русскаго человека всѣ жилки затрепещутъ. Бѣгите на защиту святой церкви, царскаго дома, на оборону братьевъ вашихъ отъ мятежа и крамолы.

АВАНАСЬЕВЪ.

Не слушайте его, ребята. Неужто мы выдадимъ своихъ. Вѣдь всѣ прочіе полки съ нами и Полтевской и Стремянный.

ПЕТРОВЪ.

Такъ пусть же одинъ нашъ Сухаревскій полкъ останется вѣренъ. Пусть узнаетъ русскій народъ, пусть цѣлый свѣтъ узнаетъ, что Сухаревскій Полкъ не переступилъ крестнаго цѣлованія. Пусть всѣхъ стрѣльцовъ поминаютъ анаѳемой, а насъ помянутъ благословеніемъ и вѣчной памятью.

АВАНАСЬЕВЪ (всторону).

Добро же! посчитаемся мы съ тобой.

ПЕТРОВЪ.

За мной, ратники, въ Кремль! Или капли въ васъ нѣтъ крови русской, или не боитесь вы страшнаго суда Христова, или вы устыдитесь заблужденія и пойдете за мной. Ну, чтожь, идете?

Всѣ стрѣльцы.

Идемъ!

ПЕТРОВЪ (вскрикиваетъ).

Слава въ вышнихъ Богу! слава Сухаревскому Полку! Въ Кремль, ребята!..

Всѣ стрѣльцы.

Въ Кремль!.. (Всѣ кидаются за Петровымъ.)

Пожаръ. Набатъ. Барабанный бой. Выносятъ стрѣleckое знамя. Напереди Ольга лежитъ безжизненная. Надъ ней наклонившись стоитъ на коленяхъ Василій Ивановичъ. Старикъ Бутурлинъ творитъ молитву. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Внутренніе покои князя Ромодановскаго. Онъ лежитъ полуодѣтый на лавкѣ, покрытой богатымъ ковромъ. У изголовья слуга обгоняетъ мухъ. У ногъ сказочникъ говоритъ сказку. Парамонъ на цыпочкахъ ходитъ по комнатѣ, скрестивъ за спиной руки.

ЯВЛЕНИЕ I.

Сказочникъ (однообразно, въ полголоса).

И поднесли ему Ильѣ чару зелена вина, въ полтора ведра. Принимаетъ Илья единой рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь, ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ. А по имени тебѣ можно мѣсто дать, по изотчеству пожаловати. И отвѣчаетъ Илья Муромецъ: Ивановичъ!

Ромодановскій.

Постой... стой... Стучать, кажется.

ПАРАМОНЪ.
Никакъ нѣтъ, батюшка Михаилъ Григорьичъ.
Ставень никакъ вѣтромъ захлопнуло.

РОМОДАНОВСКІЙ.
Что пожаръ?

ПАРАМОНЪ.
Да все горитъ еще. Божье наказанье.

РОМОДАНОВСКІЙ.
Бездомный былъ здѣсь?

ПАРАМОНЪ.
Не видалъ-съ. Нѣтъ, должно быть не былъ.

РОМОДАНОВСКІЙ.
Пошли за нимъ.

ПАРАМОНЪ.
Слушаю-съ. *(Посылаетъ слугу).*

СКАЗОЧНИКЪ.
Прикажешь, батюшка бояринъ, продолжать, что ли?

РОМОДАНОВСКІЙ *(разсѣянно).*
Продолжай, пожалуй.

СКАЗОЧНИКЪ.
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ: а ты ласковый стольный Владиміръ князь, а меня зовутъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ! а проѣхалъ дорогу прямоѣзжую изъ стольнаго города Муромъ, изъ того села Корочаева.

РОМОДАНОВСКІЙ.
Не спится... Духъ такъ и перехватываетъ... Посмотри-ка, Парамонъ, что на дворѣ.

ПАРАМОНЪ *(глядитъ въ окно).*
Никакъ разгуляться хочетъ.

РОМОДАНОВСКІЙ.

Свѣтаетъ?

ПАРАМОНЪ.

Да разсвѣтетъ совсѣмъ скоро.

РОМОДАНОВСКІЙ.

А пожаръ видѣнъ?

ПАРАМОНЪ.

Видѣнъ...

РОМОДАНОВСКІЙ.

Что зарево?

ПАРАМОНЪ.

Кажись, поменьше стало... Какъ-будто утихаетъ.

РОМОДАНОВСКІЙ.

Слава Богу, слава Богу...

СКАЗОЧНИКЪ.

Говорятъ тутъ могучіе богатыри, а ласково солнце, Владиміръ князь... Въ очахъ дѣтина завирается, а гдѣ ему проѣхать дорогою проѣзжею...

РОМОДАНОВСКІЙ (встаетъ).

Нѣтъ!... Видно сына не будетъ. Ступайте къ себѣ теперь. Отдохните. Спасибо, что не оставляете старика.

ПАРАМОНЪ.

Помилуй, батюшка, да на что же мы и слуги твои, коли не для того, чтобъ ходить за твоимъ здоровьемъ. Да что ты, нашъ кормилецъ, какъ-будто самъ не свой? Всю ночь глазъ не смыкалъ. Видно, ломота одолѣла, или, ужъ чего добраго, съ глазу должно быть. Я, правду сказать, такъ себѣ и думаю, по глупости своей, вѣрно это Бутурлины тебя нашего роднаго сглазили.

Ромодановскій. (съ досадою).

Бутурлины!

Парамонъ.

Плюнь, батюшка, на нихъ, стоятъ они того, чтобы для нихъ огорчаться... Счастье везетъ пока-мѣсть, такъ зазнались. Да неровенъ часъ. Богъ милостивъ! Ну, гдѣ имъ съ вами, батюшка, ровняться. Таковскіе ли? И прислуга-то какая!... хоть бы Калинычъ, нелегкая его возьми... на подворьѣ прежде гусей стерегъ, а теперь, гляди, самъ бояринъ словно какой. Нашему брату шапки не ломаетъ. Вишь, больно поклонистыхъ хочетъ. Нѣтъ, братъ, врешь. У меня дѣдъ служилъ ключникомъ, отецъ былъ коровайникомъ при князѣ Григоріи Александрычѣ. А онъ что... просто мужикъ. Гусей стерегъ... Тьфу, Господи... Такія видно времена пришли.

Ромодановскій.

Ну, ступай; успокойся, старикъ.

Парамонъ.

Да можетъ что-нибудь для твоей милости понадобится?

Ромодановскій.

Нѣтъ... ничего... Ступай. Я останусь одинъ.

Парамонъ.

Твоя воля, батюшка! (Про себя) Гусей стерегъ, а теперь и приступу нѣтъ. Диковинное дѣло! Поживешь, всего нагладишься!...

ЯВЛЕНІЕ II.

Ромодановскій (одинъ глядитъ въ окно).

Чудное зрѣлище! Зарево пожара сливается съ за-

ревомъ разсвѣта, а Москва какъ тѣнь безмолвствуетъ. Такъ ложится черное преступленіе на пробужденной совѣсти. Сегодня ночью долженъ былъ Петровъ отомстить за свое безчестіе и за мой позоръ. Отчего же хоромы Бутурлина цѣлы, когда стрѣльцы ихъ поджечь хотѣли? Неужели мщеніе мое рушилось на невинныхъ и князь Ромодановскій сдѣлался начальникомъ зажигальщиковъ и разбойниковъ!... Кто тутъ?

ЯВЛЕНИЕ III.

РОМОДАНОВСКІЙ и БЕЗДОМНЫЙ.

Ромодановскій.

А... наконецъ... ну, говори.

Бездомный.

Что прикажете?...

Ромодановскій.

Говори всю правду... всю правду, слышишь ли, говори!... Живы Бутурлины?

Бездомный.

Живы...

Ромодановскій.

Какъ? а что же ты обѣщалъ мнѣ? Что же этотъ Петровъ, о которомъ ты мнѣ хвасталъ, что онъ права сильнаго и не дастъ себя обезславить? Обманулъ, посмѣялся... и ты съ нимъ. Продали вы меня, или, чего добраго, отъ Бутурлиныхъ же взяли деньги, чтобъ осмѣять меня старика. Знаете вы, что беззащитный я, что нѣкому за меня вступиться, такъ и думаете, что меня легко провести. Нѣтъ, я и самъ за себя постою. Говори, что было ночью.

Бездомный.

Да пожаръ, слышно, былъ.

Ромодановскій.

И больше ничего? Кто поджигалъ?

Бездомный.

Извѣстно, стрѣльцы поджигали, чтобъ помочь Петрову.

Ромодановскій.

Да какъ же домъ Бутурлиныхъ остался цѣль?

Бездомный.

Да я почему знаю, я спалъ себѣ! изъ дому никуда не выходилъ.

Ромодановскій.

Послушай, братъ... ты мнѣ говорилъ про Петрова. Ты хвалился мнѣ, что онъ отомститъ за себя, и что товарищи его не отстанутъ. Ты взялъ изъ казны моей деньги.

Бездомный.

Помилуйте, князь Михаилъ Григорьичъ. Я разсказалъ вамъ по преданности моей все, что знаю; но гдѣ же мнѣ маленькому человѣку вести такія великія земскія дѣла.

Ромодановскій.

Не бойся, подлая душа! у князя Ромодановскаго плечи широкія. Снесутъ и потяжелѣ тебя.

Бездомный.

Былъ я, по вашему приказу, у Петрова. Его-то, правда, не засталъ дома, а видѣлся съ его пріятелемъ Аѳанасьевымъ. Онъ и деньги взялъ и обѣщалъ, что ночью же не сдобровать Бутурлинымъ.

Ромодановскій.

Да отчего же этотъ страшный пожаръ?

Бездомный.

Должно быть разгулялись не въ мѣру.

Ромодановскій.

Такъ этотъ Петровъ воръ, ночной разбойникъ, зажигальщикъ?

Бездомный.

Извѣстно, простой человѣкъ!

Ромодановскій (про себя).

И ему я ввѣрилъ расправу за свою честь!

Бездомный.

Да вы, князь Михаилъ Григорьичъ, не безпокойтесь. Дѣло крытое: коли что выйдетъ наружу, мы ужъ такъ сговорились съ Афанасьевымъ, что все ляжетъ на Петровъ. Онъ и поджигалъ, онъ и месть правилъ за дочку... Его ужъ, слышно, ищутъ, чтобъ за приставы взять, его и повѣсятъ за смуты, а мы въ сторонѣ: мы ничего не знаемъ.

Ромодановскій.

Слышишь, князь Ромодановскій, что смѣетъ говорить этотъ человѣкъ? Ну, Иванъ Васильичъ, дорого ты мнѣ стоишь! Кто тамъ? кто смѣетъ входить безъ моего приказа?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ПАРАМОНЪ.

Парамонъ.

Извини, батюшка, великодушно. Гонецъ прискакалъ сейчасъ отъ батуринскаго игумена.

РОМОДАНОВСКІЙ.

На монастырь видно просить.

ПАРАМОНЪ.

Не знаю, батюшка, не знаю. Только грамоту привезъ, грамоту, говоритъ, очень нужную. Сейчас же, говоритъ, вручите боярину... Я потому и осмѣлился.

РОМОДАНОВСКІЙ.

Подай сюда! (*Отдаетъ Бездомному*). На! (*Парамонъ уходитъ*).

БЕЗДОМНЫЙ.

Читать прикажите? да тутъ еще бумага съ печатью.

РОМОДАНОВСКІЙ.

Читай... Что за крайность святому отцу? (*Садится и по мѣрѣ чтенія обнаруживаетъ возрастающее волненіе*).

БЕЗДОМНЫЙ (*читаетъ*).

Благословеніе Іоасафа, архимандрита батуринскаго о святомъ душѣ возлюбленному сыну нашего смиренія, благородному князю Михаилу Григорьевичу молится смиреніе наше челоуѣколюбцу Богу и Пречистыя Его Матери о многолѣтнемъ здравіи вашего благородія. Яко да будетъ ваше благородіе душевнѣ спасительно и тѣлеснѣ многолѣтно здравы въ неисчетная лѣта. Веліе сердцу моему есть радованіе еже повѣдати ми вашему благородію нѣкое странное и вельми нежданное происшествіе. Судьбы бо Господня неисповѣдимы. Сентября 9 числа на память св. Богоотецъ Іоакима и Анны прииде къ нашему смиренію нѣкій старецъ въ рубищѣ вѣтсѣ, и проси и

молися намъ дабы есьма принять его къ нашему смиренію на исповѣдь за нѣ болѣзни тяжкія угрожаху ему скорой кончиной и убояхуся онъ, предстатися на вѣчное судилище, не очистивъ сквернія душевныя и грѣхи тяжкія святымъ таинствомъ покаянія. И повѣдахъ намъ со слезами и сокрушеніемъ сердца, что зовутъ его Ермолай Васильевъ сынъ Шоринъ; что въ прошлыхъ годахъ, какъ на Москвѣ учинилась смута за мѣдныя деньги, онъ Ермолай, сбѣжалъ на Украину, и, забывъ страхъ Божій, людей на дорогахъ терзалъ нечестнаго ради стяжанія.

Ромодановскій (перевиваетъ).

Дальше, дальше. Въ чемъ же дѣло то?

Бездомный (пропустивъ нѣсколько строкъ).

И въ тое время проѣзжаху путемъ покойная княгиня, супруга вашего благородія съ чадами, и онъ разбойникъ и товарищи его окаянные супругу вашу убиша купно и съ челядинцами... И онъ Ермолай, памятуя великое добро вашего благородія, какъ ты его отъ смертнаго казни избавилъ сына твоего младенца князя Григорія отъ товарищей своихъ скрылъ и отдалъ потомъ тайнымъ обычаемъ въ нашу же смиренную обитель, и оный сынъ вашъ князь Григорій Михайлычъ и поднесъ въ живыхъ!...

Ромодановскій (въ большомъ волненіи).

Что́ это? въ умѣ ли я... Сынъ мой живъ! У меня есть сынъ! У князя Ромодановскаго есть наследникъ! Эй, отворите ворота. Сзывайте всѣхъ людей моихъ. Кричите всему русскому народу: у князя Ромодановскаго, у сироты, у старика бездѣтнаго, у

князя Ромодановскаго, котораго каждый безчестилъ и позорилъ безбоязненно, есть опора теперь, есть защитникъ, есть сынъ, который постоятъ за отца. Подай мнѣ грамотку, подай сюда! Я ее положу подъ образъ, которымъ благословилъ меня покойный отецъ. Нѣтъ, я ее надѣну съ крестомъ на шею. Я ее всегда носить буду на себѣ... Ну... ну... ты не все прочиталъ еще... Дочитывай, ради Бога...

БЕЗДОМНЫЙ (читаетъ).

Поживе же онъ въ нашей обители двадцать лѣтъ, но не чувствуя себя склонна къ отшельнической жизни инока, а скорѣй къ ратному дѣлу, оставя кровь нашъ смиренный вступи въ достохвальное войско стрѣleckое, и отправися недавно въ престольный градъ Москву и нарѣче себѣ имя Петровъ.

РОМОДАНОВСКИЙ (дрожа вслѣзъ на ломъ).

Петровъ... какой Петровъ?... Развѣ есть стрѣлецъ Петровъ. Ты лжешь!... Тутъ не то написано. Ну, что жь, читай, читай... *Читай*, говорятъ тебѣ... Тутъ вѣрно еще другое написано. Ну, читай же, какъ отецъ продалъ своего сына, какъ онъ говорилъ его быть бунтовщикомъ, грабильщикомъ и зажигальщикомъ и убійцей, какъ онъ своими руками подвелъ его на плаху, на висѣлицу!... Что жь ты не читаешь?... Его взяли, говоришь ты, подъ стражу взяли. Его казнили ужь можетъ-быть... Вѣдь это у насъ случается, Кому извѣстно, что онъ мой сынъ... Парамонъ!...

ПАРАМОНЪ (входитъ).

Здѣсь, батюшка.

Ромодановскій.

Послушай, Парамонъ, послушай, старикъ... послужи мнѣ службу, которой и на томъ свѣтѣ не забуду. Осѣдай коня, скачи, летомъ-лети въ Стрѣлецкую Слободу, самъ скачи... слышишь ли?... да сиѣшно. Узнай, провѣдай, дознайся, гдѣ стрѣлецъ Петровъ. Ничего о немъ не спрашивай. Только отыщи мнѣ его, найди мнѣ его, гдѣ хочешь найди!...

Парамонъ.

Да, батюшка...

Ромодановскій.

Гдѣ бы онъ ни былъ — въ Приказѣ, въ тюрьмѣ, въ сырой землѣ — отрой мнѣ его.

Парамонъ.

Да, батюшка мой, онъ здѣсь дожидается.

Ромодановскій.

Здѣсь?... Да что же молчишь ты?! Зачѣмъ не кричишь ты, что онъ здѣсь? Бѣги же. Зови... Нѣтъ, погоди!... Страшно стало! Что-то скажетъ онъ мнѣ. Ну, проси его, сюда... (*Бездомному*). А ты, жалкая тварь, низкій льстецъ моихъ пороковъ... вонъ отсюда, чтобъ нога твоя не оскверняла порога моего дома. (*Вырываетъ у него письмо*).

Бездомный.

Да помилуйте!

Ромодановскій.

Вонъ отсюда. Не забывай, что я приказываю. Ступай!... (*Садится на кресло*). Ну, если онъ не захочетъ придти ко мнѣ?... Сердце бьется, руки дрожать... Ахъ! если бъ только разъ увидеть мнѣ его... А, а, а!...

ЯВЛЕНИЕ V.

РОМОДАНОВСКІЙ и ПЕТРОВЪ.

ПЕТРОВЪ (*подходитъ медленно*).

Стыдно, бояринъ!

РОМОДАНОВСКІЙ.

Какъ онъ статень!

ПЕТРОВЪ.

Стыдно, бояринъ! что я тебѣ сдѣлалъ? жилъ я, бѣдный человѣкъ, въ страхѣ Божьемъ. Была у меня чистая совѣсть; была у меня свѣтлая радость—дочь ненаглядная. Ты все у меня отнялъ. Развѣ ты не подумалъ, что тамъ есть Судія, Который видитъ неправое дѣло и, рано ли, поздно ли, воздастъ ему достойное наказаніе.

РОМОДАНОВСКІЙ (*любуется*).

Боярская кровь!...

ПЕТРОВЪ.

Выслушай, князь, что ты сдѣлалъ. Ты мнѣ сказалъ, что дочь моя посрамлена; ты призывалъ меня на кровавую месть; ты отнялъ у меня покой и разумъ... Не помоги мнѣ Богъ, я бы сдѣлался мстительникомъ, зачинщикомъ ужаснаго злодѣянія. Теперь бы кровь стояла на Москвѣ по колѣни, и безумная чернь вламывалась бы въ боярскіе дома. Не бойся. Теперь нѣтъ повода стрѣльцамъ вступаться за меня. Я не подорожилъ своей кровью: я дочь свою убилъ.

РОМОДАНОВСКІЙ.

Господи! дочь моего сына!

Петровъ.

Чѣмъ воздашь ты мнѣ за это? деньгами, что ли, дорогими подарками? Спасибо. Не за тѣмъ пришелъ я: я пришелъ поблагодарить тебя за непрошенное участіе. Да только не поздоровится тебѣ отъ моей благодарности. Широкимъ пятномъ ляжетъ она на твоей боярской совѣсти. Безконечнымъ стономъ будетъ стонать она и днемъ и ночью тебѣ на ухо, какъ стонала умирающая жертва твоя. Грономъ грянетъ она, грономъ грянетъ надъ твоимъ изголовьемъ, плачемъ безутѣшнаго ратника, и страшнымъ проклят...

Ромодановскій (вскакиваетъ съ кресла).

Молчи!... не смѣй говорить этого. Я отецъ твой.

Петровъ (пораженный).

Ты... ты отецъ мой! Ты... злой духъ, искавшій моей гибели?... Нѣтъ... быть не можетъ... нѣтъ.

Ромодановскій (подаетъ ему письмо).

На, читай, — читай же самъ, благо грамотный. Видишь ли, въ монастырѣ былъ ты. Мать твою убили разбойники. А?... вотъ крестъ, которымъ благословилъ тебя князь Голицынъ. Сынъ ты мой. Вотъ на шеѣ родимое пятно. Да и въ глазахъ твоихъ я вижу князя Ромодановскаго... Какъ не узналъ я тебя прежде... Ну... что скажешь?... Да говорятъ тебѣ, что ты сынъ мой!

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ... не обманешь... Хитерь ты, старикъ... знаю, что хитерь... Ну, Богъ съ тобой. Дай уйти только.

РОМОДАНОВСКИЙ.

Ну, такъ вотъ, смотри, вотъ бумаги. За печатью свидѣтельство монастырское.

ПЕТРОВЪ (*читаетъ*).

Въ-самомъ-дѣлѣ... да... да... Погоди. Дай подумать... Дай спроситься русской совѣсти. Боже ты мой! вразуми, наставь. (*Послѣ молчанія, становится на колѣни*). Чти отца твоего, такъ велить заповѣдь. Ни слова непокорнаго не услышишь ты, бояринъ, отъ меня.

РОМОДАНОВСКИЙ.

Нѣтъ, для другихъ я бояринъ, для тебя я отецъ, хилый старикъ. Въ тебѣ я вижу всю свою отраду, всю свою радость. О прошломъ ни полслова. Прежде ты былъ чужой, теперь ты кровь моей крови, плоть моей плоти, душа моей души. Обними меня, сынъ мой. Эй, Парамонъ, слуги мои вѣрные, что жъ вы не идете! Поздравьте меня и себя поздравьте. Сынъ мой воскресъ. Вашъ господинъ живъ. Кланяйтесь князю Григорію Михайлычу.

ПАРАМОНЪ.

Ахъ, батюшки-свѣты!... То-то я глядѣлъ, какъ-будто я его гдѣ-то видывалъ. Ахъ, красавецъ ты мой. Да какой ты сталъ здоровенный. А мы такъ плакали: думали, что вѣкъ не придется поглядѣть на тебя... Вѣдь точь-въ-точь дѣдушка Григорій Александрычъ. Да не прикажешь ли чего? Ну вотъ

радость, такъ ужь радость. И со стороны-то, кажется, каждый порадуетъ, кромѣ развѣ этихъ, прости ихъ Господи, Бутурлиныхъ.

ПЕТРОВЪ (*про себя*).

Бѣдная моя Ольга!

РОМОДАНОВСКІЙ (*про себя*).

У меня могла бы быть внука... Ну, да что объ этомъ думать. (*Вслухъ*). Эй! одѣньте меня по праздничному, подайте шапку мою горлатную, золотой жалованный кафтанъ и охабень чревчатый. Пойду къ государю и доложу ему о своей радости.

ПАРАМОНЪ.

Ахъ, батюшки, впопыхахъ-то я и забылъ. Изъ Кремлевскихъ Палатъ присылали за твоей милостью Бояре-де уже собрались для соборнаго совѣщанія, ожидаютъ патріарха и великаго государя.

РОМОДАНОВСКІЙ (*одѣвается*).

Ну, подавайте же скорѣе. Всѣмъ скажу, всѣмъ расскажу, пойду объявлю боярамъ, что однимъ княземъ Ромодановскимъ стало больше между ними... Послушай, Парамонъ, двѣсти рублевъ пошли по монастырямъ, а двѣсти вели раздать нищимъ лежанкамъ. А для проходящихъ вели столъ накрыть на дворѣ. Милости просимъ. Пускай вся Москва со мной радуется. Каждый человѣкъ мнѣ братъ теперь. Каждого готовъ обнять. Всѣмъ отпускаю обиды. Даже... видитъ Богъ... даже Бутурлинымъ могу простить. Ну, смотри жь, Парамонъ, береги мнѣ его... Теперь онъ вамъ господинъ. Ну, прощай, Григорій... Наговоримся послѣ, — теперь идти надо... Погляди-

ка на меня... боярская кровь! (*Обнимаетъ его и уходитъ. Парамонъ и люди его провожаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПЕТРОВЪ одинъ.

Я сынъ ему... я... Кто предскажетъ судьбу человека!... Я пришелъ къ нему съ упрекомъ, какъ къ врагу своему, и остаюсь съ покорностью и обнимаю въ немъ отца. Да, любо должно быть ему найти сына, послѣ долгаго сиротства. И я былъ отцомъ. И у меня дочь была. Давно ли маленькая играла она моимъ оружіемъ, сидѣла на моихъ колѣняхъ? Бывало, усталый приду я въ свою хату, а она бѣжитъ ко мнѣ на-встрѣчу, обнимаетъ меня рученками, протягиваетъ ко мнѣ кудрявую головку. Боже мой, Боже мой!... что я сдѣлалъ! какъ рука моя поднялась на нее!... какъ не нашелся человекъ, который остановилъ бы меня. Что мнѣ теперь въ богатствѣ? Пускай надѣнутъ на меня парчевой кафтанъ, все-таки, куда ни пойду я, хоть будь я осыпанъ камнями самоцвѣтными, будутъ на меня указывать пальцемъ. Вотъ онъ, что дочь свою зарѣзалъ, вотъ онъ, убійца... вотъ онъ, душегубецъ. (*Плачетъ*). Господи, Господи! думалъ ли я, что доживу до этого?

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПЕТРОВЪ и ВАС. ИВ. БУТУРЛИНЪ.

Вас. Ив. Бутурлинъ (*входитъ поспѣшно*).

Князь Григорій Михайловичъ, я ищу тебя.

Петровъ (отскакиваетъ).

Какъ, ты снова здѣсь? Долго ли ты будешь искушать меня? погоди съ княземъ знакомиться, расплатись со стрѣльцомъ сперва. Чего ты отъ меня хочешь? Мало тебѣ моего позора, мало тебѣ одного убійства? что жъ ты хочешь, чтобъ я совсѣмъ душу погубилъ? Изволь, будетъ по-твоему.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Выслушай, князь.

Петровъ.

Не князь я для тебя: я твой судья, я палачъ твой. Кто сказалъ тебѣ, что я князь?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Выслушай же. Сейчасъ внизу встрѣтилъ я князя Михаила Григорьича на конѣ. Онъ только завидѣлъ меня, кликнулъ. Скажи, говоритъ, отцу своему, что у него два врага теперь: я да сынъ мой князь Григорій Михайлычъ, стрѣлецъ Петровъ. Стрѣлецъ Петровъ — сынъ мой. Онъ князь Ромодановскій. Ну, такъ дочь его ровня Бутурлину.

Петровъ.

Что жъ ты издѣваться пришелъ надо мною? Не ты ли самъ видѣлъ, какъ я убилъ свою дочь?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Нѣтъ, князь, дочь твоя жива; ты не убилъ ея, а только ранилъ, благодаря Бога. Твоя дочь жива, останется тебѣ на радость, мнѣ въ счастье. Дай мнѣ обнять твои колѣни. Прости меня... не карай, благослови... Дай быть твоимъ сыномъ, дай загладить вину свою тяжкую.

ПЕТРОВЪ.

Жива!... жива! Ты сказалъ, что она жива?... Жива!... Ольга!... Что́ это со мной?... въ глазахъ потемнѣло, голова закружилась... Дурно мнѣ... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Знай, Григорій Михайлычъ, дочь твою оклеветали недобрые люди. Свято сохранила она свою честь. Не то бы не назвалъ я ее своей женой.

ПЕТРОВЪ *(слабымъ голосомъ)*.

Да, да!.. правда твоя!.. Спасибо, ты успокоилъ меня... только погоди... погоди... Дай раздумать. Она жива... да... невинна... ее оклеветали... Да кто же смѣлъ?... Все кругомъ вертится... это отъ радости... Дочь моя жива!.. береги ее... живите счастливо... я напрасно подозрѣвалъ... Слава Богу... Какъ, бишь, зовутъ тебя... Да, вспомнилъ!... Дочь моя жива... Да точно ли, ты не обмануль?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Что́ съ вами?...

ПЕТРОВЪ.

Сынъ мой, благословляю тебя. Ты честно искупилъ свою вину кровавую... ты молодъ, ты благороденъ, ты знатенъ,—и я теперь знатенъ. Странно! дочь моя жива! Такъ я не убилъ ея? Кто, бишь, сказалъ мнѣ, что онъ отецъ мой, что я князь... не слыхалъ ты? а? Нѣтъ, я стрѣлецъ. Вѣкъ жилъ стрѣльцомъ, такъ и умру... Душно... Дочь моя жива, говоришь ты? что́ жь, она помнитъ меня, не проклиняетъ меня? Позови ее, дай поглядѣть, полюбовать-

ся. Стыдиться не надо, вѣдь я не женихъ, отецъ... Гдѣ жъ она?... я знаю, вѣдь она жива. Красавица ты моя, ласточка, птичка, радость моя. (*Кричитъ*). Горю, горю! помогите, помогите! Грудь моя загорѣлась. Всю внутренность рѣжетъ ножами. Воды, воды... свѣту вольнаго! Помогите, помогите!... Умираю!... (*Падаетъ безъ чувствъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, ПАРАМОНЪ и СЛУГИ.

ПАРАМОНЪ.

Что за крикъ? что случилось? Ахъ, Боже мой!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Помогите ему... Неужели опять невзгода?

Петровъ.

Воды... воды... Затушите пожаръ, залейте, именемъ всѣхъ святыхъ умоляю васъ, залейте огонь... Здѣсь подъ сердцемъ горитъ, горитъ, горитъ... Аонасьевъ, злодѣй, сдержалъ свое слово: отомстилъ, погубилъ, отравилъ... То-то смѣялся онъ, какъ ночью на пожаръ поднесъ мнѣ выпить. То-то горько было. Горю... ой... Вставайте, люди добрые, разбудите полковника. Барабанъ!... гдѣ наше знамя?... Слышите, стрѣльцы, дочь моя жива... Скажутъ вамъ, что я убилъ ее, не вѣрьте, не вѣрьте... ха, ха, ха!... На свадьбу милости просимъ... Гдѣ я? что вы за люди? Погодите... припомнилъ. А! полегче стало.

ПАРАМОНЪ.

Что скажетъ князь Михайлъ Григорьичъ?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Подымите его... скорѣй, не теряйте времени. По-

несемте его въ Кремль къ дохтуру Гадену, къ жи-
довину: на немъ вся надежда.

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ... погодите... Ратникъ идетъ на-встрѣчу
смерти... Я еще въ силахъ... я самъ пойду. Такъ...
правосудно небо... дочь моя жива. Я умереть дол-
женъ... Веди меня, сынъ мой.

ПАРАМОНЪ.

Господи, зачѣмъ я дожилъ до этого дня!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Скорѣе... скорѣе, въ Кремль, къ дохтуру.

ПЕТРОВЪ.

Нѣтъ, не къ дохтуру: къ отцу ведите меня. (*Ухо-
дятъ*). Декорація мѣняется и представляетъ
Кремль, во время соборнаго дѣянія. Съ По-
стельнаго Крыльца попарно сходятъ бояре въ
золотыхъ кафтанахъ. На возвышеніи князь
Долгоруковъ хочетъ говорить народу. Всѣ
игравшіе въ драмѣ находятся на площади, и
сверхъ того множество народа, иностранцевъ,
рейтаровъ, посадскихъ и пр. въ одеждахъ того
времени).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТОЛСТОЙ, ЖЕЛЯБУЖСКІЙ и НАРОДЪ.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Ну, скажи изъ милости, что́ рѣшено?

Толстой.

Руки отнялись.

ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Ужъ не война ли опять съ запорожцами?

Толстой.

Это бы что?

Желябужскій.

Помилуй Богъ, на затѣяль ли чего салтанъ тур-
ской.

Толстой.

Говорить бы не стоило.

Желябужскій.

Такъ что жь такое?

Толстой.

Слушай. Дивныя, вѣчно-памятныя слышали мы
рѣчи. Святѣйшій патріархъ и самъ царь вели раз-
сужденіе о губительномъ мѣстничествѣ.

Желябужскій.

Такъ что жь?

Толстой.

Въ немъ бо и есть корень порочныхъ враждотво-
реній, гдѣ бояре въ защиту ложной чести омрача-
ютъ честь настоящую.

Желябужскій.

Да ужь искони вѣковъ такъ у насъ заведено.

Толстой.

Такъ знай же, отнынѣ отеческіе случаи отиѣня-
ются. Двѣнадцать митрополитовъ утвердили. Не бы-
вать болѣе мѣстничеству на русской землѣ. Такъ
приговорено Соборомъ. (*Народъ толпится*).

Первый простолюдинъ.

Ну, что лѣзешь впередъ!

Второй простолюдинъ.

Да что ты самъ толкаешься! Хозяинъ здѣсь, что
ли? Лѣшій этакой!

ТРЕТІЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Ахъ, ты дрянъ этакая!... Не будь тутъ Успенскаго Собора, я бы тебя пощипалъ порядкомъ.

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Поглядѣлъ бы я... Молчи, вишь, старшіе говорятъ.

БАБА.

Гляди, гляди, бояринъ на крыльцо вышелъ... который, бишь, это?

ПЯТЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Ну, ужъ видно, что баба: Долгорукова князя не знаетъ.

БАБА.

Ахъ, да и въ-самомъ-дѣлѣ. Да гляди, никакъ рукой машетъ.

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Смирно, православные, слушайте, что бояринъ скажетъ!

ВТОРОЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Видно о томъ, что рѣшено наверху.

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Молчите же. Слушайте, слушайте.

ДОЛГОРУКОВЪ (съ *Постельнаго Крыльца*).

Стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и иныхъ всѣхъ чиновъ ратные люди!

Великій Государь Царь и Великій Князь Θεодоръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ велѣлъ вамъ говорить:

«Понеже не токмо въ мимошедшія лѣта, но и по нынѣ во многихъ государскихъ ратныхъ, посольскихъ

и иныхъ всякихъ дѣлахъ чинятся отъ вредительнаго и разрушительнаго мѣстничества и отъ тѣхъ мѣстныхъ случаевъ великія пакости и нестроение и разрушеніе и непріателямъ радованіе, и между боярами, окольными, думными и ближними людьми противныя Богу дѣла, нелюбовь и великія продолжительныя вражды, — Великій Государь указалъ всѣмъ чинамъ на Москвѣ въ приказахъ и походахъ, у ратныхъ, у посольскихъ и у всякихъ дѣлъ, и въ городахъ быть межъ себя безъ мѣсть, никому впредь разрядами и мѣстами не считаться и разрядные случаи оставить и искоренить, чтобъ впредь отъ тѣхъ случаевъ въ дѣлахъ помѣшки не было, разрядныя же книги сжечь, да погибнетъ тако во огнѣ Богомъ ненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество, и къ тому да не воспомянется во вѣки.

Первый простолюдинъ.

Слышь ты, Алѣха, что́ это я какъ-будто не понимаю. О чемъ это объявлялъ-то онъ намъ?

Второй простолюдинъ.

Эхъ, безмозглая ты башка! Вишь, бояре-то больно расходились; озорничаютъ, что ни на что́ не похоже, а все изъ-за мѣстовъ своихъ.

Первый простолюдинъ.

Да какъ же это изъ-за мѣстовъ?

Второй простолюдинъ.

Ну, да вотъ. Ты, пожалуй, со мной заспорилъ, что ты-де лучше меня... Я тебѣ на то: нѣтъ, шалишь, я тебя лучше.

Первый простолюдинъ.

Да чѣмъ же ты меня лучше?

Второй простолюдинъ.

Молчи! ты не понимаешь. Это для примѣра. Ну, и пошли крупныя слова. Я тебя въ усь, ты меня въ рыло.

Первый простолюдинъ.

Смѣкнулъ.

Второй простолюдинъ.

Такъ видишь ли. Вотъ оно что. Нашему-то брату оно еще по простотѣ-то, пожалуй, и позволительно, ну, а боярамъ-то не приходится.

Первый простолюдинъ.

Точно правда.

Второй простолюдинъ.

Самъ посуди, что за порядокъ будетъ, коли старшіе пойдутъ въ-потасовку. Такъ и приказалъ теперь государь: вы-де не смѣйте у меня озорничать и споры заводить, а не то вы у меня своихъ не узнаете.

Первый простолюдинъ.

Ну, понялъ теперь. Спасибо. И въ-самомъ-дѣлѣ, что имъ волю давать. Дай Богъ здоровья нашему государю. Вишь, умница какой! разомъ ихъ порѣшилъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТАРАСКА входитъ, низко кланяясь мужикамъ.

Тараска.

Батюшки, князя, свѣтлыя очи, знатныю вы люди, не забудьте Тараску!

Въ народъ.

Ха, ха, ха!... слышите, дуракъ-то какъ вретъ, князьями насъ величаетъ!

ТАРАСКА.

Да какъ же не князья теперь? Вы и князья нынѣ. Старыхъ-то, вы чай слышали, сейчасъ станутъ жечь на верху.

ПОСАДСКОЙ.

Что ты городишь? кого станутъ жечь?

ТАРАСКА.

Да, разряды-то боярскіе. Да что они будутъ безъ разрядовъ: только тѣмъ и жили мои голубчики, угорѣли совсѣмъ, да и осталось отъ угару на грошъ сапожнаго товару. А вотъ и дядя Никита идетъ. (*Бояре сходятъ съ крыльца*). Дядя, видно, что ты уменъ, что одно съ дуракомъ говорилъ... тррр... эй, вы! Что вы ротъ разинули? изъ грязей надѣлали князей, такъ вы и надули губы. Смотри меня не тронь. Ну, проводите меня, а я вамъ стану рассказывать, какъ свейской король сидѣлъ на тронѣ, съ своей теткой Матреной. (*Уходитъ; народъ, смѣясь, провожаетъ его и остается въ углубленіи театра*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

КНЯЗЬ ОДОЕВСКІЙ, ПРОНСКІЙ, ШЕРЕМЕТЕВЪ и ХОВАНСКІЙ.

ОДОЕВСКІЙ.

Что, бояре! правду говорилъ я вамъ. Сердце вѣщало. Видно, дошло до государя про бѣшенство Ромодановскаго. Читали вы, какъ государь подписался?

БОЯРЕ.

Самъ! какъ же! какъ же!

Пронскій.

Самъ подписалъ, слыханное-ли это дѣло! Самъ своей рукой, да это дѣло небывалое.

Одоевскій.

И какъ еще подписалъ! въ утвержденіе сего соборнаго дѣянія и въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣстъ въ вѣчное искорененіе. Мудрыя слова. Они, какъ плодотворное сѣмя, принесутъ обильную жатву.

Пронскій.

Да, неслыханныя дѣла совершаются въ очахъ нашихъ. Я видѣлъ, какъ Ромодановскій подалъ руку Бутурлину. Кто бы это подумалъ!

Хованскій.

Мало того, Ромодановскій, слышно, чудомъ нашелъ сына своего между простыми стрѣльцами и внучку отдаетъ за молодаго Бутурлина. Старики наверху ужь поладили.

Пронскій.

Диковинное время.

Одоевскій.

Время свыше опредѣленное, — время неизбѣжнаго перехода къ тому разуму, который ужь давно живетъ у сосѣдей. Будемъ молить Бога, чтобъ этотъ переходъ совершился тихо и миролюбиво, для укрѣпленія и славы нашей родины. (*Хочетъ идти*).

Хованскій.

Куда же ты, Никита Ивановичъ?

Одоевскій.

Мнѣ поручено изслѣдовать о вчерашнемъ пожарѣ. Подозрѣваютъ поджогъ.

Пронскій.

Помилуй Богъ! Кого жь винять?

Одоевскій.

Думаютъ, что татары или казаки, а я боюсь, что русскіе. Стрѣльцы, должно быть. Не жду я отъ нихъ добра. (*Бутурлинъ и Ромодановскій сходятъ, обнявшись, съ лѣстницы*).

Пронскій.

Погляди-ка, князь Никита Ивановичъ, какъ наши мѣстники идутъ дружно рядкомъ.

Одоевскій.

Такъ бы и всѣмъ намъ всегда бы слѣдовало идти. Не то бы было... (*Народъ приближается*).

ЯВЛЕНІЕ XII И ПОСЛѢДНЕЕ.

**ТѢ ЖЕ, РОМОДАНОВСКІЙ, БУТУРЛИНЪ, а потомъ
ПЕТРОВЪ и ВАСИЛІЙ ИВАНЫЧЪ.**

Ромодановскій.

Все забыто... для дѣтей нашихъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Вѣрь, Михаилъ Григорьичъ; въ душѣ моей не было никогда злобы. Зналъ я, правда, что ты напрасно просилъ на меня, — и что мѣстомъ не могъ я быть тебя ниже...

Ромодановскій.

Нѣтъ, Иванъ Васильичъ. Говорить о прошломъ нечего. А по разрядамъ каждый скажетъ тебѣ, что ты ниже меня семью мѣстами. (*На крыльцѣ видно пламя*).

Одоевскій.

Поздно глядѣть въ разряды. Смотри, вотъ горятъ они, по царскому приказу.

Ромодановскій.

Пускай горятъ, я ихъ наизустъ помню. Никогда, ни въ какое время я ниже Бутурлиныхъ не бывалъ. Знай это, Иванъ Васильичъ; и пока я живъ, никто мнѣ того не докажетъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ (*въ толпѣ*).

Дохтура, дохтура! — ради Христа, помогите!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Что́ это? голосъ моего сына?

Ромодановскій.

Онъ ведетъ съ собой другаго человѣка... стрѣльца... неужто...! быть не можетъ... не правда... А?... что́ вы съ нимъ сдѣлали? отчего онъ такъ блѣденъ? Его руки холодны. Онъ умираетъ. Помогите, помогите! (*кричитъ*). Все имѣніе князя Ромодановскаго тому кто спасетъ его.

Петровъ (*умирающимъ голосомъ*).

Нѣтъ, поздно... довольно. Я не пойду далѣе. Я умру здѣсь, въ виду святыхъ соборовъ, посреди Кремля, въ самомъ сердцѣ русской земли. Не тоскуй, ребенокъ, не кручинься, отецъ! Здѣсь умирать хорошо.

Ромодановскій.

Сынъ мой, сынъ мой!

Петровъ.

Благодарю Бога, что привелось мнѣ тебя видѣть

еще... я хотѣлъ... (медленно опускается на землю).

Ромодановскій.

Да нѣтъ... быть не можетъ. Ты будешь живъ.

Петровъ.

Нѣтъ, сгубили меня отравой. Смерть здѣсь. Не бойтесь, подойдите, православные, поглядите, какъ умираетъ человѣкъ. Оно порой не мѣшаетъ. Напомнить, что конецъ... cadaго... близокъ... Батюшка! вручаю тебѣ мою дочь. Немного жила она, а много выстрадала. Пусть же отдохнетъ теперь. Смотри, Василій, люби ее, береги... она покорная, добрая... Хотѣлось бы взглянуть на нее... да нѣтъ, нельзя... недостойнъ я того. Помолитесь, православные, за упокой души грѣшника, раба Божьяго, Григорья. А легче стало теперь. На душѣ свѣтло. Знать, конецъ пришелъ. Пропала земля, пропали люди, все пропало, кромѣ Бога.

Ромодановскій.

Горе мнѣ, горе, горе на мою сѣдую голову! Зачѣмъ посѣтила меня радость, когда скорбь была такъ близко? Куда дѣваться мнѣ теперь, что дѣлать? Нѣтъ житья мнѣ въ Москвѣ, гдѣ каждый теперь, мнѣ равенъ. Нѣтъ житья мнѣ злополучному на землѣ, гдѣ во второй разъ теряю сына. На войну пойду... авось убьютъ старика. Не то въ монастырь запрусь, въ кельѣ, тамъ буду ждать конца своего и плакать, плакать до послѣдняго издыханія.

Петровъ.

Да, плачь князь Ромодановскій! Плачь русскій

бояринъ! Не объ насъ грѣшныхъ плачь! наша жизнь одно мгновеніе. Объ ней горевать нечего. Плачь надъ русскимъ боярствомъ, плачь надъ своими товарищами: не поняли они, не разсудили святаго труда, завѣщаннаго имъ Богомъ. Не были они старшими сынами великой русской семьи: о гордости своей пеклись они, о гордости проклятой, а не пеклись о своихъ меньшихъ братьяхъ, не поддерживали своимъ разумомъ, и за то накажетъ ихъ Богъ до отдаленнаго потомства. Народъ ихъ забудетъ, голосъ ихъ умолкнетъ и они отбросятся въ толпу изъ которой недостойны были выйти. И вотъ онъ пришелъ уже тотъ державный отрокъ, который осѣнитъ Святую Русь лучами разума и знанія. Но не васъ, бояре, выберетъ онъ въ сподвижники: Одинъ онъ совершитъ неслыханное дѣло. Одинъ своей одной волей, своей одной силой онъ сдвинетъ Русскую Землю съ лона невѣжества на широкій потокъ просвѣщенія. И если и пошатнется что отъ исполинскаго потрясенія, не на его голову падаетъ упрекъ въ томъ, а на вашу, слышите ли, потому-что то, что вамъ всѣмъ было назначено исполнится однимъ человекомъ. Но милостивъ и неисповѣдимъ Господь въ своихъ законахъ. Пройдетъ много времени, и вы опомнитесь, покайтесь, вы искупите свой тяжкій грѣхъ, вы станете старшими сынами и опорой вашей родинѣ; тогда съ просвѣтлѣвшимъ умомъ займете снова вы мѣсто свое: и тогда будетъ на Руси радость великая и откроетъ вамъ путь свѣтозарный и Богъ благословитъ ваше святое назначеніе. *(Падаетъ на руки окружаю*

щихъ его. На Постельномъ Крыльцѣ показываються рынды. Трубащи возвѣщаютъ появленіе царя Θεодора. Оркестръ начинаетъ шумно русскіе мотивы «Слава.» Занавѣсъ опускается).

ЯМЩИКЪ,

или

ШАЛОСТЬ ГУСАРСКАГО ОФИЦЕРА.

Драматическая картина въ одномъ дѣйствіи.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГЕНЕРАЛЪ СЕВЕРИНЪ, человекъ лѣтъ 50, серьезной наружности, одѣтъ по-дорожному.

САВВА САВВИЧЪ ГРЕНЧИКОВСКІЙ, помещикъ въ смѣшномъ охотничьемъ нарядѣ; ему около 30 лѣтъ.

ЛАРЬКА, казачокъ, 13 лѣтъ.

МИТЬКА, ямщикъ, 24 лѣтъ.

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ, пьяная рожа въ зеленомъ сюртукѣ, 45 лѣтъ.

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА, почтенный старецъ изъ крестьянъ, 60 лѣтъ.

ТЕРЕНТЬЕВНА, старуха.

МАША, дочь ея, 18 лѣтъ.

ЯМСКОЙ ГОЛОВА.

ЯМЩИКИ, КРЕСТЬЯНЕ, БАБЫ и проч.

—

Сцена представляет русское селеніе; налѣво выдается изба; вдали видѣнъ станціонный дворъ и шесть съ соломеннымъ плетенымъ кругомъ. Въ углубленіи лежатъ на землѣ ямщики, завернувшись въ кафтаны и тулупы, и спятъ, въ ожиданіи проѣзжающихъ. Вдали слышенъ стукъ сторожа объ желѣзную доску. Начинаетъ свѣтать.

ЯВЛЕНІЕ I.

МИТЬКА и МАША.

МИТЬКА (*пробирается тихонько между избами, осторожно оглядывается на всѣ стороны. Наконецъ подходитъ къ избѣ, что налѣво, и тихонько стучитъ въ окно*).

Маша!... а... тсъ... тсъ. Маша!...

МАША (*изъ окна*).

Кто тамъ?... (*Вскрикиваетъ*). Ахъ!... что это ты, въ эту пору... спозаранку.

МИТЬКА.

Терентьевна спитъ, что ли?

МАША.

Спитъ, родная... да того гляди проснется. Поди прочь... Христа ради... Прочь поди, прочь! Тутъ, вишь, народъ спитъ. Коли проснется кто —бѣда: увидятъ, глазъ нельзя будетъ показать.

МИТЬКА.

Не бойсь, и увидятъ, да языкъ закусятъ. Не то

я имъ такъ ребра пересчитаю, что будутъ вѣкъ пом-
нить. Не въ первый вѣдь разъ. Давай-ка, кто по-
смететъ?...

МАША.

Полно, полно, что́ это? Матушка узнаетъ, хуже
будетъ.

МИТЬКА.

Ну, ладно, ладно. Слышишь, выдь-ка сюда.

МАША.

Ахъ, какъ можно!

МИТЬКА.

Аль боишься меня, что́ ли?

МАША.

Нѣтъ... да сосѣди вѣдь увидятъ. Матрена, сол-
датка и понесетъ невѣсть что́.—Нѣтъ, приходи луч-
ше послѣ вечеренъ на сѣнокосъ. Прощай, Митя, не
пеняй, не серчай на меня; не смѣю. Богъ видитъ
не смѣю.

МИТЬКА.

А, вотъ что—нелюбъ, видно, я тебѣ.

МАША.

Грѣхъ тебѣ, Митя.

МИТЬКА.

А я такъ тебѣ вѣсть не добрую принесъ: чуть ли
не проститься пришелъ.

МАША.

Что́ это... что́ ты это нехорошее баешь? Нѣтъ,
ты, чай, шутишь?

МИТЬКА.

Плохая тутъ шутка. Нынче ѣдутъ въ городъ не-
крутовъ ставить. Того гляди, что нашего брата

схватятъ, скрутятъ, знашь, — и поминай какъ звали.

МАША.

Ахъ! ты Господи, Владыко! Постой, Митя, сейчасъ выйду. (*Окно опускается*).

МИТЬКА (*одинъ*).

А сказать правду, куда я не люблю этихъ бабьихъ проводовъ, да поминокъ за-живо. Служить, такъ служить! Взялъ ружье, да и запѣлъ пѣсню... Рады стараться, ваше благородіе. Будемъ служить охотою и усердіемъ нашимъ. Эхъ-ма!

МАША (*выходитъ изъ камитки*).

Ну, вотъ и я вышла... Митя, вотъ и я вышла... Ну, признайся-ка теперь, что ты пошутилъ... Дѣло вѣдь сдѣланное. Да, ты не на очереди. Известно...

МИТЬКА (*хочетъ обнять ее*).

Ахъ, ты солнце мое ненаглядное!

МАША.

Перестань, дастъ Богъ — буду твоей хозяйкой, обнимай какъ знашь. А теперь, смотри, не приставай. Не то хлопну дверью, и не видать тебѣ меня вѣкъ цѣлый. Наше дѣло дѣвичье... неразумное. А давать воли не велѣно. Грѣхъ...

МИТЬКА.

Какой тутъ грѣхъ! Маша... говорю я тебѣ плохо приходится.

МАША.

Да какъ же это?

МИТЬКА.

Да вотъ что: голова на меня взъялся, хочетъ лобъ забрить... Вотъ и вся не долга.

МАША.

Да быть не можетъ... Да зачѣмъ же это?

МИТЬКА.

А Богъ его знаетъ зачѣмъ... Вѣдь голова-то, ты, чай, знашь, хмѣлемъ зашибать.

МАША.

Слыхала.

МИТЬКА.

Ну, а тутъ ужъ не ожидай добраго. Запивать, такъ ужъ мало совѣсти. Кто побогаче, знашь, и поднесетъ ему то чаю фунтъ, то голову сахару, а иной разъ и сотенную—давай только. Ну и долой съ очереди. А нашему брату, бобылю, безъ роду и племени, какъ разъ лобъ забръютъ.

МАША.

Помилуй, Господи!

МИТЬКА.

Да вотъ, Маша, еще что. За тобой ономнясь вздумалъ ухаживать молодчикъ изъ сосѣдства, Савва Саввичъ (*въ полголоса*), чортовъ племянникъ. Ужъ попадется онъ ко мнѣ въ лапы.

МАША.

Полно, что ты! Да я и въ лицо его порядкомъ не видала. Онъ и непригожой такой.

МИТЬКА.

А вотъ, что въ поле за тобой бѣжалъ! Забыла, что ли?

МАША.

Такъ что же? Я ушла—таки себѣ...

МИТЬКА.

Это-то ладно... Да онъ вотъ какъ узнаетъ... какъ бы тебѣ это сказать: что пока я здѣсь... я не дамъ ему подойти на сажень къ твоей избѣ, вотъ онъ и захочетъ спровадить меня подальше... Понимаешь ли ты: голова—то ему другъ и пріятель. Чай вмѣстѣ распиваютъ, а иногда и чего другаго выпьютъ. А какъ меня не будетъ здѣсь... (Сквозь зубы).. Чортовъ братъ, тварь экая поганая! ужь бы я тебя поподчивалъ!

МАША.

Да какъ узналъ ты это?...

МИТЬКА.

Что тутъ за мудрость: калякать-то вездѣ много охотниковъ; узналъ по бабьимъ сплетнямъ, отъ пріятелей. «Машка-то», говорятъ, «тебѣ больно сподручна. Да не бойсь, не бывать ей за тобой: гдѣ тебѣ съ бариномъ тягаться... ты голышъ, нищій, бобыль, безъ рода и племени...» Вотъ, Маша, что бають пріятели.

МАША.

Не слушай ихъ; Митя, али мнѣ повѣрить не хочешь?

МИТЬКА.

Да и впрямъ... Гдѣ мнѣ на тебѣ свататься! избавишь у васъ какая; а я весь тутъ. Отца, говорятъ, не бывало; матушка померла; сиротой родился, сиротой и помру. Буду себѣ маяться, а тебя выдадутъ

за мужика богатаго, пожалуй, и буду я только посматривать ночью въ окно, какъ ты съ хозяиномъ будешь сидѣть на крайнемъ углу подъ образами... да чаёкъ вмѣстѣ будете попивать!... (*Плачетъ*).

МАША (*плачетъ*).

Нѣтъ, не выйду я замужъ. Никогда не выйду, никогда, никогда!

МИТЬКА.

Полно. силою отдадутъ. Развѣ васъ спрашиваютъ? Ну, да что тутъ кручиниться. Счастливо вамъ оставаться съ хозяиномъ.. а я пойду своей стороной. Служить стану... и право-ну... лихое вѣдь дѣло. Чай, на коня посадятъ. А?... посадятъ, что ли? ну, кони-то мнѣ други-пріятели, знакомы давно: а тамъ пойду подъ Турку, или подъ Француза... а тамъ и убьютъ, пожалуй, дай бы Богъ!... а пушки-то, барабаны-то, солдаты-то, а пѣсни-то, эхъ-ма! Гуляй-себѣ да и только! Бей басурмана! Знай нашихъ! (*Молчаніе*).

МАША.

И впрямъ. Ступай съ Богомъ, коль тебѣ не жаль никого на селѣ...

МИТЬКА.

Нѣтъ... Маша, какъ не жаль. Сердце разрывается. Да что дѣлать, не быть мнѣ твоимъ суженымъ, не быть тебѣ моей невѣстой!

МАША.

Бѣдная я, горемычная!

МИТЬКА.

Ненаглядная, радость моя!

Маша.

На кого ты меня покинешь? Лучше бы лечь въ мать сыру-землю. Я сгину, пропаду безъ тебя.

Митька.

Красное мое солнышко! Золотая моя, распрекрасная! Не забудь меня, горемычнаго.

Маша.

Ахъ! какъ-то мнѣ забыть тебя, въ тебѣ я и сердце свое только слышу... (*Слышенъ голосъ за кулисой «вотъ я тебя!» Маша вскрикиваетъ и убѣгаетъ въ избу*).

ЯВЛЕНІЕ II.

МИТЬКА, САВВА САВВИЧЪ ГРЕНЧИКОВСКІЙ и ЛАРЬКА. Ларька одѣтъ казачкомъ, черезъ плечо нагайка и фляжка съ водкой, въ рукахъ барская трубка.

Савва Саввичъ.

Ба, ба, ба! Ларька, гляди-ка, на что напали: ай-да прекрасно! Что лихо, то лихо; ай-да смиренницы! Вотъ-те и дѣвичья скромность!

Митька (сердито).

Ну, что это ты загорланилъ, баринъ? ступай своей дорогой. Не твое здѣсь дѣло!

Савва Саввичъ.

Хорошо, хорошо, Ларька, хорошо, что ли? Эге ге .. Вотъ ты, братъ, чѣмъ промышляешь. (*На ухо*). Скажи: намеднишняя, что ли, или другая? Ты плутъ вѣдь большой руки.

Митька.

Другая!...

САВВА САВВИЧЪ.
Хорошенькая?...

МИТЬКА.
Самая дрянная... отойдите только прочь до грѣха.

САВВА САВВИЧЪ.
Эге, братъ, расхорохорился, очень важенъ, велика птица!

МИТЬКА.
Не велика птица, да ноготокъ остеръ.

САВВА САВВИЧЪ.
Что, что, забылся, каналья! А ты знаешь ли, съ кѣмъ ты говоришь? не съ своимъ братомъ связался, почище тебя, голубчикъ, тораздо почище; я тебя скручу, знаешь какъ; я упеку тебя куда воронъ костей не заносилъ, я тебѣ...

МИТЬКА.
Ну, ладно... а я отучу тебя бѣгать за честными дѣвками.

САВВА САВВИЧЪ.
Увидимъ!

МИТЬКА.
Увидимъ!

САВВА САВВИЧЪ.
Да что ты въ-самомъ-дѣлѣ, бездѣльникъ! Вотъ я тебя...

МИТЬКА.
Хорошо, ошорох, ошорох.

САВВА САВВИЧЪ.
Берегись, не трогай.

САВВА САВВИЧЪ.
А что будетъ?

МИТЬКА.
Да нехорошо будетъ. (Стоять въ позиціи; Ма-

ша, которая украдкой выглядывала изъ окна, вскрикиваетъ: «Господи! что-то будетъ)!..»

САВВА САВВИЧЪ.

Ларька! а Ларька! Вѣдь онъ пожалуй... знаешь.

ЛАРЬКА.

Таковскій, сударь.

САВВА САВВИЧЪ.

Ахъ, мерзавецъ этакой, вотъ постой-ка, ужъ я съ тобой справлюсь. Ларька, ступай къ головѣ, попроси ко мнѣ пуншику выпить. Нѣтъ, постой, самъ ужъ пойду. А... а... вотъ увидимъ... чья возьметъ, посмотримъ, будешь ли меня помнить. (На дворъ совершенно свѣтло; ямщики просыпаются и встаютъ).

МИЯТКА.

Никакъ народъ встаетъ, спросятъ зачѣмъ я здѣсь шатаюсь; пойду лошадокъ покормить. Счастливо оставаться, ваше благородіе (смѣется), а драться не извольте. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

САВВА САВВИЧЪ и ЛАРЬКА.

САВВА САВВИЧЪ.

Смѣйся, смѣйся... надѣнуть на тебя бѣлую ленту черезъ плечо, будешь ты у меня смѣяться... тьфу пропасть! и охота таковская была, что стыдно сказать. Хоть бы голубь попался, хоть бы пигалица...

Ларька, водки!

ЛАРЬКА.

Вотъ, сударь!...

САВВА САВВИЧЪ (пьетъ и остальнымъ въ стаканчикъ брызгаетъ въ лицо Ларьки. Ларька глупо смѣется).

А все ты виновать!...

ЛАРЬКА.

Я-съ?... (Смѣется).

САВВА САВВИЧЪ.

Вотъ, смѣйся, я тебя нагайкой разсмѣшу, мошенника.

ЛАРЬКА.

Да чѣмъ же я, сударь, виновать?

САВВА САВВИЧЪ.

А забылъ, что ли, я у тебя спрашивалъ вчера, какую на счастье заперчь въ бѣговья, саврасую или иноходца... ты и говоришь: «прикажете, сударь, потѣшнаго заперчь. Охота отличная будетъ». Я съ дуру и послушался. Что жь, мошенникъ? Вѣдь ничего не нашли. Какъ нарочно. Всѣ ноги исходилъ по болотамъ, измокъ, какъ карась (Ларька хочетъ удержаться отъ смѣху), проголодался какъ собака... (Ларька опять смѣется); а хоть бы въ курицу выстрѣлилъ. (Ларька продолжаетъ смѣяться). Что жь ты смѣешься, бездѣльникъ!...

ЛАРЬКА.

Я-съ-пф-я-съ-ничего-съ.

САВВА САВВИЧЪ.

Вотъ я научу тебя надъ бариномъ смѣяться? (Беретъ Ларьку за ухо. Ларька визжитъ и плачетъ).

ЛАРЬКА.

Ай, ай, сударь, не буду!... ей Богу, не буду!

САВВА САВВИЧЪ.

Ну, то-то же, смотри. Что, фриштикъ есть въ сумкѣ?

ЛАРЬКА.

Никакъ нѣтъ-съ, вы не приказывали брать.

САВВА САВВИЧЪ.

Экой мошенникъ! Вѣдь нѣтъ того, чтобъ подумать о баринѣ! Ну, да постой... вотъ доберемся до дому, такъ ужъ тамъ разсчитаемся.

ЛАРЬКА (плаксиво).

Да чѣмъ же я виновать, сами изволили говорить: настрѣляю дичи къ фриштику и поѣду фриштикать на станцію къ Николаю Иванычу, смотрителю... я ему обѣщалъ-де дупелей.

САВВА САВВИЧЪ.

Вотъ разсуждай-ка еще, я тебя!... (Стучится въ избу). Эй вы, олухи, бороды, спите, что ли? оглохли! Что это? Чортъ бы васъ подралъ, не достучишься!...

МАША (изъ избы).

Кто тамъ?

САВВА САВВИЧЪ.

Эй, баба, пошевеливайся. Не-то непристойное слово скажу. Эй, ей, ну.

МАША (у окна).

Что вамъ надо?

САВВА САВВИЧЪ.

Ба, ба, это намеднишняя. Ларька, какова канарейка? Знай нашихъ! (Снимаетъ картузъ, по-

правляетъ виски и любезничаютъ). Здорово, моя красотка. Давно не видались... не спознала, что ли?

Маша.

Нѣтъ-съ, не спознала. (Про себя). Экой лѣшій!

Савва Саввичъ.

Какъ, а намедни ты отъ меня убѣжала, помнишь ли?

Маша.

Гдѣ мнѣ помнить? Наше дѣло дѣвичье, неразумное. Я и со двора никуда не хожу.

Савва Саввичъ (хохочетъ).

Пф, пф, ха, ха, ха! а давиче-то я засталъ здѣсь тебя съ молодчикомъ? Ха, ха! дѣло самое дѣвичье.

Маша.

Вы зачѣмъ стучались?

Савва Саввичъ.

Ну, не сердись, красавица!... Параша, что ли?

Маша.

Нѣтъ!

Савва Саввичъ.

Авдотья?

Маша.

Нѣтъ.

Савва Саввичъ.

Арина?

Маша.

И, нѣтъ. Да вамъ на что; чего вамъ надобно?

Савва Саввичъ.

Да нѣтъ ли закусить чего? Хоть хлѣбца ржаного: проголодался совсѣмъ.

МАША.

Сейчасъ подамъ.

САВВА САВВИЧЪ.

Ларька, хороша, что ли, птица?

ЛАРЬКА.

Прикрасная!!

САВВА САВВИЧЪ.

Ахъ ты мошенникъ! (Хочетъ взять его за ухо, Ларька вывертывается и глупо смѣется).

МАША (подаетъ изъ окна ломоть хлѣба).

Вотъ тебѣ, баринъ! кушай на здоровье.

САВВА САВВИЧЪ.

Ай-да, спасибо. Ей-ей, ну, право, раскрасавица. Да чортъ ли тебѣ въ этомъ ямщикѣ? Кажется, вѣдь я его не похуже... не упрямся, ягода моя. Дай-ка поблагодарить тебя отъ чистаго сердца. (Лѣзетъ на завалину, Маша опускаетъ окно на пальцы Саввы Саввича). Ой, ой... тѣфу ты пропасть, опять пуделя далъ, и все этотъ проклятый ямщикъ! Ужъ я его! Ларька!

ЛАРЬКА.

Что, сударь?

САВВА САВВИЧЪ.

А какъ ямщика-то не будетъ, вѣдь дѣвка будетъ посговорчивѣе?

ЛАРЬКА.

Какъ прикажете-съ.

САВВА САВВИЧЪ.

Болванъ! Вѣдь они чужіе, что станешь тутъ дѣлать?... А... водки...

ЛАРЬКА.

Вотъ-съ, сударь. (Савва Саввичъ пьетъ и брызгаетъ въ лицо Ларьки; Ларька смѣется; около станціи суматоха. Слышенъ стукъ экипажа).

САВВА САВВИЧЪ.

Э-ге, кто-то подъѣхалъ. Сбѣгай-ка, Ларька, посмотри. Въ тарантасѣ что ли?

ЛАРЬКА (бѣжитъ за кулису и возвращается).

Нѣтъ-съ, въ каретѣ.

САВВА САВВИЧЪ.

А, въ каретѣ. (Поправляетъ виски). Гляди-ка, кто вышелъ.

ЛАРЬКА (опять бѣжитъ за кулису и возвращается).

Господинъ какой то.

САВВА САВВИЧЪ.

Одинъ, что ли?

ЛАРЬКА.

Одинъ-съ.

САВВА САВВИЧЪ.

Съ крестомъ на шеѣ?

ЛАРЬКА.

Нѣтъ-съ, со звѣздой.

САВВА САВВИЧЪ.

А, со звѣздой. (Застегиваетъ кафтанъ). Видно, генералъ. Ступай-ка, узнай, какъ фамилія.

ЛАРЬКА.

Сейчасъ узнаю. (Бѣжитъ. Савва Саввичъ бѣжитъ за нимъ).

САВВА САВВИЧЪ:
Постой, мошенникъ! куда ты?

ЛАРЬКА.

Да вѣдь вы послали.

САВВА САВВИЧЪ.

Постой, говорятъ тебѣ! Надо быть поосторожнѣе. Вѣдь генераль... Да никакъ сюда идутъ. Послушай, проводи-ка задами потѣшнаго къ головѣ... шагомъ, слышишь ли... Да скажи, что мнѣ надо съ нимъ переговорить нынѣ же. Ну, живо. Маршъ. *(Ларька бѣжитъ черезъ всю сцену, свиститъ, прыгаетъ и кувыркается).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

САВВА САВВИЧЪ, СЕВЕРИНЪ, СМОТРИТЕЛЬ, идутъ
и говорятъ.

СЕВЕРИНЪ.

Такъ нѣтъ лошадей?

СМОТРИТЕЛЬ.

Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство! Ей-Богу, никакъ нѣтъ-съ... не угодно ли будетъ въ книгу взглянуть? *(Всторону).* Ну, будетъ сейчасъ гроза. Сейчасъ начнется!

СЕВЕРИНЪ.

Много, видно, проѣзжающихъ?

СМОТРИТЕЛЬ.

Много, ваше превосходительство, чрезвычайно много, почта прошла утромъ. Два эстафета, а всего три тройки по положенію. Сами изволите знать...

(Всторону). Ну, вотъ сейчасъ разсердится. Какъ бы не сробѣть только.

СЕВЕРИНЪ.

Долго прійдется мнѣ здѣсь ждать?

СМОТРИТЕЛЬ.

Часа четыре, ваше превосходительство, небольшое. Только прійдутъ лошади, не кормя велю закладывать. (Всторону). Странный человѣкъ! не сердится. Не бранится! Что бы это значило? Не понимаю.

СЕВЕРИНЪ.

Не безпокойся, любезный, я и подождать могу. Мнѣ не къ-спѣху.

СМОТРИТЕЛЬ (всторону).

Фу ты пропасть! страшно становится. Что же онъ не кричитъ? (Вслухъ). Да ваше превосходительство не прикажете ли изъ обывательскихъ? Здѣсь вольныя нанимаются. Лишку немного приплатить изволите. А кони хорошіе.

СЕВЕРИНЪ.

Нѣтъ! я подождать могу.

СМОТРИТЕЛЬ (всторону).

Ну, бѣда... бѣда!... (Вслухъ). Не погубите, ваше превосходительство, право, лошадей у меня нѣтъ. Ну, посмѣлъ ли бы я отказать такой особѣ, какъ ваше превосходительство? Вотъ-те, ну, вотъ право нѣтъ.

СЕВЕРИНЪ.

Будь спокоенъ, братецъ.

СМОТРИТЕЛЬ (всторону).

Ну, пропалъ.

САВВА САВВИЧЪ (который все это время вертѣлся около Северина, не смѣя къ нему подойти, на цыпочкахъ подкрадывается къ зрителю).

Тсъ, тсъ, Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ!...

СМОТРИТЕЛЬ.

Отойдите прочь! Не до васъ теперь.

САВВА САВВИЧЪ.

Какъ фамилія?

СМОТРИТЕЛЬ.

Послѣ скажу.

САВВА САВВИЧЪ.

Министръ, что ли?

СМОТРИТЕЛЬ.

Ахъ! да отвяжитесь, ради Бога.

СЕВЕРИНЪ.

А какъ называется ваша станція?

СМОТРИТЕЛЬ (всторону).

Ну, такъ и есть; записать хочетъ! (*Вслухъ*).

Ваше превосходительство, семейство. Отецъ, восемь дѣтей малолѣтнихъ. Всѣ въ разгонѣ. Чѣмъ же я виновать. Почта, эстафеты, извольте въ книгѣ посмотреть. (*Плаксиво*). Ваше превосходительство!

СЕВЕРИНЪ.

Будь спокоенъ (смотритъ кругомъ, какъ-будто узнаетъ мѣсто)... Но эта станція... эти до-

ма... Когда я былъ еще молодъ... Какъ зовутъ это село?

САВВА САВВИЧЪ (подбѣгаетъ и кланяется).

Село Завьялово, ваше превосходительство.

СЕВЕРИНЪ.

Какъ?...

САВВА САВВИЧЪ.

Село Завьялово, Оврашкино тожъ.

СЕВЕРИНЪ (всторону).

Да, да; такъ точно. (Вслухъ). Скажите, здѣсь зимоваль однажды гусарскій полкъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ?

САВВА САВВИЧЪ.

Не могу доложить-съ. Николай Ивановичъ, стоялъ здѣсь гусарскій полкъ?

СМОТРИТЕЛЬ.

Такъ точно, ваше превосходительство. Когда я опредѣлился сюда изъ курьеровъ московскаго почтамта станціоннымъ смотрителемъ, въ народѣ только и было разговоровъ о гусарахъ. (Подшучиваетъ). Весело-съ погуливали. Офицеры были-съ съ капиталомъ, и молодцы молодцами-съ! До-сихъ-поръ поминаютъ... Усы вотъ этакіе, ментики на распашку...

САВВА САВВИЧЪ (щелкая по воротнику).

И подъ-шефе, чай?

СМОТРИТЕЛЬ.

Да-съ, извѣстное дѣло. Люди молодые. Всяко бывало. Очень весело живали-съ. Краснымъ дѣвушкамъ проходу не бывало по улицѣ.

СЕВЕРИНЪ.
Здѣсь была одна... дѣвушка... кажется, Аннушка, дочь старосты? *(Припоминаетъ)*.

СМОТРИТЕЛЬ.
Петра Коршунова, что ли?

СЕВЕРИНЪ.
Да, такъ точно. Что, она жива?

САВВА САВВИЧЪ.
А-га! видно, охотникъ...

СМОТРИТЕЛЬ.
А! ваше превосходительство изволили объ этомъ слышать? Куріозная исторія! Красавица, говорятъ, была. Вы изволили ее видѣть!

СЕВЕРИНЪ.
Нѣтъ... нѣтъ... я слыхалъ о ней отъ одного пріятеля. Что же, она жива?

СМОТРИТЕЛЬ.
И, нѣтъ-съ, давно померла-съ.

СЕВЕРИНЪ *(съ смущеніемъ)*.
Право?... А какая же это исторія, о которой ты говорилъ?

СМОТРИТЕЛЬ.
Не могу обстоятельно доложить-съ, а въ народѣ вотъ что говорятъ. Былъ здѣсь старикъ староста, жилъ съ своей старухой. Люди были съ достаткомъ, то есть, ваше превосходительство изволите знать достатокъ деревенскій: были свои коровушки, да лошади, да дочь была одна всего-на-все. Парней не было. Вотъ-съ, пришелъ полкъ. Имъ въ избу и поставили офицера, какъ, бишь, его звали... забылъ, виноватъ, ну, да всё-равно. Какъ поставили офицера

въ избу,—а изба у нихъ была такая чистая — офицеръ, извѣстное дѣло, ваше превосходительство, человекъ молодой (*подшучиваетъ*), жилъ въ столицахъ, зналъ какъ обращаться... Дѣвка молодая, собой красавица-съ... Старикамъ гдѣ усмотрѣть: ну, и загуляла.

САВВА САВВИЧЪ (*хохочетъ*).

Ай-да молодецъ!

СЕВЕРИНЪ.

Ну, а потомъ?

СМОТРИТЕЛЬ.

Потомъ-съ полкъ вышелъ. Офицера, какъ водится, поминай какъ звали, да правду сказать, чѣмъ же онъ и виновать? Человекъ молодой-съ.

СЕВЕРИНЪ.

А она что?

СМОТРИТЕЛЬ.

Ну, ваше превосходительство, ужь деревенское извѣстное дѣло. Ей-то на улицахъ проходу не бывало: все мальчишки пальцами указывали, дѣвки въ хороводы не пускали... И странно-съ: народъ, кажется, не деликатный, а году не прожила. (*Молчаніе*).

СЕВЕРИНЪ.

А старики?

СМОТРИТЕЛЬ.

Да что жь имъ дѣлать-съ? Простили, промаялись немного,—съ-полгода, что ли; достатокъ распустили, сиротами померли.

СЕВЕРИНЪ.

Съ горя, съ печали?

СМОТРИТЕЛЬ.

Должно быть такъ-съ.

СЕВЕРИНЪ.

Съ печали! И никого не осталось?

СМОТРИТЕЛЬ.

Нѣтъ-съ, у Аннушки той остался сынъ, то есть, не совсѣмъ, изволите видѣть, правильный, а парень, впрочемъ, хорошій. Хмѣлькомъ иногда зашибаетъ: ну, да это дѣло молодое... А какую хотите тройку вспарить.

СЕВЕРИНЪ.

Онъ здѣсь?

СМОТРИТЕЛЬ

Да-съ, около станціи.

СЕВЕРИНЪ.

Да чѣмъ же онъ?

СМОТРИТЕЛЬ.

Какъ чѣмъ-съ? ямщикомъ. Да онъ никакъ съ вами поѣдетъ.

СЕВЕРИНЪ.

Ямщикъ, — а они всѣ померли... (*Садится на скамейку и впадаетъ въ глубокую задумчивость*).

САВВА САВВИЧЪ (*на ухо смотрителю*).

Министръ, что ли?

СМОТРИТЕЛЬ.

Отставной генераль.

САВВА САВВИЧЪ.

Но въ службѣ?

СМОТРИТЕЛЬ.

Я вамъ говорю, отставной.

САВВА САВВИЧЪ.

А! нашъ братъ помѣщикъ. Кажется, проказникъ?

СМОТРИТЕЛЬ.

Какой, не знаю, что съ нимъ дѣлать. Какъ вы думаете, не предложить ли ему чайку?

САВВА САВВИЧЪ.

Съ ромомъ.

СМОТРИТЕЛЬ.

А что? въ-самомъ-дѣлѣ? велю самоваръ поставить.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ ЖЕ. кромѣ Смотрителя.

САВВА САВВИЧЪ (развязно подходитъ къ Северину, который, задумавшись, его не слышитъ).

Генералъ! вы, какъ кажется, любите хорошенькихъ, чортъ побери! Да, знаете, генералъ, я и самъ большой охотникъ... Вотъ изволите видѣть это окно? Тутъ такая красotka, что у васъ въ глазахъ зарябить. Только ужъ чуръ не отнимать... Вы вѣдь, генералъ, я вижу... Впрочемъ, если вы намѣрены здѣсь немного остаться, милости просимъ ко мнѣ; честь имѣю рекомендоваться: (кланяется) отставной поручикъ Савва Саввичъ Гренчиковскій. Я жи-

ву въ своей усадьбѣ, въ трехъ верстахъ отсюда. Коли охоту, генераль, жалуете,—не люблю хвастаться, а надо сказать правду,—у меня собаки первыя въ уѣздѣ. Если любите, генераль, выпить, я васъ такимъ ромчикомъ уважу, что прямо изъ Питера отъ перваго мастера, и знаете, въ карточки, генераль, можемъ срѣзаться, да тамъ еще прочаго другаго не такъ для единой единственности, какъ совершеннаго компанства. Ха! ха! ха!

СЕВЕРИНЪ.

Съ горя, съ печали... сѣдые волосы, стыдъ, смерть...

САВВА САВВИЧЪ.

А вѣдь правду сказать, въ деревнѣ чѣмъ не житье? право-ну. Дѣлать нечего?—Велишь заложить себѣ тройку, да самъ сядешь править: эхъ, тарарахъ, тахъ, тахъ; пыль столбомъ!

СЕВЕРИНЪ.

А! вы тоже ямщикъ?

САВВА САВВИЧЪ.

Помилуйте, генераль! Что это значить? Вы меня обижаете: я не какой-нибудь ямщикъ, я поручикъ въ отставкѣ. Служилъ бы, былъ бы теперь штабсъ-капитаномъ. Что вы думаете?... Да что это отъ него слова порядочнаго не добьешься? А-га, генераль! видно, на окно поглядываете? Да поздно пожаловали: тутъ ужъ ямщикъ проклятый завладѣлъ крѣпостью. Да мы его спровадимъ; уладимъ дѣло съ головой; хоть сто рублей подарить, а ужъ я его выживу; наденемъ на него лямку, а тамъ миролюбиво сдѣлаемся. Пойду похлопотать... чья возьметъ; только,

чуръ, генералъ, не обманывать, не обманывать. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

СЕВЕРИНЪ одинъ.

Обмануть, обольстить, презирать самого себя, погубить невинную дѣвушку, зарѣзать старика, бросить сироту на бѣдность и поруганіе, — хорошія, добрыя дѣла! сладкое утѣшеніе въ старости! (*Садится*). Молодость, молодость! зачѣмъ ты не слушаешь совѣтовъ опыта? Много печалей ты не узнала бы никогда, много бы грѣховъ не тяготили твою совѣсть! Да! не хорошо тратить жизнь и совѣсть по-пустому. Не хорошо хвалиться своимъ развратомъ и жить только для соблазна и обмана. Скоро проходятъ минуты шумнаго самозабвенія, а тамъ что? Старость, болѣзнь, одиночество, скука, раскаяніе... (*Впадаетъ въ задумчивость*): Бѣдная Аннушка! какъ она меня любила, какъ просто, какъ сильно и безкорыстно! Люди, испорченные свѣтомъ, не поймутъ всей неограниченности чувства въ душѣ первобытной. А мы смѣялись тогда съ товарищами надъ этимъ чувствомъ, которое было бы теперь лучшимъ сокровищемъ моей жизни. Совѣсть проснулась наконецъ. Грѣхъ во всемъ безобразіи, какъ тѣнь, возставшая изъ могилы, неподвижно стоитъ передо мною и грозитъ мнѣ неумолимымъ упрекомъ. Умерла въ горѣ, въ нищетѣ, въ посрамленіи, и тамъ, на предвѣчномъ судилищѣ, она обвиняетъ меня теперь, а съ нею рядомъ, отворотившись отъ нея, стоятъ убитые мною

старики и шепчуть мнѣ проклятіе; а когда и я предстану съ ними... что же буду отвѣчать? А?...

Но казнь моя уже здѣсь, ужъ на землѣ началась для меня. Буйные товарищи всѣ лежатъ въ могилѣ, я одинъ, вѣчно одинъ, безъ привязанности, безъ опоры. Съ недугомъ въ груди, съ камнемъ на совѣсти, и никто не согрѣетъ душу. Никто не закроетъ мнѣ глазъ, никто не пойдетъ со слезами за моимъ гробомъ. Тяжело умирать одному! одному!... Да, въ цѣломъ свѣтѣ и есть у меня только одинъ сынъ. И тотъ меня не знаетъ... и тотъ для меня вѣчный укоръ, и тотъ ямщикъ, простой ямщикъ! (*Утираетъ слезы*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

СЕВЕРИНЪ и МАША.

МАША (*боязливо посматриваетъ на Северина и робко къ нему подходитъ*).

Баринъ!...

СЕВЕРИНЪ.

А что тебѣ надобно?

МАША.

До вашей милости...

СЕВЕРИНЪ (*сурово*).

Ну!...

МАША (*испугавшись*).

Нѣтъ-съ! такъ, ничего... я не стану беспокоить! (*Хочетъ уйти*).

СЕВЕРИНЪ (*ласково*).
Не бойся, дѣвушка, говори смѣлѣе...

МАША.

Да не знаю какъ и молвить, баринъ. Вѣдь наше дѣло дѣвичье, неразумное, никуда не выходимъ, не смѣю, право.

СЕВЕРИНЪ.

Ну, будь смѣлѣе.

МАША.

Да никакъ дѣвущкѣ нельзя о такихъ дѣлахъ баять... Вы не скажете матушкѣ?

СЕВЕРИНЪ.

Не скажу, будь спокойна.

МАША.

Право не скажете?

СЕВЕРИНЪ.

Право.

МАША.

А то вѣдь мнѣ глазъ нельзя будетъ домой показать.

СЕВЕРИНЪ.

Да говори же, въ чемъ дѣло?

МАША.

Да вотъ-съ не смѣю, право... стыдно... вотъ что... Дмитрія хотятъ въ некруты везти.

СЕВЕРИНЪ.

А кто это Дмитрій?

МАША.

Здѣшній ямщикъ. Онъ поспорилъ съ Саввой Саввичемъ; Савва Саввичъ, негодной такой, пошелъ къ головѣ жаловаться, и того гляди будетъ бѣда.

СЕВЕРИНЪ.

А за что онъ поссорился?

МАША.

Да изволишь видѣть, баринъ-то, не смѣю мол-
вить... ухаживать любить за дѣвушками, вздумалъ,
такъ сказать...

СЕВЕРИНЪ.

И за тобой ухаживать?

МАША.

Такъ точно.

СЕВЕРИНЪ.

А... а... и Дмитрію это не нравится?

МАША.

Такъ точно... Можетъ ли это ему быть по сердцу?

СЕВЕРИНЪ.

Этотъ Дмитрій тебѣ родня?

МАША.

Нѣтъ.

СЕВЕРИНЪ.

Женихъ?

МАША (краснѣя).

Нѣтъ-съ.

СЕВЕРИНЪ.

Ты его любишь?

МАША.

Ахъ, какъ можно! матушка не позволить, онъ
нашъ, такъ, знакомый, бѣдный сирота. Жалко его,
безъ защиты, даромъ пропадаетъ.

СЕВЕРИНЪ.

Сирота, говоришь ты. Да что же я могу тутъ

сдѣлать? (*Помѣщикъ Савва Саввичъ и Ларька проходятъ въ углубленіи и смѣются*).

МАША.

Да вы, я слышала, баринъ, анераль. Какъ прикажете, такъ и будетъ: голова противъ васъ не по-смететь. Не откажите, ваше благородіе. Заступитесь за сироту безроднаго. Ни отца, ни матери, вся надежда на добрыхъ людей...

СЕВЕРИНЪ (*тронутый*).

Хорошо, хорошо, увидимъ... Все, что смогу, я сдѣлаю, чтобъ помочь твоему горю...

ГОЛОСЪ СТАРУХИ ИЗЪ ОКОШКА.

Маша, а Маша, гдѣ это ты? полно по порядку шататься.

МАША.

Слышите, баринъ, не говорите матушкѣ о чемъ я васъ просила.

СЕВЕРИНЪ.

Хорошо, хорошо.

МАША.

Не то я пропаду совсѣмъ. Матушка грозная такая. Умру со страху.

СЕВЕРИНЪ.

Будь спокойна.

МАША.

Ну, ладно... не забудьте же... (*Ласкательно*).
Знаете... пожалуйста, баринъ!... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

СЕВЕРИНЪ, САВВА САВВИЧЪ и ЛАРЬКА.

САВВА САВВИЧЪ (*подтрунивая*).

Эй, ха, ха, ха!... Ваше превосходительство...

времени тратить не изволите... а въ уговорѣ не было. Грѣшно вамъ у насъ бѣдныхъ людей, хлѣбъ отнимать.

СЕВЕРИНЪ.
Что́ это значить?

САВВА САВВИЧЪ.

Да значить, что, видно, генералъ, вы не промахъ. И ѣхать не хотите... Да и занятіе себѣ нашли. (*Въ-полголоса*). Скажите-ка по правдѣ, что она съ вами поговорчивѣе?

СЕВЕРИНЪ.

Кто?

САВВА САВВИЧЪ.

Ну, да... вотъ... что́ отъ меня спряталась... Экая продувная!

СЕВЕРИНЪ.

Какъ, вы смѣете думать?

САВВА САВВИЧЪ.

Та, та, та... Не сердитесь, ваше превосходительство. Дѣло вѣдь явно... что, не барахтается... любовно кончили... или поплатиться изволили? Ха, ха, ха...

СЕВЕРИНЪ.

Перестаньте, пожалуйста; я не люблю такихъ шутокъ...

САВВА САВВИЧЪ.

Перестать... нѣтъ... нѣтъ, какъ угодно, а ужь не перестану... Я и самъ за нею ухаживаю. Посмотримъ еще, чья возьметъ?... Благо, что не неприступная; мы и сами, изволите видѣть, похлопотать съумѣемъ о собственной надобности.

СЕВЕРИНЪ.
Негодяй!

САВВА САВВИЧЪ.

Браниться? Что же вы думаете? что вы генералъ? Да вѣдь въ отставку! насъ не проведешь! Мы не такіе деревенскіе... кое-что сами знаемъ.

СЕВЕРИНЪ.
Отойдете ли вы отъ меня?

САВВА САВВИЧЪ.

Ларька! а, Ларька!

ЛАРЬКА.

Что, сударь?

САВВА САВВИЧЪ.

Бранится, кажется?

ЛАРЬКА.

Бранится, сударь!...

САВВА САВВИЧЪ.

Ай-да хватъ!... Забираетъ чужое, да еще пикнуть не смѣй... Ларька!...

ЛАРЬКА.

Что, сударь?

САВВА САВВИЧЪ.

Сыиграемъ-ка штуку...

ЛАРЬКА.

Какъ прикажете?

САВВА САВВИЧЪ.

Болванъ! Извѣстно, какъ прикажу... Слышь-ка...
(Говоритъ ему на-ухо, Ларька хохочетъ).
Да не смѣйся же, болванъ, догадается. (Вслухъ).
Не угодно же вамъ быть за-одно, ваше превосходительство, такъ ужь не взыщите... одни распорядимъ-

ся... (Северинъ бросаетъ на него презрительный взглядъ). Вишь, какой грозный... Пойдемъ-ка, Ларька. На водку дамъ.

ЛАРЬКА.

Ой-ли?... Что же пожалуйста?

САВВА САВВИЧЪ.

Пряникъ...

ЛАРЬКА.

Лошадку... что ли?

САВВА САВВИЧЪ.

Хоть лошадку... Ну, маршъ... (Грозитъ Северину и уходитъ, смѣясь и шушукая съ Ларькой).

СЕВЕРИНЪ (одинъ).

Да, у Аннушки остался сынъ. Какъ бы увидѣть его... какъ бы обнять его... Кто знаетъ, я, быть-можетъ, могу его взять къ себѣ... Могу воспитать его, и онъ въ одинокой и болѣзненной старости будетъ мнѣ утѣшеніемъ и опорой. А что это?

ЯВЛЕНІЕ XI.

СЕВЕРИНЪ и МИТЬКА. Изъ-дали идетъ Митька, немного подгулявши и поетъ держась за-ухо: «Во лузяхъ, ахъ-то во лузяхъ, зеленыхъ-то моихъ.

МИТЬКА.

Баринъ, ты что ли прогоны отдаешь? Прикажи-ка шестерикъ запречи. Полно скупиться. Лихо покачу. Ей-Богу съ горки на горку. Валяй-себѣ. Эй вы, соколики. Глядь-ка, полтинникъ самъ дашь на водку. Право-ну, прикажи-ка, ваша милость.

СЕВЕРИНЪ (разсматриваетъ его).

Ты со мной ѣдешь?

МИТЬКА.

Да, кажись такъ. Дядя Семенъ взялъ пятиалтынный, сладу барина-то продалъ. Баринъ, говоритъ, хорошій, не лааетъ и не дерется, и на водку далъ четвертакъ.

СЕВЕРИНЪ (разсѣянно).

А развѣ пріѣзжающіе шумятъ съ вами?

МИТЬКА.

Да еще какъ. Иной разъ пріѣзжающій такъ свиснетъ по-уху, что и оглянуться не успѣешь. Да что тутъ! не гоняться знать за эвтимъ. Да братъ-то нашъ знаетъ отъ кого и стерпѣть. Не всякой суйся. Намедни везъ я какого-то нѣмца на парѣ (смыется)... Какъ вздумалъ нѣмецъ погрозить мнѣ пальцемъ, а я покажи ему кнутъ, не бойсь, присмирѣлъ.

СЕВЕРИНЪ.

Въ его чертахъ, въ его голосѣ что-то знакомое—страшно... не-уже-ли? — Другъ мой, скажи мнѣ... ты чей сынъ?...

МИТЬКА.

А тебѣ баринъ, на что?

СЕВЕРИНЪ.

Такъ, ничего, мнѣ рассказывалъ смотритель про дочь Петра Коршунова.

МИТЬКА.

Про мою матушку?

СЕВЕРИНЪ.

Такъ она точно твоя мать? Ты сынъ ея!

МИТЬКА.

Вѣстимо, что сынъ.

СЕВЕРИНЪ.

Какъ! Боже мой... ты... я...

ЯВЛЕНІЕ X.

ТЪ ЖЕ и СМОТРИТЕЛЬ.

СМОТРИТЕЛЬ.

Что́ это ты, негодяй, здѣсь дѣлаешь? Вотъ я велю съ тебя всю шкуру содрать. Въ кабакъ сидѣлъ, меррррзавецъ. Напляшешься же ты у меня, сотъ пять горячихъ влѣплю, чтобъ помнилъ свое дѣло, канала. Извините, ваше превосходительство, человѣкъ глупый. Выпивши немного, самъ не знаетъ что́ мелеть. Ну, пошелъ же въ ямъ, выводил лошадей. (*Указывая на Северина*). Вѣдь ты ихъ превосходительство заставляешь дожидаться, а потомъ на мнѣ и взыскиваютъ, бѣдномъ человѣкѣ... Ну, проваливай, бездѣльникъ. Ахъ, ты Господи Боже мой, что́ это за народъ...

СЕВЕРИНЪ.

Не смѣй его трогать!...

СМОТРИТЕЛЬ.

Ничего, ваше превосходительство. (*На-ухо*). Это такъ, для острастки. Дратся намъ не велѣно... Такъ хоть-бы словами ихъ попугать, а то, право, ваше превосходительство, просто не знаешь какъ съ ними сладить.

СЕВЕРИНЪ.

Ну, ступай же прочь.

СМОТРИТЕЛЬ.

Какъ, я... ваше превосходительство, послушайте, я пришелъ доложить, что самоваръ готовъ.

СЕВЕРИНЪ.

Оставь меня съ нимъ.

СМОТРИТЕЛЬ.

Ваше превосходительство шутить изволите. Онъ вѣдь и не знаетъ, какъ говорить съ такой особой... Ну, проваливай, дрянъ этакая.

СЕВЕРИНЪ.

Ну, полно же!...

СМОТРИТЕЛЬ.

Мерзавецъ, ваше превосходительство, мерзавецъ, горлопай такой. Словно важный человѣкъ — а у самого-то ни кола, ни двора. Отца не видать, а мать-то... я докладывалъ давеча, что съ офицерами-то гуляла.

СЕВЕРИНЪ..

Молчи, бездѣльникъ!

СМОТРИТЕЛЬ (всторону).

А! начинаетъ сердиться. Когда-то онъ отправится. (*Вслухъ.*) Ваше превосходительство? Вотъ ей-Богу, курьерскихъ приказалъ дать послѣднихъ. Приѣдетъ курьеръ — бѣда будетъ. Ну, да ужь я увѣренъ, что ваше превосходительство меня не забудете. Заступитесь за бѣднаго человѣка.

СЕВЕРИНЪ.

Не нужно... я здѣсь останусь.

СМОТРИТЕЛЬ.

Знатныя лошади, самыя фельдъегерскія.

СЕВЕРИНЪ (съ бльшенствомъ).

Я здѣсь останусь!—Говорять тебѣ, что я здѣсь останусь!

СМОТРИТЕЛЬ (всторону).

Ну, слава Богу, разсердился. Теперь покричить, да уѣдетъ... Велю все-таки закладывать. Уйдешь ли ты, мошенникъ? (Северинъ беретъ ямщика за руку и показываетъ смотрителю, чтобъ онъ ушелъ. Смотритель низко кланяется и уходитъ, пожимая плечами).

ЯВЛЕНІЕ XI.

СЕВЕРИНЪ и **МИТЬКА** стоятъ нѣсколько времени въ молчаніи,

СЕВЕРИНЪ.

Какъ тебя зовутъ?

МИТЬКА.

Митькой.

СЕВЕРИНЪ.

А по отчеству?

МИТЬКА.

Да у меня нѣтъ отчества!... Велѣли называться Петровичемъ... по мнѣ пожалуй.

СЕВЕРИНЪ.

Кто же тебѣ велѣлъ?

МИТЬКА.

Да вотъ староста церковный.

СЕВЕРИНЪ.

А какъ твое прозвище?

МИТЬКА.

Да какое прозвище. Митька бобыль... такъ и зовутъ.

СЕВЕРИНЪ.

Такъ у тебя нѣтъ отца?

МИТЬКА.

Вѣстимо, что нѣтъ.

СЕВЕРИНЪ.

Скажи... а тебѣ жаль... ты грустишь о томъ, что у тебя нѣтъ отца?

МИТЬКА (смѣется).

Вотъ пустяки. Нѣтъ батъки, такъ нѣтъ. Вотъ-те и все.

СЕВЕРИНЪ.

А мать свою ты помнишь?

МИТЬКА.

Нѣтъ, не помню... А слыхать такъ слышалъ.

СЕВЕРИНЪ.

Отъ кого же?

МИТЬКА.

Да отъ церковнаго старосты. И молиться за душу приказалъ... (Съ чувствомъ). Бѣдная, баеть, горемычная была.

СЕВЕРИНЪ.

И ты за нее молишься?

МИТЬКА.

Каждодневно утромъ и вечеромъ. Какъ не молиться!

СЕВЕРИНЪ.

И за отца тоже?

МИТЬКА.

За отца... зачѣмъ... я объ немъ только и слышалъ, что матушка отъ него пошла въ могилу... Богъ съ нимъ... я не хочу за него молиться. (*Молчаніе*).

СЕВЕРИНЪ.

Скажи-ка, Дмитрій...

МИТЬКА.

Митька!

СЕВЕРИНЪ.

Всё-равно. Ты бы хотѣлъ сдѣлаться богатымъ?..

МИТЬКА.

Ась!

СЕВЕРИНЪ.

Чтобъ было у тебя много денегъ и могъ бы ты жить на своей волѣ?

МИТЬКА (*смѣется*).

Вѣстимо хотѣлъ бы. Какъ не хотѣть!

СЕВЕРИНЪ (*всторону*).

Такъ я не ошибся... я не буду болѣе одинъ. Я съ собой его возьму, я заставлю его любить себя... (*Вслухъ*). Такъ ты радъ будешь выйти изъ твоего состоянія?

МИТЬКА.

Коли не радъ.

СЕВЕРИНЪ (*всторону*).

Ну, слава Богу, я найду себѣ сына... (*Вслухъ*). А скажи-ка, Дмитрій...

МИТЬКА.

Митька!

СЕВЕРИНЪ.

Скажи, на что тебѣ деньги?

МИТЬКА.

Мало ли на что? Да вотъ хоть третью лошадь прикупить. Пара-то есть, да и та, признательно сказать, съ грѣхомъ по-поламъ. Ну, да еще живеть, а третьяго-то коня не хватило. Что хошь дѣлай. Ну, а ты баринъ, самъ знашь, что за ямщикъ безъ тройки, и приплачивать-то надо на третью... да и слава, извѣстно, ужъ какая.

СЕВЕРИНЪ.

А учиться ты хотѣлъ бы?

МИТЬКА.

Чему учиться?...

СЕВЕРИНЪ.

Книги читать, душу возвысить, узнать людей и свѣтъ.

МИТЬКА (не понимая).

Такъ-съ... вотъ... что.

СЕВЕРИНЪ.

Ты грамоту знаешь?

МИТЬКА.

Учился-было у церковнаго старосты... Да не мѣзеть, проклятая, въ голову. Азъ, буки, да и обчелся. Такъ и бросилъ. Не наше видно подъяческое дѣло. Вотъ около коней, такъ ужъ статья другая. Всѣ жилки затрепещутъ. Были бы лошадки только добрыя... Какъ поѣдешь, знаете, по селу, заберешь возжи, шапку набокъ, привстанешь, да принаклонишься, да какъ махнешъ кнутомъ, да какъ гаркнешъ: «Эй вы, соколики! По всѣмъ по тремъ, ко-

репной не тронь—да еще пригрозишь: ударю!» Эхма. Сердце такъ и заиграетъ.

СЕВЕРИНЪ.

Такъ ты не хочешь переменить жизни?

МИТЬКА.

Что?...

СЕВЕРИНЪ.

Сдѣлаться господиномъ... переменить платье.

МИТЬКА.

Вишь, съ чѣмъ подѣхалъ. Нѣмецкій мнѣ кафтанъ напялить, кургузой, что ли? Нѣтъ ужъ воля твоя... перестань глумиться. На меня ребяташки будутъ пальцами указывать. Не по насъ это.

СЕВЕРИНЪ.

Такъ ты не хочешь быть самъ бариномъ?

МИТЬКА (смѣется).

Эка веселый какой. Чѣмъ тѣшиться изволить! Мужика нѣмцемъ нарядить хочетъ. Чай, лучше ужъ всякому при своемъ остаться.

СЕВЕРИНЪ.

Такъ ты доволенъ своей судьбой?

МИТЬКА.

Какое доволенъ... коня не хватаетъ. Ну, да вотъ еще... (вздыхаетъ) кручинушка тяжкая... Машку не отдаютъ...

СЕВЕРИНЪ.

А кто это Маша?

МИТЬКА.

Да вотъ Терентьевны дочь.

СЕВЕРИНЪ.

А, такъ это ты... Такъ о тебѣ она?...

МИТЬКА.

Что́ я?... что́ она?...

СЕВЕРИНЪ.

Нѣтъ, ничего... Я хотѣлъ спросить, ты ее любишь?...

МИТЬКА.

Коли не любить! Дѣвка хорошая, надо сказать правду. Незбалованная. Могла бы мыть и стряпать у меня. Ну, да Терентьевна слышать не хочетъ. «Эва, говоритъ, чего захотѣлъ. Дочь моя не бобылка какая. Отецъ въ старостахъ былъ, да и мать изъ богатаго дому. Всякаго платья на приданое, и шуба-то заячья, да самоваръ еще въ придачу». Не подь шерсть, вишь, конь.

СЕВЕРИНЪ.

Ну, такъ что́ же? Ты можешь перейти въ другое мѣсто, забыть Машу.

МИТЬКА.

Нѣтъ, ужъ этого отъ меня не будетъ... Не уйду отселѣ. Да вотъ я тебѣ скажу на-ухо, баринъ. Машка-то отъ меня не прочь. Право-ну. Съ ней бы ладно. Да вотъ Терентьевну не знаешь какъ уломать. Опомнясь ходилъ-было еще церковный староста сватать. «У меня-де купецъ, у васъ-де товаръ», а Терентьевна въ отвѣтъ: «Рада бы радехонька, да товаръ-то не по купцу». Вотъ-те баста... (Вдали показывается церковный староста съ книгою и чашкой подаянія; слышенъ голосъ ямщика): Митюха, а Митюха, ступай закладывать, смотритель лаается.

ШИТЬКА.

Ай-да и впрямъ закалякался. Ужь не прогнѣвайся, баринъ... шестерикъ запрягу... А ужь уважу. Будешь доволенъ. Въ часы, пожалуй, доставлю... Экой веселый какой!... Ну, ну, ну, соколики! ну, ну... Эхъ-ма!

ЯВЛЕНИЕ XII.

СЕВЕРИНЪ и ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

На построение храма Господня во имя Угодника Божія Святителя Чудотворца Николая, будьте вкладчики... (*Северинъ кладетъ разсыянно мелкую монету*). Съ чистою ли ты совѣстію это подаешь, Петръ Александровичъ?

СЕВЕРИНЪ.

А! ты меня знаешь?

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Давно, баринъ, не видались. Да и вѣкъ не хотѣлъ бы видѣться... Спасибо за подаяніе. (*Хочетъ идти; Северинъ его останавливаетъ*).

СЕВЕРИНЪ.

Постой, постой... ты кто?

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Смиранный грѣшникъ, староста церковный.

СЕВЕРИНЪ.

Ты зналъ старика Коршунова?

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Роднымъ братомъ мнѣ приходился.

СЕВЕРИНЪ.

И дочь его?

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Племянницей мнѣ была. Прости ей Господь ея согрѣшенія... (*Молчаніе. Северинъ кладетъ свой кошелекъ въ чашку*).

СЕВЕРИНЪ.

На, старикъ... вели отслужить по нихъ панихиду.

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

А-га! покался, видно, баринъ. Пришло свое время.

СЕВЕРИНЪ.

Послушай, старикъ. Вيني меня какъ хочешь. Но знаешь ли, все, что есть у меня на свѣтѣ, послѣднюю рубашку съ тѣла я готовъ отдать, чтобъ загладить свою вину...

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Помолись, баринъ, авось Господь тебя и успокоить.

СЕВЕРИНЪ.

Послушай, старикъ, у тебя есть жена, дѣти?

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Благословилъ Господь.

СЕВЕРИНЪ.

Ты ихъ любишь?

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Слава Богу, ладно живемъ.

СЕВЕРИНЪ.

А я одинъ. Ни жены, ни дѣтей, ни друга... собаки нѣтъ, которая бы меня любила. Я одинъ, въ болѣзни, въ старости, въ горѣ... И здѣсь я нашелъ сына; нашелъ сына, который былъ бы мнѣ утѣше-

ніемъ... Я нашелъ его—и не смѣю открыться ему; я боюсь увезти его, признать его. Быть-можетъ, въ другомъ состояніи онъ будетъ несчастливъ... а у меня и безъ того много грѣха на совѣсти.

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Да, вѣстимо... Нелегко тебѣ, а дозволю вымолвить слово. Баринѣмъ быть—надо баринѣмъ родиться. Сдѣлай барина мужикомъ, мужика баринѣмъ—обоимъ не сладить.

СЕВЕРИНЪ.

Да, я объ этомъ тоже думалъ.

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Вѣдь даромъ, батюшка, что мы народъ безъ мудрости, однако же свой разумъ, каковскій бы онъ ни былъ, все-таки есть. Вѣдь мы, не бойсь, видимъ, что за разность между настоящимъ помѣщикомъ и вотъ эдакимъ Савва Саввичемъ, что здѣсь шатается. Потому-что отецъ-подъячій наворовалъ въ судѣ, деньжонки-то у него еще будутъ водиться. А куда-то ужъ онъ баринъ плоховатый. Да и богатство-то такое, говорятъ, впрокъ не идетъ.

СЕВЕРИНЪ.

Такъ ты совѣтуешь мнѣ оставить сына ямщикомъ?

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Извѣстно, батюшка, ямщикомъ взросъ, ямщикомъ и умирай. И что жъ? вѣдь ваши-то хитрости не по его прійдутся разуму; станетъ по харчевнямъ бѣгать, да обижать добрыхъ людей, а тамъ, пожалуй, охотиться, да за дѣвками, да хмѣлемъ заниматься, а порядкамъ-то ни какимъ не захочетъ выучиться. Право

такъ. А въ селѣ ему не невидальщина какая. Парень онъ добрый, горячъ что ли. Старѣ будетъ — возьметъ себѣ бабѹ. Станетъ сѣно косить, да за лошадами ухаживать. Вѣдь вамъ только, барамъ, мужичковъ жалко. А русскому мужику чѣмъ не житье? Земли вдоволь, слава Богу, не занимать-стать. Живи себѣ, да благословляй Господа, что еще милуетъ.

СЕВЕРИНЪ.

Въ твоей рѣчи много правды, старикъ... Да подумай обо мнѣ. Я говорилъ тебѣ, старость близится, ужасная старость. Вѣдь мнѣ нѣ съ кѣмъ будетъ проститься. Нѣкому будетъ панихиды по мнѣ отслужить... а у меня сынъ, — сынъ добрый, которому я все отдать готовъ, чтобъ только разъ прижать его къ груди и назвать его сыномъ.

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Жаль, баринъ, а нельзя.

СЕВЕРИНЪ.

А кто... не дастъ?

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Я, грѣшникъ.

СЕВЕРИНЪ.

Съ какого права?

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Не прогнѣвайся, баринъ. Когда померла Аннушка, я стоялъ у изголовья. Горько ей было. Старики не бранились, а плакали. Да что имъ было дѣлать? Послали за священникомъ. Передъ исповѣдью она говоритъ: «Дяденька, возьмите вы сироту. Поите, кормите его. Богъ васъ не оставитъ; а если отецъ

захочетъ вытребовать къ себѣ, не отдавайте. Пусть будетъ онъ простой человѣкъ. А то его тамъ избалуютъ и обманутъ, какъ меня грѣшную обманули».

СЕВЕРИНЪ (*въ волненіи внутренней борьбы*).

Ну... такъ... будетъ же по-твоему. Богъ видитъ до какой степени измучено, истерзано мое сердце... Последнее утѣшеніе свое я отдаю для искупленія грѣха. Прощай!... Изъ перваго города я пришлю тебѣ повѣреннаго; онъ съ тобой сговорится... Я хочу упрочить хоть въ вашемъ бытѣ состояніе моего... да нѣтъ, у меня нѣтъ сына... Лошадей! лошадей!...

СМОТРИТЕЛЬ (*вбѣгаетъ въ топяхъ*).

Готово, ваше превосходительство. Ямщикъ на козлахъ.

СЕВЕРИНЪ (*подходитъ къ церковному старостѣ*).

Но ты ему скажешь, не правда ли, ты скажешь ему... что... да нѣтъ, ничего, никогда... Прощай... Лошадей! (*Поспѣшно уходитъ; слышенъ стукъ экипажа*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

**ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА, САВВА САВВИЧЪ и
ЛАРЬКА.**

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Жаль барина, а дѣлать нечего... Ахъ, опять этотъ негодный; уйдти, видно, поскорѣй отъ него... На эти деньги можно цѣлый придѣлъ выстроить.

Помяну тамъ усопшихъ, да и грѣшнаго боярина кстати... Пойду-ка, отнесу отцу Іоанну.

САВВА САВВИЧЪ (обращаясь къ Ларькѣ).

Все ли ты понялъ?

ЛАРЬКА.

Все, сударь-съ; какъ не понять!

САВВА САВВИЧЪ.

А, постой-ка, что я еще хотѣлъ сказать?... Да-бишь... водки. (Пьетъ и брызгаетъ въ лицо Ларь-кѣ). Скажи-ка, помнишь, что я тебѣ приказывалъ?

ЛАРЬКА.

Помню, помню.

САВВА САВВИЧЪ.

Ну, вотъ увидимъ. Ну, скажи-ка.

ЛАРЬКА.

Вотъ что: — Когда Терентьевна пойдетъ въ го-родъ, Машка останется одна...

САВВА САВВИЧЪ.

Хорошо, хорошо, молодецъ!

ЛАРЬКА.

Я ее и кликну.

САВВА САВВИЧЪ.

Врешь, бестія. Не то, если кликнешь, я всѣ во-лосы тебѣ выщиплю.

ЛАРЬКА.

Не буду, не буду! Я влѣзу въ калитку. Всѣ две-ри на запоръ, самъ стану сторожить, а васъ и кликну.

САВВА САВВИЧЪ.

А какъ ты кликнешь?

ЛАРЬКА.

Вотъ такъ. (*Свищетъ*).

САВВА САВВИЧЪ.

Какъ? (*Ларька опять свищетъ*). Хорошо; на тебѣ на водку. (*Ларька протягиваетъ руку*). А ты пьешь, что ли, водку?

ЛАРЬКА.

Пью, баринъ.

САВВА САВВИЧЪ.

Ахъ, ты мошенникъ! Вотъ я велю розогъ тебѣ дать! (*За кулисою слышенъ шумъ*). А-га! никакъ молодца моего хватаютъ. Знаешь, Митьку голова-то мнѣ обѣщался... Сладили дѣло! Нынче же везутъ въ присутствіе, а пріемщикъ-то свой чело-вѣкъ. А? каково обдѣлалъ? Недурно, что ли? Ха, ха, ха!

ЛАРЬКА.

Ха, ха, ха!

САВВА САВВИЧЪ.

Что жъ ты, дуракъ, смѣешься?

ЛАРЬКА.

Да смѣшно, сударь... Никакъ въ-самомъ-дѣлѣ лова-
вятъ. (*Крикъ за кулисою: «Ловите его!»*)

ЯВЛЕНИЕ XIV.

МИТЬКА бѣжитъ съ топоромъ, за нимъ толпа ямщи-
ковъ.

МИТЬКА.

Что это! разбой, разбой! Не троньте; перваго кто подойдетъ, я такъ хвачу, что сдачи не попросить.

Грѣхъ вамъ, православные! отняли у меня очередь съ добрымъ бариномъ, да желѣзахотите надѣть. Что же я, въ-самомъ-дѣлѣ, воръ, что ли? разбойникъ? Говорите порядкомъ.

Ямщикъ.

Не серчай, Митюха. Для смѣху только, а тамъ бы въ питейный, да и все тутъ.

Митька.

Вотъ больно хитеръ! меня не проведешь. Ну, да что тутъ. Надо служить, такъ надо; я не прочь... Что же вы думаете? На-те, не бойтесь! (*Кидаетъ имъ подъ ноги топоръ*). Ахъ, ребята, стыдно вамъ! Каторжника, что ли нашли? Не трогайте, я волею пойду...

Церковный староста (*вбѣгаетъ*).

Постойте, православные! Не ему чередъ... Боже мой, а Петръ Александровичъ уѣхалъ... Постойте... повремените... онъ поставитъ за себя человека.

Первый ямщикъ (*почесываясь*).

Человѣка? ой-ли? изъ какого комплекту?

Второй ямщикъ.

Разбогатѣлъ видно больно... откуда же?

Савва Саввичъ.

А вотъ, православные, откуда—отъ Машки.

Митька.

Что?

Савва Саввичъ.

А развѣ вы не знаете, что Машка-то съ бариномъ связалась, вотъ что проѣзжалъ? Что ужъ тамъ у нихъ было, а я самъ видѣлъ... Ну, вѣрно поряд-

комъ наградилъ Машку. Баринъ-то генералъ и щедрый такой.

(Голоса между ямщиками). А, вотъ что, ой-ли, лихо, такъ эва...

МИТЬКА (про себя).

Да и въ-самомъ-дѣлѣ, баринъ все тутъ шатался, да еще подтрунивалъ надо мной. (Вслухъ). Иду, ребята, хоть въ очередь, хоть не въ очередь. За другаго пойду. Ахъ, Машка, Машка!... (Стучится въ окно). Эй, видно плохимъ ремесломъ начала заниматься? Маша, Богъ тебѣ судья... Скажи-ка Терентьевнѣ, чтобъ она Митьки не боялась: Митька-де въ солдаты идетъ. Да попроси-ка ее, чтобъ она выдала тебя за парня смирнаго, чтобъ не билъ тебя больно и баловаться не давалъ. Живите себѣ въ совѣтѣ, да не поминайте меня лихомъ. Просимъ прощенія; Богъ-вѣсть, прійдется ли намъ свидѣться. (Плачетъ). Ну, довольно; идемъ что ли, ребята. Да полно вамъ хныкать. Вѣдь дѣло хорошее, ради послужить Государю... Затягивай-ка, Сидорка. Да повеселѣе. Ну, съ Богомъ. (Подхватываютъ его подъ руки, запѣваютъ хоромъ пѣсню и проходятъ черезъ всю сцену веселой гурьбой. Церковный (староста) печально на нихъ глядя, идетъ за ними вслѣдъ).

ЯВЛЕНИЕ XV.

САВВА САВВИЧЪ и **ЛАРЬКА** хохочутъ.

САВВА САВВИЧЪ.

Вотъ и съиграли штуку.

ЛАРЬКА.

Ай-да лихо!

САВВА САВВИЧЪ.

Будетъ теперь знать, что значить не съ своимъ братомъ связаться.

ЛАРЬКА.

Идти теперь, что ли?...

САВВА САВВИЧЪ.

Постой! надо старуху подкараулить. Тсъ... тсъ...
(Прячутся).

ЯВЛЕНИЕ XVI.

ТЪ ЖЕ и СТАРУХА ТЕРЕНТЬЕВНА.

СТАРУХА ТЕРЕНТЬЕВНА (выходитъ изъ калитки).

Ну, перестанешь ли, перестанешь ли ты хныкать, срамница? Ахти, грѣхъ какой. Въ стары годы въ гробъ бы слегли отъ этакого поношенія. Дѣвка по парнѣ плачетъ. Виданное ли дѣло?... Да что православные скажутъ... а Матрена-то... а Зотиха, а просвирия? Срамъ, да и только. Ну, перестань же, да седи въ избѣ, смотри. Всѣ на работѣ... а меня дожидайся... Ахти, грѣхъ какой! (Уходитъ).

САВВА САВВИЧЪ.

Ну, ну... вотъ посмотримъ, чья взяла. Ларька, отправляйся на мѣсто. Что же ты смѣешься?

ЛАРЬКА.

Ха, ха, ха, да смѣшно, баринъ.

САВВА САВВИЧЪ.

Вотъ я тебя... ну, маршъ... (Ларька проби-

рается въ калитку и свищетъ). А молодецъ
этотъ Ларька. Просто чертенокъ. (Входитъ въ ка-
литку).

ЯВЛЕНИЕ XVII.

ТѢ ЖЕ И СЕВЕРИНЪ.

СЕВЕРИНЪ (разстроенный).

Да зачѣмъ же его смѣнили? Вѣдь ему надо со
мною ѣхать, и странное дѣло, поднимаясь на гору, —
у самого кладбища лошади мои стали. Тамъ лежитъ
она, бѣдная моя жертва, и мнѣ казалось, что изъ
каждой могилы выходилъ голосъ, и что каждый го-
лосъ шепталъ мнѣ : « Не проходи мимо насъ, огла-
шенный. » Я побѣжалъ назадъ... чтобъ вздохнуть
свободнѣе, чтобъ хоть разъ еще взглянуть на сына.
(Ларька выходитъ изъ калитки). Чтò ты здѣсь
дѣлаешь?

ЛАРЬКА.

Ши! ши! шиш!

СЕВЕРИНЪ.

Чтò это значить?

ЛАРЬКА.

Хи, хи, хи! Не мѣшайте: баринъ мой здѣсь.

СЕВЕРИНЪ.

Здѣсь, у кого?

ЛАРЬКА (смѣется).

Да у Машки, знать. Вы не видали? Митьку по-
вели въ рекруты, лихо такъ, съ пѣснями.

СЕВЕРИНЪ.

Въ рекруты... моего... въ солдаты. Побѣгу... да

нѣтъ. Сперва надо раздѣлаться съ этимъ негодяемъ. А, послушай! (*Вырываетъ изъ бумажника листокъ и пишетъ на-соро записку*). Вотъ, отнеси эту записку къ головѣ...

ДАРЬКА.

Вотъ что выдумалъ. А баринъ? А розги?

СЕВЕРИНЪ.

На, на.

ДАРЬКА.

— Золотой, и розги не-по-чемъ! (*Убѣгаетъ, Северинъ входитъ въ калитку*).

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

СМОТРИТЕЛЬ бѣжить впопыхахъ.

Ахъ, Боже ты мой! что станешь тутъ дѣлать? лошади стали. Будетъ жаловаться, напишетъ, пропалъ совсѣмъ.

ЯВЛЕНИЕ XIX.

СЕВЕРИНЪ выбѣгаетъ, держа Савва Саввича за шиворотъ и отбрасываетъ его всторону.

СЕВЕРИНЪ.

Прочь, мерзавецъ!

САВВА САВВИЧЪ.

Помилуйте, генералъ, что это значитъ? я вамъ показываю красотку, а вы у меня ее силою отнимаете. Не честно, генералъ, между дворянами такъ не поступаютъ.

СЕВЕРИНЪ.

Не смѣй говорить о чести, негодяй! Ты и въ дворянствѣ холопъ.

САВВА САВВИЧЪ

Да помилуйте, пожалуйста; да это ни на что не похоже. Добро бы еще, если бъ вы мнѣ просто сказали: «Уступи, братецъ, я человѣкъ старый», ну, ну, я бы уступилъ... А то просто схватилъ зашиворотъ, да и тащить... Тутъ личное оскорбленіе; я подамъ бумагу въ судъ, въ Сенатъ; что вы думаете... У меня есть пріятели чиновники. Увидимъ, кто будетъ правъ.

ЯВЛЕНІЕ XX И ПОСЛѢДНЕЕ.

ТЪ ЖЕ, ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА, ЛАРЬКА, ГОЛСВА, ТЕРЕНТЬЕВНА, МАША, а потомъ МИТЬКА и всѣ ЯМЩИКИ.

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Бѣда, Петръ Александровичъ, помогите: Митьку увозятъ!

ЛАРЬКА.

Голова сказалъ, будетъ исполнено.

ТЕРЕНТЬЕВНА.

Что это за шумъ... Опять напроказила, что ли, неугомонная?

МАША.

Разскажу послѣ, матушка. Богъ помиловалъ.

МИТЬКА.

Да что же это въ-самомъ-дѣлѣ? То везутъ, то не

везутъ. Вѣдь я по своему желанію... Кто жь не пускаетъ?

СЕВЕРИНЪ.

Я, Дмитрій, просилъ о томъ.

МИТЬКА.

Ты? вотъ что! А кто тебя проситъ отпрашивать? старый грѣшникъ!... я съ тобой и знаться-то не хочу.

СЕВЕРИНЪ.

Что?

МИТЬКА.

Смѣяться надо мною, что ли хочешь? Да вѣдь смѣхъ-то не больно великъ со мною. Ужь за-одно— семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ, а даромъ тебѣ не пройдетъ; ну, что еще...

СЕВЕРИНЪ.

Не продолжай, ради Бога.

МИТЬКА (шопотомъ).

Стыдно, баринъ, не хорошо за красными дѣвками ухаживать въ чужомъ селѣ... Вамъ пошутить, да и бросить, а имъ вѣкъ вѣчный горевать, да иной разъ и въ могилу съ тѣмъ идти. Стыдно баринъ! (Северинъ грустно слушаетъ и глядитъ въ землю).

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Вотъ дѣло каковское. Баринъ этотъ наговорилъ Митькѣ, что вы будто съ Машкой сошлись; Митька взъерошился и пошелъ въ солдаты.

СЕВЕРИНЪ.

Ложь... она приходила меня просить объ немъ.

МИТЬКА.

Ой-ли?

СЕВЕРИНЪ.

Она открылась мнѣ, что она его любитъ.

ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ахти грѣхъ какой!...

МИТЬКА.

Такъ господинъ-то выдумалъ?

СЕВЕРИНЪ.

Разумѣется, выдумалъ; иначе удерживалъ ли бы я тебя отъ солдатства?

МИТЬКА.

Ай-да и впрямь. Виновать, съ горяча-то не обсудилъ. (*Савва Саввичу*). Ну, проваливай-ка во свояси, прощелыжникъ, пока я тебя не поподчи-валъ.

САВВА САВВИЧЪ.

Экой грубіянь какой! Грубіянь, что ли, Ларька?

ЛАРЬКА.

Грубіянь, сударь...

САВВА САВВИЧЪ.

Ну, такъ пойдѣмъ пообѣдать. А все ты виновать. Да дома раздѣлаемся. (*Шопотомъ*). Голова, что же ты надулъ меня, полсотенную взялъ, да и ничего не сдѣлалъ?

ГОЛОВА.

Да, братъ, баринъ-то награждаетъ не по-твоему, берите свою ассигнацію назадъ... (*На-ухо Северину*). Ваше высокосіятельство, когда прикажете... знаете, того...

СЕВЕРИНЪ.

Отъ церковнаго старосты получишь, а теперь погоди немного. Поди-ка сюда, Дмитрій.

МИТЬКА.

Здѣсь...

СЕВЕРИНЪ.

Хочешь, я тебя буду сватать?

МИТЬКА.

Шутить опять изволишь?

СЕВЕРИНЪ.

Нѣтъ, видитъ Богъ. Хочешь я тебя буду сватать?

МАША.

Коли не хотѣтъ? Да не бывать тому.

СЕВЕРИНЪ.

Кто знаетъ! (*Терентьевна*). Позвольте мнѣ быть у васъ сватомъ. Отдайте дочь вашу Дмитрію.

ТЕРЕНТЬЕВНА.

Рано, батюшка, дѣвкѣ объ женихѣ помышлять.

СЕВЕРИНЪ.

А если женихъ ея достоинъ?

ТЕРЕНТЬЕВНА.

Не што, батюшка, парень смирный, тутъ и говорить нѣчего... Хоть куда бы хозяинъ, ну, да сами посудите, родства никакого, лошадокъ пара дрянная, а за душой ни гроша... рада бы... да не взъищите.

МИТЬКА (*съ горемъ*).

Зналъ я это... (*Маша отворачивается и плачетъ*).

СЕВЕРИНЪ.

А если Дмитрій васъ всѣхъ богаче?

ТЕРЕНТЬЕВНА.

Да откуда же, батюшка?

СЕВЕРИНЪ.

Да по наслѣдству отъ отца своего.

ТЕРЕНТЬЕВНА.

Въ такомъ случаѣ... да не вѣрится что-то... почему жъ и не отдать...

СЕВЕРИНЪ.

И ты будешь согласна?

ТЕРЕНТЬЕВНА.

Согласна, пожалуй. (*Всторону*). Благо дѣвка по Митькѣ ужъ плакала.

СЕВЕРИНЪ.

Ну, Дмитрій, обними свою невѣсту.

МИТЬКА.

Да можно ли?

ТЕРЕНТЬЕВНА.

Да правда ли?

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Вѣрь, тѣтка. Я барину порука, ты меня знаешь: до красныхъ словъ не охотникъ.

МИТЬКА.

Въ самомъ-дѣлѣ. Ахъ, Маша!...

МАША.

Митя, на яву ли это? (*Обнимаются*).

ТЕРЕНТЬЕВНА (*дергаетъ дочь за сарафанъ*).

Полно же радоваться, безстыдная этакая... Что народъ скажетъ! Благослови, Господь! (*Цалуетъ Дмитрія*).

ЯМЩИКИ (*между собою*).

Вишь. Эва. Ай-да Митька, вишь, счастье привалило. (*Маша стыдливо отворачивается. Митька бросается въ ноги Северину*).

МИТЬКА.

Ахъ, ты, батюшка... Отецъ родной!

СЕВЕРИНЪ.

Отецъ. Нѣтъ, нѣтъ, не говори этого слова.

МИТЬКА.

Да кто же ты въ-самомъ-дѣлѣ? Ты и отца моего зналъ. Да скажи, гдѣ же онъ... онъ живъ еще?...

СЕВЕРИНЪ (съ волненіемъ).

Отецъ твой?...

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Онъ померъ.

СЕВЕРИНЪ (тихо).

Да, отецъ твой умеръ... Но передъ смертию онъ завѣщалъ мнѣ сказать тебѣ... Будь честнымъ, хорошимъ ямщикомъ! Каждый долженъ оставаться въ кругу, въ которомъ онъ родился, и свято исполнять свои обязанности. Но болѣе всего береги совѣсть: не дай и пятнышку завестись на ней, не то тебѣ не будетъ ни покоя, ни счастья. . Ну, прощайте. Старикъ, проводи меня до станціи... Мы поговоримъ, какъ бы упрочить ихъ счастье... Дмитрій... поди-ка сюда.

МИТЬКА.

Милостивецъ, благодѣтель ты мой!

СЕВЕРИНЪ.

Знаешь... Дмитрій... что... какъ ты станешь молиться за мать... молись-ка и за отца. (Митька целуетъ его руку... Северинъ выдерживаетъ ее и уходитъ медленными шагами къ станціи. Вльво, старуха, Маша, Митька и ямщики образуютъ группу съ выраженіемъ удивленія и радости. Занавѣсъ опускается).

— 370 —
НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА
Тяжело предвзятое лицо, с грустными глазами, в которых
блуждала мысль, что жизнь, которую он ведет, — это
жизнь, которую он не выбрал, а которую ему навязали.
БѢДА

—
Дарья Семеновна
Ну, что ты говоришь?
ОТЪ

НѢЖНАГО СЕРДЦА.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА БОЯРКИНА.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА, ея дочь.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА, ея племянница.

АГРАФЕНА ГРИГОРЬЕВНА КУБЫРКИНА.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА, ея дочь.

ВАСИЛІЙ ПЕТРОВИЧЪ ЗОЛОТНИКОВЪ, откупщикъ.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬИЧЪ, сынъ его.

СЛУГА, Бояркиной.

Театръ представляет комнату съ четырьмя дверьми; рабочій столъ, трюмо, фортепьяно, кресло съ большой спинкой, и проч.

—
ЯВЛЕНІЕ I.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА, МАРЬЯ ПЕТРОВНА въ бѣломъ
пеньюарѣ; ее завиваетъ французъ парикмахеръ, потомъ
НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ахъ, Боже ты мой! розоваго-то платья все-таки нѣтъ. Что жь это такое? платье заказано для нынѣшняго вечера, а получишь завтра утромъ... Здѣсь все такъ, все такъ. Такая досада: просто, побила бы когонибудь! Настя! Настя! Настинька!

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА (входитъ).

Я здѣсь, тетушка.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ну, слава Богу; гдѣ пропадала, матушка? Въ головѣ все вздоръ, а вѣдь нѣтъ того, чтобъ подумать о тетушкѣ: посылала ли ты къ маршандѣ де модъ?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Посылала, тетушка.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ну, что Машенькино платье?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Готово, тетушка...

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Такъ что жь не несутъ?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Да, тетушка.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ну, что ты ворчишь?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА (*тихо*).

Безъ денегъ, тетушка, не отдають; говорятъ, и безъ того много должны.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Что ты, грубить мнѣ, матушка, что ли хочешь? Вотъ благодарность-то: сироту круглую взяла къ себѣ въ домъ, кормлю, одѣваю, а она мнѣ еще колкости говоритъ. Нѣтъ, милая, забываться я не позволю. Что? принесли сухари, а?... вертятъ мороженое... а?... ни объ чемъ не подумаешь. Ну, что ты стоишь, какъ вкопанная? Видишь, Машенька еще не причесана; подавай шпильки.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ здѣсь, на лбу, пустить бы колечки... вотъ такъ... *сomme ça, Mг, je vous prie.* Маменька, какъ вамъ угодно, а платье не принесутъ. Я не выйду ни за что, ни за что; останусь въ своей комнатѣ, скажусь больной. Какъ вамъ угодно.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Что ты? что ты? съ ума сошла! Для тебя я дѣлаю вечеръ, а тебя не будетъ; прикажешь мнѣ вмѣсто тебя танцовать? У насъ будутъ самые первые жени... то есть, кавалеры.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Да! точно такъ и поѣдутъ.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

А отчего жь, матушка, и не поѣдутъ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Что они здѣсь забыли? вѣдь балъ-то есть нынче лучше вашего; говорила я вамъ отложить, да вы все хотите по-своему.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Пора бы тебѣ замужъ, Машенька, а то съ этими вечерами силъ моихъ недостаетъ. Смотри, сегодня будетъ князь Курдюковъ, постарайся ему понравиться.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Ахъ, тетушка; онъ старикъ!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Васъ никто не спрашиваетъ. Что жь, что старикъ, деньги у него молодыя. (Входитъ слуга съ письмомъ.) Это отъ кого?... ну (съ досадою), прекрасно, безподобно... Князь Курдюковъ извиняется, быть не можетъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, что я говорила!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

А что, Машенька, посылать ли за розовымъ платьемъ? вѣдь князя не будетъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ужъ разумѣется, послать... Что вы думаете? что я изъ-за вашего старика буду безъ платья ходить, что ли?

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ахъ, Машенька, ты хоть бы людей постыдилась.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Да онъ французъ, не понимаетъ.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ну, такъ я пойду за деньгами, пошлю за платьемъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Давно бы пора... ну, ну... ступайте же.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Вотъ и выростила себѣ невѣсту—раззоренье, да и только! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ДАРЬИ СЕМЕНОВНЫ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*парикмахеру*).

Вотъ здѣсь еще... такъ... Настя... Настя... объ чемъ ты думаешь?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Такъ, не объ чемъ, грустно что-то...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Вздоръ какой! посмотри-ка, пристала ко мнѣ эта прическа?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Пристала.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Очень пристала?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Очень.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Право... Ну, а ты что надѣнешь?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Да я такъ останусь, мнѣ къ-чему наряжаться... меня никто не замѣтитъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ты хоть бы ленту вплела въ косу... тамъ у меня въ шкапу много старыхъ лентъ.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Нѣтъ, зачѣмъ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, какъ хочешь.

ЗОЛОТНИКОВЪ (за кулисами).

Дарья Семеновна дома, что ли?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, стыдъ какой, мужчина! (Убѣгаетъ; за нею парикмахеръ).

ЯВЛЕНІЕ III.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА и ЗОЛОТНИКОВЪ.

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Извините... я испугалъ здѣсь кого-то. (Встороню). А, вотъ, эта дочка. (Вслухъ) А хозяйки нѣтъ дома видно?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Нѣтъ-съ, дома; я пойду скажу ей.

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Ни, ни, не беспокойтесь; мнѣ именно васъ-то и надо.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Меня?

Золотниковъ.

Да; позвольте хорошенько взглянуть только на васъ. Повернитесь немного, вотъ такъ... безподобно... лучше васъ я и желать бы не могъ.

Настасья Павловна.

Да я васъ не знаю вовсе.

Золотниковъ.

Со мной скоро познакомитесь. Какой вамъ годъ?

Настасья Павловна.

— Восемнадцать.

Золотниковъ.

Отлично. Скажите, женихи есть у васъ?

Настасья Павловна.

Нѣтъ-съ.

Золотниковъ.

Что жъ они, дураки, глядятъ! А вы помышляете о замужствѣ?

Настасья Павловна.

Извините, мнѣ некогда.

Золотниковъ.

Нѣтъ, вы не сердитесь. Я Золотниковъ, откупщикъ. Слыхали, можетъ-быть? человекъ разбогатѣвшій, такъ рѣчь у меня рѣзка немножко. А, впрочемъ, я принимаю въ васъ живое участіе; повѣрите ли, для васъ нарочно пріѣхалъ изъ Казани, чтобъ сдѣлать вамъ предложеніе.

Настасья Павловна.

(Вы?)

Золотниковъ.

Да вы не думайте, чтобъ я о себѣ говорилъ. Во-первыхъ, мнѣ 58 лѣтъ; во-вторыхъ, физіогномія моя

далеко не взрачна: въ-третьихъ, у меня жена сидитъ въ Тамбовѣ. Нѣтъ-съ, я хочу женить своего сына, и именно, коли сказать всю правду, очень бы мнѣ хотѣлось женить его на васъ. Разумѣется, если вы полюбите другъ другу. Вы, вѣдь, никого не любите? скажите по правдѣ...

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Никого-съ.

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Ну, и не любите. Я сына вамъ представлю. Онъ—малый добрый. Сердце такое нѣжное. Дайте мнѣ слово, что вы не будете прочь отъ моего предложенія.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Послушайте, слово не шутка: давши слово надо его держать, а я сына вашего не знаю.

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Такъ что жь? онъ здѣсь дожидается въ гостиной.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Э... да... никакъ вотъ и хозяйка! Эге-ге-ге... какъ перемѣнилась! Тамія-то была въ рюмочку, а теперь слава Тебѣ, Господи!.. Дарья Семёновна узнаете ли вы меня?

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА (разглядывая).

Виновата-съ.

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Припомните-ка хорошенько.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Позвольте... Нѣтъ, не могу.

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Спасибо, Дарья Семеновна. А позвольте спросить—играете вы еще на фортопьянахъ?

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

И, батюшка, куда мнѣ...

ЗОЛОТНИКОВЪ.

А помните въ 19-мъ году, въ Казани...

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Боже ты мой, Василій Петровичъ!

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Азъ многогрѣшный. Вотъ оно, время-то. Другимъ человѣкомъ сталъ. (Указывая на жилетъ) Тутъ ничего не было—появилось. (Указывая на голову.) Тутъ много было—ничего почти не осталось. Дарья Семеновна не узнала!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Вотъ Богъ привелъ свидѣться. Такъ ли я вамъ, батюшка, стара кажусь, какъ вы мнѣ? Да я слышала, вы разбогатѣли страшно.

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Съ-горя, Дарья Семеновна. Какъ вы отказали мнѣ, помните, я вошелъ въ дѣла, въ торги, на бѣду свою разбогатѣлъ, да съ отчаянія и женился.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Изъ постоянства вѣрно; а сюда какими судьбами?

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Дѣлишки есть, да вотъ сына привезъ.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

А дѣтей у васъ много?

Золотниковъ.

Одинъ сынъ всего.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Женатый?

Золотниковъ.

Нѣтъ, холостой еще.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Прошу покорнѣйше садиться. Настенька, погляди, зажжены ли свѣчи въ гостиной. Садитесь, пожалуйста; о чемъ, бишь, мы говорили?

Золотниковъ.

Да объ сынѣ; женить хочу его.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ахъ, будьте осторожны, Василій Петровичъ! Въ Петербургѣ дѣвушки всѣ хороши на видъ; а какъ выйдутъ замужъ, сейчасъ видно, что воспитаніе не то, вовсе не то. Вотъ у меня дочка, такъ ужъ могу похвастаться.

Золотниковъ.

Дá, я говорилъ сейчасъ съ ней.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

И, нѣтъ! вы говорили съ моею племянницей, съ сиротой, которую я держу изъ милости. Я мать, Василій Петровичъ... но я вамъ скажу, что дочь моя такъ воспитана, такъ приготовлена...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (за кулисами).

Маменька!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Что, свѣтикъ мой?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Платье принесли.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Сейчасъ, мой другъ; и невинная какая—младенца пристыдить.

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Вотъ этого-то мнѣ и надо. Саша мой малый добрый, только въ головѣ у него еще вѣтеръ; наговорили ему, что у него два мильйона.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Два мильйона?!

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Два мильйона. Такъ повѣрите ль, сердце у него такое нѣжное, только юбку увидить, такъ и растаетъ; что день, то влюбленъ; что станешь дѣлать! Ну, для шалости оно бы ничего, а лѣтомъ, въ Тамбовѣ, жениться вздумалъ на интриганткѣ какой-то. Къ счастью, гусаръ подвернулся, а то бы я вѣкъ съ нимъ плакался. Я вижу—дѣло плохо: сына съ собой въ Питеръ, да и къ вамъ, Дарья Семеновна, изъ старой памяти—знаю, что не откажете въ добромъ совѣтѣ; а у васъ, я слышалъ, дочь. Кто знаетъ? можетъ-быть, дѣти наши познакомятся, слюбятся... Коль не мы, такъ дѣти наши, Дарья Семеновна, не такъ ли?

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА (вздыхая).

Что старое припоминать!

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Не возвратить ужъ, подлинно. Ну, на дѣтей полюбуемся... Позвольте руку поцаловать.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Съ удовольствіемъ.

Золотниковъ (съ гримасой).

И рука-то постарѣла; вы табакъ нюхаете?

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Для глазъ, Василій Петровичъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (за кулисами).

Маменька, да подите же сюда; какіе вы несносныя!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Сейчасъ, сейчасъ, мой ангелъ... (Золотникову) Сейчасъ приведу вамъ ее... Не будьте слишкомъ-строги. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Золотниковъ (одинъ).

Господи, что за перемѣна!... меня не узнала... Вотъ тебѣ и урокъ, Василій Петровичъ... Тридцать лѣтъ вспоминалъ объ ней съ наслажденіемъ... воображалъ ее прежней красавицей. И вотъ, чортъ меня дернулъ сюда пріѣхать!

Ахъ! право, хуже оплеухи,

Какъ, не выдавшись тридцать лѣтъ,

Найдешь въ развалинахъ старухи

Любви восторженный предметъ.

Ахъ, Даша! въ прежніе годочки

Съ тобой встрѣчались мы не такъ;

Тогда ты нюхала цвѣточки,

(Со вздохомъ.) Теперь — ты нюхаешь табакъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЗОЛОТНИКОВЪ и АЛЕКСАНДРЪ.

АЛЕКСАНДРЪ (кидается отцу на шею)

Батюшка, обними меня. Я согласенъ... будетъ

по-твоему... я женюсь на ней... она миѣ нравится, очень нравится. Я доволенъ, я радъ, я счастливъ, благополученъ... Батюшка, обними меня.

Золотниковъ.

Да погоди.

Александръ.

Нѣтъ, обними меня.

Золотниковъ.

Да выслушай.

Александръ.

Нѣтъ, обними меня: вотъ такъ... еще разъ. Конечно, рѣшено, я исполню твою волю: я женюсь на ней, и именно на ней, ни на комъ другомъ, а на ней! Вотъ придумалъ, вотъ отецъ... Обними меня еще разъ.

Золотниковъ.

Да выслушай.

Александръ.

Глаза, талія, волосы... какой характеръ... сейчасъ видно. Батюшка, благослови!

Золотниковъ.

Да отвяжись, пожалуйста... Мы ошиблись, это не она.

Александръ.

Какъ не она?... Она, она, она!... Я не хочу, чтобъ она была не она!

Золотниковъ.

Да я самъ ошибся; ты думаешь, что говорилъ я тамъ въ гостиной съ дочерью...

Александръ.

Ну, да.

Золотниковъ.

Вотъ въ томъ-то и дѣло, что она не дочь...

Александръ.

Какъ не дочь? не родилась же она безъ отца и безъ матери?... чья-нибудь же она дочь... мать была же какая-нибудь, да и отецъ также.

Золотниковъ.

Она племянница.

Александръ.

Все-равно.

Золотниковъ.

Да говорятъ тебѣ, что она племянница.

Александръ.

Да хоть бы дядей она была, я все-таки на ней женюсь! Твоя была воля... воля отцовская — законъ.

Золотниковъ.

Да я прочилъ тебѣ другую.

Александръ.

Нѣтъ, воля отцовская законъ!... я не хочу другой.

Золотниковъ.

Да не шуми; они идутъ сюда.

Александръ.

Пушай нейдутъ... скажи, чтобъ не шли.

Золотниковъ.

Да взгляни только.

Александръ.

И глядѣть не хочу.

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢ ЖЕ, ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА и МАРЬЯ ПЕТРОВНА
въ розовомъ платьѣ, скромно идя за матерью.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Вотъ вамъ и моя Машенька, Василій Петровичъ;
прошу любить да жаловать. (*На-ухо.*) Держись
прямымъ! (*Громко.*) Она у меня застѣнчива. (*На-
ухо.*) Да присядь же хорошенько, (*Вслухъ.*) Вы
ее извините, Василій Петровичъ: она у меня дѣвушка
не свѣтская, все за рукодѣльемъ, да за книгами.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*на-ухо матери*).

Да перестаньте, маменька.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Нѣтъ, я ей говорю, что ты, Машенька, въ
свои лѣта глаза портишь... въ твои лѣта надо ис-
кать удовольствій, веселиться, а она мнѣ говоритъ:
«нѣтъ, маменька, не хочу я вашихъ свѣтскихъ удо-
вольствій, что въ нихъ... женское дѣло не танцо-
вать и не кокетничать, а быть доброй супругой,
нѣжной матерью».

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Маменька, я уйду...

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Повѣрите ли, я ей все хозяйство отдала на ру-
ки—пускай привыкаетъ, а въ свободное время му-
зыкой занимается, рисуетъ... Гдѣ, бишь, у тебя
эта головка, которую ты кончила безъ учителя; ну,
знаешь, этого Аполлона Вельбедерскаго?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (вслухъ).

Изорвала. (На-ухо). Маменька, вы мнѣ надоѣли!

ЗОЛОТНИКОВЪ.

А вотъ, сударыня, и сынокъ мой. (Сыну). Да кланяйся же.

АЛЕКСАНДРЪ.

Не хочу.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Очень-пріятно познакомиться; вы въ первый разъ пожаловали къ намъ въ Петербургъ?

АЛЕКСАНДРЪ (отрывисто).

Да!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Долго думаете здѣсь оставаться?

АЛЕКСАНДРЪ.

Нѣтъ.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Отчего же это такъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Такъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, маменька, ваши вопросы очень не скромны: можетъ-быть, имъ непріятны.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Да гдѣ мнѣ умѣть говорить съ молодыми! Это твое дѣло занимать молодыхъ людей... Пойдемте-ка, Василій Петровичъ; столько лѣтъ не видались, есть о чемъ переговорить... (На-ухо). Пущай они познакомятся: безъ насъ посвободиѣе будетъ.

Золотниковъ.

Конечно.

ДАРЯ СЕМЕНОВНА.

А ты, душенька, похозяйничай здѣсь за меня; пора привыкать: нынче въ дѣвушкахъ, а завтра сама, можетъ-быть, будешь жить домкомъ. Все въ волѣ Господней. (*Цалуетъ ее въ лобъ и говоритъ на ухо*). Не забудь! два мильона! (*Вслухъ.*) Пойдемте, Василій Петровичъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

АЛЕКСАНДРЪ и МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*всторону*).

Онъ, кажется, вовсе необтесанный. Ахъ, жалость какая!

АЛЕКСАНДРЪ (*всторону*).

Ну, какъ ее можно сравнить съ той! у той глаза, талія, волосы... Однако жъ и эта порядочная, такъ-себѣ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Не угодно ли садиться?

АЛЕКСАНДРЪ.

Нѣтъ-съ, зачѣмъ! (*Молчаніе*).

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ вамъ нравится нашъ Петербургъ?

АЛЕКСАНДРЪ (*разсѣянно*).

Что-о-съ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Петербургъ вамъ нравится?

АЛЕКСАНДРЪ.

Петербургъ, что ли? городъ извѣстный-съ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы когда пріѣхали?

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ самый день магнитнаго освѣщенія; изволили, конечно, слышать.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Да-съ, слышала, а не видала... (Молчаніе). Въ Пассаждъ вы ужь были?

АЛЕКСАНДРЪ.

Какъ же, давеча внизу подовые пироги ѣлъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Вамъ нравятся?

АЛЕКСАНДРЪ.

Пироги, что ли?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ... Пассаждъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Пріятное гулянье; братьевъ Мальчугиныхъ слышаль.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

А въ балетъ вы были?

АЛЕКСАНДРЪ.

Да нѣтъ-съ, для балета нѣтъ билета, а, говорятъ, Фанни Эльслеръ превосходно танцуетъ тамъ что-то съ перомъ. Возьметъ перо, да и пошла писать... Въ русскій театръ заходилъ только на Мартынова посмотреть. Да что въ немъ, помилуйте; право, я кажется, самъ бы сыигралъ не хуже его.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Что жь вы не садитесь?

АЛЕКСАНДРЪ.

Не безпокойтесь. *(Всторону)*. Глаза-то, глаза у нея какіе... Гдѣ у меня были глаза, что я не замѣтилъ ея глазъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

У насъ въ нынѣшнемъ году славная опера.

АЛЕКСАНДРЪ.

Говорятъ-съ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы сами, можетъ-быть, музыкантъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Какъ же-съ? играю немножко.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

На фортепьянахъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Преимущественно на валторнѣ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

А!

АЛЕКСАНДРЪ.

А вы-съ? *(Разныживается)*.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Я пою немножко.

АЛЕКСАНДРЪ.

Не-уже-ли? какъ это пріятно! .. *(Всторону)*. Я не знаю, отчего она мнѣ съ перваго разу не понравилась. Она очень-очень мила... и манера какая прекрасная. *(Ей)*. Я, право, не знаю... смѣю ли я васъ просить.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ-съ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Я говорю... я не знаю, смѣю ли я васъ просить.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Что?

АЛЕКСАНДРЪ.

Я не знаю, съ перваго раза смѣю ли я просить...
ободрите, пожалуйста.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (кокетничая).

Отчего же? что вамъ угодно?

АЛЕКСАНДРЪ.

Смѣю ли я просить... на-примѣръ... (*Всторо-
ну*). Да это прелесть, а не дѣвушка... (*Ей*). О-
счастливьте, пожалуйста, дайте послушать.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Да мы ждемъ гостей.

АЛЕКСАНДРЪ.

Успѣете.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Я, право, не въ голосъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Попробуйте.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (кокетничая).

Развѣ только для васъ... (*Идя къ фортепьяно*).

АЛЕКСАНДРЪ (всторону).

Для васъ, для меня... она сказала для васъ... я
ей понравился... Да это не дѣвушка... очарованіе!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Только вы акомпанируйте, пожалуйста; у меня
тутъ новый романсъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Съ удовольствіемъ. (*Садится за фортепьяно*).

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*поетъ*).

Скажи, о чемъ въ тѣни вѣтвей,
Когда природа отдыхаетъ,
Поетъ весенній соловей,
И что онъ пѣснью выражаетъ?
Что тайно всѣмъ волнуетъ кровь?
Скажи, скажи, какое слово
Знакомо всѣмъ и вѣчно ново?...

Любовь!...

Скажи, о чемъ на единѣ
Въ раздумьѣ дѣвушка гадаетъ?
Что тайнымъ трепетомъ во снѣ
Ей страхъ и радость общаетъ?
Недугъ тотъ странный назови,
Въ которомъ свѣтлая отрада.
Чего ей ждать? Чего ей надо?...

Любви!

Когда отъ жизненной тоски
Ты, утомленный, изнываешь
И злой печали вопреки
Хоть призракъ счастья призываешь!..
Что улаждаетъ грудь твою?..
Не тѣ ли звуки неземные,
Когда услышалъ ты впервые —
Люблю?!...

(*Александръ вскакиваетъ со стула и бѣжитъ къ Марьѣ Петровнѣ*).

АЛЕКСАНДРЪ.

Ахъ, что за голосъ! что за голосъ! Какое чувство! какая душа!... Вы меня съ ума свели; я... я въ восторгѣ, я теперь съ ума сойду, коль не позволите надѣяться.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ надѣяться?

АЛЕКСАНДРЪ.

А развѣ вы ничего не знаете?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Вы не знаете, что ваша старуха была влюблена когда-то, прежде, въ моего старика?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ, и маменька тоже?... вотъ никакъ бы не думала. Да она мнѣ не говорила объ этомъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Да они никогда объ этомъ не говорятъ. Вотъ батюшка выдумалъ, чтобъ я бы на васъ... или вы за меня. Это все-равно... только это отъ васъ зависитъ. Ну, влюбленъ, влюбленъ, совершенно влюбленъ. Ну, а какъ вы не согласитесь, я буду самымъ несчастнымъ смертнымъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Такъ говорите же.

АЛЕКСАНДРЪ.

Батюшка желаетъ моего счастья; онъ только и думаетъ, что о моемъ счастьи; да и я желаю себѣ счастья—кто не желаетъ себѣ счастья. Только вы можете-быть, не захотите моего счастья?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Помилуйте... отчего же?

АЛЕКСАНДРЪ.

Какъ? вы хотите моего счастья?... въ-самомъ-дѣлѣ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Разумѣется.

АЛЕКСАНДРЪ.

Такъ я могу надѣяться?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Я завишу отъ маменьки.

АЛЕКСАНДРЪ.

Не въ маменькѣ тутъ дѣло: тутъ всторону маменьку; вы мнѣ про себя скажите... могу ли я вамъ нравиться?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*жестом*).

Почему же нѣтъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Марья... какъ по батюшкѣ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Петровна.

АЛЕКСАНДРЪ.

Машенька! я счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, я васъ стану любить, любить, любить какъ никто не любилъ еще, да и любить не будетъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Да подождите же.

АЛЕКСАНДРЪ.

Къ чему ждать, ждать? Это—лицемѣрство; я не хочу ждать; я люблю васъ, мы любимъ другъ друга, мы будемъ счастливы; у насъ будетъ дѣти; дѣлайте изъ меня что хотите; приказывайте, располагайте, позвольте только доказать вамъ любовь мою.

СЛУГА (*входитъ*).

Васъ маменька проситъ, гости пріѣхали.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы, право, престранный человѣкъ. Однако, послушайте, у насъ сегодня танцевальный вечеръ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Вы хотите танцовать со мною?—ужь не взыщите, какъ съумѣю.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Все-равно, только видите, у меня нѣтъ букета.

АЛЕКСАНДРЪ.

Такъ что жь? на что вамъ букетъ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Оно въ модѣ; имѣть въ рукахъ букетъ... вы не понимаете?

АЛЕКСАНДРЪ.

Нѣтъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, такъ я вамъ скажу: ступайте за букетомъ, только изъ живыхъ цвѣтовъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Да куда же я пойду?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Куда хотите; это ужь ваше дѣло. А мнѣ надо гостей принимать... До свиданья! (*Протягивая руку*).

АЛЕКСАНДРЪ (*цалуя руку*).

Какая ручка!

Что за ручки, просто чудо!

Цаловать бы вѣкъ готовъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, ступайте же, покуда,

Привезите мнѣ цвѣтовъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Что за странности какія,

Вамъ въ букетъ что за прокъ!

Вамъ на что цвѣты чужіе,
Сами лучшій вы цвѣтокъ?

*(Цалуетъ ее руку и опрометью кидается къ дверямъ,
идь встрѣчается съ Золотниковымъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

АЛЕКСАНДРЪ и ЗОЛОТНИКОВЪ.

Золотниковъ.

Куда ты, съумасшедшій?

Александръ.

Батюшка, съ букетомъ поздравляю тебя!... Обними меня! Я исполню твое приказаніе... твоё желанье для меня законъ! Дà! я женюсь, на ней... я счастливъ... я весь переродился... изъ живыхъ цвѣтовъ.

Золотниковъ.

Да что случилось?

Александръ.

Какъ что случилось? я влюбленъ по твоему приказанью. Воля отцовская—законъ!... Дà! тебѣ угодно, я женюсь, когда хочешь, хоть нынче... Родитель, благослови!

Золотниковъ.

Да объясни сперва.

Александръ.

Нѣтъ, обними, обними по-родительски... вотъ такъ! Кончено! я женюсь на ней!

Золотниковъ.

Да на комъ же, на ней?

Александръ.

На ней!

Золотниковъ.

На племянницѣ?

Александръ.

На дочери.

Золотниковъ.

На Настинькѣ?

Александръ.

На Машенькѣ, на моей Машенькѣ, на Марьѣ Петровнѣ. Для всѣхъ она Марья Петровна, а для меня Машенька!

Золотниковъ.

Да какъ же ты мнѣ сказывалъ, что влюбленъ въ другую, въ первую?

Александръ.

Въ первую... нѣтъ! это мнѣ такъ показалось; впрочемъ, и она очень, очень, очень-милая дѣвушка. Только эту ты самъ, отецъ мой, мнѣ назначилъ, а къ-тому жъ она поетъ... такъ поетъ.. Батюшка, ты слышалъ Гризи?

Золотниковъ.

Нѣтъ, не слыхалъ.

Александръ.

И я не слыхалъ, такъ вотъ-какъ поѣтъ. Ну, ѣдемъ!

Золотниковъ.

Какъ, ѣдемъ?

Александръ.

Дà, ѣдемъ, за букетами, за конфектами... она этого желаетъ, она приказала; ну, бери шляпу — ѣдемъ!

Золотниковъ.

Да ступай одинъ.

Александръ.

Нѣтъ, одинъ нейдѣ: ничего не найду; вернемся сейчасъ.

Золотниковъ.

Да объясни, по-крайней-мѣрѣ.

Александръ.

Дорогой все объясню. Не забудь, что отъ этого зависитъ судьба всей моей жизни. Ну, идемъ. (*Ихъ-дять*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА, МАРЬЯ ПЕТРОВНА, КУБЫРКИНА и КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Кубыркина.

Это бюваръ вашъ, матушка, конечно.

Катерина Ивановна.

Будуаръ, маменька.

Кубыркина.

Ну, все-равно; у генеральши Ахлебовой точно такой же есть; скажите, какъ въ Петербургѣ всѣ живутъ!

Дарья Семеновна.

А вы давно здѣсь не были?

Кубыркина.

Пятнадцать лѣтъ; шутка сказать! Только надо признаться, дорогонько у васъ.

Дарья Семеновна.

Да, не дешево.

КУБЫРКИНА.

Помилуйте, за что ни возьмись... Говядина филей 34 копейки! Слыханное ли дѣло! — Повѣрите ль, квартиру наняла такую, что у насъ въ Тамбовѣ стряпчій не захотѣлъ бы жить... Къ чему ни приступись, такая шаритѣ...

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Cherté, маменька.

КУБЫРКИНА.

Все-равно.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (Катенькѣ).

Ваше платьѣ шито дома или въ магазинѣ?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Конечно, въ магазинѣ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (всторону).

Солгала; сейчасъ видно, что дома; (ей) а пелеринку гдѣ брали?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Въ Пассажѣ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Очень-мило.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Поигрываете ли вы, Аграфена Григорьевна, въ карточки?

КУБЫРКИНА.

Страстная охотница! матушка; только не изъ интереса, а такъ, по маленькой, пуръ селепетанъ.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Pour passer le tems, маменька.

КУБЫРКИНА.

И матушка, все-равно!... выучили меня здѣсь въ

вистъ какой-то, очень веселая игра... странное еще такое названье... вистъ помдамуръ, кажется.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Ротрадоур, маменька.

КУБЫРКИНА.

Ну, все-равно.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

А много ли вы теперь выѣзжаете?... балы начались...

КУБЫРКИНА.

Да, на бѣду, Катенька моя захворала; хорошо, что еще натура крѣпкая, выздоровѣла скоро, а то докторъ боялся, что сдѣлается рецитативъ.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Рецидивъ, матушка.

КУБЫРКИНА.

И, матушка, рецидивъ, рецитативъ все-равно. А гдѣ же ваша комната, Марья Петровна?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Здѣсь, съ этой стороны.

КУБЫРКИНА.

Ахъ, позвольте полюбоваться.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Пожалуйте.

КУБЫРКИНА.

Пойдемъ же, Катенька.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Сейчасъ приду, маменька; только локоны поправлю. (*Дарья Семеновна, Кубыркина и Машенька уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА одна передъ зеркаломъ.

Какая манерная эта Машенька! изъ чего она носъ подымаетъ? Вотъ важность, что живетъ въ Петербургѣ. А развѣ я ее хуже? Ну, чѣмъ?... Просто ничѣмъ, просто ничѣмъ не хуже. (*Поетъ передъ зеркаломъ*).

Мнѣ самой семнадцать лѣтъ,
И спросить любова,
Въ Петербургѣ лучше нѣтъ
Кати изъ Тамбова!
Противъ барышень другихъ
Я ни чуть не хуже:
Станомъ я не меньше ихъ,
Въ таліи поуже,
Густы волосы въ косѣ,
И къ тому жъ, я съ дѣтства
Изучала тайны всѣ
Женскаго кокетства;
Знаю, шалости любя,
Сердцемъ какъ лукавить,
Какъ навѣрное себя,
Полюбить заставить;
А глаза мои и взглядъ
Вѣчно куралесать:
То улыбкой подарять,
То насмѣшкой взбѣсать.
Мнѣ самой семнадцать лѣтъ,
И спросить любова,
Въ Петербургѣ лучше нѣтъ
Кати изъ Тамбова!

ЯВЛЕНІЕ XII.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА и АЛЕКСАНДРЪ съ букетомъ
и коробками.

АЛЕКСАНДРЪ.

Вотъ и букетецъ... Насилу досталъ... Вотъ
еще... (*Роняетъ все*). Боже ты мой! кого я вижу?
Катерина Ивановна!

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Александръ Васильичъ!... Ахъ!... (*Падаетъ
въ обморокъ на стулъ*).

АЛЕКСАНДРЪ.

Съ ней дурно... съ ней дурно!... я испугалъ...
это для меня... Помогите!... помогите!...

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Да не кричите же.

АЛЕКСАНДРЪ.

Очнулась... очнулась... Катерина Ивановна!..
(*Катерина Ивановна опять падаетъ въ обмо-
рокъ.*) Фу! опять припадокъ; да она этакъ задох-
нется въ корсетъ... Нѣтъ ли ножницъ, разрѣзать
снуровку... А, вотъ кстати... (*Беретъ поспѣшно
съ туалетнаго столика ножницы.*)

КАТЕРИНА ИВАНОВНА (*вскакивая!*)

Не подходите! не трогайте! Чтó вамъ надо? за-
чѣмъ вы здѣсь?.. Мало вамъ, что вы обманули ме-
ня, что послѣ всѣхъ вашихъ обѣщаній, увѣреній, вы
бросили меня, сироту? Ступайте, не показывайтесь
мнѣ на глаза.

АЛЕКСАНДРЪ.

Вотъ-те на!.. Какъ, я еще виновать?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Онъ спрашиваетъ... виновать ли онъ... Да вы извергъ, а не человѣкъ!.. вы дон-Жуанъ, безсовѣстный!

АЛЕКСАНДРЪ.

Это что такое, дон-Жуанъ?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Не ваше дѣло!.. Отвѣчайте... объясните вашъ поступокъ. Я, право, не знаю, какъ говорю еще съ вами. Ну, скажите, пожалуйста... вы живете у насъ въ деревнѣ... вы притворяетесь влюбленнымъ, вы ищите руки моей, и когда я, какъ неопытная, беззащитная дѣвушка, начала чувствовать къ вамъ склонность...

АЛЕКСАНДРЪ.

Пожалуйста, не глядите на меня такъ.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Когда я согласилась на предложеніе ваше, ввѣряю вамъ участь свою, вы вдругъ уѣзжаете, не говоря ни слова, не простившись, не напившись даже чаю... какъ воръ точно... (Плача). Ахъ я, несчастная! что жъ я такое сдѣлала?

АЛЕКСАНДРЪ.

Нѣтъ-съ, позвольте-съ... нѣтъ-съ, позвольте... поглядите-ка на меня...

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Извольте...

АЛЕКСАНДРЪ (всторону.)

Фу ты, пропасть... опять похорошѣла... (Ей.)

Что, бишь, я хотѣлъ спросить?... Да, позвольте васъ спросить, что вы изъ меня хотѣли сдѣлать?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Какъ что... я думала, что вы будете моимъ мужемъ. Ну, хорошо ли?... ну, скажите, послѣ этого, на кого вы похожи?

АЛЕКСАНДРЪ.

Я похожъ на матушку... да не въ томъ дѣло, какимъ мужемъ хотѣли вы меня сдѣлать?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Какимъ мужемъ?... обыкновеннымъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Да, какимъ обыкновеннымъ?

Хотѣлось очень мнѣ узнать бы,

Въ какіе именно мужья,

Спустя недѣлку послѣ свадьбы,

Попалъ бы, грѣшный, съ вами я?

Все пополамъ у женъ съ мужьями,

Чѣмъ ихъ Господь благословить,

Но какъ бы мужъ, скажите сами,

Гусара съ вами раздѣлить?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Какого гусара?

АЛЕКСАНДРЪ.

Что? не знаете какого гусара? А вотъ того гусара ремонтѣра, который гостилъ у васъ въ деревнѣ?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Да онъ мнѣ братецъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Какой братецъ?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Троюродный.

АЛЕКСАНДРЪ.

Знаю я этихъ братцевъ!.. Спасибо за такое братство; слуга покорный!

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Вы забываете...

АЛЕКСАНДРЪ.

Нѣтъ, я, напротивъ, очень-помню... Вы не притворяйтесь—я все знаю.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Что вы знаете?

АЛЕКСАНДРЪ.

Я знаю, что онъ вамъ письма писалъ.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Неправда!

АЛЕКСАНДРЪ.

Вотъ прекрасно!.. я самъ читалъ, и что за письма такія... «Ангель мой, Катенька!..» Ангель мой... гдѣ они учатся, гусары, такія письма писать?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Такъ вы за это разсердились?

АЛЕКСАНДРЪ.

Мало, что ли?... чего бы вы еще хотѣли!.. (*Катенька смѣется.*) Ну, чему вы смѣетесь?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Помилуйте, вы такой смѣшной!

АЛЕКСАНДРЪ.

Кто, я смѣшной? Нѣтъ, я не смѣшной; я обиженъ... Можете вы объяснить, зачѣмъ вы получали гусарскія письма?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Нѣтъ ничего легче.

АЛЕКСАНДРЪ.

Ну, попробуйте-ка, объясните-ка!

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Не хочу.

АЛЕКСАНДРЪ.

Катерина Ивановна, пожалуйста, объясните.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Вы не стоите того.

АЛЕКСАНДРЪ.

Катерина Ивановна! умоляю васъ, объясните... не будьте жестоки.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Ну, такъ слушайте; помните вы Катеньку Рыбникову?

АЛЕКСАНДРЪ.

Что у васъ гостила? Помилуйте, да она Авдотья.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Это старшая сестра, а та другая; эти письма къ ней, я ихъ только передавала... Онъ даже хотѣлъ на ней жениться.

АЛЕКСАНДРЪ.

Какъ, въ-самомъ-дѣлѣ? Ахъ, Катерина Ивановна!... Дуракъ я, злодѣй, нечестивецъ, клеветникъ! Терзайте меня, бейте меня. Безъ вины виновать! И зачѣмъ мнѣ эти гусары лѣзли въ голову? Простите, Катерина Ивановна!

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Нѣтъ, поздно теперь.

АЛЕКСАНДРЪ.

Катерина Ивановна, такъ вы невинны?

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Ну, конечно! а, впрочемъ, какъ вамъ угодно.

АЛЕКСАНДРЪ (бросаясь на ко-
лѣни).

Катерина Ивановна, будьте великодушны, не за-
ставляйте умереть съ горя.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА (плача).

Нѣтъ! я бѣдная дѣвушка, я люблю гусаровъ...
меня каждый оскорбить можетъ... мнѣ суждено вѣч-
но быть несчастной—вѣчно любить, да страдать
въ одиночествѣ.

АЛЕКСАНДРЪ (на колѣняхъ).

Катерина Ивановна, простите меня.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Вы не будете больше ревновать?

АЛЕКСАНДРЪ.

Никогда, Катерина Ивановна... только...

ЯВЛЕНИЕ XIII.

АЛЕКСАНДРЪ и ЗОЛОТНИКОВЪ.

Золотниковъ (въ дверяхъ).

Ба! это новость какая! (Катенька убѣгаетъ).

АЛЕКСАНДРЪ.

Батюшка, это она, Катерина Ивановна, Катя
тамбовская! Я извергъ рода человѣческаго—гусаръ
писалъ письма къ Рыбниковой, хотѣлъ жениться на
Рыбниковой, а она, моя Катенька, любила да стра-
дала меня...

Золотниковъ.

Да говори хоть по-русски.

Александръ.

Она страдала, батюшка, да любила за меня.

Золотниковъ.

Да ты, братъ, изъ ума выживаешь!

Александръ.

Батюшка, обними меня.

Золотниковъ.

Отвяжись, болванъ; всего измялъ!

Александръ.

Нѣтъ, я долженъ, я хочу, я рѣшился загладить свое преступленіе... я обязанъ передъ Катенькой; я не могу иначе: я женюсь на Катенькѣ, на моей Катенькѣ.

Золотниковъ.

Да женись на комъ хочешь; ты мнѣ надоѣлъ, наконецъ. Я даю тебѣ четверть часа одуматься, а ужъ тамъ велю освидѣтельствовать въ Губернскомъ Правленіи, да посажу въ съумасшедшій домъ. Терпѣнья никакого не станетъ! Слышишь ли, чтобъ чрезъ четверть часа былъ отвѣтъ!

Александръ.

Батюшка! обними только.

Золотниковъ.

Отвяжись ты, осель, отъ меня! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Александръ *(одинъ, ходя по комнатѣ).*

Нѣтъ! вотъ положеніе... вотъ положеніе... Я

женюсь на Катеринѣ Ивановнѣ... это рѣшено; это моя священная обязанность... Но я просилъ руки Марьи Петровны; я взволновалъ ея воображеніе... и что за дѣвушка, Марья Петровна! прелесть, идеаль; разсудка гибель. Очень и на ней хотѣлось бы жениться! Да вотъ Настенька, племянница, и на ней бы не дурно было жениться... Вотъ положеніе! На трехъ жениться не позволять, а на одной мало! Вотъ оно—нѣжное сердце! вотъ оно до чего доводить!... А тутъ батюшка съ ножомъ присталъ; ему легко было, вѣдь онъ женился на матушкѣ, а мнѣ-то каково!.. Убить, просто убить! Катенька, Настенька, Машенька; Настенька, Машенька, Катенька!.. Что мнѣ дѣлать? погибаю въ цвѣтѣ лѣтъ!.. *(Падаетъ въ кресла съ большой спинкой, такъ-что его дѣйствующимъ лицамъ не видно)*.

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ ЖЕ, ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА и КУБЫРКИНА.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Я не могу наглядѣться на вашу Катеньку, Аграфена Григорьевна: въ полномъ смыслѣ красавица!

КУБЫРКИНА.

Много милости, Дарья Семеновна. Что вамъ на чужихъ глядѣть! На свою Машеньку, я чаю, не успѣете налюбоваться. Давеча мы говорили объ ней съ генеральшей Ахлебовой. Вотъ ужъ дѣвушка! можно сказать, что дѣвушка.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Все при себѣ держала, а вы дома свою воспитывали?

КУБЫРКИНА.

Дома, Дарья Семеновна.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Скажите, пожалуйста, какіе приемы—точно въ большемъ свѣтѣ вѣкъ жила... и скромность какая, какъ себя держать!

КУБЫРКИНА.

Я ужь тѣмъ, Дарья Семеновна, довольна, что она съ вашей Машенькой сблизилась. Повѣрите ль, вотъ мѣсяцъ, какъ мы пріѣхали, а я ужь нахожу, что Катя много выиграла. Да у кого и перенимать, какъ не у вашей Машеньки? вотъ примѣрная дѣвица, и бель-омъ какая!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Бель-фамъ, хотите вы сказать.

КУБЫРКИНА.

Да, матушка, все-равно... ну, ужь нечего сказать, заглядѣнье ваша Маша.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

А на Катеньку вашу, вы думаете, не весело глядѣть?

КУБЫРКИНА.

Что за манеры!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Какой бонъ-тонъ!

КУБЫРКИНА.

Какая пріятность!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Какая ласка въ разговоръ!

КУБЫРКИНА.

Нельзя не поздравить.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Со стороны порадуешься.

КУБЫРКИНА.

Я удивляюсь, какъ она еще не замужемъ! Жениховъ-то, я думаю, и перечесть нельзя!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Да, есть-таки—четырнадцать генераловъ сваталось.

КУБЫРКИНА (всторону).

Вретъ... просто вретъ!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Были и полковники, и капитаны; князь былъ одинъ. Только я Машеньку не неволю, пущай сама выбираетъ. Вѣдь ей жить вмѣстѣ придется, а не мнѣ. Однако жъ вамъ, какъ доброй пріятельницѣ, я могу сказать секретъ: я сегодня Машеньку свою сговорила.

КУБЫРКИНА.

Неужто? Вотъ вышелъ счастливый день, а я Катеньку сговорила сегодня.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Дочь моя выходитъ за богача; да не въ томъ дѣло—человѣкъ хорошій. Вы, можетъ-быть, слыхали про Золотникова, Александра?

КУБЫРКИНА.

Что? Вотъ пустяки!.. Моя дочь выходитъ за Золотникова; они обручены давно... а нынче снова порѣшили.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Нѣтъ-съ, извините... онъ сейчасъ же просилъ руки Машеньки.

КУБЫРКИНА.

Нѣтъ-съ, не Машеньки, а Катеньки.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Машеньки, говорятъ вамъ!

КУБЫРКИНА.

Нѣтъ-съ, Катеньки... Ваша Машенька, конечно, милая дѣвушка, однако жь гдѣ ей сравниться съ моей Катенькой! Оно хоть и не очень-замѣтно, однако всѣмъ извѣстно, что она немножко, вѣдь, кривобока.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Какъ? Машенька моя кривобока!... У васъ глаза развѣ кривобоки... Я ей прикажу раздѣться передъ вами. Кривобокая! вотъ-прекрасно! не съ того ли вы это взяли, что у васъ-то дочь вся на ватѣ?

КУБЫРКИНА.

Что? дочь моя на ватѣ? у меня салоуъ на ватѣ, а не дочь; дочь моя не салоуъ. Дочь моя какъ родилась, такъ и есть, а платье она носить только для приличія. Ей обманывать некого.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Да и не обманетъ; Золотниковъ, даромъ-что недалежняго ума, однакожъ и не такой же пошлый дуракъ, чтобъ жениться на вашей дочери.

КУБЫРКИНА.

А почему такъ?

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

А потому, что всѣмъ извѣстно, что дочь ваша бѣгала за гусарскимъ офицеромъ, который посмѣялся надъ ней, да и бросилъ; а тутъ же бѣдную сироту оклеветали, которая ни душой, ни тѣломъ не

виновата. Благородный поступокъ!... Гусаръ самъ рассказываетъ.

КУБЫРКИНА.

Вы смѣете говорить это мнѣ... вы! А развѣ вы думаете, неизвѣстно всѣмъ, что ваша кривобокая влюблена въ итальянскаго пѣвца? Срамъ, говорить, смотрѣть на нее, какъ въ оперѣ сидитъ... всѣ смѣются!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Да вы, кажется, забываетесь? Я васъ къ себѣ впускать не велю.

КУБЫРКИНА.

Я и сама не поѣду; и безъ васъ найдемъ, слава Богу, знакомство: генеральша Ахлѣбова и получше васъ, да находить со мной удовольствіе.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

И не удерживаю, матушка, не удерживаю!

КУБЫРКИНА.

Прощайте, матушка, пойду за Катенькой... нога моя у васъ не будетъ!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Скатертью дорога...

КУБЫРКИНА.

А дочька ваша за нашего жениха не выйдетъ!... не выйдетъ!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ваша просидитъ въ дѣвкахъ!

Вмѣстѣ.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Да я **КУБЫРКИНА.** Я съ со-
вамъ, да я васъ... да это бой шутить не позволю;
неслыханная грубость!... у меня дядя сенаторъ, я

Да вы со мною такъ не найдёте защиты! Уйдёте раздѣляетесь. Прощайте, вы поскорѣй, чтобъ хуже бы съ вами невидѣть- же не было!
ся.

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

АЛЕКСАНДРЪ одинъ, потомъ НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

АЛЕКСАНДРЪ *(изъ-за креселъ).*

Вотъ она! вотъ она! вотъ она, штука-то какая! Одна кривобока, другая на ватѣ. Одна любитъ гусаровъ, другая итальянца... а обо мнѣ говорятъ, что я дуракъ! *(Выбѣжавъ изъ-за креселъ).* Такъ нѣтъ же не дуракъ! я не позволю себя дурачить... я сдѣлаю по-своему!... я выберу третью, то есть, первую, не ту и не другую, а третью, то есть, первую!... Вотъ она, штука-то, вотъ она, вотъ она! *(Увидя Настасью Павловну).* Да вотъ и она! Погдите, сударыня, позвольте сказать вамъ два слова.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Мнѣ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Вамъ... вы на меня сердитесь?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

За что?

АЛЕКСАНДРЪ.

Ну-ну, признайтесь, что сердитесь?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Нисколько.

АЛЕКСАНДРЪ.

Какъ же! я показалъ вамъ съ перваго раза столь-

ко вниманія, а потомъ занялся совершенно посторонними предметами.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Такъ что жь!

АЛЕКСАНДРЪ.

Позвольте сперва спросить, у васъ нѣтъ родственниковъ гусаровъ?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Нѣтъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Вы не поете итальянскихъ арій?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

У меня нѣтъ голоса.

АЛЕКСАНДРЪ.

Какая вы безцѣнная дѣвушка! Настасья... какъ по батюшкѣ?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Павловна.

АЛЕКСАНДРЪ.

Настенька! я вамъ торжественно предлагаю руку свою.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Ахъ, Боже мой! вы, конечно, нездоровы! не послать ли за докторомъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Вы будете моимъ докторомъ.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Извините, мнѣ некогда... (*Хочетъ идти*).

АЛЕКСАНДРЪ (*удерживая*).

Нѣтъ, рѣшите сперва участь жизни моей. Не

конфузьтеся только; скажите, будетъ ли вамъ пріятно, чтобъ я женился на васъ?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Я удивляюсь, какъ вы смѣете говорить такъ со мной. Я бѣдная дѣвушка, но я не позволю дерзкихъ шутокъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Да помилуйте, я не шучу; я имѣю положительное намѣреніе жениться на васъ.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Да кто вамъ сказалъ, чтобъ я раздѣляла это намѣреніе! Съ чего вы взяли, чтобъ я вышла замужъ за перваго встрѣчнаго? Я знаю, въ Петербургѣ богатые женихи не опасаются отказа, но для меня въ жизни есть еще многое, кромѣ денегъ. Тамъ въ гостиной, говорили сейчасъ, что у васъ два мильйона, и, признаюсь, по этому случаю я столько наслышалась, что мнѣ гадко стало. Впрочемъ вамъ жениться не трудно, скажите только слово... и невѣсты сбѣгутся со всѣхъ сторонъ, а мнѣ нуженъ не бумажникъ, а человѣкъ, котораго я бы могла любить и уважать. Прощайте!

АЛЕКСАНДРЪ.

Настасья Павловна! выслушайте меня.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Зачѣмъ? Вы ошиблись во мнѣ: я не похожа на другихъ... Гдѣ вамъ понять гордость бѣдной дѣвушки, которая, за неимѣніемъ другихъ сокровищъ, хранить свое душевное богатство? Она не промѣняетъ души своей на роскошь ей ненужную; она можетъ

сжалиться и осчастливить, потому-что она высоко себя цѣнить, но никогда не продастъ себя.

АЛЕКСАНДРЪ.

Такъ вы мнѣ отказываете, Настасья Павловна?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Рѣшительно.

АЛЕКСАНДРЪ.

И надежды не оставляете?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Ни малѣйшей.

АЛЕКСАНДРЪ.

Послушайте, Настасья Павловна, я глупъ, смѣшонъ, дерзокъ, неучъ—все, что вамъ угодно; только, право, человѣкъ я не дурной. У меня нѣжное сердце; ну, виновать ли я; ну, повѣрите ль—все думаю, какъ бы привязаться, полюбить хорошенько, да за тѣмъ и баста! Душа-то, душа-то такъ и шепчетъ: «привяжись, болванъ, привяжись»; ну, а тутъ какъ-нарочно, судьба такъ и дразнить. То гусаръ подвернется, то итальянецъ какой-нибудь, а я въ дуракахъ съ деньгами! Ну, чортъ ли мнѣ въ этихъ деньгахъ... скажите сами... Всѣ хотятъ моихъ денегъ, а меня-то, меня-то самого никто не хочетъ!

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА (всторону).

Онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, жалокъ. (Вслухъ). Поищите, не торопитесь—найдете, можетъ-быть.

АЛЕКСАНДРЪ.

Да я хочу васъ, Настасья Павловна; вы открываете мнѣ глаза. Я чувствую себя новымъ человѣкомъ; сжальтесь надъ моимъ богатымъ положеніемъ.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Я вамъ сказала свой рѣшительный отвѣтъ, Будьте увѣрены, что я говорила съ вами по убѣжденію, а не изъ пустаго кокетства. Не сердитесь на меня; этотъ урокъ можетъ быть вамъ полезенъ; когда вы будете слишкомъ забываться съ нѣкоторыми женщинами, вы вспомните невольно, что есть такія, которыя не только заслуживаютъ, но даже требуютъ уваженія. *(Холодно присѣдаетъ и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

АЛЕКСАНДРЪ, потомъ всѣ дѣйствующія.

АЛЕКСАНДРЪ.

Фу ты пропасть! Часъ-отъ-часу не легче. Давеча было три невѣсты, а теперь ни одной!

ЗОЛОТНИКОВЪ *(въ дверяхъ).*

Ну, что, рѣшился?

АЛЕКСАНДРЪ.

Погодите, погодите...

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Съ кѣмъ поздравить?

АЛЕКСАНДРЪ.

Да ни съ кѣмъ; отказала!

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Кто, Катенька?

АЛЕКСАНДРЪ.

Нѣтъ.

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Машенька?

АЛЕКСАНДРЪ.

Да нѣтъ!

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Такъ кто же?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (входитъ).

Александръ Васильичъ, что это значитъ? Правда ли, что вы дѣлали предложеніе Катенькѣ?... Вы оскорбить меня хотите? Только это такъ не обойдется... у меня есть братъ на Кавказѣ... вы съ нимъ не раздѣляетесь. Слышите ли?

АЛЕКСАНДРЪ.

Я, право, не понимаю, что вамъ угодно.

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Вотъ она каковская!

КУБЫРКИНА (входитъ).

Она уже здѣсь, а я-то на что? Выпровожаю, не оставляю вдвоемъ. Марья Петровна, я у васъ въ комнатѣ платочекъ оставила. Позвольте получить.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (всторону).

Какая несносная! вотъ во-время пришла! Сейчасъ принесу-съ.

КУБЫРКИНА.

Извините безпокойство! (Уходитъ).

КАТЕРИНА ИВАНОВНА (входитъ).

Александръ Васильичъ, что я узнала? вы опять хотите обмануть меня: на Машенькѣ сватаетесь. Это ужъ слишкомъ... это вамъ не пройдетъ даромъ—мой троюродный братъ вступится за меня, будетъ биться съ вами на пистолетахъ, убьетъ, непременно убьетъ!

Золотниковъ.

Хороша и эта.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА (входитъ).

Такъ и есть, она ужъ подцѣпила молодца: а я-то на что? Катерина Ивановна, васъ маменька зоветъ.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА (всторону).

Вотъ въ пору пришла, чтобъ ее... (Вслухъ).
Гдѣ жъ она?...

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Сюда, кажется, пошла; я васъ провожу. (Всторону). А ужъ вдвоемъ не оставлю. (Уходятъ).

АЛЕКСАНДРЪ.

Слышишь, батюшка, что за исторія.

Золотниковъ.

Молчи!

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА (проходя чрезъ сцену).

Ахъ, я думала, что вы уѣхали!

АЛЕКСАНДРЪ.

Нѣтъ, я иду... я ѣду... Настасья Павловна, я въ отчаяніи. (Кубыркина, Катенька, Машенька, Дарья Семеновна выбѣгаютъ изъ разныхъ дверей и кидаются на Александра, скороговоркой и почти вмѣстѣ).

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Нѣтъ, это такъ оставаться не можетъ!

КУБЫРКИНА.

Это должно объясниться!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Да-съ, извольте сказать правду!

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Довольно я страдала отъ васъ!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Вы сватались на моей Машенькѣ?

КУБЫРЯИНА.

Вы сватались на моей Катенькѣ?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Я не дамъ оскорбить моей дочери.

КУБЫРЯИНА. А я буду жаловаться; у меня дядя сенаторъ!

КАТЕРИНА ИВАНОВНА. Да что жъ вы глаза вытирачили?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Что вы стоите какъ вкопанный? говорите же, объясните!

ЗОЛОТНИКОВЪ (выбѣгая на авансцену).

Саша! Саша! Здѣсь ты? Саша, пропали мы съ тобой! Погибъ! бѣда случилась! дурно мнѣ!

АЛЕКСАНДРЪ (съ испугомъ).

Батюшка! Что это съ тобой сдѣлалось?

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Лопнулъ! лопнулъ!

АЛЕКСАНДРЪ.

Кто лопнулъ?

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Тамбовъ.

Всѣ.

Тамбовъ!

АЛЕКСАНДРЪ.

Что, землетрясенье?

Золотниковъ.

То-есть, не Тамбовъ, а откупъ тамбовскій; залоги всѣ пропали — вѣдь на два мильона было... все мое состояніе!... Вотъ письмо получилъ. Деревенька одна осталась, и ту съ молотка... Саша!.. у насъ ничего нѣтъ больше.

Александръ.

Ну, слава Богу! а я такъ перепугался: думалъ что съ тобой холера сдѣлалась! Ну и къ-чему такъ кричать? Денегъ у тебя не будетъ, а я-то на что, я-то на что?

Настасья Павловна (прислушиваясь).

Да онъ благородный человѣкъ!

Марья Петровна.

Ахъ, бѣдная Катерина Ивановна!

Катерина Ивановна.

Ахъ, несчастная Марья Петровна!

Кубыркина.

Жалко мнѣ васъ, Василій Петровичъ; вотъ, можно сказать.. непріятный контредансъ.

Катерина Ивановна.

Contre tems, маменька.

Кубыркина.

Все равно; вамъ остается смириться передъ Промысломъ... Сынъ вашъ молодъ; теперь онъ остепенится, какъ женится на Марьѣ Петровнѣ.

Дарья Семеновна.

Нѣтъ, сынъ вашъ сватался на Катеринѣ Ивановнѣ; я у нея жениховъ не отбиваю—пускай живетъ счастливо.

Золотниковъ.

Да позвольте спросить: кто же выходитъ за Сашу?

Марья Петровна.

Ужь, конечно, не я.

Катерина Ивановна.

Да и не я!

Золотниковъ (*Настасья Павловна*).

Такъ не вы ли?

Александръ.

Нѣтъ, батюшка; она мнѣ и богатому-то отказала! Пойдемъ отсюда; пора за умъ взяться: отъ денегъ-то у меня и голова кругомъ пошла; такая забила дурь въ голову. Теперь надо самому быть человѣкомъ. Что жъ ты думаешь, чурбанъ я, стулъ, скотина какая-нибудь, не чувствую чѣмъ я тебѣ обязанъ? Ты поработалъ на своемъ вѣку для меня, слава Богу; теперь моя очередь. Обезпечу тебя, прокормлю тебя, работать стану, пойду во что угодно, въ магазинъ, въ поденьщики, въ сапожники, въ мастеровые, въ батраки, въ журналисты, въ литераторы! (*Публикъ*). Господа, есть ли у кого мѣстечко? Безъ протекціи, вы сами знаете, вѣдь трудно. Не откажите; оправдаю, право оправдаю; честенъ, добръ—преданъ, останетесь довольны! Ну, пойдемъ, батюшка, будемъ сами-собой, а не придачей къ своимъ деньгамъ. Урокъ этотъ стоитъ всего твоего богатства.

Золотниковъ.

Ну, пойдемъ.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Погодите, Александръ Васильичъ, я предъ вами виновата.

АЛЕКСАНДРЪ.

Вы?

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Я оскорбила васъ давеча, потому-что не знала благородства вашихъ чувствъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Не говорите, не говорите; а то опять сердце пойдетъ вверхъ дномъ: я теперь и свататься не смѣю.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

А я только теперь могу согласиться на ваше предложеніе: во мнѣ много гордости, и я чувствую что могу замѣнить все, что вы потеряли. Вотъ вамъ моя рука.

АЛЕКСАНДРЪ.

Что я слышу? Настенька... Настасья Павловна!

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Дочь моя! обними меня... Ну, и ты обними меня, только въ послѣдній разъ.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Какъ трогательно!

КУБЫРКИНА.

Вотъ глупость-то!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Да скажите, Василій Петровичъ, какъ это не счастье могло съ вами случиться?

ЗОЛОТНИКОВЪ.

Да оно, изволите видѣть, матушка, не случилось, а могло только случиться.

КУБЫРКИНА.

Что́ это значить?

Золотниковъ.

А это значить, что я еще въ прошломъ году отказался отъ всѣхъ откуповъ, а два милльончика пойдуть, такъ-ужь и быть, Настенькѣ на булавки! Схитрилъ, матушка; грѣшный человѣкъ! Вотъ Сашу своего выручить хотѣлъ.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Такъ вы меня обманули?

КУБЫРКИНА.

Это ни на что́ не похоже; мы не дадимъ себя дурачить; у меня дядя сенаторъ!

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Это изъ рукъ вонъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Какова Настя? вѣдь провела; догадалась, должно-быть.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Напередъ все знала; впрочемъ, я очень-рада!

СЛУГА (входитъ).

Гости пріѣхали.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Пойдемъ, Машенька; дѣлать намъ здѣсь нечего. А ты, матушка, поздравляю—мастерица! отплатила за мои попеченія! всѣхъ провела!

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Я всѣхъ провела... Они въ-самомъ-дѣлѣ подумаютъ; это нестерпимо! Нѣтъ, я скорѣй откажусь отъ слова.

Золотниковъ.

А кто говорилъ, что слово свято? Нѣтъ, если всякаго толка бояться, такъ и жить нельзя будетъ. Нѣтъ, пускай говорятъ что угодно, а мы веселымъ пиркомъ, да за свадебку.

Александръ.

Поскорѣй бы, батюшка!

Золотниковъ.

То-то же!.. А ты гляди на жену, да выбей пустяки изъ головы и будетъ тебѣ радость, да утѣшеніе, а не бѣда отъ нѣжнаго сердца.

Александръ.

Свой окончивъ похождения,
Теперь, въ рѣшительный сей часъ,
Просить я долженъ снисхожденья
За сочинителя и насъ.

Боишься мы, что надоѣли;
Вы насъ утѣшьте, господа,
Чтобъ сердца нѣжнаго бѣда
Бѣдой не вышла въ-самомъ-дѣль!

БУКЕТЫ

или

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЦВѢТОВЪСІЕ.

Шутка въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ТЕРЕНТІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЛУКОВИЦЫНЪ, хозяинъ
цвѣточной лавки.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ТРЯПКА, чиновникъ.

СИЛА ѲЕДОРОВИЧЪ, начальникъ чего-то.

ШУБА.

БЕКЕШЪ.

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Г-жа МИЛКОВА, актриса.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА ЛЫНДИНА, саратовская по-
мѣщица.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА, ея дочь.

ВАЖНАЯ ОСОБА.

ФЕДЬКА, работникъ въ цвѣточной лавкѣ.

СТОРОЖЪ.

Дѣйствіе происходитъ во время масляницы 1845 года.

Театръ представляетъ цвѣточную лавку; на срединѣ и по сторонамъ множество разныхъ деревьевъ разставлено симметрически въ большихъ кадкахъ. На деревянныхъ станкахъ, въ родѣ лѣстницъ, стоятъ въ порядкѣ разныя цвѣтушія растенія, въ малыхъ глиняныхъ горшкахъ. Въ глубинѣ лавки видны своды, подъ которыми можно скрыться или обойти позади растеній всю лавку. Главный входъ на лѣвой сторонѣ со сцены. Напротивъ входа, съ правой стороны, окно, также уставленное разными цвѣтами.

ЯВЛЕНИЕ I.

ТЕРЕНТІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЛУКОВИЦЫНЪ беретъ съ лотка увязанные бумагою цвѣты, разбираетъ ихъ, любитъ и ставитъ на полки. **ФЕДЬКА** чуть видѣвъ за кустами въ глубинѣ лавки.

Луковицынъ.

Федька! нарѣжь гіацинтовъ, на полкѣ, тамъ, что отцвѣли—знаешь?

Федька (кричитъ).

Знаю-съ.

Луковицынъ.

Да зеленцы пусти побольше, чтобъ показистѣе было.

Федька.

Слушаю-съ.

Луковицынъ.

Не забудь миртуса... отличительная зелень... господамъ очень нравится.

Федька.

Хорошо-съ.

Луковицынъ.

Ну ужь въ-самомъ-дѣлѣ Божіе благословеніе!

нѣ-че сказать: такая вдругъ благодать пошла .. и объяснить не могу. Пожива тебѣ, Терентій Андреичъ... Пожива тебѣ, старый песъ! дожилъ и ты до красныхъ деньковъ. Бывало, плачешься-себѣ да и только... лучшія растенія пропадаютъ: *грандифлорусъ*, *мимозусъ*, *рододендронусъ*, *геліотропусъ*, *аганантусъ*, *центифолисы*, стоятъ, бывало, себѣ голубчики да вянуть. Сердце такъ кровью и обливается! своей цѣны никто не даетъ. А теперь, то-ли дѣло! всякая травка валить въ три-дорога.

Благодать мнѣ, просто, съ неба!
Зелень—я бросалъ подь часъ,
А теперь, дороже хлѣба
Зелень всякая у насъ!
Будь товаръ хоть и съ изьянцемъ,
Платятъ въ три-дорога намъ!
Дай Богъ здравья всѣмъ тальянцамъ,
Да и русскимъ господамъ!
Продавать цвѣты изъ лавки
Успѣваемъ мы едва
Нынѣ дороги, всѣ травки,
А ужъ деньги трынъ—трава.

ФЕДЬКА (*выходитъ*). . .

Да што эвто, Терентій Андреичъ, ума не приложу: отчего эвто пошло на цвѣты такое требованіе? али приказано, видно?

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Ну ужъ молчи, братъ, не твое дѣло. Это, изволишь видѣть, повѣтріе такое. Въ кіатерѣ, говорятъ, въ людей швыряютъ.

ФЕДЬКА.

Что жъ это? Никакъ игра новая какая?

Луковицынъ.

Такъ быть слѣдуетъ. Таліанская, говорятъ, игра, и вывезена таліанцами изъ Нѣмечины. Господа наши, вишь, тѣшиться изволятъ. Вотъ видишь: кто далѣе перекинулъ, тотъ и выигралъ.

Федька.

Эва? Какая палитика!

Луковицынъ.

Голубчики мои, таліанцы! вотъ ужъ угостилъ бы ихъ чайкомъ! Не пожалѣлъ бы сотни! такъ бы и повелъ, кажется, прямо въ Лисабонъ. — Нечего сказать, отличительное заведеніе. Слышь, Федька?

Федька.

Ась?

Луковицынъ.

Все ли готово у тебя? Нынче вить утренній шпектатель.

Федька.

Какъ же, на разсвѣтъ съ Аптекарскаго три воза привезли.

Луковицынъ.

Для лакея, што приходилъ съ голунами, приготовили два букета?

Федька.

Приготовили-съ.

Луковицынъ.

И комелея есть?

Федька.

Есть и комелея.

Луковицынъ.

А для сіятельнаго-то три дюжины готовы?

ФЕДЬКА.

Въ водѣ стоятъ-съ.

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Вишь, молодецъ какой! Эвотъ ужъ вѣрно съ вы-
игрышемъ останется.

ФЕДЬКА.

Ужъ въ убытокъ, вѣрно, не будетъ.

ЛУКОВИЦЫНЪ.

(Тряпка ходитъ за сводами).

Гляди-ка, Федька... никакъ въ лавку кто-то во-
шелъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ТРЯПКА.

Тряпка (обходитъ всю лав-
ку и нюхаетъ цвѣ-
ты, не говоря ни
слова. Хозяинъ за
нимъ).

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Позвольте жъ окончательно узнать.

Тряпка.

Да бишь... братецъ, по чему у тебя букетцы?

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Да какіе букеты-съ? Всякіе есть... и въ 50 ру-
блевъ и въ десять цѣлковыхъ.

Тряпка.

Да, да, да... ну, а знаешь, братецъ, этакъ....
подешевле?

ЛУКОВИЦЫНЪ.

И подешевле есть. Въ три цѣлковыхъ есть.

Тряпка.

Чай, похуже?

Луковицынъ.

Извѣстно-съ. Будутъ попроще.

Тряпка.

Покажи-ка, братецъ.

Луковицынъ.

Какихъ прикажете-съ?

Тряпка.

Ну, да... хоть такъ... ну, хоть въ три цѣлковыхъ.

Луковицынъ (презрительно).

Федька! покажи имъ дешевые.

Тряпка (взявъ букетъ у Федьки).

Этотъ что?

Луковицынъ.

Какъ сказано-съ: три рубля.

Тряпка.

Помилуй! да онъ четвертака не стоитъ.

Луковицынъ.

Какъ можно!—Важный букетъ-съ.

Тряпка.

Побойся же Бога...

Луковицынъ.

Нельзя-съ. Мы сами дорого платимъ.

Тряпка.

Возьми два цѣлковыхъ.

Луковицынъ.

Чего-съ? не извольте беспокоиться. Федька...

а Федька! нарѣжь-ка тамъ тюльпанчиковъ, мирту-совъ, да того... какъ бишь.

Тряпка (самъ съ собою).

Вотъ оно, что значить-то: начальникъ охотникъ до музыки. Я бы сидѣлъ себѣ въ Захарьевской, у невесты... Такъ нѣтъ! Ступай въ Коломну, плати за извозчика... да еще мало: Сила Федоровичъ, букеты бросаетъ! Этакимъ ужъ, право, музыкантъ, все поетъ себѣ, и въ канцеляріи все себѣ, что-то, знай мурлычить. «Смотри», говоритъ: завтра покажемъ себя! набросаемъ этихъ, знаешь, букетиковъ». Я говорю: какъ же, Сила Федоровичъ, — набросаемъ-съ этихъ, знаю, букетиковъ. «Кому?» Да кому прикажете-съ!... Оно не глупо: пригодится по службѣ... мѣсто хорошее въ виду, а тамъ живи себѣ припѣваячи, не хуже италіянца. Только дорого, дорого... два цѣлковыхъ хочешь?

Федька.

Нельзя-съ.

Тряпка.

А впрочемъ... букетъ... оно пріятно! Сила, ловкость. Сидишь себѣ въ 4-мъ ярусѣ, взялъ букетъ покрѣпче, развернулся: Господи благослови! Хлопъ! Смотришь, а букетъ ужъ въ оркестръ! А тамъ, контрабасъ какой-нибудь перекинетъ на сцену, да еще думаетъ, чай, сытый Нѣмецъ: кто бы де это кинулъ? — А на верху-то, на верху пойдетъ суматоха! «Видѣли, букетъ кинули? Кто?... Тряпка! Какой Тряпка? Иванъ Ивановичъ! право? Быть не можетъ! — «Тряпка! точно Тряпка! право? я видѣлъ! и я видѣлъ! Эка онъ какой... Ай да Тряпка!» — Ну, что ни говори... (Улыбаясь) — пріятно. (Отрывисто). Два цѣлковыхъ хочешь?

Луковицынъ (*подходя*).

Никакъ не возможно-съ.

Тряпка.

Бери, братъ. Два цѣлковыхъ, право деньги.

Луковицынъ.

Чего-съ? что́ это за деньги! и словъ тратить не стоитъ.

Тряпка.

Эка заважничаль больно. Не хочешь двухъ цѣлковыхъ?

Луковицынъ.

Не могу.

Тряпка.

Не хочешь?

Луковицынъ.

Нѣтъ-съ.

Тряпка.

Нѣтъ? Ну такъ подавись же своими цвѣтами! къ другому пойду.

Луковицынъ.

Куда угодно.

Тряпка.

Будешь жалѣть (*уходитъ*). Не дамъ... Э.

Луковицынъ.

Не извольте беспокоиться. Эва расхарахорился! Вишь какой! Федька! А въ-самомъ-дѣлѣ букетъ-то четвертака не стоитъ.

Федька.

Не стоитъ-съ, хозяинъ.

Луковицынъ.

Вишь ты, какъ дѣло повернуло. Ха, ха! ха!

(вбѣжавъ) **ФЕДЬКА.**

Хе! хе! хе! (смѣются и вдругъ останавливаются. Тряпка выглядываетъ въ двери).

Тряпка (громко).

Хочешь два цѣлковыхъ?

Луковицынъ.

Въ убытокъ себѣ будетъ-сь.

Тряпка.

Пожалуйста, братецъ, возьми.

Луковицынъ.

Нѣтъ возможности.

Тряпка.

Такъ не дамъ же.

Луковицынъ.

Воля милости вашей.

Тряпка.

Не дамъ, не дамъ! (скрывается).

Луковицынъ.

Какъ будетъ угодно-сь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Е... **ТѢ ЖЕ, кромѣ ТРЯПКИ.**

Луковицынъ.

Вишь, чѣмъ прельщаетъ! Экая невидаль — два цѣлковыхъ!

ФЕДЬКА.

Что за деньги-сь!

Луковицынъ.

А?...

ФЕДЬКА.

Что за деньги!

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Вѣстимо. Вотъ ужъ наши господа... вотъ люблю, такъ люблю! разливанное море! за деньгой ужъ не постоятъ. Ужъ покажутъ себя. Ужъ такая поведенція. Одинъ букетъ, а другой уже сотню... Знай нашихъ!

ФЕДЬКА.

Его сіятельство подъѣхалъ.

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Бѣги, отворяй двери! (бѣгутъ къ дверямъ и низко кланяются).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и КНЯЗЬ.

КНЯЗЬ.

Готовы, что ли?

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Готовы, ваше сіятельство.

КНЯЗЬ.

Три дюжины?

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Такъ точно-съ.

КНЯЗЬ (подумавъ).

Гмъ... Не мало ли будетъ?

Луковицынъ.

Какъ прикажете-съ. Можно еще прибавить.

Князь.

Да! Еще бы штукъ шесть. (*Напльвая*). Гра росо те гісового и проч. (*Всякій разъ поетъ на другой голосъ*).

Луковицынъ (*обождавъ немного, говоритъ*). !

Слушаю-съ. Федька! слушай! (*Князь продолжаетъ пльть*) еще шесть букетовъ для ихъ сіятельства. Въ какую прикажете цѣну?

Князь.

Это ужь твое дѣло. Гра росо... и проч. на счетъ поставь съ прочими. Гра росо... и проч.

Луковицынъ.

Слушаю-съ. Федька! подь-ка сюда... (*оба скрываются въ глубинѣ сцены*).

Князь (*продолжая пльть*).

Гра росо те гісового...

ЯВЛЕНИЕ V.

КНЯЗЬ и ТРЯПКА.

Тряпка (*не смотря на князя, подходитъ быстро къ нему*).

Ну такъ чортъ же тебя поberi! Борода проклятая!

на, тебѣ, три цѣлковыхъ! на! вотъ тебѣ! ѣшь (взялъ нувъ на князя). Ахъ! виновать, виновать, ваше сіятельство... извините, пожалуйста, я думалъ, право, что этотъ козель тутъ... стоитъ...

Князь.

Ничего. А! да вы, кажется, у насъ въ канцеляріи служите?

Тряпка.

Такъ точно-съ... вмѣстѣ съ вашимъ сіятельствомъ. Только, кажется, вамъ некогда.

Князь.

Да, я рѣдко бываю. Ега росо и проч.

Тряпка.

Ну куда же вамъ... помилуйте; заниматься дѣломъ... вы вѣдь все съ знатными. Аристократъ! Куда же вамъ съ нами, мелкими чиновниками?... Я тоже думалъ. Для оперы, за букетцами изволили пожаловать?

Князь.

Да.

Тряпка.

Большое изволили заказать количество?

Князь.

Да, нельзя иначе. Вчера кинули той... вы знаете, осьмнадцать! такъ я, на всякой случай, взялъ ихъ тридцать шесть, да еще шесть. Ега росо и проч.

Тряпка (съ завистью).
Сорокъ два!! ну, какъ не позавидовать богатому
человѣку, что за пріятность, въ-самомъ-дѣлѣ: что
швырнулъ, то бѣлая ассигнація.

Князь.
(Поетъ) Гга росо... а вы, тоже за букетами?

Тряпка.
Какъ же...

Князь.
Вы тоже меломанъ?

Тряпка (не понимая).
Какъ-съ?

Князь.
Диллетантъ?

Тряпка.
Что это-съ?

Князь.
Вы, охотникъ до музыки?

Тряпка.
Какъ же, какъ же.

Князь.
Вы, Віардистъ?

Тряпка.
Нѣтъ-съ.

Князь.
Кастелланистъ?

Тряпка.

Нѣтъ-съ.

Князь.

Ага! Рубинистъ!

Тряпка.

Нѣтъ-съ.

Князь.

Понимаю: Тамбуринистъ.

Тряпка.

Никакъ нѣтъ-съ.

Князь.

Что же вы такое?

Тряпка.

Да... я... такъ-съ.

Князь.

Какъ такъ-съ?

Тряпка.

Такъ, такъ-съ. Я вѣдь, не знатокъ. Дядя у меня, правда, былъ-съ... игралъ немножко на скрипкѣ, да вотъ никакъ третій годъ какъ померъ.

Князь.

Какъ же вы, любите музыку?

Тряпка.

Да такъ-съ... для моціона. Цѣлый день вѣдь сидишь на службѣ, движенія нѣтъ никакого. Молчаніе-съ. Этикетъ. Ну, а ужь вечеромъ, пошелъ въ театръ... лихо разгуляться можно! захлопай кто-ни-

будь только въ ладоши, а ужъ мы не отстанемъ, нѣтъ, не выдадимъ своихъ; а ужъ кричать коли понадобится, — такъ ужъ можно сказать, дадимъ себя знать! постоймъ за себя. Голосъ, слава Богу есть. *(кричитъ)*. Бррра-во!!! Рубинова!

Луковицынъ *(вбѣгая)*.

Что? что случилось? пожаръ, что ли?

Тряпка.

Ничего-съ. Это мы съ княземъ разговариваемъ.

Луковицынъ.

Такъ-съ. Вишь таліанецъ какой! *(скрывается)*.

Князь.

Кому же вы кинете букетъ?

Тряпка.

Начальникъ просилъ-съ. Кому онъ кинетъ-съ, тому и я... сами посудите, служба, нельзя-съ.

Князь *(поетъ)*.

Гра росо...

Тряпка.

Да, да, вы это изъ Севильскаго Цирюльника изволите пѣть? Знаю-съ. Хорошенькая очень арія. Я грѣшный человѣкъ — люблю зрѣлища! даже вотъ на медни звѣринецъ ходилъ смотрѣть, медвѣдя сибирскаго показывали, такой милый, право... вотъ такъ бы... и бросилъ ему букетъ! но подешевле, разумѣется. Вѣдь... вы изволите знать. Ужъ безъ букетовъ нынче нельзя.

Весь Петербургъ старается,
Хлопочетъ о цвѣтахъ,
И столько ихъ бросается,

Что зелено въ глазахъ!
Сперва—пѣвцовъ Италіи
Всѣ стали осыпать,
А тамъ, пошло и далѣе,
Во всѣхъ пошли швырять!
Оцѣнку всѣмъ назначили,
И даже а прогроз:—
Бросать букеты начали
Всѣмъ статуямъ *Раппо*;
Таланты всѣ подвинули!
Я видѣлъ самъ, ей-ей:
Букетъ въ *Ризлея* кинули
Чтобъ не кидалъ дѣтей;
Одинъ—пылая рвеніемъ,
Цѣнящій красоту,
Воткнулъ букетъ съ почтеніемъ
Въ носъ мертвому *киту*!
Во всемъ видна прогрессія;
И нынѣ на Руси!
Такое цвѣтобѣсіе,
Что Боже упаси!!!

Князь.

Да, теперь очень весело въ Петербургѣ (*поетъ*).

Тряпка.

Въ Дѣтскомъ Театрѣ изволили быть?

Князь.

Нѣтъ не былъ.

Тряпка.

Со мной вышелъ-съ довольно конфузный случай
недавно: невѣсту было туда повелъ.

Князь.

Вы, женитесь?

Тряпка.

Такъ точно-съ.

Князь.

Поздравляю.

Тряпка.

Благодарю покорно.—Теща моя будущая на дняхъ пріѣхала изъ Саратова,—я-было угостить хотѣлъ ее италіянцами, да нѣтъ мѣста, ни одного, что хочешь дѣлай; къ себѣ въ ложу пригласить не лично: насъ и безъ того восемь человѣкъ, въ 4-мъ ярусѣ.—Вижу на афишкѣ: антики какіе-то показываютъ въ Дѣтскомъ Театрѣ. Повелъ ихъ на бѣду.—Повѣрите ль, теща чуть-чуть глаза не выцарапала! на-силу, на-силу успокоилъ. Ужь за лошадьми послала, въ Саратовъ хотѣла обратно.

Князь.

Право? (*поетъ*) *Гра росо и проч.*

Луковицынъ (*входя*).

Ваше сіятельство... не прикажете ли людей нанять? Мы съ Федькой корзины съ букетами не стащимъ вдвоемъ: тяжело больно.

Тряпка.

Ничего, ничего, я помогу.

Князь.

Не беспокойтесь.

Тряпка.

И! ничего, ваше сіятельство. (*Выносятъ изъ глубины лавки съ большимъ трудомъ огромнѣйшія двѣ корзины въ главный выходъ*).

Князь.

Посмотримъ теперь, чья возьметъ?

Нѣтъ, никому мы не уступимъ,

Ужъ не попятимся назадъ,

Теплицу цѣлую мы купимъ,

Съ корнями вырвемъ цѣлый садъ!

На сцену сами всѣ мы ляжемъ,

Имѣнье рады мы убить,

Но Петербургу мы покажемъ

Какъ надо музыку любить.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ШУБА и **БЕКЕШЪ** выходятъ, споря между собою.

ШУБА.

Дрянъ! дрянъ! что́ это за пѣвица? просто, дрянъ!

БЕКЕШЪ.

Нѣтъ, не дрянъ! нѣтъ, не дрянъ! а вотъ ваша такъ дрянъ! такъ точно дрянъ.

ШУБА.

Помилуйте, да что́ же вы за знатокъ послѣ этого? да вы ровно ничего не смыслите! да она поетъ фальшиво!

БЕКЕШЪ.

Какъ, фальшиво? да это у васъ, сударь, уши фальшивыя! да вы сами фальшивый человѣкъ послѣ этого! она никогда фальшивой нотки не брала.

ШУБА.

Ну, что́ вы говорите? помилуйте! Да вотъ спро-

сите у Ивана Козьмича, у Андрея Степаныча: всё они скажутъ, что она фальшивить.

БЕКЕШЪ.

Нѣтъ, не скажутъ, нѣтъ не скажутъ. А вотъ объ вашей—такъ скажутъ! непременно скажутъ. Спросите Бѣлку... больше ничего, спросите только Бѣлку,—послушайте-ка его. А ужь онъ знатокъ, кажется. Даже слова написалъ для романа «Черный башмачекъ». Послушайте-ка, что онъ вамъ скажетъ.

ШУБА.

Да что мнѣ его слушать! мнѣ князь говорилъ вчера еще, самъ князь говорилъ: » вижу, братецъ, что знатокъ! стоишь за правое дѣло. »

БЕКЕШЪ.

Хорошъ знатокъ!

ШУБА.

Получше васъ.

БЕКЕШЪ.

Смѣшно слышать!

ШУБА.

Уши вянутъ!

БЕКЕШЪ

Ай да знатокъ!

ШУБА.

Ну ужь музыкантъ.

БЕКЕШЪ.

Ха! ха! ха!

ШУБА.

Ха! ха! Ну, ужь одолжилъ!

БЕКЕШЪ.

Потѣшилъ! нечего сказать! (оба смѣются до упада).

ЛУКОВИЦЫНЪ (входитъ).

Господа! съ нашимъ почтеніемъ-съ!...

БЕКЕШЪ.

Эй! лавочникъ!

ШУБА.

Хозяинъ!

БЕКЕШЪ.

Букеты есть у тебя?

ШУБА.

Есть у тебя букеты?

БЕКЕШЪ.

Вы, для своей?

ШУБА.

А вы для своей?

БЕКЕШЪ.

Безъ сомнѣнія.

ШУБА.

Разумѣется.

БЕКЕШЪ.

Вотъ на дѣло деньги!

ШУБА.

Стоитъ она того!

ЛУКОВИЦЫНЪ (показывая).

Да вотъ-съ, господа, всего—пять букетовъ осталось... всѣ разобрали.

ШУБА.

За мной, братецъ.

БЕКЕШЪ.

Нѣтъ, за мной!

ШУБА.

Я сказалъ первый!

БЕКЕШЪ.

Я больше дамъ!

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Кому же прикажете-съ?

ШУБА.

Мнѣ!...

БЕКЕШЪ.

Нѣтъ, мнѣ-съ.

ОБА.

Мнѣ! мнѣ! мнѣ!

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Всѣ прикажете-съ?

БЕКЕШЪ.

Всѣ! всѣ! что бъ они не дали, я дамъ цѣлковымъ больше.

ШУБА.

И я тоже!

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Ну, ужъ вы, господа, рѣшайте между собой какъ угодно... я пойду, уложу букетики (*скрывается въ глубинѣ лавки*).

ШУБА (*съ досадою*).

Хорошо-съ! хорошо-съ! Нечего сказать: отбивать добро у чужихъ людей вздумали! да здѣсь, батюшка, не служба (*про себя*) раскуси-ка это...

БЕКЕШЪ (*обидясь*).

Что это значить?

ШУБА.

Да слухомъ земля полнится. — Славный домикъ, говорятъ, изволили купить.

БЕКЕШЪ.

Что-съ?

ШУБА.

И скоро. Никакъ вы третій годъ только на своемъ мѣстѣ?

БЕКЕШЪ.

Да вы, кажется, забываетесь... вы дерзости мнѣ говорите? а? Ну, купилъ домъ! купилъ! купилъ! вамъ что за дѣло? не на ваши деньги; на деньги жены моей.

ШУБА.

Знаемъ мы!

БЕКЕШЪ.

Извѣстно, что знаете. Вы, чаю, съ женою-то вашей — и побольше одного дома купите.

ШУБА (обидясь).

Что это значитъ?

БЕКЕШЪ.

Да такъ.

ШУБА.

Какъ, такъ?

БЕКЕШЪ.

Жена ваша, вѣдь извѣстно...

ШУБА.

Да это вы мнѣ грубости говорите!

БЕКЕШЪ.

А вы что?

ШУБА.

Да вы, нахаль, милостивый государь.

БЕКЕШЪ.

А вы—взяточникъ!

ШУБА.

А свидѣтелей-то нѣтъ... (ему). Я взыщу съ васъ за безчестіе.

БЕКЕШЪ.

А я буду жаловаться начальству.

ШУБА.

Берегитесь!

БЕКЕШЪ.

Бездѣльникъ!

ЛУКОВИЦЫНЪ (входитъ).

Вотъ, господа, и корзинка съ букетами. Съ кого прикажете получить-съ?

ШУБА.

Съ меня.

БЕКЕШЪ.

Нѣтъ, съ меня! (поспѣшно вынимаетъ бумажникъ).

ШУБА.

Давай сюда!

БЕКЕШЪ.

Сюда давай!

ЛУКОВИЦЫНЪ (про себя).

Хорошаго случаю упущать не надо. (Вслухъ). По пяти цѣлковыхъ, господа.

ШУБА.

На, деньги...

БЕКЕШЪ.

Съ меня бери (оба кидаютъ деньги на корзину).

ШУБА.

Мои букеты!

БЕКЕШЪ.

Нѣтъ, мои!

ОБА (кричатъ).

Мои! мои! (каждый тащитъ корзину въ свою сторону. Луковицынъ беретъ деньги).

БЕКЕШЪ.

Не смѣйте, сударь!

ШУБА.

Отпустите, я васъ старше чиномъ!

БЕКЕШЪ.

Мое мѣсто выше!

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Эка ихъ разобрало!

ШУБА.

Такъ не спорьте же со мною!

Чиномъ ниже вы меня!

БЕКЕШЪ.

Ниже чиномъ, но душою

Втрое васъ повыше я!

ШУБА.

Отойдите жь! какъ не стыдно?

БЕКЕШЪ.

Какъ не стыдно отнимать?

ШУБА.

Тотчасъ взяточника видно,

БЕКЕШЪ.

Намъ по-вашему не взять.

ШУБА.

Я не въ шутку разсержуся!

БЕКЕШЪ.

Я ей-Богу разсержусь!

ШУБА.

Для своей я потружуся!

БЕКЕШЪ.

За свою я потружусь!

ШУБА.

Это подло!

БЕКЕШЪ.

Это низко!

ШУБА.

Отступитесь!

БЕКЕШЪ.

Никогда!

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Господа! здѣсь будка близко,

Не угодно ли туда?

ШУБА (потянувъ сильно корзину).

Такъ я же васъ!...

БЕКЕШЪ (также).

Что вы? (Корзина разламывается, цветы падаютъ, оба отскакиваютъ въ разныя стороны. Луковицынъ бросается поднимать цветы).

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЪ ЖЕ и СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ поетъ изъ разныхъ оперъ, все на одинъ голосъ, съ русскимъ нарѣчіемъ и все улыбается.

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ.

Ви ви ту. Ви ви ту. Что это, господа? Вы шумите, кажется?

БЕКЕШЪ (испугавшись).

Мы-съ...

ШУБА (также).

Ничего-съ...

БЕКЕШЪ.

Такъ-съ себѣ... объ музыкѣ разсуждали.

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ (улыбаясь).

Право?—Maledetto сей листанте. Ага, за букетами, видно?

ШУБА.

Да-съ.

БЕКЕШЪ.

Такъ точно-съ.

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ (поетъ).

А мабрачиа... вы меломаны, господа?

ШУБА.

Какъ же.

БЕКЕШЪ.

Страстные охотники.

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ (улыбаясь).

Право? какъ пріятно! и я, повѣрите-ли, съ итальянской оперой сталъ совсѣмъ новымъ человѣкомъ. (поетъ) а перке нонъ и проч.

БЕКЕШЪ.

Какой пріятный голосъ!

ШУБА.

Нѣтъ, метода какая...

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ.

Се мифрема и проч. Ну, а которая пѣвица вамъ больше всѣхъ нравится, господа?

БЕКЕШЪ.

Мнѣ-съ?...

ШУБА.

Мнѣ что ли-съ?

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ.

Да... а перке...

БЕКЕШЪ (всторону).

Ахъ, Боже мой! вѣдь я не знаю какую онъ любить?

ШУБА. (про себя).

Ну, какъ назовешь не ту? вѣдь онъ, пожалуй, сдѣлаетъ непріятность.

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ.

Что же, господа?

ШУБА.

Да... я-съ... *(особо)*. Экая у него подлая душонка! Вѣдь боится сказать.

БЕКЕШЪ (про-себя).

Вотъ онъ знатокъ-то и сталъ въ тупикъ.

ШУБА.

Мнѣ нравится... та... что... *(особо)*. Бѣда, коли соврешь.

БЕКЕШЪ.

А я нахожу-съ... что... другая... (особо) ну, какъ бы отгадать?

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ.

Вы Лучію любите?

ШУБА (особо).

Должно быть, эта (вслухъ). Люблю ужасно люблю-съ!

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ.

Какъ бишь тамъ эта арія?... да *Fra raso te ricovero*.—А вы?

БЕКЕШЪ.

Я... я... тоже.

ШУБА (особо).

Вотъ человѣкъ! на грошъ нѣтъ въ немъ совѣсти.

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ.

А Норму-съ, господа?

БЕКЕШЪ.

Норму-съ... такъ.

ШУБА.

Норма-то... себѣ.

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ.

Какъ, господа! помилуйте! а каста дива, каста дива?

ШУБА.

Это не я-съ... я люблю Норму. Вотъ они... такъ кажется...

БЕКЕШЪ.

Не правда! они очернить меня хотятъ. Я всякій разъ бываю въ Нормѣ... вотъ, въ особенности... какъ ты дива, я люблю.

ШУБА.

Прекрасная музыка!

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ.

Я, господа, долженъ вамъ сказать: я люблю всю труппу!

БЕКЕШЪ.

И я тоже.

ШУБА.

И я тоже.

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ (улыбаясь).

Только, одну пѣвицу ненавижу.

БЕКЕШЪ.

И я тоже.

ШУБА.

И я тоже.

БЕКЕШЪ (особо).

Экая низость!

ШУБА (также).

Вотъ ужъ подлый человѣкъ!

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ.

Эй! лавочникъ! есть у тебя букеты?

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Никакъ нѣтъ-съ. Вотъ, послѣдніе ихними милостями взяты, и деньги съ двоихъ получены.

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ (улыбаясь).

Хорошо. Давай сюда! Хорошенькіе букетики и запахъ есть. — Ароматъ такой. — Нель фуроръ... (Шуба и Бекешъ стоятъ пораженные).

ШУБА.

Что...о...о...о-съ.

БЕКЕШЪ.

Ка...а...а...къ-съ.

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ.

А?

БЕКЕШЪ.

Нѣтъ-съ, съ удовольствіемъ! (особо). Экая досада!

ШУБА.

Мы для васъ и приготовили (особо). Чортъ бы его подралъ! (входитъ Тряпка и все кланяется. Сила Федоровичъ его не замѣчаетъ).

БЕКЕШЪ.

По крайней мѣрѣ ему не достанется.

ШУБА.

Не мнѣ, такъ и не ему же!

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ (беретъ корзинку подъ мышку).

Спасибо, господа! Степка! на! отнеси въ карету. (Шуба и Бекешъ бросаются къ нему и передаютъ почтительно корзинку лакею). А что, господа?... (смотря на часы): пора въ театръ... скоро начнется. (Замѣтя Тряпку, который все кланяется). А! Тряпка! и ты здѣсь.

ТРЯПКА.

Здѣсь, ваше высокородіе.

СИЛА ФЕДОРОВИЧЪ.

За букетцемъ?

ТРЯПКА.

По приказанію вашему.

СИЛА ВЕДОРОВИЧЪ.

Ну, хорошо, братецъ, спасибо. Скоро будетъ твоя свадьба?

Тряпка.

Послѣ поста-съ.

СИЛА ВЕДОРОВИЧЪ.

Позовешь ты меня?

Тряпка.

Буду... осмѣливаться просить въ отцы посаженные.

СИЛА ВЕДОРОВИЧЪ.

Хорошо. Ну, въ театрѣ увидимся... покажемъ себя.

Тряпка.

Покажемъ-съ, ваше высокородіе... пускай всѣ насъ знаютъ.

СИЛА ВЕДОРОВИЧЪ.

Хорошо! Прощайте, господа! *(Уходитъ)*.

ШУБА.

Ну что взяли?

БЕКЕШЪ.

А вы что взяли?

ШУБА.

Э....

БЕКЕШЪ.

Э....

ШУБА.

А все-таки вы взяточникъ!

БЕКЕШЪ.

А вы... *(говоритъ ему на ухо)*. Вотъ что!
(уходитъ).

ШУБА.

Ну, погоди, погоди голубчикъ! ужь мы съ тобой раздѣлаемся... (*Уходитъ за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЛУКОВИЦЫНЪ и ТРЯПКА.

Луковицынъ.

Признательно сказать: со мной этого еще и не бывало. За букеты получилъ съ двоихъ, а унесъ-то ихъ третій,—мудреная штука!

Тряпка.

Ну, нечего дѣлать, бери свои деньги.

Луковицынъ.

Какія деньги?

Тряпка.

За букетъ, что я торговалъ.

Луковицынъ.

Да онъ проданъ-съ.

Тряпка.

Какъ! что ты говоришь?

Луковицынъ.

Да вы рѣшаться не изволили, такъ я другимъ отдалъ.

Тряпка.

Какъ же, братецъ? Я начальнику обѣщался...

Луковицынъ.

Не могу знать-съ.

Тряпка.

Да этакъ въ бѣду попадешь! Ну, другой дай какой-нибудь.

Луковицынъ.

Другихъ нѣтъ.

Тряпка.

Какъ, нѣтъ?

Луковицынъ.

Всѣ проданы-съ.

Тряпка.

Ну, полтинникъ прибавлю.

Луковицынъ.

Радъ бы дать, да какъ нечего-съ.

Тряпка.

Не уже ли, братецъ, у тебя цвѣтовъ нѣтъ въ лавкѣ?

Луковицынъ.

Заказныхъ осталось еще нѣсколько, а продажныхъ нѣтъ больше-съ.

Тряпка.

Ну такъ уступи изъ заказныхъ.

Луковицынъ.

Какъ можно-съ!

Тряпка.

Ну, а если не придутъ за ними?

Луковицынъ.

Не придутъ, такъ берите пожалуйста.

Тряпка.

Такъ я, братецъ, подожду.

Луковицынъ.

Воля милости вашей.

Тряпка.

Я посмотрю, что у тебя тамъ за растительность...

Луковицынъ.

Извольте смотрѣть (Тряпка уходитъ за куcты).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ЛУКОВИЦЫНЪ и г-жа МИЛКОВА.

Милкова.

Скажите, пожалуйста, здѣсь можно заказать букеты, вотъ эти, что въ театрѣ кидаютъ?

Луковицынъ.

Здѣсь, сударыня. Да—никакъ... вы сами представлять изволите на Александринскомъ. Вы будете, кажись, г-жа Милкова?

Милкова.

А вы меня какъ знаете?

Луковицынъ.

Видали-съ. Въ прошедшемъ году ложу брали. Ходили съ хозяйкой дѣтей потѣшать, — да свекровь была еще съ нами-съ... да человѣкъ шесть—семь знакомыхъ-съ. Знатное было представленіе! очень помнимъ.

Милкова.

Такъ, пожалуйста, ни кому не говорите.

Луковицынъ.

(Чтого-съ?)

Милкова.

Что я сюда къ вамъ приходила.

Луковицынъ.

Да! да! да! Это вы для себя изволите...

Милкова.

Тише, пожалуйста, чтобъ не услыхалъ кто-нибудь. Вы посудите сами: я вѣдь не какая-нибудь... ну, любовницъ я не играю: не по лѣтамъ, а атакыхъ,

благородныхъ матерей—какъ я, я думаю, вы немного найдете.

Луковицынъ.

Что жъ, чай, дѣтки чувствовать должны.

Милкова.

Нѣтъ, вы не понимаете. Я представляю благородныхъ матерей. Это ампула мое.

Луковицынъ.

Какъ-съ?

Милкова.

Это ампула мое.

Луковицынъ.

Изволите видѣть! Хорошее-съ названье.

Милкова.

Моя служба не хуже другихъ, и роли такія... а въ представленіи букеты кидаютъ только молоденькимъ. Только и есть у иныхъ что личико хорошенькое, а ни дикціи, ни манеровъ. Право, грустно... большой упадокъ въ театрѣ.

Луковицынъ.

Что же вы прикажете-съ?

Милкова.

Четыре букета къ завтешнему театру; (особо) пущай же и мнѣ кинутъ букеты, а то, право, до сихъ поръ ни одного еще не видала! ну—хоть въ отставку выходить.

Луковицынъ.

Будутъ готовы-съ.

Милкова.

Да, пожалуйста, получше, побольше этакихъ.

Луковицынъ.

Слушаю-съ, сударыня... *агамантуса* пустимъ—
будете довольны-съ.

Милкова.

За ними мой родственникъ придетъ.

Луковицынъ.

Хорошо-съ.

Милкова.

Вы и деньги съ него получите.

Луковицынъ.

Знаю-съ.

Милкова.

Только, пожалуйста, чтобы были хорошенькіе.

Луковицынъ.

Уважимъ-съ, уважимъ-съ (*проводжаетъ ее*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ТРЯПКА одинъ, потомъ ЛУКОВИЦЫНЪ.

Тряпка.

Нѣтъ, этакъ пропадешь совсѣмъ по службѣ. Ска-
жутъ: ненадежный человѣкъ, обѣщаль и обманулъ,—
шутка плохая... Да я себѣ на умѣ (*показываетъ
изъ-подъ полы букетъ*). Вотъ онъ, голубчикъ! по-
тихоньку да взялъ.—Эй, хозяинъ!

Луковицынъ (*возвращаясь*).

Чего изволите?

Тряпка.

На тебѣ три цѣлковыхъ! (*кидаетъ ему деньги,
показываетъ букетъ и убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

ЛУКОВИЦЫНЪ и ФЕДЬКА.

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Эва, пострѣль какой! изъ заказныхъ подтибриль.
Федька! сколько ихъ тамъ было?

ФЕДЬКА.

Девять штукъ, Терентій Андреичъ.

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Ну-тка перемѣшай, чтобъ опять ихъ было девять.
Зелени прибавь, миртуса побольше. Слышишь ли?

ФЕДЬКА (уходя).

Слушаю-съ.

ЯВЛЕНИЕ XII.

ЛУКОВИЦЫНЪ и ВЛЮБЛЕННЫЙ.

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Послушай, любезный!

ЛУКОВИЦЫНЪ.

— Желаемъ здравія-съ.

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Послушай: отнесли вчера букеты въ Захарьевскую?

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Относили, сударь.

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Въ 37-й №?

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Да-съ.

Влюбленный.

Точно ли такъ?

Луковицынъ.

Такъ точно-съ.

Влюбленный.

Ну?...

Луковицынъ.

Отнесли, сударь.

Влюбленный.

Что жъ, ничего не спрашивали?

Луковицынъ.

Какъ-съ?

Влюбленный.

Не спрашивали отъ кого?

Луковицынъ.

Какъ же-съ, спрашивали.

Влюбленный.

Что жъ отвѣчали?

Луковицынъ.

Да какъ вы приказывать изволили. Ничего не отвѣчали. Не велѣно де говорить отъ кого.

Влюбленный.

Хорошо, братецъ, спасибо. — Точно отнесли?

Луковицынъ.

Будьте покойны, сударь.

Влюбленный.

Въ Захарьевскую, въ 37-й №?

Луковицынъ.

Точно-съ.

Влюбленный.

Ну, а кто же вышелъ?

Луковицынъ.

Дѣвка никакъ выходила, спрашивала у моего парня: «отъ кого-де цвѣты?» парень говоритъ: «не знаю, сударыня, а вотъ только отдать приказано.»

Влюбленный.

Что жъ она?

Луковицынъ.

Да она взяла-съ.

Влюбленный.

Сказала: спасибо?

Луковицынъ.

Да, говоритъ, благодарю.

Влюбленный.

Хорошо, любезный. Да такъ ли? не ошибся ли онъ? Марья Андреевна Лындиной, такъ ли сказано?

Луковицынъ.

Совершенно-съ.

Влюбленный.

Можетъ быть, онъ отдалъ матери, старухѣ Марья Семеновнѣ. Она вспыльчивая такая, еще разсердится, пожалуй.

Луковицынъ.

Помилуйте-съ, не въ первый разъ, парень мой не ошибется.

Влюбленный.

Ну, хорошо. А скажи пожалуйста: (помолчавъ) барышня сама не выходила?

Луковицынъ.

Нѣтъ—не выходила.

Влюбленный.

Ну, хорошо, братецъ. Горничная выходила?

Луковицынъ.

Да-съ, дѣвка.

Влюбленный.

Въ Захарьевской.

Луковицынъ.

Такъ точно-съ.

Влюбленный.

Въ 37-й №? а? въ 37-й №?

Луковицынъ.

Ну, да-съ! (уходитъ).

Влюбленный (одинъ).

Бѣдный я!... чего я хочу?... зачѣмъ я еще мечтаю?... она помолвлена за другаго. Ее отдають за Тряпку, а я... зачѣмъ я, страдаю безнадежно?

Зачѣмъ я въ столицѣ? мнѣ жить бы въ деревнѣ,

Здѣсь все мнѣ противно и служба не впрокъ!

Я все только брежу о Марьѣ Андревнѣ,

И вяну и сохну, какъ нѣжный цвѣтокъ.

Зачѣмъ я на свѣтѣ? Совсѣмъ бы не надо.

Зачѣмъ я влюбился и сталъ безтолковъ?

Зачѣмъ я чиновникъ—такого разряда,

Что всѣ поступаютъ со мной безъ чиновъ?

(За кулисами слышенъ голосъ Марьи Семеновны).

Здѣсь, что ли, бальныя растенія на-прокатъ отпускають?

Луковицынъ (войдя).

Здѣсь, сударыня. Милости просимъ!

Влюбленный.

Боже мой! что слышу я? голосъ Марьи Семеновны... и она! она съ ней! сердце бьется... какое

положеніе... что если она увидитъ!... Спрятаться гдѣ-нибудь. (*Прячется за кусты*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЛУКОВИЦЫНЪ, МАРЬЯ СЕМЕНОВНА ЛЫНДИНА и
МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

ЛЫНДИНА.

Уфъ! батюшки... устала немного. Здравствуй, мой родной.

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Здравія желаемъ-съ!—Вотъ учливая барыня, воспитанная.

ЛЫНДИНА.

Скажи-ка, мой батюшка, здѣсь, говорятъ, берутся ставить въ комнатахъ горшки съ цвѣтами?

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Къ свадьбѣ, что ли, сударыня?

ЛЫНДИНА.

Нѣтъ, любезный, не къ свадьбѣ еще. Дочь-то я, правда, сговорила, да свадьбу-то сыграть теперь нельзя... пора, ты, батюшка, самъ знаешь какая.

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Дѣйствительно-съ. Такъ для балà-съ угодно.

ЛЫНДИНА.

Я здѣсь человѣкъ новый, батюшка. Вторую недѣлю всего какъ изъ Саратова.—Дочь еще тамъ сговорила, изъ министерства чиновникъ пріѣзжалъ. Человѣкъ степенный, кажется, солидный такой.

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Хорошее дѣло-съ.

ЛЫНДИНА.

Имя странное немного: Тряпка. Ну, да говорятъ, это хорошая малороссійская фамилія.

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Такъ-съ.

ЛЫНДИНА.

Ну, не кухарка же я, батюшка, въ самомъ дѣлѣ, пріѣхала сюда... нельзя не дать бала. Попросила совѣта у знакомой, — она модница у меня такая шематонка. Вы, говоритъ — поставьте вездѣ произрастенія: безъ этого нельзя теперь. — Какія это, батюшка, произрастенія? покажи изъ милости... съ-роду не видывала.

ЛУКОВИЦЫНЪ.

А вотъ, не угодно ли взглянуть...

ЛЫНДИНА.

Сюда, что ли?

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Сюда-съ... сюда-съ. (Оба уходятъ въ глубину лавки).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ВЛЮБЛЕННЫЙ и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

ВЛЮБЛЕННЫЙ (изъ-за кустовъ).

Тсъ!... тсъ!... Марья Андреевна!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ!...

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Марья Андреевна! выслушайте меня...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, оставьте!

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Нѣтъ, Марья Андреевна! теперь или никогда! судьба наша должна сейчасъ рѣшиться, признайтесь мнѣ только: вы не любите Тряпку?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Помилуйте-съ! что съ вами?

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Вы не можете его любить! гдѣ ему? онъ осель извѣстный въ департаментъ. Онъ, просто, дуракъ набитый! позвольте убить только его! Я его убью! уничтожу, сотру съ лица земли! я его... ахъ, извините, Марья Андреевна... я не знаю что я говорю... у меня голова идетъ кругомъ... сжальтесь надо мною.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Чего же вы хотите?

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

И вы это у меня спрашиваете! вы не знаете чего я хочу...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой!

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Вы не отгадали, что я люблю васъ! что вы солнце моей жизни! видѣть васъ—одно мое счастье! безъ васъ—смерть! ей-Богу смерть! умру! застрѣлюсь! не уже ли вы хотите, чтобъ я погибъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, нѣтъ-съ... какъ можно!

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Марья Андреевна! божество мое!

РОМАНСЪ (изъ Лукреціи).

Ты ландышъ! ты розанъ красивый
Зачѣмъ прозябаемъ мы врозь?
Твой взглядъ такъ и жжетъ какъ крапивою
И колетъ мнѣ сердце насквозь!
Позволь, чтобы страстный любовникъ,
Довынѣ убитый судьбой,
Забывъ, что онъ бѣдный чиновникъ,
Какъ съ розою дикій шиповникъ
Всегда процвѣталъ бы съ тобой!

Скажите, что вы равнодушны къ моей страсти?
скажите, что вы отгадали, кто присылалъ вамъ цвѣ-
ты въ Захарьевскую.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ! это вы?

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Какъ? не уже ли вы не знали?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я-съ...

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Вы отгадали? не правда ли? не краснѣйте... не
правда ли, вы отгадали? ну, признайтесь, отгадали
да? да?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да-съ.—

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

И не сердитесь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ-съ.

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Марья Андреевна! ангелъ мой! такъ вы меня лю-
бите? такъ вы не хотите Тряпки? О! теперь мнѣ

все ни-по-чемъ! весь Петербургъ вверхъ дномъ поставлю!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что́ это вы?

ЛЫНДИНА (за кустами).

Съ кѣмъ это Машенька тамъ говоритъ?...

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Вы меня любите! Этого мнѣ довольно. Цѣлый свѣтъ убью, а васъ ни кому не отдамъ, а Тряпку... Тряпку разорву на части!

ЛЫНДИНА (такъ же).

Ахъ, Боже мой! что́ я слышу!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, маменька...

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Маменька! что́ она такое? развѣ она имѣетъ право на ваше сердце? вотъ, великая важность, что маменька. Да, что́ она значить? Я буду вамъ маменькой! я всѣхъ замѣню вамъ! я увезу васъ, я увезу тебя, Машенька, на край свѣта!

ЛЫНДИНА (выходя изъ-за кустовъ, падаетъ на руки Луковицына).

Что́ я слышу! ахъ, дурно!... дурно!... Что́ со мной?

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Дурнота-съ.

ЛЫНДИНА.

Ахъ!

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Уфъ!

ЛЫНДИНА.

Дурно!

ЛУКОВИЦЫНЪ.

Эхъ, не хорошо! Эй! Федька! лавку, стулъ по-
скорѣй... задавить совсѣмъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что вы надѣлали, маменька! Боже мой! ахъ! дур-
но!... дурно!... (*падаетъ на руки Влюбленнаго*).

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Воды! воды! лейку! (*суетится около Марьи Андреевны, Луковицынъ около Марьи Семеновны; Федька приноситъ лейку, — ихъ оттираютъ, прыскаютъ и проч.*).

ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Что я надѣлалъ!

(*Изъ Лучи.*)

Боже мой! какъ я страдаю!

Я сразилъ и мать и дочь...

Что мнѣ дѣлать? я не знаю...

Какъ такой бѣдѣ помочь?

ХОРЪ (*лакеевъ*).

(*Изъ Севильскаго Цирюльника*).

Давайте букеты!

Букетовъ сюда!

Стоять здѣсь кареты

И ждутъ господа;

На деньги! дай сдачи!

Давай какъ пришлось!

Мы словно на дачѣ,

Прямой сѣнокосъ.

(Общая суматоха. Лакеи, получивъ букеты, убѣгаютъ).

Луковицынъ.

Кто бы подумалъ! здоровая, кажись, барыня, а вотъ скрутилась, словно прутикъ какой... чуть-чуть рукъ не отломала. Ну, что тамъ еще?

ЯВЛЕНИЕ XV.

Прежніе и **МИЛКОВА**. Г-жа Мындина въ глубинѣ лежитъ на лавкѣ за зеленью. Марья Андреевна подлѣ нее плачетъ. Влюбленный ее утѣшаетъ.

Милкова.

Ахъ, послушайте, я забыла спросить: у васъ тоже дѣлаютъ... вы знаете... Эти зеленые большіе вѣнки?

Луковицынъ.

У насъ, сударыня.

Милкова.

Очаровательныя гирлянды! Я вамъ пришлю розовыхъ лентъ два аршина. Можно старыхъ?

Луковицынъ.

Можно-съ, сударыня.

Милкова.

Пошире только.

Луковицынъ.

Да-съ, коли пошире, будетъ показистѣе.

Милкова.

А скажите, пожалуйста; изъ какой зелени эти вѣнки дѣлаются?

Луковицынъ.

Да всякая — идетъ-съ. Какую прикажете, смотря по цѣнѣ.

Милкова.

Такъ, пожалуйста, для меня ужь самую лучшую.

Луковицынъ.

Съ нашимъ удовольствіемъ.... самую свѣжую поставимъ, останетесь довольны.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТЪ ЖЕ и ТРЯПКА въ большомъ волненіи.

Тряпка.

Эй! хозяинъ! лавочникъ! что хочешь бери, давай только букетовъ! все, что есть! всю лавку! скорѣе только.

Милкова.

Ахъ, старый знакомый! Тряпка! (*про себя*) Вотъ бы заставить его кинуть мнѣ букетъ. (*Ему*) Какими судьбами?

Тряпка.

Извините, сударыня.... не до того.... Эй, ты, букетъ! давай сюда бороду! что я вру.... Эй, ты, борода! давай сюда букетовъ! слышишь ли? всю лавку давай! все что есть!

Луковицынъ.

Да, вы послѣдній изволили потихоньку унести!

Тряпка.

Да, въ томъ-то и бѣда! ошибся, братецъ, ошибся! не той кинулъ!

Милкова (смѣется).

Какъ не той?

Тряпка.

Не той! не той! бѣда такая, вообразите: Сила Ѳедорычъ, начальникъ мой, просилъ изъ дружбы, не то, чтобы подлость какая-нибудь, а такъ, онъ охотникъ до музыки... самъ поетъ прекрасно. Зачѣмъ же не угодить ему? говоритъ мнѣ, покажемъ себя, бросимъ букетиковъ? какъ же-съ, покажемъ-съ. — Ну, взялъ здѣсь букетъ....

Луковицынъ.

Не совсѣмъ-то правильно.

Тряпка.

Ну ужъ, молчи ты, борода! Взялъ букетъ-съ, и поѣхалъ въ театръ на Ванькѣ. Вхожу.... подняли занавѣсъ, кричатъ: браво! браво! трескъ такой: букеты летятъ! чортъ знаетъ, меня разобрало!... Я хватъ букетомъ! повѣрите ль: попалъ на сцену! право попалъ—ну, и обернулся къ Силѣ Ѳедоровичу.... да и улыбаюсь ему, этакъ.... видите ли, Сила Ѳедорычъ. Исполнилъ приказаніе. Чтó же вы думаете? сердится! изъ-себя выходитъ! Онъ же, всего въ трехъ ложахъ разстояніемъ, стоитъ-себѣ, да и сказалъ что-то такое, очень, очень грозно! слышалъ я только: *ракъ* ты Тряпка! Помилуйте, а какое *ракъ*, вотъ-такъ и поблѣднѣлъ, какъ полотно! чтó прикажете дѣлать? Сила Ѳедорычъ эту не любитъ, терпѣть, говорятъ, не можетъ. (*Особо*) Чѣмъ же я виноватъ? Этакъ пропасть совсѣмъ можно.

Милкова.

Какъ же вы теперь думаете?

Тряпка.

Да вотъ хотѣлъ бы какъ-нибудь поправиться. Куплю штукъ пятнадцать букетовъ! пятьдесятъ штукъ! ну, всю лавку! да и брошу разомъ другой.... настоящей.—Вотъ настоящей-то.

Луковицынъ.

Да ужъ, хотъ тресни, теперь букетовъ нѣтъ ни одного.

Тряпка.

Голубчикъ ты мой! почтенный негоціантъ! ну, пожалуйста, не откажи, вѣкъ не забуду!

Луковицынъ.

Да, ей-Богу нѣтъ-съ.

Тряпка.

Ну, пожалуйста. Ну, хотъ дрянныхъ, самыхъ этакихъ.... хотъ травки какой-нибудь, только чтобъ на букетъ было похоже.

Лындина. (слабымъ голосомъ).

Гдѣ... я?... что случилось?

Марья Андреевна.

Въ цвѣточной лавкѣ, маменька.

Влюбленный.

Сжальтесь надъ нами!...

Лындина.

Отойдите сударь! (нѣмая сцена).

Луковицынъ (Тряпкѣ).

Здѣсь ужъ никакъ не получите! а вотъ ступайте въ кіятерь-съ обратно. Говорятъ, что брошенные букеты можно иногда покупать у сторожей. Иной разъ одинъ букетъ раза три швыряютъ.

Тряпка.

Пробовалъ, братецъ, да не удалось. Я-было даже на сцену забрался, капельдинеръ меня только.... Этакъ, неучтиво даже выпроводилъ. Не велѣно пущать говорить.

Луковицынъ.

Ну, а мнѣ помочь не чѣмъ, *(Особо)* Пойду взглянуть, чай уже очнулась.

(Уходитъ въ глубину лавки).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

МИЛКОВА, ТРЯПКА и прежніе въ глубинѣ лавки.

Милкова.

По дѣломъ вамъ, Иванъ Ивановичъ! вотъ, повадись ходить въ эту италіанскую оперу... а къ намъ въ театръ перестали совсѣмъ.

Лындина *(вполголоса)*.

Что это? Тряпка съ кѣмъ это говоритъ...

Влюбленный *(также)*.

Съ актрисой, Марья Семеновна. Сжальтесь надъ нами! мы любимъ другъ друга!

Лындина.

Ахъ, отвяжитесь, пожалуйста! дай-ка послушать, что это за актрисы такія?

Милкова.

А позвольте спросить: чѣмъ же театръ нашъ не хорошъ? актеры и актрисы, кажется, хорошіе: Мартыновъ, Григорьевъ, Каратыгинъ...

Тряпка.

Да-съ, пріятные люди.

Милкова.

А вотъ, не-бось, про своихъ забыли.

Тряпка.

Помилуйте-съ.

Милкова.

А еще притворялись влюбленнымъ.

Тряпка (особо).

Что́ это она? отъ-роду не говорилъ. А! можетъ быть я ей понравился!

Лындина (дочери).

Вишь онъ смиренникъ какой!

Влюбленный.

Слышите-съ.

Милкова.

Я всякій разъ, какъ выйду на сцену, смотрю въ кресла: нѣтъ ли его? нѣтъ! видно, измѣнилъ.

Тряпка.

Некогда... все...

Милкова.

Всѣ вы, мужчины, такіе. Право, вамъ только повѣрь.

Тряпка.

Я не изъ такихъ-съ...

Милкова.

Ну, хорошо же, хорошо. Помиримтесь. Только послушайте-же: завтра у насъ будетъ полька...

Лындина.

Это что́ такое?

Влюбленный.

Это тоже актриса.

Милкова.

Вы придете для польки!

Тряпка.

Непремѣнно! я безъ ума отъ польки!

Влюбленный (*Лындиной*).

Слышите?

Лындина.

Ахъ, онъ гадкой человѣкъ!

Милкова.

Ну, такъ смотрите же. Приходите не съ пустыми руками. Мы увидимъ, кто вамъ нравится?

Тряпка.

Да, да, да! (*особо*) неужли и ей букетца захотѣлось? (*ей*) Принесемъ, сударыня.

Милкова.

Смотрите же (*протягиваетъ ему руку*) до свиданія...

Тряпка (*цѣлуя руку*).

Какая хорошенькая у васъ ручка! (*Милкова уходитъ*).

Лындина (*показываетъ лице изъ-за кустовъ*).

Хорошъ, батюшка! хорошъ! нечего сказать, разодолжилъ! вишь какой! съ актрисами, съ польками! ай-да дѣловой человѣкъ! секретарь, батюшка!...

Тряпка.

Марья Семеновна....

Лындина (*выходя*).

Молчите, сударь! стыдно вамъ: беззащитную вдову обманули кругомъ. А я, старая дура, вамъ повѣрила... не бывать Машенькѣ за вами!

Тряпка.

Да выслушайте....

Лындина.

Слышать не хочу! чтобъ нога ваша не была у меня въ домѣ!

Тряпка.

Да я объясню вамъ....

Лындина.

Еще объяснить хотите? вотъ только этого недовсѣла, чтобъ вы объясняли мнѣ ваши похождения съ польками! ваше мѣсто, сударь, въ Дѣтскомъ Театрѣ съ антиками, а не въ дворянскомъ домѣ. Я не столичная, слава Богу.

Тряпка.

Да я-съ....

Лындина.

Молчите!

Тряпка.

Да я вамъ....

Лындина.

Я вамъ говорю молчите.

Тряпка (кричатъ съ отчаяніемъ).

Помилуйте, да это ни на что не похоже! Этакъ съ людьми не поступаютъ; это нечестно, неблагородно! Вы дочь свою сосватали, вы не можете отказать, я буду жаловаться.

Лындина.

А какъ вы смѣете?

Тряпка.

Да она моя невеста! я ей женихъ! оно всѣмъ извѣстно. Ей послѣ этого партіи нельзя будетъ найти.

Лындина.

Такъ-то-съ! такъ вотъ же вамъ! Машенька, поди сюда... вотъ тебѣ мужъ! (*подводя ее къ Влюбленному*) открылъ мнѣ глаза добрый человекъ!

Марья Андреевна.

Ахъ, маменька!

Лындина.

Ахъ, Машенька!

Влюбленный.

Ахъ, Машенька! ахъ, маменька!

Марья Андреевна.

Маменька! (*обнимаются*).

Влюбленный.

Машенька! (*обнимаетъ обѣихъ*).

Тряпка.

Это что за анекдотъ?

Лындина.

Ну, не душите только, не душите.... благослови васъ Господи! Уфъ! какъ-то безъ Тряпки стало легче. Поѣдемъ домой, дѣти. (*Тряпкѣ*). А чтобъ вашей фигуры я никогда не видала. Да впрочемъ, вамъ съ полькой-то, я думаю объ насъ и вспомнить не придется. Стыдно, сударь! ну, въ добрый часъ поѣдемъ, дѣтушки.

Тряпка.

Что станешь дѣлать? Сила Федоровичъ гнѣвается, Марья Семеновна прогнала. Ни мѣста, ни невесты! вотъ тебѣ и букеты! (*хочетъ уйти*).

Сторожъ (входитъ).

А что, хозяинъ.... не дашь ли по гривенничку? вотъ съ кіятера букетцовъ принесъ, къ вечеру могутъ опять пригодиться.

Тряпка (отскакиваетъ въ бѣшенствѣ).

А? что? букеты? что за букеты? какія опять букеты? да кто ихъ выдумалъ, эти букеты? да какъ ихъ позволяютъ, эти букеты? что въ-самомъ-дѣлѣ! повадилась эта публика кидаться букетами въ людей! на что это похоже? А что бы она сказала, если бы въ нее самую стали кидать букеты? (беретъ корзину у сторожа) а? да что на это скажутъ? такъ вотъ же ей.... (хочетъ бросить — но останавливается). Нѣтъ страшно!... Достанется за это (капельмейстеру). Вы дирижируете оркестромъ.... такъ позвольте-съ (подаетъ букетъ). — Не стоитъ благодарности.

Тряпка (къ публикѣ).

Теперь бы слово молвить вамъ
Мы безъ свидѣтелей хотѣли:
Расходы вѣчные цвѣтамъ
Вамъ, вѣроятно, надоѣли?
По крайней мѣрѣ, господа,
Великодушно поступайте:
Въ награду нашего труда
Букетовъ нашихъ не бросайте.

ХОРЪ.

Цвѣтетъ здѣсь опера у насъ;
Но если оперы вамъ мало,
Не худо, право, чтобъ отъ васъ
И наша сцена процвѣтала.

Сторожъ (входя).

А что, хозяин?... не давай по транзитной?
Вот с катера буксиръ привелъ, къ вереву мо-
жетъ онъ прицепиться.

Траппа (омыкаясь).

А? что? буксиръ? что за буксиръ? какой онъ?
Легкий? да кто изъ выдумалъ, эти буксиръ? да какъ изъ-
позволяютъ, эти буксиръ? что изъ-позволятъ! по-
двигать въ пучину буксиръ? выдумали въ пучину!
А что это похоже? А что бы она свисала, если бы въ
нее самую сталь кидать буксиръ? (беретъ корзинку)
А? да что на это свисать? такъ вотъ (входитъ)
Же ей... (хочетъ войти) — но останавлива-
ется). Никто страшно!... Достанется за это (за-
глядываетъ). Вы думаете, что обречены... такъ
позволятъ-ся (входитъ). — Не стоить гла-
зодержать.

Траппа (входя).

Теперь бы слово молвить вамъ
Мы безъ свидѣтелей хотимъ
Расходы ваши выдать
Вамъ, впрочемъ, надобно
Но крайней мѣрѣ, господи,
Вспомогите: поспешите!
Въ нарядъ нашъ трудъ
Буксиръ нашъ не бросайте.
Хорошо.

Приветъ здѣсь опера у насъ;
Но если опера вамъ надо,
Не худо, право, чтобъ отъ васъ
И ваша сцена пропала.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

	Стр.
Симбирскій театръ.	3
Черты петербургской жизни 1847 года:	
I. Маскарадъ въ Большомъ театрѣ .	16
II. Гимнастика.—Маскарадъ Благороднаго Танцевальнаго Общества. — Художественный Базаръ	31
III. Музыкальныя утра Вьетана.—Нашествіе журналовъ	41
IV. Концерты, концерты и концерты .	49
V. Э. И. Губеръ	59
VI. Еще нѣсколько словъ объ Э. И. Губерѣ	66
VII. Весна. — Похвальное слово райку. — Невскія кареты. — Новости.—Невеселое заключеніе . .	78
VIII. Нѣчто о пѣтухѣ и, кстати, о критикѣ.—Духовъ день.—Послѣдній маскарадъ	88
IX. Община Сеетеръ Милосердія . .	95
X. Мой портретъ	101

III. ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

Мѣстники. Драма въ пяти дѣйствіяхъ	109
Ямщикъ или шалость гусарскаго офицера. Дра- матическая картина въ одномъ дѣйствіи	310
Бѣда отъ нѣжнаго сердца. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи	369
Букеты или петербургское цвѣтобѣсіе. Шут- ка въ одномъ дѣйствіи	424

Стр.

3

10

31

44

49

52

66

78

88

92

101

Bayerische

Staatsbibliothek

München

München

München

München

München

München

München

München

München

München

München

München

München

München

München

München

München

München

München

2

6-

Sollogub, Vladimir A.,

Sočinenija

Bd.: 3

S. Peterburg 1856

P.o.russ. 67 r-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610121-4